

ВЕСТНИК

2(55) 2016

АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с мая 2002 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12244 от 02.04.2002 г.

Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

М.А. Гареев, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, главный редактор;
С.П. Белоконь, доктор технических наук, профессор, заместитель главного редактора;
В.В. Воробьев, доктор экономических наук, профессор;
В.М. Глушенко, доктор экономических наук, доктор военных наук, профессор;
П.А. Дрогвоз, доктор экономических наук, профессор;
П.А. Дульнев, доктор военных наук, профессор;
И.М. Капитанец, специалист по Военно-Морскому Флоту;
А.Н. Карпов, доктор политических наук, профессор;
А.В. Копылов, доктор политических наук, профессор;
С.А. Модестов, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор;
А.А. Павловский, доктор военных наук, профессор;
А.И. Пожаров, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Прохожев, доктор экономических наук, профессор;
В.А. Рябошапко, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель главного редактора;
Г.Ю. Филимонов, доктор политических наук;
Д.Н. Филипповых, доктор исторических наук, профессор;
С.В. Чварков, доктор военных наук, профессор;
Н.Н. Швец, доктор экономических наук, доцент.

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Н.И. Турко, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (председатель);
В.П. Баранов, доктор исторических наук, профессор;
И.В. Бочарников, доктор политических наук;
С.Ф. Викулов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.О. Камбаров, доктор экономических наук;
В.И. Ковалев, кандидат технических наук;
В.Д. Косынкин, доктор технических наук, профессор;
В.Ю. Корчак, доктор экономических наук, профессор;
М.Ю. Куприков, доктор технических наук, профессор;
В.И. Куроедов, доктор политических наук, профессор;
В.Ф. Лата, доктор военных наук, профессор;
Е.К. Миннибаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
С.Л. Печуров, доктор военных наук, профессор;
В.В. Пименов, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Рахманов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Н.П. Ромашкина, кандидат политических наук, профессор;
В.В. Сухорученко, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.Я. Черныш, доктор военных наук, профессор;
И.А. Шеремет, доктор технических наук, профессор;
С.В. Ягольников, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Б.А. Якимович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Академии военных наук» обязательна.

Журнал предназначен для лиц старше 18 лет.

Подписано в печать 20.05.2016 г. Формат 60x90 1/8.
 Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 63. Цена договорная.
 Адрес редакции: 117330, г. Москва, Университетский пр., д. 14,
 тел. (499) 194-24-48, (499) 147-51-19, факс: (499) 143-67-38

© Вестник Академии военных наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННО-НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

Доклады

- Д.О. РОГОЗИН.** Формирование нового научно-технического задела – одно из важнейших направлений в противодействии военным и невоенным угрозам 4
- М.А. ГАРЕЕВ.** Итоги деятельности Академии военных наук за 2015 год и задачи академии на 2016 год 7
- В.В. ГЕРАСИМОВ.** Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны 19
- В.М. БУРЕНОК.** Направления и проблемы создания системы вооружения будущего 24
- И.А. ШЕРЕМЕТ.** Противодействие информационным и кибернетическим угрозам 29
- А.Б. КОБЯКОВ.** Пути совершенствования экономических основ обороны страны 34
- М.В. СМЫСЛОВ.** Духовные факторы обеспечения национальной безопасности России и возрождение идей защиты Отечества. 38
- Е.В. БУРДИНСКИЙ.** Пути совершенствования системы комплектования Вооруженных Сил и подготовки мобилизационных ресурсов. 42
- С.В. ЯГОЛЬНИКОВ.** Организация воздушно-космической обороны в современных условиях. . . . 47
- А.В. ГАЛКИН.** Формы боевого применения и организация управления интегрированными группировками Вооруженных сил на театре военных действий 51
- И.Н. ХМЕЛЬНОВ.** Особенности текущего периода строительства и развития Военно-Морского Флота 55
- А.С. КУЛИКОВ.** Проблемы обеспечения внутренней безопасности страны в современных условиях. 58
- С.С. СУЛАКШИН.** Общество и обороноспособность 62
- Н.Е. БУЗИН.** Пути укрепления военного сотрудничества Союзного государства России и Беларуси. 72
- П.С. ДЕЙНЕКИН.** Государство в воздухе – важнейшее выражение военной мощи государства. 77

Уважаемые читатели!

Подписка на электронную версию журнала –
на сайте www.avnrfr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление

А.Ф.АНДРЕЕВ. Научно-практическая конференция Академии военных наук: взгляд участника 81

ГЕОПОЛИТИКА И ОБОРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.А. БАРТОШ. Адаптивные стратегии информационной войны 85

С.В. ГОЛУБЧИКОВ, В.К. НОВИКОВ, М.В. ЖЕСТЕВ, В.И. КОЛЕСНИЧЕНКО.
Противоракетная оборона Японии, Южной Кореи, Австралии как составные элементы
глобальной противоракетной обороны 94

В.П. КОЗИН. К проблеме создания на Ближнем Востоке зоны, свободной
от оружия массового уничтожения: анализ развития и перспективы решения 103

М.В. ЛАЗАРЕВ, С.Н. ПЕРШУТКИН. Геополитические прогнозы и политическая
регионалистика: быть ли федеральным округам? 110

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Е.П. САВРУЦКАЯ, С.В. УСТИНКИН, А.В. НИКИТИН. Проблема мигрантов в зеркале
ценностных ориентаций учащейся молодежи 115

П.И. КУКОНКОВ, М.С. ЛУБЯНОЙ, С.В. УСТИНКИН. Конфликтогенная активность
учащейся молодежи и социальная безопасность региона 121

В.П. ВИШНЕВСКАЯ. Актуальные вопросы коммуникативной компетентности 128

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Д.В. ОРЕХОВ, Я.Н. ПАВЛОВА. Программа передачи технологий министерства обороны США 134

Н.Н. ШВЕЦ. Реализация стратегии импортозамещения в контексте обеспечения
энергетической безопасности России 139

В.Ю. КОРЧАК, Р.В. РЕУЛОВ, С.В. СТУКАЛИН, С.А. ГРИГОРЬЕВА. Научно-методические
основы военно-технической оценки научных и технологических достижений
организации Российской академии наук, высшей школы и предприятий промышленности 145

ВООРУЖЕНИЕ, ВОЕННАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Ф.А. УРАЗБАХТИН, О.П. КАРАВАЕВА. Исторические аспекты и перспективы развития
стратегических бомбардировщиков в вооруженных силах России 152

М.В. ФОМИН. Скоростные вертолеты: системный аспект применения 159

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВС РФ

П.Г. БРЮСОВ, И.Б. МАКСИМОВ, А.Ю. Власов. Военно-полевая хирургия России в современную эру
локальных войн 167

СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

М.Ю. ГОРБАТОВ. Накануне Великой Отечественной («Одиум без мобилизации»). Часть 2 173

CONTENTS

D.O. ROGOZIN. The formation of a new technological advance – one of the key priorities in countering military and non-military threats	4
M.A. GAREEV. The results of the academy of military sciences for 2015 and tasks of the academy in 2016	7
V.V. GERASIMOV. The russian federation defense organization in the conditions of the enemy application the traditional and “hybrid” methods of the war fighting	19
V.M. BURENOK. Trends and problems of creating weapons systems of the future	24
I.A. SHEREMET. Informational and cybernetic threats contradiction	29
A.S. KOBAKOV. The ways of improving of the economic bases of the country defense.	34
M.V. SMYSLOV. The spiritual factors of the russian national security provide and the reburning of the motherland protection ideas.	38
E.V. BURDINSKY. The ways of recruitment system improving of the armed forces and the mobilization resources preparation	42
S.V. YAGOLNIKOV. Organization aerospace defense in modern conditions	47
A.V. GALKIN. The forms of combat application and control organization by integral groups of the armed forces in the theatre of war	51
I.N. HMELNOV. The specificity of the current period of building and development of navy	55
A.S. KULIKOV. The problems of the internal security support of the country in modern conditions	58
S.S. SULAKSHIN. Society and defence	62
N.E. BUZIN. The ways of the military cooperation strengthening of russia and belorussia union state.	72
P.S. DEINEKIN. Air domination - the most important expression of the governmental military power.	77
A.F. ANDREEV. CONFERENCE Academy of Military Sciences: participants' views.	81
A.A. BARTOSH. Adaptive Strategies of Information warfare	85
S.V. GOLUBCHIKOV, V.K. NOVIKOV, M.V. ZHESTEV, V.I. KOLESNICHENKO. Ballistic missile defense of Japan, South Korea, Australia as components of global ballistic missile defense	94
V.P. KOZIN. The issue of creating of a zone-free from weapons of mass destruction in the middle east: analysis of development and perspectives for resolution	103
M.V. LAZAREV, S.N.PERSHUTKIN. Geopolitical forecasts and political regional studies: to be federal districts?	110
E.P. SAVRUTSKAYA, S.V. USTINKIN, A.V. NIKITIN. Problem of migrants in the mirror of students' value orientations of youth.	115
P.I. KUKONKOV, M.S. LUBIANOY, S.V. USTINKIN. The contentious activity of young students and social security in the region	121
V.P. VISHNEVSKAYA. The actualitu issues of communicative competence	128
D.V. OREKHOV, Y.N. PAVLOVA. US department of defence technology transfer program.	134
N.N. SHVETS. The implementation of the import substitution strategy in the context of ensuring energy security of Russia.	139
V.YU. KORCHAK, R.V. REULOV, S.V. STUKALIN, S.A. GRIGORYEV. Ascientifically-methodical bases of military-technical evaluation of scientific and technological achievements obtained by the russian academy of sciences, universities and industry.	145
F.A. URAZBAKHTIN, O.P. KARAVAEVA. Historical aspects and prospects of development of strategic bombers in the Russian armed forces.	152
M.V. FOMIN. High-speed helicopters: the system aspect in Application	159
P.G. BRYUSOV, I.B. MAKSIMOV, A.YU. VLASOV. Russian Military field surgery in the nowadays era of local wars	167
M.YU. GORBATOV. On the eve the great patriotic war («odium» lack of mobilization) Patch 2	173

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАДЕЛА –
ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ВОЕННЫМ И НЕВОЕННЫМ УГРОЗАМ**

**THE FORMATION OF A NEW TECHNOLOGICAL ADVANCE –
ONE OF THE KEY PRIORITIES IN COUNTERING MILITARY
AND NON-MILITARY THREATS**

В докладе дана оценка современного уровня вооружений МО РФ, места и роли Вооруженных Сил, оборонно-промышленного комплекса в придании нашей стране индустриального облика, выполнение задач по созданию современного оружия и обеспечении им наших войск. Подчеркивается важность военной науки в успешном решении задач укрепления обороноспособности страны, определяются направления ее развития, принимаемые меры по повышению качества и научно-технического совершенства систем, комплексов, образцов вооружения.

The report made an assessment of the level of armament of the defense Ministry, the place and role of the Armed Forces of the military-industrial complex in making our country an industrial appearance, performance of tasks on creation of modern weapons and providing them to our troops. Underlines the importance of military science in the successful solution of problems of strengthening of defensibility of the country, determines directions of its development, the measures to improve the quality and technical perfection of systems, complexes and samples of weapons.

Ключевые слова: вооружение, военная наука, угроза, направления системных работ, научный совет, внедрение.

Keywords: weapons, military science, danger, direction system works, the scientific council, introduction.

Начну свое выступление с констатации того, что, если Вооруженные Силы имеют ключевое значение в обеспечении национальной безопасности России, то оборонно-промышленный ком-

плекс играет ключевую роль в придании России облика индустриальной страны.

Если вспомнить, Советский Союз стал великой державой не потому, что торговал нефтью и газом в огромных масштабах, а именно потому, что стал индустриальной страной. Сегодня сложилась уникальная ситуация: некоторые наши недруги, создавая нам большие проблемы в экономике, помогли нам слезть с нефтяной иглы и начать использовать свои внутренние резервы. А главным резервом России является промышленность, основой элиты российской промышленности и науки является оборонно-промышленный комплекс.

Важным итогом его работы за последние четыре года является, как это было сказано на расширенной коллегии МО России, то, что сегодня перевооружение армии и флота идет ускоренно, несмотря на кризисные явления и санкции, которые, прежде всего, были обрушены на оборонную промышленность. И вместо того, чтобы выйти на указанный Президентом России индикатор в

30 % перевооружения армии и флота, нам удалось выйти на 47 % современных вооружений, которые уже поступают в войска.

Сегодня, конечно, в этой аудитории надо говорить не столько о технической стороне дела, сколько о военной науке, причем говорить об этом именно сегодня крайне важно, потому что мы с вами стоим на пороге формирования новой программы вооружения. Она начинается с 2018 года, она сдвинулась на два года в результате того, что практически невозможно было дать четкий экономический прогноз в развитии страны. С 2018 года эта программа будет запущена, она рассчитана на период до 2025 года, и мы исходим из того, что в рамках этой программы мы должны будем сделать серьезный рывок в плане развития науки, и прежде всего программы фундаментальных и конструкторских исследований в интересах Вооруженных Сил и, в целом, укрепления обороноспособности нашей страны.

Оружие, как мы видим, становится все более интеллектуальным, все больше применяются беспилотные системы разных видов базирования. Все чаще военнослужащие становятся операторами сложной системы вооружений. Задача, которая сегодня стоит перед учеными и оборонно-промышленным комплексом России, – сделать так, чтобы каждый военнослужащий наших Вооруженных Сил мог воевать за пятерых, а это можно сделать, только превратив нашего военнослужащего в оператора сложной системы интеллектуального ведения боя.

Именно поэтому требуется коренная реформа всей военно-технической науки, которая сегодня представляет собой более 150 различных институтов, различного ведомственного подчинения. Два года тому назад коллегия ВПК предложила сформировать институт генеральных конструкторов. Мы вместе с Министерством обороны долго анализировали те основные направления, по которым необходима столь сложная организация системных работ.

Выделили 21 направление, особенность этих направлений состоит в том, что вооружение и военная техника рассматривается как единый комплекс. Например, одно из таких направлений – самолетные комплексы и их вооружение или корабли дальней морской зоны и их вооружение. Почему я подчеркиваю «и их вооружение», потому что, если мы создаем отдельно вооружение и их носители, то часто в реальности это приводит

ло к тому, что мы производили, скажем, боевые корабли, которые были кораблями без вооружения. Вооружение приходило через год или два, и на головном корабле, а мы его фактически превращали в некий опытный корабль, проводили дополнительные испытания этих систем. Это совершенно неверная вещь, в войска должна приходиться техника полностью сформированная как единый комплекс.

Так вот, 21 такое направление было сформировано. По одному направлению мы приняли решение не выдвигать главного конструктора. Речь идет о создании технической основы Сухопутных войск. Это и понятно, Сухопутные войска предлагают огромное многообразие ВВТ: от боевой экипировки до тяжелых бронетанковых платформ, и найти одного энциклопедического человека сложно. Поэтому по данному направлению будет сформирован совет главных конструкторов, но по остальным направлениям мы определились. На заседании ВПК под руководством Президента России Владимира Владимировича Путина кандидатуры генеральных конструкторов были утверждены. Теперь мы приступаем к следующему этапу. Это этап – определение смысла существования всех институтов: академических, учебных, научных центров, базовых кафедр, научных школ, которые сформированы за долгие годы и десятилетия, и последние время, по непонятным для нас причинам, находятся в узковедомственном подчинении.

Какие-то институты работают в рамках Минобрнауки, какие-то в рамках Минпромторга, какие-то в рамках Министерства обороны, какие-то в рамках Минпромсвязи и т.д. Кто-то работает под эгидой Академии военных наук, кто-то в рамках ФАНО России. Почти все министерства сформировали научно-технические советы, которые, казалось бы, должны носить научно-отраслевой характер, но, по сути дела, они обслуживают интересы конкретных министерств и ведомств, потому что созданы на внутриотраслевой, внутриведомственной основе.

На сегодняшний момент Президентом России поддержано предложение коллегии ВПК о создании военно-технических советов по наиболее сложным вопросам. Таким образом, они будут сформированы исключительно на межведомственной основе, а во главе научно-технической работы будет сам генеральный конструктор систем: и он, и его коллектив главных конструкторов будет выступать в качестве основных заказ-

чиков наиболее важных исследований в рамках фундаментальной науки.

Главным критерием работы всех институтов, вне зависимости от их ведомственного подчинения, должны быть не публикации, а конкретные внедрения, изобретения, то есть любые НИР должны завершаться опытно-конструкторской работой, а опытно-конструкторская работа должна завершаться конкретным внедрением. Именно по количеству внедрений мы будем оценивать действенность всей этой работы. Это крайне важно для наведения порядка в этой области. Назову вам цифру: 174 института – 55 тыс. чел. Это огромная армия, даже две армии людей, которые до сих пор должным образом не были организованы, и генеральные конструкторы не представляли себе, каким огромным интеллектуальным потенциалом они могли бы пользоваться. На сегодня это вопрос решен, и в течение весны эта работа приобретет конкретные очертания.

Есть и вторая задача, которая должна быть решена в ближайшее время, мы должны формировать новый научно-технический задел, ибо пользоваться прежним, уже невозможно – он исчерпан. Низкий поклон нашим отцам и дедкам, которые в рамках советской военной науки создали настолько мощный пласт научной культуры, который мы использовали до сих пор. Какие это технологии: часть из них будет носить сугубо промышленный характер, например, так называемые цифровые или аддитивные технологии – без них невозможно создать 3D модель, например, для выработки сложного инженерного решения. Второе направление, о котором необходимо сказать, – это создание национального

программного продукта. Сегодня в Роскосмосе мы столкнулись с тем, что бортовые системы космических аппаратов у нас работают по 9 программам. Это совершенно не адаптированные друг к другу системы, необходимо было разрубить этот узел, и он сегодня разрублен, введен совет главных конструкторов по приборостроению. Тем не менее это не снимает задачи создания национального российского программного обеспечения, которое найдет применение в разных отраслях. Не только в оборонно-промышленном комплексе – это ракетно-космическая промышленность, это и наши банки, которые должны работать на независимом программном продукте, а не на американском, информация от которого утекает неизвестно куда. Третье направление, по которому необходимо развернуть работы немедленно, – это технологии двигателей. Четвертое направление – это новые материалы и т.д.

Без создания новых реальностей в технологии мы не сможем реализовать то, что будет создано коллективом генеральных конструкторов, поэтому мы приступаем к созданию института научных руководителей технологических направлений, которые по статусу своему будут ближе к статусу генеральных конструкторов.

Я надеюсь, что первый этап создания нового облика военной науки мы пройдем оперативно. Время не ждет, боевая операция в Сирии ясно дала понять важность этой проблематики. Только проведя реформу военной науки, мы сможем реализовать к 2018 году проект умной программы вооружения, которая позволит нам создать интеллектуальную армию, способную малой силой решать большие задачи.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК ЗА 2015 ГОД И ЗАДАЧИ АКАДЕМИИ НА 2016 ГОД

THE RESULTS OF THE ACADEMY OF MILITARY SCIENCES FOR 2015 AND TASKS OF THE ACADEMY IN 2016

Результаты работы научных отделений и в целом Академии военных наук в истекшем году. Основные выводы и предложения из проведенных исследований. Проблемы внутренней безопасности. Характер угроз и войн современной эпохи. Предложения по формированию основных принципов создания Воздушно-космических сил. Об единой системе управления обороной страны. Направления совершенствования методики обучения органов управления и войск.

The results of the work of the scientific divisions and in general of the Academy of military Sciences in the past year. Main conclusions and suggestions from research studies. Problems of internal security. The nature of the threat and the war of the modern era. Proposals for the formation of the basic principles of creation of aero-space forces. About unified defence of the country. Directions of perfection of methods of training of command bodies and troops

Ключевые слова: внутренние и внешние угрозы, оборона страны, война, характер вооруженной борьбы, система управления обороной страны, методика обучения органов управления, боевая подготовка, военное образование, научная работа, патриотическое воспитание.

Keywords: internal and external threats, national defense, war, nature of the armed struggle, control system of the country defense, the training techniques of management bodies, combat training, military education, scientific work, patriotic upbringing.

За истекший год Академия продолжала выполнять задачи, поставленные Указом Президента РФ № 173 от 20.02.1995 г. об учреждении АВН.

На сегодня организационно АВН состоит из 13 московских научных отделений и 21 региональных.

В настоящее время в АВН состоят 875 действительных членов, 456 членов-корреспондентов, 98 почетных членов и 2373 профессоров, из них

72% – генералы, адмиралы и офицеры в отставке и запасе, 28% – военные ученые, находящиеся на кадровой военной службе.

За истекший год по заданиям Совета безопасности, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, Министерства обороны и других силовых ведомств выполнен ряд научно-исследовательских работ, разработано и издано свыше 90 теоретических трудов и других научных работ. Члены академии принимали активное участие в парламентских слушаниях и научных конференциях у нас в стране и за рубежом по вопросам оборонной безопасности. В частности, совместно с Цилинским университетом КНР создан центр по совместному изучению истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

По результатам проведенных исследований в Генеральный штаб ВС РФ и в Совет безопасности РФ представлены обстоятельные доклады по оценке перспектив развития геополитической обстановки в мире, о системе знаний, о войне и обороне страны, о новом характере многовекторных угроз России и организации обороны страны с целью противодействия военным и невоенным угрозам, о путях совершенствования военно-научной работы в Вооруженных Силах (ВС) РФ.

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне не только историческое отделение под руководством Д.Н. Филипповых, но и другие отделения и члены академии активно участвовали в военно-исторической работе по противодействию фальсификации отечественной истории и в разработке 12-томной истории Великой Отечественной войны, в проведении других мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В первом отделении под руководством генерал-майора Ю.Я. Киршина занимались, в основном, общими вопросами войны и военной науки, некоторыми проблемами юридических и морально-психологических аспектов военной службы.

Во втором отделении под руководством генерал-майора С.А. Батюшкина главный упор был сделан на рассмотрение вооруженной борьбы в едином информационном пространстве и сетцентрических методов управления войсками. Ученые отделения участвовали в подготовке новых боевых уставов, в исследовании влияния оружия на новых физических принципах на тактические действия. Разработан проект Закона о военном образовании.

В третьем отделении под руководством генерал-лейтенанта В.И. Останкова подготовлены обоснованные предложения по качественному развитию СЯС и подготовке мобилизационных ресурсов.

В отделении национальной безопасности под руководством генерал-майора А.А. Прохожева основное внимание было уделено исследованию внутренних вызовов национальной безопасности РФ.

Активно и плодотворно работали военно-морское отделение под руководством адмирала флота И.М. Капитаица, а также отделение ВКО во главе с генерал-майором С.Я. Ягольниковым.

Большое значение мы придаем деятельности отделения во главе с генерал-майором И.А. Шереметом, которое развернуло исследования в области стратегического и технологического прогнозирования, информационной борьбы.

Набирают обороты в научной деятельности отделения Внутренних войск (ВВ) и по делам казачества. Под руководством генерал-полковника В.П. Баранова издан труд «Теория строительства ВВ МВД РФ», члены СКО продолжали работу по региональной программе развития Северного Кавказа. Отделение Василия Максимовича Глущенко выдвинуло ряд ценных идей по социаль-

ным аспектам развития городов и обеспечения их безопасности.

Особого внимания заслуживают исследования проблематики государственной и общественной безопасности учеными Санкт-Петербургского, Башкирского, Нижегородского, Белорусского, Амурского, Поволжского и других отделений.

В Сибирском отделении развернута работа по проблемам освоения Арктики.

В Рязанском отделении заслуживают внимания исследования и разработки по методике обучения и воспитания воинов с учетом нового характера боевых действий и в борьбе с международным терроризмом. Особенно много было сделано в связи с 100-летием со дня рождения К.М. Симонова.

Активно работали и другие отделения. Более подробно итоги работы АВН подведены по отделениям и секциям.

Несмотря на некоторые финансовые трудности, продолжается издание журнала «Вестник АВН», который пользуется большим спросом. В целом план работы академии на 2015 год в основном выполнен.

С созданием экспертного Совета при председателе ВПК, АВН более активно подключилась к научной и общественной поддержке ОПК, способствуя ее более тесному взаимодействию с Минобороны.

Как и прежде, наша научная работа проходила во взаимодействии с военными академиями, НИИ МО, других силовых ведомств и РАН. Члены АВН активно выступали в печати и других СМИ, ими опубликовано более 500 статей в различных газетах и журналах. Наиболее тесно сотрудничали с АВН «Красная Звезда», «Военная мысль» и «Военно-исторический журнал».

АВН взаимодействует с Клубом военачальников во главе с генералом армии А.С. Куликовым, ветеранскими организациями, которые возглавляют генералы армии М.А. Моисеев, В.Ф. Ермаков, ветеранской организацией СНГ, возглавляемой адмиралом флота А.И. Сорокиным, фондом «Наука XXI» Р. Тимошева, Ассоциацией «Мегапир» во главе с А.Н. Каныниным, экспертным советом по проблемам ВКО во главе с И.Р. Ашурбейли.

Среди почетных членов академии особо хотелось бы отметить активную творческую работу Маршала Советского Союза Д.Т. Язова, генералов армии Ю.Н. Якубова, В.Н. Лобова, К.А. Кочетова, В.М. Шуралева, В.М. Семенова,

В.И. Исакова, И.И. Ефремова, адмирала флота В.Н. Чернавина, маршала артиллерии В.М. Михалкина.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗ ПРОВЕДЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Разрешите перейти к главному разделу доклада – изложению основных мыслей, выводов и предложений, вытекающих из наших исследований.

Чем отличаются геополитические условия, в которых мы решали задачи обороны страны во время Великой Отечественной войны, и приходится решать в наше время?

В то время задачи решались, главным образом, вооруженным путем, хотя широко применялись дипломатическая, экономическая, информационная и другие невоенные формы международного противоборства. Сама война понималась, прежде всего, как продолжение политики средствами вооруженного насилия. В недавно принятом Законе об обороне (ст. 18) война и сегодня так трактуется. Но теперь, когда масштабы и технологические возможности невоенных средств значительно увеличились, возросли масштабы их применения, некоторыми философами и политологами все чаще ставится вопрос о том, что такое применение невоенных средств означает уже войну. Но тогда надо вводить другие законы о военном времени или изменять их толкование. В некоторых академиях стали делить все войны на традиционные, когда применяют вооруженное насилие, и нетрадиционные, когда применяются невоенные средства. Но на протяжении всей истории такой войны не было, когда бы совсем не применялись экономические, информационные и другие невоенные средства. В наши дни они применяются постоянно, и при таком понимании многие страны могут оказаться в состоянии войны друг с другом.

С учетом изменившихся условий определение сущности войны в какой-то степени необходимо, видимо, уточнить, но такие понятия и законы не может устанавливать каждая страна только для себя. Нам же нужно вместе с МИД, РАН вырабатывать обоснованные предложения по этому вопросу и выносить их на рассмотрение ООН.

Накануне Второй мировой войны нашей стране удалось нейтрализовать Японию, Турцию, разрушить намечавшийся союз Германии с Англией, Францией и США. Теперь Россия без других союзных республик, составлявших СССР, выступает на международной арене по су-

ществу одна (если не считать Белоруссию). Одни страны отошли, другие, как Украина или Прибалтийские страны, стали заведомо враждебными. Соответственно в несколько раз уменьшился состав ВС. Но, в основном, сохранился ядерный потенциал, что пока сдерживает агрессии против нашей страны.

Президент РФ В.В.Путин в Послании Федеральному собранию говорил, что «мир вступает в эпоху потрясений». Надо, сказал он, «чтобы мы отчетливо понимали: ближайшие годы будут решающими, а может быть даже переломными для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а, может быть, даже и потрясений». С учетом нового характера угроз принята новая стратегия национальной безопасности и новая военная доктрина РФ.

Сейчас настало такое время, когда стремление отдельных стран сохранить суверенитет объявляется вообще устаревшим.

Запад стремится, чтобы весь мир управлялся из одного центра. Дело дошло до того, что даже Франция, когда-то великое государство, теперь не смеет продать два корабля без разрешения США.

Экспансия готовится не только военно-политическая, но и экономическая. Одновременно упор сделан на разработку альтернативных энергетических ресурсов, чтобы лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти и поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала. Происходит также перемещение центра деловой жизни и приложения капиталов в Азиатско-Тихоокеанский регион, как следствие этого – перемещение военной силы США и НАТО в Центрально-Азиатский регион, затрагивая национальные интересы и безопасность России в постсоветском пространстве.

Угроза для России связана с информационными и другими подрывными действиями, созданием управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений, свержения неугодных властных структур изнутри и нарушения внутренней устойчивости государства, как это было сделано в Ираке, Ливии и на Украине, а в последнее время – в Сирии.

Как противостоять так называемым «невоенным угрозам» – «мягкой силе» и в целом гибридным войнам?

В наше время основным фактором, сдерживающим новые крупномасштабные войны, является ядерное оружие. Поэтому главная ставка

заправилами современного западного мира делается на достижение политических целей двумя путями: во-первых, подрывными действиями, цветными революциями внутри противостоящих стран, крупномасштабными информационными акциями; во-вторых, когда требуется применение военной силы, достигать стратегических целей частям — путем развязывания локальных войн и конфликтов, как это было сделано против Югославии, Ирака, Южной Осетии, Афганистана и как пытаются сделать это сейчас в Сирии и Иране. Ближний Восток издавна считается кухней мировой политики.

Для того, чтобы гарантировать безопасность страны от таких угроз, Россия должна быть сильной и мощной и, прежде всего, в экономическом и технологическом отношениях. Но именно в этой области больше всего проблем.

Как докладывал на одном из предыдущих собраний нашей академии академик Д. Львов, в стоимости российского ВВП 82% составляет природная рента, 12% — амортизация промышленных предприятий, созданных еще в советское время, и только 6% — непосредственно производительный труд. Следовательно, 94% нашего дохода образуется за счет проедания прежнего наследия и природных ресурсов. В печати сообщается, что ежегодно 70–80 млрд. долларов уходит за рубеж. Но такая экономика не может обеспечить осуществление перспективных национальных интересов РФ. Она порождает тенденцию регионализации и распада страны. Следовательно, рано или поздно надо коренным образом менять экономический курс страны, отказываться от сырьевого уклона. Без этого ни в одной отрасли деятельности никакие реформы невозможно осуществить и, прежде всего, невозможно обеспечить в перспективе национальную безопасность России и ее надежную оборону.

Если мы не станем примером современного развития, мы не будем востребованы и нашими соседями, и, прежде всего, среди стран СНГ. Но это тоже непростая задача — за рубежом и в нашем Отечестве есть силы, которые будут отчаянно противодействовать интеграции, стремиться оторвать от этого процесса наши соседние страны, что особенно наглядно проявилось на Украине.

В этих условиях совершенно по-новому встают проблемы внутренней безопасности. Как показали трагические события в станице Кущевской, на Урале и в других районах, местная власть

и правоохранительные органы в ряде случаев находятся в большой зависимости от криминальных элементов.

В Стратегии национальной безопасности это отнесено к государственной и общественной безопасности. На нее нужно взглянуть в более широком плане, как на внутреннюю прочность, устойчивость государства. Поднимать также роль и ответственность губернаторов и других органов местной власти.

Главная и самая срочная задача государства и общества в новых условиях — обеспечить единство и сплоченность народов России и пресечение экстремизма и сепаратизма. Уже говорилось о необходимости создания не комиссии, а полноценного министерства по делам национальностей, в котором должны состоять не чиновники, а мудрейшие и образованные люди, знающие проблемы не по книжкам, а из глубинных истоков жизни.

Экстремизм нужно пресекать не только на улицах, а, прежде всего, у его истоков и находить тех, кто платит и провоцирует его, в том числе и в СМИ, где раздаются провокационные открытые призывы к ликвидации национальных автономий и к созданию унитарных губерний, чего не было даже при царском режиме. Дружба народов, сплочение их во главе с великим русским народом во имя защиты Отечества явились важнейшим фактором, обеспечившим нашу победу в Великой Отечественной войне. И надо бы сохранить это наследие. Мы еще раз настаиваем на том, что Россия как многонациональное государство может сохранить свою устойчивость и целостность только в том случае, если она будет строиться и развиваться на основе последовательного проведения в жизнь принципов федерализма.

Для России важнейшим условием обеспечения надежной национальной безопасности страны является единство армии и народа. Без всенародной поддержки идей защиты Отечества никаких боеспособных Вооруженных Сил создать невозможно. В условиях, когда правозащитники и другие грантоносцы ниспровергают идеи защиты Отечества, открыто публикуют инструкции, как нужно уклоняться от военной службы, они подрывают основы оборонного сознания народа. И за эти антигосударственные деяния должна быть установлена более строгая ответственность.

В конце прошлого года Правительством издана государственная программа «Патриотическое

воспитание граждан РФ на 2016-2020 г.». Конечно, Постановление Правительства положено безоговорочно исполнять. Но мы, ветераны, как люди старшего возраста, не можем не обратить внимание на практику составления таких официальных документов. Соисполнителями названы 23 различных министерств и ведомств, в том числе и Министерство обороны. Функции координатора по реализации программы возложены на Федеральное агентство по делам молодежи. То есть по этой программе молодежь сама себя должна воспитывать, да еще поглядывать «за старшими». В программе в числе ответственных за патриотическое воспитание населения упомянут Фонд поддержки российского флота, но не поставлены задачи ветеранским организациям, в том числе Комитету ветеранов войны. Задачи по патриотическому воспитанию никак не увязаны с тематикой Великой Отечественной войны, хотя в деле патриотического воспитания личного состава большое значение имеет героическое прошлое России. А наши либералы требуют от нашего народа какого-то покаяния за то, что мы сделали во время войны.

Автор фильма «Последний миф» В. Синельников пишет, что за бездарное ведение войны должны отвечать не только руководители страны, но и весь народ, которому надо покаяться перед всем миром. «Для меня, — пишет он, — нет ничего важнее проблемы покаяния советского народа».

В.В. Путин назвал ветеранов войны совестью нации, но в комиссии Н. Нарышкина по противодействию фальсификации истории войны не было ни одного участника войны. Нет их и в Общественном совете при Президенте РФ. Теперь создали Российское военно-историческое общество, где нет ни одного ветерана. Раньше при создании фильмов о войне назначали военных консультантов. Сейчас к этому их не допускают.

Кинодеятели обычно говорят: «Разве не было у вас на войне случаев неудачных действий, поражений?» Всякое бывало. Но если бы война состояла только из этих неудач, и не было бы подвигов, случаев самоотверженности, героизма, мы бы никак не пришли в Берлин. Но то, что привело нас к победе, не хотят показывать.

ХАРАКТЕР УГРОЗ И ВОЙН СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В соответствии с многовекторным и многообразным характером угроз возникает и возможность различных войн, вооруженных кон-

фликтов, которые могут быть навязаны России. Отсюда возникает необходимость для Армии и Флота быть в первоочередной готовности к выполнению боевых задач в локальных войнах, вооруженных конфликтах, антитеррористических операциях при мобилизационной готовности к региональным и крупномасштабным войнам. Это объясняется тем, что войны между крупными странами или несколькими небольшими странами, особенно, когда они поддерживаются извне другими государствами, имеют тенденцию к расширению. Кроме того, не исключена возможность экспансии против нашей страны со стороны государств регионального масштаба. Вообще нет полной гарантии того, что войны за обладание основными ресурсами планеты удастся ограничить определенными рамками.

Однако в некоторых наших высших кругах, среди экспертов либерального толка считается хорошим тоном говорить о том, что России могут угрожать только локальные войны и террористические действия.

Да, террористические действия представляют большую опасность. Главный их источник — это крайняя бедность и несправедливость многих народов, подпитанных экстремистскими воззрениями, которых толкают на свержение существующей власти в неугодных странах, как, например, в Ираке или Сирии. Они захватывают нефтеносные районы и создают плацдармы для агрессии против других стран и в первую очередь против России. Некоторые террористические группировки, вроде Аль-Кайды и ИГ, повоевали уже за американцев и против них. Одновременно с засылкой беженцев и заодно террористов оказывается соответствующее давление на европейские страны. При этом наращивают усилия НАТО на восточных ее границах, предпринимают агрессивные действия на Украине, в Молдавии и других странах.

При этом руководители США прямо подчеркивают, что главный враг у них — Россия. Оказывается соответствующее давление на страны Центральной Азии и Дальнего Востока. Как я уже говорил, накануне Второй мировой войны нашей стране удалось все же нейтрализовать Японию, Турцию, разрушить намечавшийся союз Германии с Англией, Францией и США. Теперь Россия без других союзных республик, составлявших СССР, выступает на международной арене по существу одна (если не считать Белоруссию). Но уже десять лет США готовят

внезапный массированный удар высокоточным оружием по нашим СЯС, чтобы ликвидировать и этот важнейший фактор стратегического сдерживания. И важнейшая наша задача в области обороны страны – не допустить этого.

Да и другие оборонные задачи слишком упрощать не следует. Этот вопрос в последнее время истолковывается таким образом, что никаких массовых сражений и тем более с применением большого количества танков больше никогда не будет, будут, в основном, боевые столкновения в воздухе и космосе в течение нескольких суток, и на этом все закончится.

Считается, что военные действия будут носить высокоманевренный характер. Никаких сплошных линий фронта не будет, прорывом обороны, централизованным огневым поражением не придется заниматься. Теряет свое былое значение оборона, и действовать придется, в основном, наступательно. Все цели и объекты противника будут уничтожаться немедленно по мере их обнаружения еще на дальних подступах, и боевые столкновения будут носить бесконтактный характер. Управление войсками будет осуществляться по сетцентрической системе, решения для командиров в нескольких вариантах будут вырабатываться компьютерами, они же будут мгновенно доводить задачи до подчиненных.

Но и Первая, и Вторая мировые войны начались с высокоманевренных действий, но затем стремление обеспечить фланги и тылы приводили к определенной (может быть, в будущем более кратковременной) стабилизации фронта. Тогда приходилось и прорывать оборону, и не только наступать, но и обороняться, а порою и отступать. Уничтожать сразу по мере выявления все цели и объекты противника тоже невозможно – просто на это не хватит боеприпасов, и тем более очень дорогих для высокоточного оружия. Или, скажем, зачем каждому солдату видеть ту же обстановку, что и командарму? Возникает много и других подобных вопросов, на которые нет и, видимо, не будет вразумительного ответа.

Да и что такое – локальная война? По американским взглядам, война в Корее начала 50-х годов относится к «конфликтам средней интенсивности», а там с обеих сторон принимало участие около 2,5 млн. человек. Для оккупации Ирака или Афганистана были привлечены войска нескольких десятков стран. Согласно теории войн шестого поколения считалось, что в первую очередь необходимо уничтожить административ-

ные, промышленные центры, а не сухопутные группировки. Предполагалось, что они сами сдадутся.

Если это передовая, ультрасовременная теория, то почему же мы в 2008 г. не стали действовать подобным образом: разрушать города, важнейшие объекты инфраструктуры, аэродромы Грузии и вынудить режим Саакашвили капитулировать, не задействуя наши сухопутные войска? Прежде всего потому, что агрессия Грузии была подготовлена под эгидой США, и, в случае более широких наших действий, мы могли столкнуться с США и другими странами НАТО. С этим мы столкнулись на Украине.

Автоматизированные системы управления, робототехника, беспилотные разведывательные и ударные средства, оружие на новых физических принципах внесет много новых изменений в характер военных действий. И Академия военных наук призвана основательно исследовать все эти новые явления в военной науке и в военном искусстве. Но при этом нельзя отрываться от реальной действительности и объективно, предметно и конкретно подходить к изучению новых явлений.

Скажем, например, почему не будет больше танковых сражений? На чем основаны такие суждения? Сейчас на вооружении армий США, КНР, Индии, НАТО, России и других стран десятки тысяч танков и БМП. Куда они денутся с началом войны, оставят их на складах, чтобы не портить новый облик войны или будут утилизировать? Сама объективная обстановка вынудит использовать все виды вооружения, в том числе и танки, для решения возникающих боевых задач. В зоне Персидского залива в 1991 г. воюющие стороны имели свыше 10 тыс. танков. Это больше, чем было в Берлинской операции в 1945 г., где с обеих сторон было 6300 танков.

Да и борьба с террористами ведется не только мелкими группами. Они могут захватывать целые страны, устанавливать там свою власть, как это произошло в Афганистане. И войсковые, и специальные подразделения, частные военные формирования более 50 стран НАТО участвовали в оккупации этой страны. А война еще не закончилась...

Военная угроза состоит также в ускоренном качественном развитии основных видов вооружения в ведущих странах мира, прежде всего информационных, беспилотных средств, робототехники, преобразующих всю систему боево-

го применения оружия и военного управления. Широкое применение спецподразделений, террористических и так называемых частных военных формирований, миротворческих сил, манипулирование и насильственное вовлечение в зоны конфликтов населения создает сложную, запутанную обстановку в зоне вооруженных конфликтов, где необходимо учитывать и решать не только оперативно-тактические, но многие социально-политические, а иногда военно-дипломатические вопросы. Совершенно по-другому встают вопросы охраны коммуникаций. По опыту Афганистана мы, например, знаем, что в некоторые периоды для этих целей приходилось выделять до 60-70% сил и средств воюющих дивизий.

В наше время уже невозможно, как это было иногда во время Великой Отечественной войны, выделять для охраны штабов, тыловых органов боевые подразделения. Поэтому мы говорим, что все тыловики, техники, медики, юристы и др. должны быть военными. Они, кроме выполнения своих специфических обязанностей, должны быть способны организовывать охрану, умело размещать и перемещать подчиненные подразделения и органы на поле боя. Вообще с навязанной нам тенденцией ограждения военной службы следовало бы более основательно разобраться.

Мы согласны с основными принципами создания Воздушно-космических сил (ВКО). При современном характере вооруженной борьбы центр ее тяжести и основные усилия переносятся в воздушно-космическое пространство. Ведущие государства мира главную ставку делают на завоевание господства в воздухе и космосе путем проведения в самом начале войны массированных воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей глубине страны.

Это требует решения задач ВКО не только глубоко оборонительными средствами ПВО, ПРО, а объединенными усилиями всех видов ВС с решительным применением активных способов действий, ударных средств при централизации управления в масштабе Вооруженных Сил под руководством ВГК и Генштаба ВС РФ. Во время Великой Отечественной войны 89% самолетов противника были уничтожены ИА и в результате ударов по аэродромам.

Обычно ссылаются на опыт вьетнамской войны, где большая часть самолетов противника была уничтожена зенитными ракетами. Но у

вьетнамцев не было сопоставимого количества ударной и истребительной авиации. Кроме ЗРВ, больше некому и нечем было сбивать самолеты. А главное – в ВКО единая система разведки, обнаружения и наведения на цели.

В целом Академия военных наук выражает свое согласие с основными мерами по дальнейшему реформированию и строительству Вооруженных Сил, в том числе с пересмотром некоторых ранее принятых решений в системе управления видами Вооруженных Сил, военного образования, научной и мобилизационной работе. Весьма актуальной является и постепенное возвращение к дивизионной системе, и в ряде других вопросов. В частности, желательно не только восстановить, но и поднять роль и ответственность военных коммисариатов.

Нам представляется вполне назревшим вопрос о восстановлении Московского военного округа. Было бы вполне резонным использовать в определенной мере опыт Белоруссии в организации территориальной обороны.

Кое-что придется повторить из того, что мы говорили в прошлом году, поскольку наши предложения пока не реализованы. В частности, желательно пересмотреть название органов по работе с личным составом, поскольку с личным составом должны работать все командиры, офицеры штабов и начальники родов войск и служб. Предлагалось также пересмотреть систему проведения государственно-правовой подготовки, а именно – установить, чтобы не реже одного раза в месяц по наиболее жизненным вопросам выступали перед личным составом не только командиры взводов и рот, но и старшее звено офицеров от командования батальона и выше. В условиях, когда наше ТВ и другие СМИ занимают по оборонным вопросам далеко не государственную позицию, необходимость этого шага давно назрела.

О ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОНОЙ СТРАНЫ.

Президент РФ В.В. Путин внес на рассмотрение в Госдуму проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» и некоторые законодательные акты Российской Федерации», в котором предусматривается внести изменения в федеральные законы «Об обороне», «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ». Закон «Об обороне» дополняется ст.21, согласно которой в целях

планирования и осуществления мероприятий в области обороны разрабатывается План обороны страны, включающий в себя комплекс взаимосвязанных документов по планированию оборонных мероприятий. В ст.22 закона «Об обороне» содержится определение понятия «территориальная оборона», где определяются не только мероприятия федерального, но и регионального уровня в период действия военного положения и чрезвычайного положения. Согласно проекту закона, предусматривается отнести к полномочиям президента РФ утверждение Положения о Генеральном штабе Вооруженных Сил России. Это означает крупный шаг вперед в совершенствовании стратегического планирования оборонных мероприятий. В этом плане очень важно обеспечить согласованность стратегических действий ВС с задачами и действиями других силовых ведомств, мобилизационного плана и плана перевода народного хозяйства на военное положение.

С учетом вновь возникших современных угроз целесообразно также планировать и осуществлять согласованные действия в области политико-дипломатической, экономической, информационной, технологической, психологической и других сферах по противодействию этим угрозам и задействованию соответствующих средств для воздействия на противостоящую сторону.

Все эти акции и мероприятия, проводимые по линии МИД, внешнеэкономических связей, разведывательных и контрразведывательных органов Минобороны, МВД, ФСБ, погранслужбы, должны осуществляться под руководством Совета безопасности и Правительства, исходя из общего стратегического плана при ведущей роли Генштаба ВС РФ.

Для повседневной координации решения оборонных вопросов было бы целесообразно, наряду с повышением роли Генштаба в этом плане, наделить министра обороны правами заместителя Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ не только на военное, но и в мирное время.

Как уже неоднократно предлагалось, целесообразно иметь и отдельное министерство оборонной промышленности, но без прежних хозяйственных функций, с главной задачей координировать деятельность оборонных промышленных предприятий, инициировать инновационные технологии, организовывать подготовку необходимых для оборонной промышленности инженерно-технических кадров.

Большие надежды возлагаются на Фонд перспективных исследований, который, будучи связанным с РАН и научно-исследовательскими и конструкторскими учреждениями Минобороны и ОПК, занимался бы перспективными инновационными технологиями.

При сравнительной слабости нашего экономического потенциала главный упор желательно сделать на асимметричные средства и способы действий. Известно, например, что у современных ведущих государств связь, навигация, разведка и все управление стратегическими ядерными силами, ПРО, высокоточным обычным оружием осуществляется через космос. Обрушение всей этой системы радиоэлектронными и другими асимметричными средствами может во многом снизить это преимущество противостоящей стороны. Во время войны в Ираке даже простейшие обогреватели, осуществляющие электромагнитные излучения, вынуждали ракеты отклоняться от цели.

Надо, конечно, стремиться, но постоянно создавать лучшие в мире образцы по всем видам оружия мы, пожалуй, никогда не сможем. На каком-то этапе по некоторым видам оружия, возможно, придется и уступать. Но дело не только в самом оружии. Не менее важно разрабатывать тактику его эффективного применения, когда боевые свойства различных видов оружия дополняют друг друга и в какой-то мере нейтрализуют его слабые места.

Мы десятилетиями исходили из положения Энгельса о том, что развитие оружия и техники определяет развитие военного искусства. В принципе это положение остается в силе. Но теперь, когда оружие все больше дорожает, ограничиваться только одной стороной этого дела нельзя. В наше время сама военная наука призвана более предметно и целеустремленно определять основные направления развития вооружений, разрабатывать более конкретные оперативно-стратегические и тактические требования (описание оружия и техники будущего). Влияние этой стороны дела должно возрасти.

При этом в нашей политике и стратегии мы должны быть максимально осторожными и в конфликты без особой надобности не ввязываться. Но когда требуется, и нет другого выхода, придется идти на такие рискованные акции, как на Кубе в 1962 г. Ведь США установили свои ракеты в Турции, в непосредственной близости от нашей территории. Они не скрывали своего намерения вторжения на Кубу. В свое время

надо было помогать и Афганистану. Но вступать туда сразу более крупными силами. Необходимо было защищать и Сирию. Иначе террористы захватили бы там власть. Наши доблестные авиаторы и моряки достойно там выполняют свои задачи. Некоторые члены нашей академии тоже выезжали туда. Но при всех обстоятельствах, лучше всего решать такие задачи так, как они были решены в Крыму, умело сочетая невоенные и военные средства. Крым по существу в наиболее наглядном виде положил начало новому этапу в практическом решении задач национальной безопасности, с умелым сочетанием мирных и военных средств.

Экономическая, политико-дипломатическая, информационная борьба и другие способы противоборства (в том числе военные) должны проводиться в тесном взаимодействии друг с другом. В информационной борьбе, например, одни средства противника могут временно подавляться радиоэлектронными средствами, а какие-то уничтожаться ракетами, бомбами, как телевизионный центр Китая в Югославии. Экономические и дипломатические акции должны создавать выгодные условия для своей стороны, затруднять действия противника.

Если бы перед вступлением советских войск в Восточную Пруссию предупредили хотя бы старшее звено командиров о том, что в будущем это будет наша территория, мы не видели бы там таких надписей, как «почище Смоленщины обрабатываем». Да и командующие, и командиры на полях сражений должны учитывать экономические, дипломатические интересы. В Сандомирско-Силезской операции командующий 1-м Украинским фронтом Маршал И.С. Конев решил окружить и уничтожить немецкую группировку в Силезии. Но Ставка его поправила, потребовав оставить узкую полосу для выхода противника из Силезии без затяжных боев, чтобы было меньше разрушений в этом промышленном районе.

В наше время все это должно закладываться в единый замысел предстоящих взаимоувязанных стратегических, политико-дипломатических, экономических, информационных и других видов противоборства сторон.

О МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И ВОЙСК (СИЛ ФЛОТА)

Вы знаете, что подготовка Вооруженных Сил имеет две стороны. Первая – это правильно пред-

видеть характер вооруженной борьбы и на основе этого определить: чему учить органы управления и войска (силы флота). Вторая сторона – как учить, какой должна быть методика оперативной и боевой подготовки, чтобы достигнуть цели обучения.

В прошлом году на военно-научной конференции мы разбирали, главным образом, первую часть этой проблемы – чему учить Вооруженные Силы, исходя из того, что диктовала война.

В этом году, желательнее, глубже затронуть и вторую сторону проблемы – как учить и готовить органы управления, войска, как повышать эффективность боевой и оперативной подготовки.

И.В. Сталин в конце войны говорил, что «самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне – это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию и это важнее многих других приобретений». Мы одержали всемирно-историческую победу, спасли все человечество от угрозы фашистского порабощения, изменили всю геополитическую обстановку в мире – но это еще не самое главное. Самое важное – что мы приобрели новый офицерский состав и современную армию.

К концу войны советские Вооруженные Силы обладали такой несокрушимой мощью, таким военным профессионализмом, были настолько слаженным во всех отношениях организмом, что никто им противостоять в Европе уже не мог. В связи с этим возникает один из самых глубоких и сокровенных вопросов военной истории. Чем же наша армия 1941 г., терпевшая тяжелые неудачи в начале войны, отличалась от армии 1945 г., уверенно и блистательно завершавшей войну?

Что же превратило ее в армию 1945 г.? Коренные качественные изменения произошли, прежде всего, внутри ее. Война встряхнула всех людей, все общество и военных и гражданских, вынудила совсем другими глазами взглянуть на судьбу страны и свои задачи по защите Отечества.

Она вынудила всех, начиная от Верховного Главнокомандующего и кончая солдатом, стряхнуть с себя благодущие, другие привычки и наросты мирного времени, мобилизовать до предела все свои возможности, оттачивать свое управленческое и боевое мастерство. Боевая обстановка не прощала формализма и ошибок и сурово наказывала за любые упущения в разведке, огневом поражении, обеспечении войск всем необходимым. Отодвигала в сторону все надуманное, нежизнен-

ное, все артикулы. В частности, со всей наглядностью выявилось, что в определенной мере нужны и контроль, и догляд сверху, но не может быть никакого эффективного управления без доверия к людям. Война вынудила ограничить существовавший «беспредел» и в этой области.

Непрерывные и напряженные боевые действия обогащали боевым опытом, закаляли военные кадры, делали их более стойкими, мудрыми и уверенными в своих силах, вынуждали овладеть еще непостижимыми в 1941 г. секретами военного искусства. Видимо, и в начале войны не было командира, который бы теоретически не знал о необходимости сосредоточения основных усилий на решающих направлениях, необходимости ведения непрерывной разведки и надежного огневого поражения противника. Но потребовались немалые жертвы и усилия, прошло немало времени пока большинство командиров овладели искусством практического осуществления этих канонов военной науки. Со всей беспощадностью война показала, какая дистанция огромного размера между знанием теории и практическим овладением военным искусством. Достаточно напомнить и о том, что глубинная суть стратегической обороны была не уяснена и на самом «верху» не только в 1941г., но и в 1942 г. Только в 1943 г., при подготовке к Курской битве, ею удалось до конца овладеть. Немало было и других таких проблем, с которыми пришлось столкнуться и постигать во время войны.

В мирное время 3-4-суточное учение считается большим событием и, конечно, многое дает для боевой выучки и боевого слаживания соединений и частей. А здесь 4 года (1418 суток) непрерывной учебы не просто в условиях, «приближенных» к боевым, а действительно в боевых условиях. Командиры, штабы и войска не только получали боевую практику. Они на протяжении всей войны и в перерыве между боями занимались напряженной боевой подготовкой. Перед каждым боем и операцией многократно тренировались в выполнении боевых задач, воссоздавая соответствующую оборону противника, и на местности, схожей с той, на которой предстояло действовать.

Во время войны все было отлажено и доведено до совершенства. Приведу маленький пример. Кто был на учениях, не мог не заметить, например, сколько бывает суеты и беготни, чтобы переместить на новое место командный или передовой командный пункт. Во второй половине

войны командир дивизии, иногда не говоря ни слова, показывал начальнику оперативного отделения место, куда переместить пункт управления. И уже без особых указаний заранее назначенные для этого оператор, разведчик, связист, сапер знали, на какой машине, куда ехать, что взять с собой и как все подготовить на новом месте. И такая слаженность в действиях была во всех делах и во всех звеньях от Ставки до подразделения. Все действия, функциональные обязанности каждого воина, каждого должностного лица были отработаны до автоматизма. Это обеспечивало высокую организованность, взаимопонимание и слаженность управления.

Разумеется, в мирное время невозможно постоянно с таким напряжением заниматься боевой выучкой, как во время войны. Вместе с тем, не получая длительное время боевой практики, любая армия постепенно «закисает», механизмы ее функционирования начинают ржаветь.

В отличие от мирного времени каждый день жили на войне и делали, что нужно на войне. А через 10 лет после войны я проводил учение со всеми разведорганами и подразделениями дивизии. Все цели противника имитировались. В результате разведорганами и их подразделениями за трое суток ведения непрерывной разведки реально было разведано всего 10% целей. Тогда присутствующий на учении начальник штаба Белорусского военного округа приказал Минскому военкому призвать артиллерийских и бывших разведчиков из запаса (казалось бы, 10 лет прошло, они потеряли часть своих практических навыков), но они разведали за это же время до 30- 50% целей противника. В этом весь секрет того, как занимались ведением разведки в мирное и военное время. В этом отношении можно брать пример с наших артиллеристов. У них артстрелковые тренировки были законом и проводились в любой обстановке. Это передавалось потом египетским, сирийским и афганским артиллеристам, где были наши советники. Бывало, во время короткого затишья они занимались артстрелковой тренировкой. Есть такие главные вопросы подготовки разведчиков, операторов, других специалистов, которые при любой обстановке в обязательном порядке проводиться должны.

Противоборствующие стороны перенимали опыт друг у друга. Например, в нашей армии была выработана более совершенная система огневого поражения, осуществляемая в виде артиллерий-

ского и авиационного наступления. В немецких дивизиях было примерно в 1,5 раза больше артиллерии, чем в наших дивизиях. Но наличие у нас мощного резерва артиллерии ВГК и маневр его на решающие участки фронта привели к тому, что у нас постоянно участвовало в активных боевых действиях до 55- 60% артиллерии, в то время, как в германских войсках — только около 40 % всей артиллерии.

Понесшие большие потери дивизии германское командование обычно расформировывало и формировало новые, что затрудняло их сколачивание. У нас нередко сохранялись и вели боевые действия дивизии численностью 3-5 тыс. человек. Поэтому соответствующих соединений и объединений у нас было больше, чем у немцев. Но при сохранении костяка имеющего боевой опыт офицерского состава в дивизионном — полковом, а во второй половине войны и в батальонном звеньях, легче было доукомплектовывать эти дивизии и включать пополнение в боевой строй.

Опыт Великой Отечественной войны, локальных войн, в которых участвовало старшее поколение ветеранов, нужно изучать и осваивать сугубо критически, творчески, с учетом современных условий, объективно вскрывая ошибки прошлого. Без этого невозможно извлечь должных уроков из опыта прошлых войн, необходимых для армии сегодня и завтра.

Армию и флот, которые мы готовили и оснащали все предвоенные годы, мы по существу потеряли уже в начале войны. Вооруженные Силы, с которыми мы пришли в Берлин и Порт-Артур, мы по существу за два года заново создали, оснастили и подготовили. Надо бы еще раз задуматься, как мы все это сделали и достигли? Как вообще за 2-3 года уже в ходе войны можно, оказывается, совершить то, что не удалось за 20 лет. Ведь уже финская война 1939-1940 гг. показала серьезные изъяны в подготовке войск. И слабее всего были подготовлены не роты и батальоны, а высшие органы управления.

Сейчас, когда выясняется, что за все предвоенные годы ни с одним управлением округом не было проведено ни одного учения, некоторые возражают, а как же, мол, были же знаменитые Киевские или Белорусские маневры. Но на этих маневрах командующие и его штаб не выступали в роли обучаемых, они сами разрабатывали эти маневры и руководили действиями той или другой стороны. Да и сегодня командующие округов и флотов, начальники штабов не в полной мере

выступают на учениях в качестве обучаемых. Мы считаем вполне логичным требование, чтобы командир роты или батальона должен систематически тренироваться в управлении своими подразделениями в бою. А разве у командующего округом или другого вышестоящего органа управления менее сложные обязанности на войне?! В последнее время Верховный Главнокомандующий, министр обороны приняли решение о разработке плана обороны страны, где должны участвовать Генштаб и другие структуры, участвующие в обороне страны.

Но они должны не только разрабатывать соответствующие документы, но и периодически тренироваться в проведении их в жизнь, координировать работу подчиненных ведомств.

Идея проведения учений со стратегическим и оперативно-стратегическим звеном считалась нереальной из-за того, что бытовало мнение — некому разрабатывать эти учения и обеспечивать их проведение так, чтобы обучаемые играли на этих учениях с закрытыми картами. Но эту проблему можно решить. Для создания аппарата штаба руководства и посредников часть офицеров может использоваться из тех, кто ранее работал на этих должностях, а сейчас находится в запасе. Можно привлекать группу генеральных инспекторов, частично профессорско-преподавательский состав Академии Генштаба, бывших работников Госплана, МИД и других государственных органов.

В 80-е годы мы впервые провели ряд опытных исследовательских учений оперативно-стратегического масштаба. Так, на учении «Дозор 86» — против друг друга действовали Белорусский и Ленинградский военные округа (в роли фронтов). На эти учения в исходных заданиях давалась только общая обстановка. Все остальное обучаемые должны были сами добывать. Для этого все цели сторон были реально обозначены и имитировались огнем, реальными передвижениями и действиями. Все разведорганы и части были отоброшены по штатам военного времени и недостающие средства разведки собраны с других округов. Надо иметь в виду, что в мирное время основные разведывательные части находились в скадрированном виде, и начальники разведки занимались, в основном, изучением иностранных армий по книжкам. А по штату военного времени в подчинении начальника разведки было до 20- 25 разведывательных частей и соединений. Не имея опыта командования ими,

они на учении «Дозор 86» даже не успевали связаться и поставить задачу всем подчиненным частям. А в целом разведки фронтов выявили не более 10-15% обозначенных целей. Тогда был сделан целый ряд выводов: о целесообразности прохождения службы разведчиков исключительно по разведывательной отрасли; о повышении боевой готовности разведывательных частей и др. К сожалению, не все они были проведены в жизнь, но польза от таких опытных учений была несомненной. Так что из опыта войны по ряду вопросов, в том числе по методике боевой подготовки, нужно еще извлекать уроки.

Можно найти любые отговорки и ссылки на трудности, но надо находить и возможности для того, чтобы все органы управления готовились к выполнению возложенных на них обязанностей, максимально приближенных к реальной деятельности. Тогда мы получим современную армию.

Вообще, разрыва между содержанием и методикой обучения не должно быть. Наглядным примером, к чему может привести разрыв между содержанием и методикой обучения, могут служить двусторонние маневры, проводимые в русской и в большинстве европейских стран в конце XIX — начале XX вв. Они могли быть ротные, батальонные, полковые, дивизионные, окружные. Перед началом маневров каждой стороне назначался исходный район, и по сигналу руководства они начинали действовать. Вели

разведку, совершали марш, при встрече с противником разворачивались вначале авангардные подразделения и части, а затем и главные силы, как правило, охватывая фланги противника. За редким случаем сквозные атаки не допускались. Сами боевые действия, особенно прорыв обороны, отражение атаки не отрабатывались или отрабатывались против обозначенного противника. В русско-японской войне глубокий охват противником флангов означал по существу проигрыш сражения, и русские войска в этих случаях начинали отходить. Так были проиграны Мукденское, Ляонское сражения и под Жехе. Но, если бы заниматься не одним маневрированием, а попытаться перейти к обороне, организовать бой в окружении, сражение могло бы закончиться совсем по-другому.

До разработки теории глубокой операции и боя так отрабатывались оперативно-тактические задачи и в Советской Армии. Это потом привело к большим изъясам в подготовке войск.

Таковы наши основные выводы по итогам проведенных исследований.

Президиумом АВН подготовлен проект плана работы на следующий год. На основе его необходимо разработать соответствующие планы в отделениях, секциях и личные планы каждого члена академии и организовать работу в соответствии с изложенными выше научными проблемами и задачами.

Доклад окончен. Спасибо за внимание!

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОТИВНИКОМ «ТРАДИЦИОННЫХ» И «ГИБРИДНЫХ» МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

THE RUSSIAN FEDERATION DEFENSE ORGANIZATION IN THE CONDITIONS OF THE ENEMY APPLICATION THE TRADITIONAL AND “HYBRID” METHODS OF THE WAR FIGHTING

Уточнена сущность понятия войны. Выявлены способы достижения целей войны. Конкретизированы формы разрешения межгосударственных противоречий. Раскрыто содержание «гибридных» методов ведения военных действий. Раскрыты цели «цветных революций» и способы их достижения. Показана специфика военных действий в Сирии. Обоснована необходимость внесения изменений в содержание организации обороны страны. Показано, что основные пути повышения эффективности обороны возможны за счет объединения межведомственных усилий и выполнения мероприятий территориальной обороны. Первостепенное значение приобретает налаживание четкого централизованного управления компонентами военной организации государства. Важную роль в повышении боевых возможностей Вооруженных Сил призвана сыграть военная наука.

The essence of war is specified. The ways of the war aims achievement are determined. The forms of the interstate contradictions solvation are concretised. The content of the “hybrid” methods of the war fight is revealed. The aims of “colour revolutions” and the ways of their achievement are also disclosed. The specificity of the combat actions in Syria is shown. The necessity to add changes in the content of the system organization of the country defense. It is shown the main ways in the defense effectiveness increasing can be organized by means of inter-ministerial efforts and the conducting of the area defense actions. The accurate centralized control organization by means of the components of the military state organization gets the most important role. The science of warfare is invoked to play an important role in the increasing of combat abilities of the Russian Armed forces.

Ключевые слова: высокотехнологичные войны, «гибридные» методы, межгосударственные противоречия, «цветные революции», предотвращение военных конфликтов, межведомственная деятельность, территориальная оборона, военная наука.

Keywords: high-tech wars, “hybrid” methods, interstate contradictions, “colour revolutions”, state conflicts prevention, inter-ministerial activity, area defense, warfare science.

Опыт военных конфликтов последних десятилетий показывает, что в условиях бурного развития науки и технологий характер вооруженной борьбы претерпевает значительные изменения.

Если еще в середине XX века военные конфликты представляли собой фронтальные столкновения войск, то уже с конца прошлого столетия в обиход прочно вошло понятие «высокотехнологичные войны».

Главным способом достижения целей военных действий в таких войнах становится дистанционное бесконтактное воздействие на противника за счет массированного применения высокоточных и дальнобойных средств поражения с воздуха, с моря и из космоса.

Эта тенденция находит отражение во взглядах руководства ведущих государств на ведение вооруженной борьбы.

Как известно, в настоящее время США разработана и реализуется концепция «Глобальный удар», которая направлена на достижение американскими вооруженными силами возможностей по нанесению в течение нескольких часов поражения объектам и войскам противника практически в любой точке Земного шара.

Предусматривается внедрение перспективной формы ведения военных действий — «Глобально интегрированной операции». Она предполагает создание в кратчайшие сроки в любом регионе мира межвидовых группировок войск, способных разгромить противника путем ведения совместных действий в различных операционных средах. По замыслу разработчиков, это должно стать своеобразным «блицкригом» XXI века.

В то же время все более очевидным становится и то, что развитие средств вооруженной борьбы является далеко не единственной причиной совершенствования форм и способов применения группировок войск и сил.

Сегодня, в эпоху глобализации, ослабления государственных границ, развития информационных коммуникаций важнейшим фактором, придавшим импульс развитию способов военных действий, стало изменение форм разрешения межгосударственных противоречий.

В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые «гибридные» методы.

Их содержание заключается в достижении политических целей с минимальным вооруженным воздействием на противника — преимущественно за счет подрыва его военного и экономического потенциала, информационно-психологического воздействия, активной поддержки внутренней оппозиции, партизанских и диверсионных методов ведения вооруженной борьбы.

В качестве главного средства достижения военно-политических целей предусматривается организация «цветных» революций, которые, по мнению инициаторов их сторон, должны привести к ненасильственной смене власти в государстве-оппоненте. По своей сути, любая «цветная» революция — это государственный переворот, организованный извне.

В их основе лежат информационные технологии, предусматривающие манипуляцию протестным потенциалом населения в сочетании с другими невоенными средствами.

Важное значение при этом приобретает масштабное целенаправленное воздействие на сознание граждан государств — объектов агрессии посредством глобальной сети «Интернет». Информационные ресурсы стали, по сути, одним из самых эффективных видов оружия. Широкое их

использование позволяет в считанные дни «раскачать» ситуацию в стране изнутри.

Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе военной помощью экстремистским и террористическим организациям.

К открытому применению военной силы переходят только в крайнем случае, как правило, под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования.

Таким образом, применение непрямых и асимметричных действий и способов ведения «гибридных» войн позволяет лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой.

В отличие от «традиционных» военных конфликтов прошлого столетия — с объявлением войны и актом капитуляции в конце ее, «гибридная» война официально не объявляется.

«Традиционные» военные действия ведутся по правилам военного искусства, их характер и последствия, в принципе, можно спрогнозировать. О последствиях использования непрямых методов можно только догадываться.

Государство, павшее под «гибридной» агрессией, как правило, скатывается в состояние полного хаоса, внутривнутриполитического кризиса и экономического коллапса. Убийства гражданского населения по национальному или религиозному признаку, разгул преступности, массовая неконтролируемая миграция беженцев — все это результаты «цветных» революций.

Можно сделать вывод, что сочетание «традиционных» и «гибридных» методов уже сейчас является характерной чертой всех вооруженных конфликтов. При этом, если вторые могут использоваться и без открытого применения военной силы, то «классические» боевые действия без «гибридных» — уже нет.

Пример «гибридной войны» — конфликт в Сирии. На первом этапе его зарождения внутрисирийские противоречия были трансформированы в вооруженные выступления оппозиции. Затем при поддержке иностранных инструкторов действиям оппозиции придан организованный характер. Впоследствии в противоборство с правительственными войсками Сирии вступили террористические организации, снабжаемые и направляемые из-за рубежа.

При этом сами организаторы агрессии остаются в тени. Реализации их планов помешало всту-

пление Российской Федерации в конфликт на стороне законного правительства Сирии.

Особенно важно, что действия группировки ВКС РФ избирательны, соразмерны с условиями обстановки, удары наносятся точно по военным объектам. При том, что их результаты рассматриваются нашими оппонентами «под увеличительным стеклом», какие-либо основания для обвинения России в нарушении норм гуманитарного права отсутствуют.

Опыт Сирии подтвердил, что «гибридная» война требует высокотехнологичного оружия. Вооруженные Силы эффективны, если они имеют возможность решать задачи с минимальным воздействием военной силы.

Завершение «гибридной» войны — сложная проблема.

Гражданская война в Сирии давно переросла в региональный конфликт, который в настоящее время, по оценкам экспертов, приобрел глобальное значение.

В условиях, когда за каждой стороной конфликта стоят закулисные игроки, обладающие значительными ресурсами, боевые действия могут продолжаться длительное время.

Поэтому только Россия и США в состоянии остановить войну в Сирии, даже несмотря на то, что имеют различные политические интересы и цели.

Совместные предложения США и России по прекращению военных действий носят реалистичный характер. Они разработаны с учетом того, что ни один участник конфликта ничего не приобретет в случае его дальнейшего продолжения. В этом Америку убедили действия ВКС России, правительственных войск Сирии и отрядов патриотически настроенной оппозиции. Всем сторонам конфликта необходимо договариваться.

Российской и американской сторонами проведена значительная подготовительная работа, чтобы режим прекращения боевых действий вступил в действие с сегодняшнего дня (27 февраля). Мы обменялись необходимыми для прекращения огня данными об отрядах оппозиции и занимаемых ими районах. Кроме того, выработали общее понимание границ территорий, контролируемых ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусра». Вы знаете, что огневое воздействие по этим группировкам будет продолжено.

При этом американские и российские военные нашли взаимопонимание, и надеюсь, что наше сотрудничество по поддержанию режима

прекращения боевых действий будет также плодотворным.

Тенденции развития традиционных и особенности «гибридных» войн вызвали необходимость внесения изменений в организацию обороны Российской Федерации.

Подготовка к вооруженной защите и вооруженная защита страны уже не могут исчерпываться только военными мерами и требуют консолидации усилий практически всех органов государственной власти.

В этой связи руководством страны был принят ряд важных решений, направленных на объединение межведомственных усилий по обеспечению военной безопасности государства. Основным консолидирующим звеном стал План обороны Российской Федерации.

Он объединил в себе под единым замыслом практически все разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти программно-плановые документы в области обороны и обеспечения военной безопасности.

Для его нормативного закрепления были внесены необходимые изменения в законодательство Российской Федерации, что позволило Генеральному штабу организовать работу по подготовке Плана обороны на 2016–2020 годы, который был утвержден Президентом Российской Федерации и введен в действие с 1 января 2016 года. В ней участвовали 49 органов государственной власти, которыми разработано более 30-ти комплектов основных документов.

Новые подходы к военному планированию позволяют учесть все имеющиеся в стране потенциальные возможности и увязать их на системной основе.

В первую очередь это касается повышения эффективности сдерживания и предотвращения военных конфликтов.

Имеющееся в настоящее время в арсенале России ядерное оружие, по-прежнему, остается основным фактором стратегического сдерживания вероятных противников от агрессии против нашей страны и ее союзников.

В то же время для нейтрализации военных опасностей и угроз Российской Федерации, в том числе противодействия «гибридным» методам давления, организовано проведение дополнительного комплекса согласованных общегосударственных военных и несиловых мер.

Основными из них являются мероприятия невоенного характера, направленные на укрепле-

ние международных позиций Российской Федерации, сохранение и расширение российского присутствия в регионах, затрагивающих национальные интересы страны.

Важное значение для предотвращения военных конфликтов имеет расширение сотрудничества России с зарубежными странами в интересах коллективной безопасности. Мы прекрасно понимаем, что большинство современных проблем военной безопасности Российской Федерации касаются не только нашего государства. Они носят многосторонний характер, приобретают региональный и даже глобальный масштаб. Их решение не может зависеть только от усилий нашей страны.

Безусловно, наше государство способно обеспечить защиту национальных интересов и интересов своих союзников, вплоть до применения военной силы. В то же время Российская Федерация сохраняет приверженность приоритетам соблюдения международных правовых норм и равной ответственности за происходящее в мире между всеми сторонами международных отношений.

Россией постоянно продвигается тезис о необходимости целенаправленной совместной деятельности по совершенствованию системы региональной и глобальной безопасности в рамках международного правового поля и при ведущей роли Организации Объединенных Наций.

При этом мы намерены не только укреплять связи с нашими традиционными партнерами в рамках ОДКБ, БРИКС и ШОС, но и готовы налаживать конструктивное сотрудничество со всеми субъектами международных отношений.

Следует акцентировать ваше внимание на главной составляющей «гибридных» методов — действиях в информационном пространстве. Фальсификация событий, ограничение деятельности средств массовой информации — становятся одними из наиболее действенных «асимметричных» способов ведения войн.

Эффект от таких действий может быть сопоставим с результатами крупномасштабного применения войск и сил.

Показательными примерами этому являются разжигание национализма на Украине и революционных волнений в странах арабского мира. Массированное воздействие на сознание людей способствовало росту протестного потенциала населения и распространению «цветного» революционного движения в ряде государств Север-

ной Африки, что привело к смене политических режимов в некоторых из них.

В условиях глобальной информатизации важное значение приобретает организация межведомственной деятельности по нейтрализации негативного воздействия на сознание населения, в первую очередь, на молодых граждан страны, подрывающего исторические, духовные и патриотические традиции в области защиты Отечества.

Возрастание «гибридных» угроз обуславливает актуальность вопроса повышения эффективности территориальной обороны. В этой связи принят ряд общегосударственных мер. Согласно внесенным в законодательство изменениям, наряду с Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями, к территориальной обороне привлекаются силы и средства всех федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов и местного самоуправления.

Это позволит в период непосредственной угрозы агрессии усилить меры по противодействию иностранным частным военным компаниям, диверсионным и террористическим формированиям.

Сейчас требуется научная проработка форм и способов применения разведывательных группировок, порядка действий военной и несиловой составляющих территориальной обороны.

В современных условиях возникновение кризисной ситуации возможно за считанные дни и даже часы. Это, в свою очередь, требует практически немедленной реакции военно-политического руководства страны с задействованием не только Вооруженных Сил, но и ресурсов почти всех министерств и ведомств.

В этой связи для обеспечения консолидации усилий федеральных органов исполнительной власти первостепенное значение приобретает налаживание четкого централизованного управления компонентами военной организации государства.

Как известно, уже более двух лет назад в структуре Минобороны создан и функционирует Национальный центр управления обороной Российской Федерации, действующий в системе распределенных ситуационных центров государства. Одной из его основных задач является обеспечение работы военно-политического руководства страны в период кризисной ситуации по оперативной координации деятельности различных министерств и ведомств в области обороны. Решаемые при этом

проблемные вопросы требуют в том числе и участия военной науки.

Важно заметить, что, несмотря на повышение значимости мер невоенного характера в разрешении межгосударственных противоречий, роль Вооруженных Сил в обеспечении военной безопасности страны не снижается, а только усиливается.

Поэтому расширяются и возрастают требования к их возможностям. Сегодня российские Вооруженные Силы должны быть готовы защитить интересы государства в военном конфликте любого масштаба с широким применением противником как «традиционных», так и «гибридных» методов противоборства.

Приняты и реализуются все необходимые решения по повышению боевых возможностей армии и флота. Прежде всего, значительное внимание уделяется повышению «высокотехнологичных» возможностей войск. В то же время одним из важных направлений строительства, развития и подготовки Вооруженных Сил становится придание им способностей эффективно действовать в «нетрадиционных» условиях ведения военных действий.

Это не только наращивание возможностей по противодействию «асимметричным» способам борьбы. Необходимо научиться действовать так, чтобы эффективно бороться как с «неявным» противником, так и нивелировать сильные стороны «высокотехнологичного» противника.

Рассуждая о внедрении новых форм и способов вооруженной борьбы, мы не должны «забывать» отечественный опыт по применению партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, борьбе с моджахедами в Афганистане. К нему же можно отнести миротворческую деятельность и борьбу с пиратством. Особенно актуальным становится крымский и сирийский опыт.

Важную роль в повышении боевых возможностей Вооруженных Сил призвана сыграть военная наука. Необходимо повысить ее значение в разработке перспективных направлений развития военного искусства, решении острых проблем строительства и подготовки Вооруженных Сил.

Военная наука всегда отличалась умением видеть и вскрывать проблемы на этапе их появления, способностью оперативно их прорабатывать. К сожалению, это качество утрачено. Сегодня при решении практических задач органы

военного управления не всегда имеют возможность опереться на результаты их предварительной научной проработки. Поэтому одна из задач органов военного управления по руководству военной наукой – обеспечить актуальность научных исследований, создать для этого необходимые условия.

Сегодня мы получаем бесценный боевой опыт в Сирии. Необходимо его проанализировать в видах и родах войск как на оперативном, так и на тактическом уровнях. Обязательно проведем научную конференцию по итогам военных действий.

Следует сосредоточиться на новых перспективных направлениях исследований: развитии форм стратегических действий Вооруженных Сил; совершенствовании стратегических наступательных и оборонительных сил, борьбе в космосе и информационном пространстве; разработке оперативно-стратегических требований к вооружению и системам управления.

Основные усилия в военных исследованиях должны быть направлены на то, чтобы поставленные задачи решались на высоком научном и интеллектуальном уровне.

Особенно важно, чтобы научные результаты оперативно воплощались в практическую деятельность Вооруженных Сил. Нельзя мириться с положением, когда научные планы выполняются, а научные проблемы остаются нерешенными.

Главный результат всякой научной работы – это не пухлые отчеты, а новые идеи, мысли, обоснованные предложения по практическому решению стоящих перед нами проблем. Когда этого нет, научная работа теряет свой смысл.

Важнейшую роль в решении научных задач в интересах обороны страны играет Академия военных наук. Особенно важен вклад Академии в изучение характера современных войн и проблем стратегического сдерживания.

Без преувеличения можно сказать, потребность Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации в совместной с Академией военных наук деятельности будет только возрастать.

Нам предстоит решить очень много важных и сложных задач.

Надеюсь на плодотворное и конструктивное сотрудничество!

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЯ БУДУЩЕГО

TRENDS AND PROBLEMS OF CREATING WEAPONS SYSTEMS OF THE FUTURE

В докладе отмечается, что в войне будущего столкнутся между собой информационные и высокие технологии, высокоточное оружие для поражения экономической и военной инфраструктуры, что требует от технического оснащения армии и флота полного и всестороннего соответствия характеру войн будущего. Определены направления научных исследований с учетом принятых в США стратегий и инициатив, источников пополнения знаний и навыков специалистов, работающих в оборонной сфере нашего государства.

The report notes that in the war of the future will meet information and high technology, precision weapons to defeat the economic and military infrastructure, which requires technical equipment of the Army and Navy complete and full compliance with the nature of the wars of the future. The directions of scientific research based in the US strategies and initiatives, the updating sources of knowledge and skills of professionals working in the defense sector of our country.

Ключевые слова: высокие технологии, информационная война, система вооружения, направления исследований, направления развития вооружений, технологии и их внедрение, состояние войны.

Keywords: high technology, information warfare, weapons systems, research areas, directions of development of arms technologies and their implementation, state of war.

Технологическое развитие человечества вносит большие изменения в принципы вооруженной борьбы. Если в войнах прошлых поколений основное противоборство происходило на поверхности земного шара, а борьба в воздушной и подводной сферах была вспомогательной, то в войне будущего основные усилия будут сосредоточены в воздушно-космической сфере, а наземные действия станут обеспечивающими.

Становится явным влияние развития высоких технологий на обеспечение глобальной информатизации и автоматизации боевых операций с

применением высокоточного оружия для дозированного и избирательного поражения широкого спектра целей, составляющих экономическую и военную инфраструктуры. Высокоточное оружие обеспечит точное поражение, практически не зависящее от дальности стрельбы или времени полета, причем огневое поражение может происходить без вступления войск в непосредственное боевое соприкосновение.

Кроме того, будущая война будет представлять собой столкновение информационных технологий, с помощью которых и против которых будут наноситься «информационные удары».

Перечисленные общие черты войн нового поколения безусловно будут накладывать существенный отпечаток на облик системы вооружения армии будущего: как на качественную составляющую, так и на количество вооружения и военной техники того или иного типа. Поэтому первой важнейшей задачей военной науки в области технического оснащения является определение облика системы вооружения Вооруженных Сил РФ, соответствующего характеру войн нового поколения.

Второй задачей является определение порядка формирования этого облика, то есть характера, последовательности и сроков изменения параметров системы вооружения для преобразования существующей системы в перспективную, обе-

спечивающую ведение таких войн. Причем параметры системы вооружения должны в течение переходного периода соответствовать характеру угроз в каждый момент времени этого периода.

В самых общих чертах научная поддержка решения перечисленных задач будет состоять в проведении исследований по ряду следующих направлений.

Для решения первой задачи необходимо:

прогнозирование развития науки, техники и технологий и оценка их влияния на облик средств вооруженной борьбы;

прогнозирование развития вооружения и военной техники в основных зарубежных странах;

определение требований к уровню тактико-технических характеристик отечественного перспективного вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и системы вооружения будущего в целом;

прогнозирование параметров оснащенности армий ведущих стран мира вооружением и военной техникой;

определение количественных требований к системе вооружения ВС РФ, исходя из характера угроз, вероятности возникновения и характера войн, в которые может быть втянута Россия, и оснащенности противостоящих группировок.

Для решения второй задачи необходимо осуществление исследований по следующим направлениям:

Определение сроков морального старения традиционного ВВТ и, соответственно, сроков начала разработки отечественного ВВТ новых поколений, его номенклатуры и объемов финансовых затрат.

Определение номенклатуры нетрадиционного ВВТ, подлежащего разработке в течение программного периода, и объемов финансовых затрат, необходимых для этого, а также номенклатуры технических средств в обеспечение реализации новых способов ведения военных действий.

Определение номенклатуры ВВТ, объемов его поставок в течение программного периода, необходимых для достижения количественных параметров развития системы вооружения, установленных при решении первой задачи, а также требующихся для этого объемов финансовых затрат.

4. Формирование планов развития системы вооружения с учетом реально выделяемых государством на национальную оборону объемов финансовых средств.

«Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, — считают американские военные специалисты, — получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая будет медлительна к адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение».

В последние годы появилось такое понятие, как конвергентные технологии, технологии шестого технологического уклада, к которым относят НБИК (нано-, био-, инфо-, когнитивные) технологии. Конвергентность указанных технологий обусловлена высочайшей степенью увеличения их эффективности при сопряженном, взаимоувязанном, синергетическом применении. При этом биотехнологии включают биомедицину и генную инженерию, информационные- психофизическое воздействие, компьютеринг и средства коммуникации, когнитивные науки — когнитивные нейронауки.

Американские ученые, используя технологии шестого уклада, предполагают сосредоточиться на следующих направлениях их применения в военной области:

расширение возможностей по разведывательно-информационному обеспечению войск;

улучшение физических способностей военнослужащего;

повышение эффективности решения сложных задач управления войсками.

Первое направление предполагает активизацию исследований в области Больших Данных и Интернета Вещей.

Второе направление предполагает создание различного рода дополнительных к человеческим органам интерфейсов: например, нейро-видео-интерфейсов, аудиоинтерфейсов, силового интерфейса — экзоскелета и т.д. Предполагается создание нанороботов для мониторинга состояния внутренних органов человека и уничтожения болезнетворных бактерий и образований (например, раковых опухолей). Разрабатываются методы создания искусственных органов, например, печени, желудка и т.д., поскольку биологические процессы, протекающие в них, могут выполняться так называемыми нанороботами — репликаторами ферментов и полезных веществ, вырабатываемых этими органами. Такой подход позволяет применять, резко увеличить как способности человека в различных областях, так и решить многие проблемы питания военнослужащих в условиях боевых действий, лечения раненых и больных.

Повышение эффективности коллективной деятельности (третье направление) предполагает нейроинтеграцию интеллектуальных возможностей индивидуумов в некий супермозг. Важность данного направления исследований обусловлена тем, что информационные потоки в современной войне достигают таких значений, что их эффективная и быстрая обработка, принятие адекватных обстановке решений становятся все более затруднительными либо невозможными.

Рассмотрим эти направления и достигнутые результаты более подробно.

В последние десятилетия, особенно в последние годы, технологические возможности по добычанию развединформации претерпели значительные изменения.

Этому способствовало беспрецедентное раскрытие различных видов информации (экономической, технической, технологической и т.д.), переход к обмену этой информацией через Интернет, появление огромного количества социальных сетей, формирование на базе Интернет-технологий баз данных различных компаний и т.п. Это неизбежно должно было повлечь за собой пересмотр процедуры и характера принимаемых на их основе решений и предпринимаемых действий.

В США такой пересмотр нашел отражение в трех основополагающих документах: «Стратегия национальной безопасности США-2015», «Военная стратегия США-2015» и «Третья оборонная инициатива инвестиций и инноваций», одобренная в 2014 году.

Если обобщить их содержание, то можно выделить три ключевых момента.

Во-первых, наблюдается последовательный отказ от четкого разделения войны и мира. Этот процесс начался в США с конца прошлого века с разработки и опробования на практике таких концепций, как гибридные, иррегулярные, асимметричные, прокси, нечеткие войны. Итогом стало признание не только в теоретическом, но и сугубо в практическом плане неразличимости состояния войны и мира в современных условиях. В соответствии с этим в официальных американских документах все реже используется четкий, в том числе имеющий правовое определение, термин «война» и все шире «жесткие противоборства», «конфликты переменной интенсивности», «ответы на угрозы», «активные операции» и т.п.

Во-вторых, американское военное и разведывательное сообщества исходят из понимания войны как конфликта в пяти средах — суша, море,

воздух, космос и киберпространство и в семи сферах жесткого противоборства, в том числе огневого (традиционные войны), внешнеполитического, внутривнутриполитического (прямое непосредственное участие во внутривнутриполитической борьбе в иных странах), информационного, финансово-экономического, поведенческого (насильственное воздействие на поведение посредством манипулирования привычками, стереотипами, ценностями, поведенческими паттернами и т.п.) и технологического (использование технологий для разрушения суверенного информационного, финансово-экономического, ментального и иных пространств).

В-третьих, отказ от традиционного деления экономики, производства, образования и других сфер жизни на военную и гражданскую. В рамках Третьей оборонной инициативы на государственном уровне заявлено, что больше нет гражданских и военных отраслей, а все американские бизнесы, компании, университеты и даже общество должны работать на благо национальной безопасности, решая военные и разведывательные задачи. При этом законодательное закрепление получил тезис о том, что отныне все высокие технологии в технической, социальной, когнитивной, организационной и иных сферах, имеют двойное назначение. Также при планировании бюджета 2015 года впервые было закреплено, что разведка отныне обязана не только заниматься добычей, обработкой, анализом информации и обеспечением принятия решений, но и непосредственно проводить активные операции, направленные на обеспечение глобального американского доминирования.

Инновации в способах достижения победы США над противником определяют ведение противоборства в Интернете и средствами Интернета. Учитывая весьма обширный блок возможных способов и мер ведения такого противоборства, остановимся только на двух концептах это Большие Данные и Интернет Вещей.

В 2012 году объем сгенерированных в Интернете данных составил 2,8 зеттабайт, к 2020 г. он увеличится до 40 зеттабайт. Примерно треть передаваемых данных составляют автоматически сгенерированные данные, т.е. управляющие сигналы и информация, характеризующие работу машин, оборудования, устройств, присоединенных к Интернету. На 40% ежегодно растет объем корпоративной информации, передаваемой и хранящейся в сети Интернет.

Такие объемы информации не под силу проанализировать никакому человеческому мозгу. Тем более что огромное количество (до 60%) такой информации не структурировано, поэтому увязать содержание (выявить корреляцию) различных источников информации и сделать на этой основе полезные выводы невозможно. Это явление называется Большие Данные (Big Data): огромный, постоянно пополняющийся архив отображений поведенческой активности самых различных объектов (субъектов), от отдельных государств и огромных компаний до небольших групп и отдельных индивидуумов.

Разрабатываемые в настоящее время технологии Больших Данных позволяют осуществлять структуризацию, классификацию и оценку корреляции той или иной совокупности информации о людях, компаниях, событиях. Такие сведения должны обеспечить точное понимание взаимосвязи (взаимозависимости) тех или иных характеристик или действий любого объекта (субъекта) и достигаемого при этом результата. Под объектом в данном случае подразумевается население страны, блока стран, региона Земли, его или их экономика, оборонно-промышленный комплекс и т.п.

Результаты такого анализа дают возможность осуществлять прогнозирование поведения объекта не только при его самостоятельном действии, но и под воздействием внешнего влияния (то есть моделировать поведение по принципу «Что будет, если...», «Что нужно сделать, чтобы...»). Таким образом, становится возможным определение и осуществление наиболее эффективных способов воздействия на тот или иной объект (его составные части, внутренние и внешние связи и т.п.) для достижения желаемого итога.

Гигантские объемы, отличающие Большие Данные, требуют соответствующих компьютеров, и сегодня практически все основные зарубежные производители предлагают специализированные программно-аппаратные системы.

Технология Больших Данных представляет собой не машинную, а человеко-машинную технологию, то есть требует наличия специалистов высочайшего уровня квалификации, как правило, обладающих образованием и профессиональными навыками не только в области информационных, но и других наук.

Для решения этой проблемы в 2015 году университетами США начато осуществление новых программ, проводимых на деньги военно-разведывательного комплекса.

В соответствии с этими программами предполагается обучение отобранных преподавателей и студентов в специальных школах, занятия в которых ведут отставные, а подчас и действующие разведчики, формирующие у обучающихся соответствующие навыки и умения.

Источником пополнения Больших Данных в последние годы становится упомянутый ранее Интернет Вещей (Internet of Things, IoT). Это концепция информационно-коммуникационно-вычислительной сети любых физических объектов («вещей»), оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой, обеспечивающая исключение из части действий и операций человека.

Интернет Вещей — это источник информации, который не подвержен никакому искажению, как это возможно в Интернете людей (то есть в информации, генерируемой в Интернет-сети человеком или с участием человека). Контроль за действием любого объекта (субъекта) становится тотальным, неподконтрольным, постоянным и неизбежным.

Еще одна революционная новация, влияющая на характер вооруженной борьбы — это способы генерации, доставки в войска и использования различного рода ресурсов:

- энергии (механической, электрической, тепловой);

- материально-технических средств (ВВСТ, в том числе боеприпасы, энергоносители, продукты питания, военно-техническое имущество и т.п.);

- информация (данные о противнике, окружающей среде, своих войсках, решения командования и т.п.).

Идеальным условием для выполнения задач, возлагаемых на вооруженные силы, является доставка в войска всех этих видов ресурсов в реальном масштабе времени и при этом в полном объеме (принцип — «все виды ресурсов одновременно и в объеме потребностей»). Другими словами, поступившая информация о противнике должна незамедлительно сопровождаться принятием решения о нанесении ему поражения, свои войска должны быть полностью способны (будучи полностью обеспечены ресурсами) столь же незамедлительно реализовать это решение (нанести удар по противнику с требуемым уровнем поражения). Реализацию таких принципов будем называть «идеальной войной».

К числу направлений развития ВВСТ, которые позволяют приблизиться к «идеальной войне», можно отнести следующие:

микроминиатюризация и роботизация образцов ВВСТ;

использование альтернативных источников энергии (солнечные батареи, биотопливо, ветроэнергетика);

снижение энергопотребления образцами ВВСТ при сохранении полного спектра выполняемых ими функций;

разработка систем беспроводной передачи энергии на большие расстояния;

разработка гиперзвуковых систем оружия, способных поражать цели на больших расстояниях в реальном масштабе времени;

создание бионанотехнологического оружия;

поиск способов снижения материальных и энергозатрат на выполнение задачи (высокоточное поражение; информационная, в том числе, кибервойна).

Учитывая весьма обширный характер научно-технических достижений в перечисленных областях исследований, рассмотрим только один из способов эффективно решить проблему материально-технического обеспечения войск – 3D-печать. В передовых странах мира интенсивно ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по применению 3D-печати в различных областях.

Значимым будет внедрение 3D-печати в военно-полевой хирургии, где характер каждого ранения редко повторяется, соответственно, для лечения требуются уникальные материалы и средства, время изготовления и доставки которых традиционным способом недопустимо велико (медпомощь раненому должна быть оказана как можно быстрее), а 3D-принтеры делают это за несколько минут или часов.

Упомянутые технологии будут крайне востребованы при проведении войскового ремонта или ремонта военной техники в боевых условиях.

3D-принтеры – это важнейшая технология для космических программ. Она позволит создавать космические аппараты или их элементы прямо на орбите из исходных материалов, без ре-

шения проблем доставки сложных и объемных конструкций (антенн, солнечных батарей) с Земли в космос и развертывания их там.

3D – печать позволяет заготавливать исходные материалы в виде катушек волокон, блоков полимеров, контейнеров с металлическим порошком на промышленном предприятии и доставлять их к полю боя или в космос, где из них будут создаваться необходимые элементы.

Уже сейчас существуют технологии печати с помощью 3D-принтеров роботов, в том числе ДПЛА, литиевых элементов питания, элементов оружия и т.п.

Проблемой совершенствования ВВСТ на базе технологий шестого уклада может стать тот факт, что практически будет размыто различие между производственным, бытовым и военным инструментарием. При этом доступность этого инструментария для любых государств, социальных групп, организаций и даже индивидуумов становится все большей по мере возрастания коммуникации социумов. Стирается грань между состоянием войны и мира. Уже сейчас это порождает сильнейший когнитивный диссонанс у военных специалистов «традиционной закалки» – они не понимают, как определить грань между этими двумя состояниями, поскольку в соответствии с прежними каноническими представлениями переход к состоянию войны (объявление войны) предполагает ряд обязательных действий: объявление мобилизации, развертывание войск, перевод промышленности на «военные рельсы» и т.п.

Но в совсем недалеком будущем четкой грани между войной и миром не будет, и военные ученые должны учитывать это в процессе своих теоретических изысканий.

Все это настоятельно требует как теоретической проработки характера межгосударственного противоборства в этих условиях, так и практической реализации в планах и программах оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации вооружением, военной и специальной техникой.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ И КИБЕРНЕТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ

INFORMATIONAL AND CYBERNETIC THREATS CONTRADICTION

Ведутся работы по формированию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации результатов информационно-кибернетических нападений на компьютерные системы. Реализация угроз в энергетической, транспортной, банковской и финансовой сферах. Информационно-психологические составляющие информационного противостояния. Результаты инфраструктурного влияния Турции на Сирию. Потенциал России в решении проблем информационно-психологического противостояния. Необходимость тесного взаимодействия в областях фундаментальных и военных наук для организации информационного противостояния.

Works, connecting with the formation of the State system of the detection, prevention and elimination of the computer attacking results are carried out. The results of the threats realization in the energetic, transport and banking and Finance spheres. Informative-psychological components of the informational contradiction. The results of the infrastructural Turkey influence on Syria. The potential of Russia in the solving of the fundamental problems of the informative-psychological contradiction. The necessity of the close fundamental and military science cooperation in the sphere of the informational contradiction.

Ключевые слова: глобальные элементы техносферы, вооруженная борьба компьютерных средств, полное отключение электроснабжения, транспортной инфраструктуры, банковского и финансового сектора, киберпространство, информационное противоречие информационно-психологической компоненты

Keywords: global elements of the technosphere, the armed struggle of computer devices, disabling the supply, transport infrastructure, banking and financial sector, cyberspace, information conflict information-psychological components

Любая форма противоборства предполагает наличие объектов воздействия, средств его реализации и средств защиты (обеспечения безопасности) этих объектов.

Говоря об информационном противоборстве, обычно различают два его сегмента – информационно-технологический или, для краткости, кибернетический, информационно-психологический. Объектами кибернетического и его наиболее опасной разновидности – киберкинетического воздействия – являются элементы глобальной техносферы (в том числе компьютеризованные средства вооруженной борьбы).

Комплекс проблем защиты техносферы Российской Федерации от кибервоздействий достаточно подробно рассматривался в аналогичном докладе на годичном собрании Академии военных наук в 2014 году.

С удовлетворением можно отметить, что за прошедшие два года в этой области сделан заметный шаг вперед. При системообразующей роли Федеральной службы безопасности активно и целеустремленно ведутся работы по созданию Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА).

Определены органы власти и структуры, ответственные за создание и функционирование сегментов этой системы, в первую очередь в таких наиболее критичных для жизнедеятельности государства и безопасности населения сферах, как энергетика, транспорт и банковско-финансовый сектор.

Как показывают результаты моделирования, проведенного рядом зарубежных исследовательских центров, тотальное отключение

электроснабжения в современной западноевропейской стране немедленно запускает процесс неуправляемого и необратимого системоразрушения государства и его инфраструктуры. Отключение тяговых электросетей приводит к мгновенной остановке железнодорожного и электрозависимого наземного и подземного муниципального транспорта. Прекращается работа автозаправочных станций, что приводит к последующей остановке автомобильного транспорта. Прекращается функционирование наземной инфраструктуры аэропортов и берегового оборудования морских и речных портов, что парализует воздушное и водное сообщение. Перестают функционировать системы жизнеобеспечения, в первую очередь освещения, водоснабжения и канализации. Останавливаются лифты в многоэтажных домах, население оказывается заблокированным в зданиях вследствие выхода из строя систем контроля доступа. Отключение аналогичных систем в торговых центрах инициирует массовые грабежи продовольствия и бытовых товаров в этих центрах. Обесточивание сетеобразующего коммуникационного оборудования и средств массового информирования парализует работу систем персональной связи, теле-, радио- и Интернет-вещания, а также систем электронных платежей. Прерывается работа объектов по выпуску продуктов питания и центров оказания медицинских услуг. Выход из строя опасных производств с непрерывным циклом приводит к их необратимому разрушению и выбросу в окружающую среду вредных веществ. Власти и правоохранные системы теряют контроль за ситуацией, и если к перечисленным последствиям добавить разрушительные действия неуправляемых масс мигрантов, включая массовое мародерство и насилие, можно представить, к чему в течение только одних суток может привести деструктивное киберкинетическое воздействие на системообразующие объекты энергетической инфраструктуры.

Аналогичные, хотя и более локальные, последствия могут иметь воздействия на критически важные объекты транспортной инфраструктуры.

Поэтому при создании системы ГосСОПКА указанным важнейшим сегментам техносферы России уделяется самое серьезное внимание. Следует, однако, отметить, что защищенность данных сегментов от кибератак может быть существенно повышена на основе физической

изоляции их коммуникационных инфраструктур от общедоступных сетей связи и Интернета, чего в принципе невозможно сделать применительно к банковско-финансовому сектору, то есть системам электронных платежей, базовые принципы функционирования которых предполагают открытость для обслуживаемого населения и бизнес-структур. Упомянутая открытость, естественно, не могла не породить невиданный размах киберпреступности в данном секторе. По свидетельству одного из крупнейших мировых производителей средств кибербезопасности – американской компании Symantec, в 2015 году кибермошенники похитили из банков различных стран 158 млрд. долларов США, что сопоставимо с планируемой доходной частью бюджета России 2016 года. Одним из наиболее ярких примеров возможностей злоумышленников является хищение ими данных о счетах 74 млн. физических лиц и 8 млн. бизнес-структур – клиентов американского «Чейз Манхэттен Банка», входящего в пятерку крупнейших банков США. Если бы преступники не ограничились хищением данных, а внесли бы изменения в счета этих клиентов, последствия для экономики США было бы трудно предсказать – и это при нормально функционирующих энергетике, транспорте и других сегментах техносферы Соединенных Штатов. Что касается российской киберпреступности, то она отличается применением целого ряда собственных «ноу-хау», в частности, хищением денежных средств из банков под видом кибератак, организованных самими банками; выводом денежных средств в оффшоры путем оплат фиктивных услуг посредством систем сотовой связи и т.д.

Понимание комплекса угроз, проистекающих из современного состояния защищенности банковско-финансовой сферы Российской Федерации, обуславливает необходимость реализации комплекса мер по нейтрализации этих угроз силами правоохранительной системы и подразделений кибербезопасности банков.

Главной проблемой нейтрализации киберугроз банковско-финансовой инфраструктуре России является крайне незначительная численность квалифицированных специалистов в этой исключительно сложной сфере – реальная и потребная численности различаются примерно на порядок. Для решения данной проблемы при кафедре «Информационная безопасность» Финансового университета при Правительстве России создана межведомственная рабочая группа,

силами которой организована работа по формированию и последующему сопровождению соответствующих учебных программ и планов подготовки необходимых специалистов. В группу входят ответственные сотрудники Банка России, Ассоциации российских банков, Национальной системы платежных карт, а также Счетной палаты, Росфинмониторинга и ряда других структур. С 2016 учебного года кафедра начинает набор и обучение студентов по новым программам, охватывающим весь спектр сложных проблем обеспечения кибербезопасности банковско-финансового сектора России.

В целом положительная динамика изменения состояния кибербезопасности Российской Федерации внушает определенный оптимизм и дает основания полагать, что киберпространство России будет защищено не менее серьезно, чем принадлежащее ей материальное пространство.

Что касается информационно-психологической компоненты информационного противоборства, то здесь важно отметить, что объектами информационно-психологического воздействия являются сознание и подсознание отдельных людей (индивидуумов) и их объединений (социумов). При этом воздействие осуществляется его субъектами путем доведения специально подготовленной информации до объектов посредством общей для них коммуникативной среды. Появление глобальной инфосферы и конвергенция традиционных электронных СМИ (телевидения и радио) с Интернетом существенно упростили и удешевили технологии доведения любого необходимого контента до практически любых социумов и индивидуумов, независимо от взаимного местоположения субъекта и объекта воздействия.

Как говорится в «Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем, манипулирования общественным сознанием».

В этих условиях обеспечение информационно-психологической безопасности населения Российской Федерации и личного состава ее Вооруженных Сил существенно усложнилось. Дан-

ное усложнение совпало по времени с резким возрастанием информационно-психологического давления на Россию, содержание которого охватывает три основных направления:

Создание образа России как государства с тотальной коррупцией, некомпетентным госаппаратом и деградирующей экономикой;

Изображение России как государства с непредсказуемой внешней политикой, потенциального агрессора, нацеленного, как минимум, на возвращение под российскую юрисдикцию всех территорий бывшего Советского Союза;

Демонизация Президента Российской Федерации.

При этом, насколько можно судить по результатам социологических опросов, противники России преуспели в части воздействия на население собственных стран, в которых число лиц, разделяющих перечисленные взгляды, за последние два года увеличилось в несколько раз. В то же время население России, за исключением ряда маргинальных политических групп, ориентированных на западные центры власти, оказалось невосприимчиво к указанным воздействиям. Более того, электоральный рейтинг Президента России, то есть количество готовых завтра голосовать за него респондентов соцопросов, устойчиво превышает уровень 50 процентов, а количество респондентов, одобряющих его деятельность, стабильно больше 80 процентов.

Традиционным направлением негативно-информационного воздействия на население России является фальсификация российской и мировой истории.

Особое беспокойство в российском народе, понесшем огромные жертвы во имя Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне, вызывает нарастание попыток искажения исторической правды об этой войне. Противодействие фальсификации истории требует объединения усилий не только внутри нашей страны, но и всех стран, пострадавших во время Второй мировой войны. Именно этой цели служит создание по совместному решению Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики Российско-Китайского центра по изучению проблем Второй мировой войны и послевоенного мирового порядка. Совместная работа в рамках этого центра специалистов двух стран позволит выработать единую позицию по ключевым вопросам новейшей истории и совместно противостоять нарастающим попыткам ее фаль-

сификации. Согласно принятым решениям, российская часть Центра будет функционировать на базе Академии военных наук.

Исключительная сложность переживаемого нами момента состоит в том, что давление на Россию и ее руководство является, как в худшие для нас годы, комплексным, системным.

Здесь уместно напомнить, что в представлении англоязычных политмейкеров существуют три вида противоборства между социумами: борьба влияния (*influence warfare*), вооруженная борьба (*military warfare*) и борьба с инфраструктурами (*infrastructure warfare*). При этом высшей формой является борьба влияния, цель которой – привести противника к принятию решений, выгодных для себя. Однако в случаях недостижения целей в рамках «чистой» борьбы влияния ее силовое обеспечение может осуществляться без развертывания вооруженной борьбы, а только посредством борьбы с инфраструктурами. Следует отметить, что массированные санкционные и нефтеценовые воздействия на экономику России со стороны западных стран представляет собой не что иное, как наиболее мягкую форму инфраструктурной борьбы, обеспечивающую лишение России технологических и иных ресурсов, необходимых для ее развития.

При этом, однако, из внимания мирового сообщества почему-то ускользнуло то обстоятельство, что нынешний кризис в Сирии инициирован именно инфраструктурным воздействием – и именно Турции – на сирийскую территорию. В 2009-2011 гг. Турция ввела в строй действующих ряд гидроэлектростанций, построенных в пограничных с Сирией горных районах, вследствие чего водоток в Сирию уменьшился, по некоторым оценкам, практически вдвое. В результате цветущие сирийские долины мгновенно стали малопригодными для проживания; голод породил массовые волнения, которые были канализованы в недовольство правлением Башара Асада, после чего были запущены разрушительные военно-политические процессы, которые имеют место до настоящего времени. Первопричиной массового исхода беженцев из Сирии являются действия именно Турции, и они должны быть подвергнуты международно-правовой оценке и осуждению как опаснейший прецедент системоразрушающего инфраструктурного воздействия одной страны на другую.

В сирийском контексте новым направлением информационно-психологического противобор-

ства, непосредственно касающимся наших Вооруженных Сил, стала дискредитация проводимой с сентября 2015 года операции российских Воздушно-космических сил против ИГИЛ. При этом глобально организованное информационное воздействие в связи с проходящей операцией осуществляется по пяти основным направлениям:

возложение на Россию вины за неконтролируемое перемещение масс мигрантов из зоны сирийского конфликта в Западную Европу;

обвинения в адрес российского руководства в связи с тем, что российские Воздушно-космические силы якобы воюют не с ИГИЛ, а с сирийской оппозицией;

шельмование России в связи с жертвами среди мирного населения якобы от ударов российской авиации;

компрометация российских Вооруженных Сил в связи с якобы низкой боевой эффективностью нашей авиации;

компрометация российского оружия в связи с якобы его низкой надежностью и тактико-техническими характеристиками.

Однако ни одно из перечисленных направлений не оказывает сколь-нибудь заметного влияния на восприятие сирийского конфликта в основных зарубежных странах, для которых существенно важнее повседневные проблемы, проистекающие из массового наплыва беженцев с Ближнего Востока. Что касается оружейного аспекта, то вопреки негативному пиару, спрос на российское вооружение со стороны целого ряда стран не только не упал, но и существенно вырос.

Говоря о негативном по отношению к России информационном воздействии, систематически осуществляемом зарубежными медиацентрами, следует отметить, что в последние 10 лет существенно возросло ответственное влияние на население зарубежных стран российского телеканала зарубежного телевидения Russia Today, который во многих странах успешно конкурирует с такими медиагигантами, как BBC, Euronews и Al Jazeera. С 2007 по 2012 год Russia Today набрал более 850 миллионов просмотров в глобальной системе Интернет-вещания YouTube. В июне 2013 года RT первым среди мировых новостных каналов преодолел отметку в миллиард просмотров на этом видеохостинге, а сейчас общее количество просмотров на всех каналах RT приблизилось к 3 миллиардам, и именно Russia Today является новостным каналом №1 в мире на YouTube. По трафику

с персональных компьютеров интернет-портал RT обходит Al Jazeera, Deutsche Welle, Voice of America, Euronews, France 24 и японский NHK. По результатам мониторинга за 2014 год в семи крупнейших городах США выявлено, что Russia Today смотрят около 3 млн. человек в неделю, что больше, чем аудитория Euronews, Deutsche Welle, NHK и France24. В Великобритании еженедельная аудитория RT составляет более 600 тысяч человек, что в три раза больше, чем у американского Fox News. Russia Today на арабском языке входит в тройку лидеров по ежедневной аудитории в шести странах Ближнего Востока и севера Африки, опережая британские BBC Arabic и Sky News Arabia, американский Al Hurra и китайский CCTV in Arabic.

При этом в мировом медиа-сообществе отмечают традиционно высокий уровень профессионализма и объективности Russia Today.

Растущее информационно-пропагандистское могущество RT вызывает нескрываемое раздражение у их западных конкурентов. Чего стоит материал американского издания The Daily Beast, которое называют «одним из самых эффективных PR-инструментов в арсенале американских неоконцов». Daily Beast опубликовал «разоблачительную» статью под заголовком: «Путинский пропагандистский канал лжет, преувеличивая собственную популярность». Разумеется, это утверждение было немедленно опровергнуто объективными медиаметрическими данными.

При весьма умеренных затратах на вещание (порядка 20 млрд. руб. в 2015 г.) целевая эффективность RT исключительно высока. В частности, Хиллари Клинтон, будучи госсекретарем США, еще в 2011 году говорила, что Америка проигрывает информационную войну ряду зарубежных англоязычных каналов, в том числе и Russia Today. В июне 2015 года наиболее емко активность RT охарактеризовал бывший кандидат в президенты США Митт Ромни, который в одном из интервью эмоционально воскликнул: «Что происходит? Я включаю здесь (т.е. в США) телевизор, а там Russia Today!». Эта ремарка авторитетного американского политика, по существу, новое издание панического крика 60-х годов «Русские идут!» в эпоху информационных войн.

Еще раз подчеркнем, что особенность переживаемого нами периода информационно-психологического противоборства состоит в применении его субъектами новейших технологий доведения манипулятивного контента до объ-

ектов информационно-психологического воздействия с использованием разнообразных возможностей глобальной информационной инфраструктуры. Сложнейший комплекс проблем, который необходимо решать на новом системно-технологическом фоне, требует проведения широкого круга междисциплинарных исследований с применением методического аппарата системного анализа, информатики, психологии, социологии, страноведения, религиоведения и других естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. В этой связи представляется крайне своевременной инициатива Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), которым в декабре прошлого года объявлен конкурс заявок на получение грантов для выполнения исследований по теме «Безопасность и противодействие терроризму». В рамках этой темы, наряду с вопросами обеспечения кибербезопасности и выявления угроз подготовки террористических актов, нашли свое отражение вопросы, имеющие непосредственное отношение к проблематике информационно-психологического противоборства в условиях глобальной информатизации. При этом по тематикам данного профиля в РФФИ поступило около 30 заявок, которые в настоящее время проходят экспертизу. По-видимому, уместно привести названия наиболее интересных предложений: «Разработка моделей виртуальных социальных систем для предотвращения развития террористической угрозы через социальные сети», «Американская пропаганда в Рунете в 2016-2018 гг.: количественные и качественные показатели», «Религиозный экстремизм в Интернете: исследование информационной и коммуникативной деятельности религиозных организаций», «Ментальные матрицы Рунета в практиках рекрутирования в экстремистские сообщества», «Модели информационно-психологического воздействия через виртуальные социальные системы на идеологические установки и ценностные ориентации современной российской молодежи», «Социально-психологические факторы противостояния экстремизму в национальных субъектах Российской Федерации» и так далее. Приведенный далеко не полный перечень поступивших заявок свидетельствует о наличии в России значительного интеллектуального потенциала, способного качественно решать самые сложные фундаментальные проблемы информационно-психологического противоборства.

В свою очередь, плотное взаимодействие фундаментальной и военной науки позволит, с одной стороны, определить наиболее актуальные для Вооруженных Сил Российской Федерации направления фундаментальных исследований в сфере информационного противоборства (как, впрочем, и в других областях), а с другой – обеспечить эффективную поддержку прикладных исследований, выполняемых военными учеными, результатами фундаментальной науки. В этом взаимодействии ключевую роль призвана сыграть

Академия военных наук как системный интегратор и коммуникатор между двумя важнейшими сегментами российского научного сообщества.

Переживаемый нами период глобальной политической нестабильности выдвигает новые, существенно более жесткие требования к организации информационного противоборства по всем направлениям, с которых нависают угрозы безопасности Российской Федерации. Сделать все, что от нас зависит, чтобы упомянутые угрозы были нейтрализованы, наша важнейшая задача.

А.В. КОВУАКОВ

А.Б. КОБЯКОВ

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

THE WAYS OF IMPROVING OF THE ECONOMIC BASES OF THE COUNTRY DEFENSE

Показаны угрозы суверенитета современной России. Анализ экономической политики в СССР. Место в современных условиях финансово-экономического фронта. Роль в стабилизации экономики страны. Движения неприсоединения. Предложения по выработке экономической стратегии.

The threats of sovereignty of modern Russia are shown. The analysis of the Soviet Union politics is represented as well. The place of financial –economic frontage in modern conditions. The role in the country economy stabilization. The nonaligned movement. The proposals how to work out the economic strategy.

Ключевые слова: война экономическая, нетрадиционные военные факторы, финансово-экономический фронт, валютно-финансовая система, мировой кризис, денежно-кредитная политика.

Keywords: economic war, non-traditional economic factors, financial –economic frontage, currency- financial system, world crisis, monetary-credital politics.

Экономические основы обороноспособности, безопасность и суверенитета очень многообразны и многоаспектны.

Против России ведется «гибридная война», одной из важнейших составляющих которой является война экономическая.

В эпоху «гибридных войн» обороноспособность страны, ее способность отстоять, сохранить и преумножить свой суверенитет зависит не только от традиционного военного потенциала, от состояния армии и вооруженных сил, но и от общего состояния экономики и общества.

Серьезность этих невоенных факторов (или нетрадиционных военных факторов) не стоит преуменьшать.

Урок прошлого: СССР был одной из наиболее динамично развивавшихся держав, победил в великой войне, имел военный паритет с США, но из-за просчетов в экономической стратегии проиграл именно на экономическом фронте и в результате прекратил свое существование.

Отметим, что угрозы утраты суверенитета, стоящие в настоящий момент перед современной Россией, существенно серьезнее. Опасность возможного поражения в «гибридной войне», если сравнивать с ситуацией, скажем, тридцатилетней давности, выше практически на целый порядок.

Доля СССР в мировой экономике в течение 30 лет с 1950 года (то есть с послевоенного восстановления) до примерно 1980 года составляла около 10%.

При этом доля экономики США за тот же период сократилась с примерно 30% до примерно 20%. Можно также отметить, что вместе со странами соцлагеря (не считая Китай) доля стран Восточного, то есть советского, блока в мировой экономике составляла 14-15%. Затем начался период застоя и неудачной горбачевской перестройки, в результате чего доля экономики СССР в мире снизилась с примерно 10% до менее чем 7,5%, а доля стран советского блока опустилась до 10-11%.

К концу 1991 года СССР прекратил существование. На его обломках образовались новые государства. Отметим, что доля России в мировой экономике на момент распада СССР составляла примерно 4,25%.

Затем последовали 25 лет реформ. В течение этого периода произошел огромный спад (в 90-е годы), а затем отскок в 2000-е, продолжавшийся до 2008 года. Что в сухом остатке?

Приходится констатировать, что в абсолютном выражении сегодняшний объем ВВП России примерно такой же, каким он был в 1991 году. Но это в абсолютных цифрах. Так как остальной мир не стоял на месте, доля России в мировой экономике резко упала. Если на момент распада СССР эта доля составляла приблизительно 4,25%, то к моменту начала глобального финансового кризиса 2008 года она составляла уже 2,5%. По итогам же 2015 года, с учетом спада российской экономики, эта доля, по расчетам, опустилась до 2,0%. Можно представить эту картину и по-другому. Если в 1991 году, то есть 25 лет назад, российская экономика по абсолютным масштабам занимала 5-е место среди всех стран мира, в 2008 году она уже делила 8-9-е место вместе с Бразилией сре-

ди национальных экономик мира, а по итогам прошедшего года она, скорее всего, окажется за пределами первой десятки.

Резюмируем: каковы изменения? Если СССР долгое время был второй экономикой мира, а на момент распада стал 4-й, пропустив вперед себя Японию и Китай, Россия в настоящий момент, скорее всего, уже покинула первую десятку. Если доля СССР была 10%, а на момент окончания своего существования – около 7,5%, то нынешняя доля России – 2%. Кроме того, следует отметить, что российская экономика деградировала в качественном отношении, прежде всего, с точки зрения структуры. Доля обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, доля высокотехнологичных производств и наукоемкой продукции в общем выпуске резко упала, при этом возникла гипертрофированная зависимость от сырьевых отраслей и отраслей первого передела. Если советская экономика была почти самодостаточна, то в сегодняшней России просто уже нет множества самых разных производств, то есть резко выросла зависимость от внешних факторов и рынков, в том числе и по многим стратегическим позициям.

Но и это еще не все изменения, которые критически важно учитывать при анализе сложившейся ситуации и особенно при прогнозах, то есть оценивая средне-долгосрочную перспективу.

Совершенно новый фактор – это стремительное развитие Китая. Его доля в мировой экономике в 1990 году, ненамного превышавшая долю СССР (у СССР было чуть меньше 7,5%, у Китая – чуть больше 7,5%), к моменту начала глобального финансового кризиса в 2008 году выросла уже до 17,5% и ненамного уступала только США (у США на тот момент была доля 18,5%). По нашим расчетам, по итогам 2015 года она составит около 23-24%, то есть это уже совершенно однозначно крупнейшая экономика мира. Даже с учетом затухающих темпов роста Китая (если предположить, что с нынешних 7-7,5% роста они опустятся до 3-3,5% к 2030 году) через 15 лет доля Китая в мировой экономике, по нашим прогнозным расчетам, составит около 33%. К тому моменту это будет примерно столько же (или даже несколько больше), как СУММАРНАЯ доля США и Европейского Союза.

На наших глазах происходит смена мирового экономического лидера. Это тектонические сдвиги в геоэкономическом и геополитическом глобальном рельефе. И совершенно закономерно они сопровождаются и будут в еще большей степени сопровождаться серьезными катаклизмами.

По сути дела, мы стоим на пороге нового передела мира.

Вернемся к теме «гибридной войны». С учетом сказанного, смысл ее проступает со всей очевидностью.

В частности, С.Ю. Глазьев в своем докладе на межведомственной комиссии Совета Безопасности и в докладе, представленном в Президиуме Российской академии наук, отмечал, что «США стремятся удержать лидерство путем развязывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнеров. Им нужен контроль над Россией, Средней Азией и Ближним Востоком, чтобы обеспечить себе стратегическое преимущество в управлении поставками критически значимых сырьевых ресурсов и ограничить возможности Китая. ... В ведущейся гибридной войне США против России ключевое место занимает финансово-экономический фронт, на котором противник – США и их союзники – имеет подавляющее преимущество. Они используют свое доминирование в мировой валютно-финансовой системе для манипулирования финансовым рынком России и дестабилизации ее макроэкономического положения, подрыва механизмов воспроизводства и развития экономики. Делается это путем сочетания финансового эмбарго и спекулятивных атак против российской валютно-финансовой системы».

Отметим, что в сумме на Китай и объединенный Запад (в лице США и ЕС) к 2030 году придется две трети мировой экономики. Доля России в мировой экономике даже в самом благоприятном раскладе, то есть при смене экономической политики и переходе к устойчивому ускоренному росту окажется более чем на порядок меньше, чем у каждого из основных игроков, и в любом случае не превысит 3%. Россия как бы окажется зажатой в клещи между оспаривающими право на глобальную гегемонию силами, причем прямо на линии огня, на линии противостояния по линии Восток-Запад между объединением США и ЕС, с одной стороны, и Китаем, с другой.

Совершенно очевидно, что удержать свой суверенитет в этих новых геоэкономических и геополитических условиях России в одиночку будет практически невозможно.

Нужны активные объединительные инициативы по конструированию оси Север-Юг Евразии. России следует направить усилия на то, чтобы сформировать некий третий полюс сил в мировом геополитическом и геоэкономическом раскладе. Или, если воспользоваться исторической анало-

гией из периода второй половины XX века, новое Движение неприсоединения. В этом отношении у нас есть потенциальные союзники – региональные евразийские державы и страны, обладающие многовековым собственным цивилизационным опытом и стремлением к самостоятельности и достаточно амбициозные, чтобы постараться избежать оказаться в сфере влияния Запада или Китая, а, по сути, перейти в вассальное положение к одному из двух основных центров силы. Прежде всего, это, конечно, Индия и Иран, а также целый ряд других стран, например, на пространстве бывшего СССР, но не только.

Но даже, чтобы реализовать этот план, который является – не будет преувеличением сказать – весьма сложным, Россия должна начать демонстрировать существенную положительную экономическую динамику. Без этой динамики Россия не является достаточно привлекательной, ее заявки на лидерство в организации нового Движения неприсоединения и создания третьего независимого центра силы в мировой конфигурации будут выглядеть совсем неубедительно, и за ее инициативами никто охотно не последует. В этой связи в качестве доказательства последнего тезиса уместно упомянуть нынешнее торможение процессов евразийской интеграции даже гораздо более скромных масштабов на пространстве бывшего СССР.

Возникает закономерный вопрос, в чем причина сегодняшнего удручающего положения российской экономики, ее деградации, и каким образом можно переломить эту тенденцию?

Мы считаем, что главная причина негативной экономической динамики России лежит в области проводимой вот уже четверть века экономической политики, которая является заложницей идеологических догм неоллиберализма – так называемого Вашингтонского консенсуса. Это выражается и в том, что в течение этого периода отсутствовало стратегическое планирование – российская экономика болталась по воле волн (или по произволу свободного рынка) в отсутствии каких-либо стратегических целей развития.

Необходима выработка экономической стратегии и тотальное изменение подходов к основным параметрам макроэкономической политики и ее главных составляющих.

На наш взгляд, стратегический подход должен быть основан на кондратьевской теории длинных волн в экономике. Согласно этой теории, мировая экономика сейчас находится в фазе так называемой «кондратьевской зимы», то

есть в понижающейся фазе пятой длинной волны. Важнейшая причина мощного взлета СССР с 30-х годов и вплоть до начала 80-х годов прошлого века заключалась в быстром наверстывании отставания в III технологическом укладе (сталинская индустриализация), а затем в опережающем развитии технологий и производств IV технологического уклада (ТУ) в послевоенный период. А одна из важнейших причин проигрыша СССР в экономическом противостоянии заключалась в том, что советская экономика фактически провалилась в развитии технологии и производства V технологического уклада, в основе которого лежали компьютерно-чиповые технологии, новые технологии связи и виртуальные технологии.

В ближайшие годы произойдет переход к новому – шестому – кондратьевскому циклу, к шестому технологическому укладу.

С.Ю. Глазьев не раз указывал, что именно в подобные периоды глобальных технологических сдвигов возникает «окно» возможностей для отстающих стран вырваться вперед и совершить «экономическое чудо». Необходимая для успешной модернизации стратегия развития заключается в опережающем становлении базисных производств нового ТУ и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходимы концентрация ресурсов в создание ядра нового ТУ и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств, что предполагает согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития.

Для осуществления такой политики необходимо создание системы стратегического управления, способной выявлять перспективные направления экономического роста, направлять деятельность государственных институтов развития и инструментов экономического регулирования на их реализацию. Она включает: прогнозирование научно-технического прогресса, стратегическое планирование, выбор приоритетных направлений наращивания научно-технического потенциала, использование инструментов и механизмов их реализации (концепции, программы и индикативные планы), внедрение методов контроля и механизмов ответственности за достижение необходимых результатов. Для организации и обеспечения системы стратегического управления нужен специальный

орган – Государственный Комитет по стратегическому планированию при Президенте России, поскольку сегодня ни одно из ведомств или министерств таким функционалом не обладает.

С этой же целью нужно менять и подходы к основным параметрам и функциональным составляющим макроэкономической политики.

Например, в России на сегодняшний день нет суверенной денежно-кредитной политики – существующие подходы к ее проведению абсолютно порочны и контрпродуктивны. Впрочем, то же можно сказать и по поводу, например, бюджетной политики, налоговой политики и т.д.

Нынешний мировой кризис – это кризис перепроизводства, кризис спроса, породивший общемировую дефляцию, охватившую практически все товарные группы в мировой экономике. Для преодоления этого кризиса необходимо стимулировать спрос, что и делают власти в США, ЕС, Японии и Китае. А что делает наше правительство в рамках «антикризисного плана»? Оно делает все ровно наоборот: сжимает как государственный, так и частный спрос. Все страны в условиях спада стремятся повысить государственные расходы, в том числе путем внутреннего долгового финансирования, чтобы компенсировать спад частных расходов. У нас это табу, и мы урезаем расходы. Все страны сокращают налоги в условиях кризиса, чтобы высвободить средства населения для увеличения потребления, а средства корпораций – для инвестиций. У нас же, наоборот, повышаются налоги и акцизы. Все самостоятельные страны проводят сверхактивную денежно-кредитную политику, опуская процентные ставки к нулю, у нас и без того запредельно высокие ставки наш ЦБ грозит повысить вновь.

Очевидно, что в результате подобной экономической политики кризис будет только углубляться. И, конечно же, никакой возможности для совершения рывка не предвидится.

Все эти порочные подходы надо срочно менять.

У меня нет времени и возможности подробно охарактеризовать предложения экспертов, группирующихся вокруг неформального лидера, которым сегодня является С.Ю. Глазьев. Подробно и детально они описаны в опубликованных докладах, которые я упоминал. Отмечу лишь, что самый большой и совершенно нереализуемый пока потенциал, на который делается особый акцент, содержится именно в изменении денежно-кредитной политики.

ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

THE SPIRITUAL FACTORS OF THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY PROVIDE AND THE REBURNING OF THE MOTHERLAND PROTECTION IDEAS

Приоритеты военной службы. Организация морально-психологического обеспечения на всех уровнях военного управления. Анализ результатов специального учения по морально-психологическому обеспечению. Работа по организации защиты войск от негативного влияния информационно-психологического воздействия идеологии терроризма. Меры по морально-психологическому обеспечению действий группировки в Сирии. Патриотическое воспитание личного состава как приоритетное направление в деятельности органов военного управления.

The priorities of the military service. The organization of the moral-physical support on the whole levels of the military command units. The analysis of the results of the special training in the sphere of the moral-psychological support. The organization of work of the troops protection from the negative influence of the informational-psychological influence of the terrorism ideology. The measures of the moral-psychological provide of the group actions in Syria. Manpower patriotic upbringing as a priority direction in the activity of the bodies of military command.

Ключевые слова: привлекательность военной службы, морально-психологическое обеспечения, информационное превосходство, информационно-психологическое воздействие, терроризм, экстремизм, патриотическое воспитание личного состава.

Keywords: military service attractiveness, moral-psychological support, informational support, informational-psychological influence, terrorism, extremism, manpower patriotic upbringing.

Разрешите поблагодарить руководство Академии военных наук за предоставленную возможность выступить перед уважаемым собранием. Мы высоко ценим внимание, которое уделяется членами Академии вопросам работы с личным составом.

Уверен, что в этой аудитории нет необходимости подробно раскрывать важность и необходимость этой работы.

Кратко лишь отмечу, что развертывание новых группировок, формирование соединений и воинских частей, массовое перевооружение армии и флота, увеличение числа военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, развитие форм и способов боевых действий требуют новых подходов к духовно-нравственному воспитанию, морально-психологической подготовке личного состава.

По-прежнему непреложным остается то, что в военной службе в числе основных приоритетов доминируют моральные факторы, основанные на наших отечественных традициях: патриотизме, любви к Отечеству и готовности его защищать, гордости за принадлежность к Вооруженным Силам, воинском товариществе, уверенности в командирах и сослуживцах, силе вверенного ору-

жия и своем умении его применить, общественной поддержке и уважении к человеку в погонах.

Подавляющее большинство военнослужащих (89%) уверены в способности российской армии защитить страну от внешних угроз.

Исследования, проведенные Научно-исследовательским социологическим центром Вооруженных Сил в 2015 году, свидетельствуют о росте

привлекательности военной службы и престижа Вооруженных Сил. Показатели достигли своего исторического максимума за все время социологических наблюдений в Вооруженных Силах. Характерно, что эти результаты подтверждаются многочисленными опросами, проведенными независимыми социологическими организациями страны (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.).

Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения 82% россиян положительно относятся к Вооруженным Силам. Причем с 2012 года уровень одобрения населением страны российской армии вырос в 1,4 раза, а с 2006 года – в 2,6 раза.

Эти очень высокие показатели доверия российского общества к Вооруженным Силам достигнуты рядом факторов, в том числе активной работой с личным составом.

Важнейшим направлением в деятельности органов по работе с личным составом является морально-психологическое обеспечение мероприятий оперативной и боевой подготовки войск (сил), выполнения ими специальных задач.

Хорошей практикой для нас в 2015 году стала организация морально-психологического обеспечения более чем 4 тыс. мероприятий оперативной и боевой подготовки войск (сил) на всех уровнях военного управления. Это в том числе внезапные проверки боевой готовности военных округов (флотов), объединений и воинских частей видов и родов войск Вооруженных Сил, проведение стратегического командно-штабного учения «Центр-2015», и других учений.

В августе 2015 года в соответствии с решением начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Главным управлением по работе с личным составом впервые проведено специальное учение по морально-психологическому обеспечению на полигонах Центрального военного округа в рамках командного специального учения.

Учение проводилось по трем этапам в течение 5 суток (24–29 августа 2015 года).

На первом этапе (с 9.00 24.08 до 6.00 26.08), в ходе приведения сил и средств МПО в готовность к выполнению задач по предназначению был отработан элемент выработки предложений в замысел (руководителя Комплексного специального учения (КСУ) – начальника ГШ ВС) на организацию МПО Группировки войск (сил) на Центрально-Азиатском стратегическом направлении (ЦАСН) и уточнены планы применения агитационно-про-

пагандистских бригад (АПБ), 49-го Центрального технического склада (ЦТС), РГ «Красная звезда» (решения руководителей Центрального военного управления культуры (ЦВУК).

На втором этапе (с 6.00 26.08 до 6.00 28.08) произведена перегруппировка сил и средств МПО центра на Центрально-Азиатское стратегическое направление.

На третьем этапе (с 9.00 27.08 до 19.00 29.08), основном этапе были отработаны вопросы организацию МПО ГрВ(с) в ходе непосредственной подготовки к локализации международного вооруженного конфликта в ЦАР.

В ходе учения осуществлены переброска военно-транспортной авиацией и железнодорожным транспортом группировки сил и средств морально-психологического обеспечения и их развертывание в районе учения. За счет подчиненных учреждений была организована работа пункта управления МПО, информационного пункта, корпункта газеты «Красная звезда», пунктов военно-социальной, психологической работы и работы с верующими военнослужащими, а также типографии, полевого автоклуба (с каркасным кинотеатром).

В ходе специального учения были отработаны ключевые вопросы работы с личным составом на фоне учебно-боевой обстановки, практически проверены планы и расчеты применения сил и средств МПО.

К проведению мероприятия было привлечено около 300 военнослужащих, профессиональных артистов, деятелей культуры, журналистов, специалистов-психологов, социологов. Для участников учения проведены концерты, информационно-пропагандистские мероприятия, учебно-методические занятия, мастер-классы.

Положительная оценка проведенному специальному учению дана начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

По результатам указанного учения и опыта СКШУ «Центр-2015» внесены изменения (дополнения) в руководящие документы морально-психологического обеспечения. В том числе по вопросам организации взаимодействия с органами государственной власти с учетом современных взглядов и возможностей технических средств, а также по участию сил и средств МПО в достижении информационного превосходства, заказа снабжения и ремонта технических средств (по номенклатуре Главного управления по работе с личным составом (ГУРЛС) ВС) и других.

В особое направление выделена организация защиты войск (сил) от негативного информационно-психологического воздействия, предупреждения проникновения в армейскую среду идеологии терроризма и экстремизма. Скорректированы учебные планы по общественно-государственной подготовке, проводится целевое информирование по данной проблематике, готовятся публикации в печатных изданиях Минобороны России. К этой работе активно привлекаются структуры по работе с верующими военнослужащими. На этом чрезвычайно сложном направлении агитационно-пропагандистской работы, на наш взгляд, веское слово должны сказать военные ученые.

В сегодняшней обстановке Главным управлением по работе с личным составом уделяется неослабное внимание морально-психологическому обеспечению действий группировки в Сирии.

Сформированный морально-боевой настрой личного состава позволяет успешно выполнять боевые задачи по уничтожению международных террористических организаций в лице «Исламского государства» и его союзников.

Отмечу, что работа с военнослужащими, выполняющим задачи в Сирии, по большинству направлений ведется более активно и интенсивно, чем это было в послевоенных конфликтах. Она во многом отличается новизной по содержанию, формам и методам работы.

С развертыванием группировки войск созданы соответствующие структуры по работе с личным составом.

С учетом специфики подготовлена тематика занятий по общественно-государственной подготовке (ОГП) и информированию личного состава, осуществляется оперативная доставка периодической печати, средств наглядной агитации, пропагандистской печатной и видеопродукции. Организовано функционирование библиотеки с качественным подбором книг на бумажных и электронных носителях.

Каждый военнослужащий перед направлением в группировку проходит жесткий психологический отбор по специальной методике. В группировке обеспечены все необходимые условия для полноценного досуга личного состава.

В группировку поступают: периодическая печать — «Красная звезда» и «Российская газета» — по 200 экз.; еженедельники «НВО», «ВПК», «Комсомольская правда»; ежемесячный журнал «Армейский стандарт» — 50 экз.

Доставлены: комплект полевой наглядной агитации из 9 стендов, государственная и военная символика (180 флагов различных форматов), видеоматериалы с выступлениями Президента Российской Федерации (1 тыс. шт.), художественные фильмы на DVD-дисках — 6 компл. с 53 фильмами в каждом, аудиозаписи с песнями военных лет — 40 дисков).

На постоянной основе работают корреспондентские группы газеты «Красная звезда» и телеканала «Звезда».

В соответствии с директивой Генерального штаба в группировке в ближайшее время будут развернуты редакция и типография многотиражной газеты с переброской нового походного комплекса оперативной печати (БПК-63МКЛ на базе автомобиля Урал).

Организованы поездки, встречи и выступления перед личным составом депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, ветеранов-военачальников, общественных деятелей, известных политиков, артистов и спортсменов.

В соответствии с решением начальника Генерального штаба — первого заместителя министра обороны организовано еженедельное культурно-художественное обслуживание личного состава группировки. За четыре месяца проведено более 30 концертов и информационно-пропагандистских акций.

Немаловажно и то, что в российском обществе сформирована беспрецедентная поддержка выполнения антитеррористических задач в Сирии. На этом направлении активно работают члены Общественного совета при Минобороны России, телеведущие Владимир Соловьев и Александр Сладков, писатель Александр Проханов, журналист Виктор Баранец, политолог Игорь Коротченко и другие.

Достичь высоких показателей престижа Вооруженных Сил и привлекательности военной службы в обществе удалось системной длительной и напряженной работой Министерства обороны, Генерального штаба в тесном взаимодействии с государственными органами, средствами массовой информации, ветеранскими и общественными организациями. Большой вклад в эту работу внесла Академия военных наук.

Приоритетным направлением нашей деятельности является патриотическое воспитание личного состава.

Главное управление по работе с личным составом приняло непосредственное участие в

разработке Государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства 30 декабря 2015 г.

В настоящее время, совместно с заинтересованными органами военного управления, ведется работа над ведомственной программой. На 2016 год спланированы мероприятия, посвященные:

юбилейным датам со дня рождения выдающихся полководцев Великой Отечественной войны маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского;

75-летним годовщинам начала Великой Отечественной войны и Битвы под Москвой;

45-летию фильма «Офицеры»;

150-летию образования филиала ВУНЦ Сухопутных войск «Общевойсковая академия ВС РФ» г. Казань (22 октября);

70-летию «Дня танкиста» (11 сентября) и многие другие.

Будет продолжена информационно-разъяснительная работа в воинских частях и военно-учебных заведениях по доведению до личного состава, прежде всего, молодых офицеров и младших командиров суворовской «Науки побеждать».

Уверен, что члены Академии военных наук будут одними из самых активных участников в реализации мероприятий указанной программы.

В этом году ко Дню Победы, кроме традиционных мероприятий (военный парад, праздничный салют, конференции и другие торжества) в соответствии с решением министра обороны готовится масштабная информационно-пропагандистская акция – «Агитпоезд «Армия Победы».

Акция одобрена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным.

Она стартует на Белорусском вокзале столицы во второй половине апреля и завершится во Владивостоке 8 мая 2016 года. Цель акции – демонстрация величия ратного и трудового подвига нашего народа в Великой Отечественной войне, преемственности патриотических традиций служения Отечеству.

Отдельное направление – участие Минобороны в патриотическом воспитании гражданской молодежи.

Среди основных мероприятий:

деятельность Межведомственной комиссии по подготовке граждан к военной службе и военно-патриотическому воспитанию под руководством начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;

участие в организации молодежных образовательных форумов и акций «Селигер», «Нашествие», байк-шоу «Ночные волки», военно-тактических и военно-спортивных игр «Гонка героев», «Победа», «Зарница», «Заря» и других;

обеспечение функционирования молодежных оборонно-спортивных лагерей на базе воинских частей и учреждений в регионах страны (пример: создание в 2016 году по обращению Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе оборонно-спортивных оздоровительных лагерей «Гвардеец» на базе 210 МРУЦ инженерный войск, г. Кстово Нижегородской области и филиала Военной академии МТО в г. Пензе).

В интересах совершенствования военно-патриотического воспитания и подготовки будущих защитников Отечества Министерством обороны выдвинута инициатива о создании Всероссийского военно-патриотического движения «Юнармия», поддержанная Президентом Российской Федерации.

Хочу особо отметить вклад в дело государственного патриотического воспитания личного состава военных ученых, занятых проблематикой современного достоверного изложения военной истории нашего государства и противодействием ее фальсификации. Мы высоко ценим работы, подготовленные Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба, Военным университетом, соответствующих кафедр военных учебных заведений.

В январе текущего года итоги этой работы и план на 2016 год были рассмотрены на заседании комиссии по противодействию фальсификации военной истории под руководством генерала армии М.А. Гареевым.

В частности, в 2016 году с помощью военных историков мы планируем издать дополнительное количество атласов-справочников «Краткая история Российской Армии», а также единый инновационный учебно-методический комплекс «История России», включающего:

учебник для солдат и сержантов («Об Отечестве и его ратных делах»);

учебник для курсантов («О государстве и армии»);

учебник для офицера («О государственном и военном управлении»).

В войска приходит новое поколение молодых людей с несколько иными системой ценностей, информационными и культурными предпочтени-

ями. Не учитывать этих изменений, не развивать сложившуюся систему работы с военнослужащими и гражданским персоналом — означает серьезно потерять в эффективности влияния на подчиненных.

На сегодняшний день мы испытываем потребность в научных исследованиях, которые позволили бы выйти на еще более высокий уровень организации и проведения работы с личным составом. Нужны новые методики по духовно-

нравственному и патриотическому воспитанию личного состава.

В заключение позвольте выразить уверенность в том, что в сотрудничестве с Академией военных наук, военно-учебными заведениями и научно-исследовательскими организациями Министерства обороны в 2016 году мы сделаем новый шаг в развитии системы работы с личным составом на основе достижений отечественной военной науки.

E.V. BURDINSKY

Е.В. БУРДИНСКИЙ

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПОДГОТОВКИ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

THE WAYS OF RECRUITMENT SYSTEM IMPROVING OF THE ARMED FORCES AND THE MOBILIZATION RESOURCES PREPARATION

Анализируется система комплектования Вооруженных Сил СССР и первых двух десятилетий Вооруженных Сил России. Проанализирован опыт комплектования вооруженных сил США, Великобритании, Германии. Вскрыты проблемные вопросы в системе комплектования применительно к современным условиям военно-политической обстановки. Раскрыты основы сформированной нормативной правовой базы для создания национального резерва. Показаны направления апробации предложенной системы комплектования.

The system of the armed forces recruitment in the Soviet Union and during a twenty year period of the Russian Military Forces is analyzed within the article. It also represents the analysis of the armed forces recruitment of the USA, Great Britain, Germany. Here some problematic questions in the system of recruitment, applicable to modern conditions of the military-political situation are exposed. The article opens the fundamentals of the formed regulatory framework for the national reserve organization. The directions of the suggested recruitment system approbation are also shown within the article.

Ключевые слова: система комплектования, контрактники, мобилизационный людской резерв, соединения, воинские части и подразделения, военная служба по призыву, военно-сборная подготовка граждан, пребывающих в запасе.

Keywords: recruitment system, contract servicemen, mobilizational men reserve, units, military units and subunits, military conscription, military service on recruitment, military training of the Army reserve.

Важным направлением строительства Вооруженных Сил и необходимым условием обеспечения военной безопасности страны является создание устойчивой системы комплектования Вооруженных Сил личным составом.

Трансформация угроз военной безопасности России, расширение конфликтного пространства по периметру границ Российской Федерации, нарастание тенденций использования военной силы для достижения политических, экономических и иных целей в межгосударственных отношениях, обуславливают необходимость совершенствования системы обеспечения военной организации государства людскими ресурсами.

В Советской армии воинские должности рядового и сержантского состава комплектовались, как правило, военнослужащими срочной службы.

Совершенствование техники, поступающей в армию и на флот, потребовало изменения подходов к комплектованию войск (сил) рядовым и сержантским составом. Уже в 60-е годы XX века был создан институт сверхсрочной службы, на которую поступали солдаты и сержанты, прошедшие действительную военную службу и имеющие соответствующее образование (подготовку).

Такой способ комплектования (военнослужащими срочной и сверхсрочной службы) показал свою эффективность в ходе применения советских войск в Афганистане и при ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

Распад СССР и, как следствие, существенное снижение укомплектованности Вооруженных Сил Российской Федерации способствовали принятию Президентом Российской Федерации в 1994 году решения о наборе граждан на военную службу по контракту на воинские должности, определяющие боевую способность подразделений. Однако военнослужащими по контракту комплектовались не подразделения в целом, а отдельные воинские должности.

Анализ применения войск (сил) в ходе первой и второй Чеченских кампаний показал необходимость изменения подходов в комплектовании в части, касающейся содержания в Вооруженных Силах отдельных соединений и воинских частей, укомплектованных в полном объеме военнослужащими по контракту.

Первым шагом для создания условий, обеспечивающих последовательный переход к комплектованию Вооруженных Сил контрактниками, и создания боеготовых, профессионально подготовленных соединений и воинских частей было принятие Правительством Российской Федерации в 2003 году соответствующей федеральной целевой программы на 2004–2007 годы, которая была апробирована в ходе практического эксперимента, проведенного на базе 76-й воздушно-десантной дивизии (г. Псков) с сентября 2002 по декабрь 2003 года.

Всего в ходе федеральной целевой программы на контрактный способ комплектования в Вооруженных Силах были переведены 81 соединение и воинская часть.

При этом комплектование соединений и воинских частей пришлось осуществлять по принципу: один батальон полностью комплектуется

военнослужащими по контракту, в других подразделениях только должности офицеров и прапорщиков – военнослужащими по контракту, остальные должности – военнослужащими по призыву.

С 2013 года в связи с изменениями военно-политической обстановки вдоль западных границ Российской Федерации, а также необходимостью создания самодостаточной группировки войск в Арктике подходы к комплектованию войск (сил) военнослужащими по контракту кардинально изменились. Осуществляется наращивание численности контрактников не только в общевойсковых соединениях и воинских частях, но и в воинских частях боевого и материально-технического обеспечения.

Мы перешли от комплектования отдельных должностей и подразделений к комплектованию военнослужащими по контракту батальонных тактических групп (БТГр) готовых к боевому применению без дополнительного слаживания.

В целях качественного комплектования войск (сил) военнослужащими по контракту, «не размывая» их по всем соединениям и воинским частям, были разработаны и утверждены основные приоритеты в комплектовании Вооруженных Сил указанной категорией военнослужащих, а также Перечень воинских должностей, подлежащих замещению военнослужащими по контракту.

Это позволило нам:

укомплектовать контрактниками все экипажи подводных лодок, соединения, воинские части и подразделения, привлекаемые к миротворческой деятельности, должности прапорщиков, а также поднять укомплектованность контрактниками сержантских должностей;

увеличить количество батальонных тактических групп, в полном объеме укомплектованных контрактниками;

приступить к комплектованию соединений и воинских частей, дислоцированных в Арктической зоне.

В настоящее время в Вооруженных Силах проходят службу более 352 тыс. военнослужащих по контракту, а к 2020 году количество высококвалифицированных контрактников значительно возрастет.

Это позволит поддерживать укомплектованность соединений и воинских частей по ранее определенным приоритетам, укомплектовать военнослужащими по контракту должности в формируемых соединениях и воинских частях и что

очень важно — все воинские должности сержантов и старшин в соединениях, воинских частях и на кораблях, поскольку от них во многом зависят вопросы боеготовности, а также дисциплины и порядка в воинских коллективах.

Следует отметить, что проводимое поэтапное наращивание численности военнослужащих по контракту синхронизировано с переоснащением Вооруженных Сил на новейшие образцы высокотехнологичного вооружения и военной техники.

При этом количество военнослужащих, проходящих службу по призыву, пропорционально снижается.

Нельзя не сказать о комплектовании Вооруженных Сил военнослужащими по призыву.

Реализация федеральной целевой программы и увеличение количества военнослужащих по контракту создали предпосылки для сокращения срока военной службы по призыву.

В 2006 году были внесены изменения в законодательство Российской Федерации, при этом переход к одногодичному сроку военной службы осуществлен поэтапно:

в 2007 году призыв осуществлялся на полтора года;

с 2008 года — на один год.

Такой поэтапный переход позволил подготовить инфраструктуру Вооруженных Сил и учебную сеть к работе в новых условиях.

В то же время для обеспечения качественно и устойчивого комплектования Вооруженных Сил потребовалось расширение базы призыва граждан на военную службу.

Поэтому с 2008 года количество оснований для предоставления отсрочек от призыва на военную службу было сокращено с 16 до 12.

Однако в результате изменений в структуре Вооруженных Сил в 2008–2009 годах значительно увеличилось количество должностей сержантов и солдат (за счет сокращения должностей офицеров и прапорщиков), что потребовало дополнительных объемов призывного ресурса.

Так, если в 2008 году было призвано на военную службу 352,2 тыс. чел., то уже в 2009 году — 576,6 тыс. чел., то есть на 63% больше.

При этом доля граждан, призываемых на военную службу, от их общего количества увеличилась с 8% до 15%, т.е. почти в два раза.

Важно, что такой подход значительно увеличил количество граждан, прошедших военную службу по призыву, и за счет этого существенно повысил количество мобилизационного людского ресурса.

Однако, в условиях демографического спада, когда с 2006 по 2015 год количество призывников, состоящих на воинском учете, и количество граждан, которые ставятся на воинский учет, значительно сократилось, поддержание таких объемов призыва не представлялось возможным.

При этом количество граждан, призываемых на военную службу, существенно уменьшилось.

Потребовалось принятие нестандартных мер, которые, с одной стороны, не допустили бы снижения объемов призыва, с другой стороны, были бы положительно восприняты в обществе.

В 2013 году в законодательство Российской Федерации были внесены изменения, направленные на повышение привлекательности военной службы по призыву. При этом граждане, не прошедшие военную службу без законных оснований, лишены права занимать должности государственной гражданской или муниципальной службы.

В результате принятых мер удалось сократить количество граждан, уклоняющихся от призыва на военную службу, на 25%, а также существенно повысить качество направляемых в войска военнослужащих по призыву.

Если в 2009 году доля военнослужащих по призыву, имеющих высшее образование, составляла 14%, то по итогам осеннего 2015 года призыва она составила 26%.

Необходимо сказать, что смешанный способ комплектования вооруженных сил применяется и за рубежом.

В США, несмотря на формальное сохранение добровольного принципа комплектования вооруженных сил, граждане, проходящие службу в резерве, могут быть призваны (без их согласия) для прохождения военной службы на срок от одного года до двух лет и более. В Германии с 2011 года комплектование вооруженных сил осуществляется на добровольной основе, однако положение о всеобщей воинской обязанности по-прежнему закреплено в конституции страны.

Во всех вооруженных конфликтах, где применялись кадровые части США, из-за нехватки профессиональных военных кадров в их состав включались отдельные подразделения резерва, для чего США осуществляли призыв резервистов из числа только граждан Соединенных Штатов.

Аналогично комплектуются вооруженные силы Великобритании, в состав которых, кроме регулярных войск, входят резервные силы, состоящие из регулярного и организованного резерва.

Таким образом, опыт применения вооруженных сил иностранных государств показывает, что необходимо осуществлять комплектование как военными служащими по призыву и контракту, так и резервистами, то есть гражданскими людьми, которые состоят на воинском учете.

Поэтому в Российской Федерации особое внимание уделяется совершенствованию системы комплектования военно-обученными мобилизационными людскими ресурсами.

Основными источниками подготовки и накопления ресурсов являются:

- военная служба по призыву;
- увольнение военными служащими по контракту;
- увольнение офицеров кадров;
- военно-сборная подготовка граждан, пребывающих в запасе;
- подготовка граждан на военных кафедрах, факультетах военного обучения;
- подготовка граждан в ДОСААФ России.

Учитывая объемы ежегодного призыва граждан на военную службу, необходимость в подготовке граждан, пребывающих в запасе, на учебных сборах в больших объемах отсутствует. Поэтому акцент смещен на проведение проверочных сборов, которые с каждым годом проводятся все более масштабно на территории нескольких военных округов, с привлечением одновременно десятков субъектов Российской Федерации.

В ходе проверочных сборов формируются соединения и воинские части, которые перебрасываются авиационным и железнодорожным транспортом на расстояния свыше нескольких тысяч километров для выполнения учебно-боевых задач на незнакомых полигонах.

Изучив исторический и зарубежный опыт, мы пришли к выводу, что дальнейшее совершенствование системы подготовки и накопления мобилизационных ресурсов необходимо осуществлять за счет создания резервной компоненты, путем добровольного заключения гражданами, пребывающими в запасе, соответствующих контрактов.

Соотношение резервистов и граждан, отнесенных к мобилизационному людскому ресурсу, будет определяться Генеральным штабом и устанавливаться исходя из предназначения развертываемых воинских частей, экономических возможностей государства и на основании соответствующих решений Президента России.

В настоящее время сформирована необходимая нормативная правовая база для создания национального резерва и начат эксперимент по вне-

дрению новой системы подготовки и накопления мобилизационных ресурсов, который продлится до конца года.

Резервисты будут совершенствовать свои навыки и умения в ходе ежемесячных тренировочных занятий в составе отделений, экипажей и расчетов, а в целях слаживания подразделений и воинских частей ежегодно привлекаться на военные сборы.

Результаты эксперимента позволят оптимизировать подходы к содержанию резервистов, организации их боевой подготовки, материального обеспечения, а также порядок их применения с целью осуществить с 2017 года практический переход на новую систему с поэтапным увеличением численности резервистов.

Создав национальный резерв, мы сможем решить ряд вопросов по качеству подготовки мобилизационных ресурсов, повысить гарантированность выполнения мобилизационных мероприятий в воинских частях, а также целенаправленно использовать финансовые средства, выделяемые на их подготовку.

Успешное решение задач поддержания обороноспособности государства необходимо решать при непосредственном участии высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и в тесном взаимодействии органов военного управления и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В то же время для качественного выполнения мобилизационных мероприятий необходимо повышать уровень знаний указанных руководителей.

С этой целью в Военной академии Генерального штаба организовано их обучение по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации.

В прошлом году на двухнедельных курсах подготовлено 13 вышеназванных должностных лиц, а в этом спланировано обучение еще 60 человек.

До конца 2017 года на курсах планируется обучить всех действующих руководителей федеральных и региональных органов государственной власти.

В последующем на подготовку планируется направлять только вновь назначенных или избранных руководителей федеральных и региональных органов власти.

Кроме того, 7 апреля 2015 года по инициативе Министерства обороны под руководством Верховного Главнокомандующего проведен Государственный совет Российской Федерации по вопросу обеспечения национальной безопасности.

Первые позитивные результаты получены в ходе проведения СКШУ «Центр-2015», которые показали, что губернаторы и руководители органов местного самоуправления при проведении мобилизационных мероприятий особое внимание уделили взаимодействию с военными комиссариатами, в том числе и по планированию территориальной обороны.

В настоящее время в государстве имеется 83 военных комиссариата субъектов Российской Федерации и 1600 муниципальных отделов военных комиссариатов.

Генеральным штабом проводится работа по совершенствованию структуры военных комиссариатов, оснащению современными комплексами средств автоматизации.

Президентом Российской Федерации принято решение о проведении (начиная с 2016 года) ежегодных выборочных проверок готовности организаций промышленности, имеющих задания на поставку продукции, с практическим выполнением мероприятий.

Под непосредственным руководством Правительства Российской Федерации:

сформирована межведомственная рабочая группа в составе 32 чел., от Минобороны – 6 чел. под руководством замминистра Ю.И. Борисова;

проведена корректировка государственного оборонного заказа на 2016 год в сторону увеличения объемов выпускаемой продукции.

В марте – апреле 2016 г. непосредственно на местах будут оценены полнота и качество прово-

димых мероприятий по наращиванию выпуска продукции на военное время, с учетом обеспечения трудовыми ресурсами, в установленные для организаций сроки.

Перевод организаций является плановым мероприятием по подготовке экономики государства и Вооруженных Сил в 2016 году.

Хочу отметить значительную роль ветеранских организаций, группы генеральных инспекторов Минобороны России в проводимой работе.

Так, в 2015 году по инициативе Клуба военачальников Российской Федерации и Минобороны России проведены заседания в формате Круглого стола, на которых обсуждены проблемные вопросы по состоянию мобилизационных людских ресурсов, а также развития систем комплектования и мобилизационного развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации.

Проведение таких мероприятий позволяет поддерживать преемственность поколений, осуществлять обмен опытом между действующими офицерами и ветеранами, учитывать исторический аспект в решениях, принимаемых на современном этапе.

В заключение необходимо отметить, что Генеральный штаб постоянно работает над совершенствованием системы комплектования Вооруженных Сил и подготовки мобилизационных ресурсов, исходя из существующих и возникающих угроз военной безопасности России, что обеспечивает поддержание необходимого уровня боевой и мобилизационной готовности войск (сил).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ORGANIZATION AEROSPACE DEFENSE IN MODERN CONDITIONS

Изучение состояния и направлений развития средств вооруженной борьбы и способов их применения в ближайший, до 2025 г., период приводит к выводу об изменении характера будущих войн, их переходу в воздушно-космическую сферу. В этих условиях создание новой технической основы является важнейшим условием обеспечения парирования угроз безопасности РФ в этой сфере. В Вооруженных Силах РФ определены задачи, стоящие перед системой ВКО, организованы, созданы и реализуются группы направлений, требований, стоящих перед ВКО, определены проблемные вопросы и возможности их решения в требуемой перспективе, уточнены сроки их реализации.

Study of condition and directions of development of means of armed struggle and methods of their use to the nearest, up to 2025, the period leads to the conclusion about the changing nature of future wars, their transition in the airspace field. In these conditions the creation of a new technical framework is essential to ensure the parrying of threats to the security of the Russian Federation in this sphere. In the Armed Forces of the Russian Federation defined the challenges facing the aerospace system, organized, created and implemented the group areas, the requirements facing its identified problematic issues and their possible solutions in the required perspective, clarified the timing of their implementation.

Ключевые слова: воздушно-космическая оборона, создание образцов вооружения, парирование угрозы, сфера, техническая основа, подсистема, критерии.

Keywords: aerospace defense, the creation of models of weapons, parry threats, the sphere, technical basis, the subsystem criteria.

Общее собрание Академии военных наук проходит в непростое время. Западные государства во главе с США для реализации своих политических амбиций возвращаются к временам «холодной войны». Первоочередной мишенью ими избрана Россия, поскольку именно она представляет собой, с одной стороны, потенциальное организационное ядро сопротивления планам Запада, а с другой – ресурсную базу любой незападной коалиции. Россия – единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию Западу в военном и идеологическом плане. Для ее ослабления, огораживания, лишения геостратегического маневра идут в ход и меры информационной войны, и экономические санкции, и демонстрация военного превосходства. Самый опасный период для России наступит на рубеже 2020–2025 годов, когда начнется технологическое перевооружение развитых стран, а Соединенные Штаты и другие западные государства выйдут из депрессии 2008–2018 годов и совершат новый технологический скачок.

Анализ тенденций развития средств вооруженной борьбы и способов их применения в период 2020–2025 годов позволяет сделать вывод о

коренном изменении характера вооруженной борьбы. Ее центр тяжести и основные усилия переносятся в воздушно и космическое пространство. Ведущие в военном отношении государства мира главную ставку делают на завоевание превосходства в воздушно-космической сфере.

Нам всем известна закономерность того, что «ход и исход военных действий в значительной мере определяется успешными действиями в воздушном и космическом пространстве», определяет реальное состояние дел в этой сфере. Об этом убедительно свидетельствует опыт военных конфликтов второй половины XX и начала XXI веков. В этих условиях проблема обеспечения военной безопасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере становится как никогда актуальной.

В интересах ее решения с 1 августа 2015 года, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации, к выполнению поставленных задач приступил новый вид Вооруженных Сил – Воздушно-космические силы (ВКС). В новой структуре Вооруженных Сил одной из важнейших задачей остается создание ВКО страны. Для эффективного решения задач ВКО необходимо

оптимальное сочетание оборонительного и наступательного компонентов Вооруженных Сил Российской Федерации.

Исследования показывают, что организация эффективной ВКО страны на существующей технической основе, мягко говоря, очень проблематична, возможна, но с очень низкой эффективностью. Существующие возможности войск (сил) не позволяют парировать весь спектр угроз безопасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере, а с реализацией перевооружения развитых стран ситуация станет еще сложнее. Современный этап развития вооруженной борьбы в воздушно-космической сфере можно сравнить с концом сороковых годов прошлого столетия, когда Иосифу Виссарионовичу Сталину пришлось лично принимать кардинальные решения по организации защиты СССР от угрозы воздушного нападения и созданию новой технической основы – системы ПВО г. Москвы и Московского промышленного района (С-25).

Другим историческим примером разработки новой технической основы является создание в 60-х годах прошлого столетия РКО для парирования угрозы ударов МБР.

В этих условиях надежное обеспечение безопасности России в воздушно-космической сфере возможно только при условии решения всего комплекса проблем, связанных с созданием новых, высокоэффективных образцов ВВСТ и поставок их в необходимом количестве в войска. Создание новой адекватной технической основы является важнейшим условием обеспечения парирования угроз безопасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере.

Проблемы создания новой технической основы мы рассматриваем сквозь призму решения следующих основных групп задач, стоящих перед системой ВКО:

участие в обеспечении стратегического ядерного сдерживания, охрана государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве и контроль порядка его использования;

борьба с СВКН противника в ходе военных конфликтов различных масштабов.

В настоящее время выполняется целый комплекс научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в интересах создания технической основы для строительства ВКО страны, который включает более 100 НИОКР. Результаты исследований показывают, что для эффективного

строительства воздушно-космической обороны необходимо решение целого ряда военно-технических проблем по созданию основных подсистем ВКО.

В соответствии с руководящими документами система ВКО должна состоять из подсистем: разведки и предупреждения; поражения и подавления; управления и обеспечения.

Задачи информационно-разведывательного обеспечения борьбы с силами и средствами воздушно-космического нападения противника возложены на систему разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении (СРПВКН), являющуюся одной из важнейших подсистем воздушно-космической обороны страны.

Как показали проведенные исследования, ее создание требует решения ряда военно-технических проблем, основной из которых является проблема обнаружения «разоружающего» и «обезглавливающего» ударов СВКН в интересах обеспечения стратегического ядерного сдерживания. Суть проблемы заключается в ограниченных возможностях существующих систем и средств разведки, их неспособности самостоятельно решить данную задачу с требуемыми вероятностно-временными характеристиками для различных вариантов ударов.

Решение данной проблемы возможно за счет эшелонирования системы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении, включения в ее состав элементов космического, воздушного, наземного и морского базирования, функционирующих на различных физических принципах. Такое построение СРПВКН позволит обеспечить выполнение требований по времени выдачи и достоверности информации предупреждения. Состав средств разведки по эшелонам должен определяться с учетом характера возможных действий СВКН противника, климатических и геофизических особенностей на конкретном воздушно-космическом направлении.

Полномасштабное развертывание всех эшелонов системы разведки и предупреждения с обеспечением всех требований по эффективности решаемых задач может затянуться на несколько десятилетий ввиду сложности создания и развертывания перспективных средств разведки. Особенно это касается систем космического базирования и аэродромной сети для воздушного эшелона. В этих условиях в качестве первоочередных мер повышения эффективности обеспечения стратегического ядерного сдерживания

могут рассматриваться меры, основанные на развертывании дополнительных локальных группировок информационных средств для вскрытия «разрушающего» удара крылатыми ракетами, и выработки критериев достаточности потенциала ответного (ответно-встречного) удара. В ЦНИИ ВВКО и других организациях ведется напряженная работа по обоснованию оптимального состава СРПВКН и необходимых мер по обеспечению парирования угроз безопасности в кратчайшие сроки.

Подсистема поражения и подавления СВКН должна быть способна осуществлять непосредственное силовое воздействие на средства воздушно-космического нападения противника.

К основным проблемам развития системы вооружения ВКО в части подсистемы поражения и подавления СВКН относятся:

сдвиг вправо сроков разработки перспективного вооружения ПВО-ПРО, ПКС;

отсутствие единого информационного пространства, обеспечивающего взаимодействие разнородных сил и средств СПИ;

отсутствие мобильного резерва формирования ЗРВ, оснащенных ЗРС ГТВО-ПРО;

недостаточная эффективность средств обеспечения устойчивости группировок ЗРВ и защиты объектов в условиях массированного применения ВТО и БЛА.

Следует подчеркнуть, что важнейшей задачей является построение эшелонированной подсистемы поражения и подавления, обеспечивающей воздействие на СВКН на максимальной протяженности маршрута полета в воздушно-космическом пространстве, устойчивой к противодействию высокоточным оружием и средствами РЭБ. Как показывают исследования, это возможно только в том случае, если подсистема поражения и подавления будет включать различные средства космического, воздушного и наземного (морского) базирования.

Система управления воздушно-космической обороны Российской Федерации является системообразующим элементом системы ВКО и представляет собой совокупность органов и пунктов управления, систем связи и автоматизации, обеспечивающих единое оперативное (боевое) управление войсками, силами и средствами, решающими задачи ВКО.

К основным проблемным вопросам создания системы управления ВКО, затрудняющим решение задач ВКО, следует отнести:

недостаточные возможности существующей системы управления по сбору и обработке информации от средств разведки различной ведомственной принадлежности;

низкую оперативность доведения до войск (сил) команд и сигналов боевого управления, разведывательной информации о воздушно-космической обстановке;

недостаточные возможности существующих средств автоматизации по формированию информации предупреждения о ВКН; низкий уровень живучести и устойчивости системы управления; слабую информационно-техническую совместимость средств автоматизации разнородных (разнородных) сил, решающих задачи ВКО РФ;

моральное старение специального математического обеспечения средств автоматизации.

Для решения данных проблем необходимо выполнить ряд технических мероприятий. В качестве одного из основных хотелось бы выделить разработку (модернизацию) средств автоматизации КП различных звеньев управления, в том числе создание новых технических средств, обеспечивающих совместную обработку информации о СВКН в интересах формирования сигналов предупреждения. Не менее важным представляется также создание единой сети обмена данными реального времени и развертывание системы подвижных полевых автоматизированных пунктов управления и узлов связи.

Создание технической основы системы ВКО Российской Федерации является одной из приоритетных задач Государственной программы вооружения и осуществляется в рамках ведущейся в настоящее время системообразующей ОКР, которая увязывает все работы, ведущиеся в области создания средств ВКО, путем создания автоматизированной системы управления ВКО, являющейся составной частью АСУ Вооруженных Сил Российской Федерации. В рамках данной ОКР создается головное направление системы ВКО, в которой планируется интегрировать все силы и средства, способные решать задачи ВКО в границах Западного региона Российской Федерации. Приходится констатировать, что сроки завершения данной работы также сдвигаются вправо.

Кроме того, ведется системная ОКР по созданию новых и модернизации существующих систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, средств разведки противоракетной и противо-

воздушной обороны в единой системе разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении.

Следует отметить, что системные проекты (системные ОКР) по созданию технической основы ВКО даются разработчикам очень тяжело, сдвигаются сроки разработки. Необходимо вспомнить опыт создания систем ПВО страны и РКО, когда генеральные конструкторы этих систем не назначались, а ведущая роль в их системном проектировании принадлежала НИИ Министерства обороны. Они, наряду с военно-научным сопровождением НИОКР, должны максимально привлекаться как исполнители (разработчики) к системным проектам по созданию технической основы системы ВКО. Тем более это относится к разработке комплексов математических моделей для оценки эффективности этих систем.

Следует сказать о необходимости развития АСУ ударным компонентом в целях повышения эффективности решения задач борьбы с противником.

Исследования показали, что на оперативном и оперативно-стратегическом уровне необходима единая АСУ ударной авиацией, РВ и А, ударными системами флота в интересах уничтожения критически важных объектов противника с развитой системой информационного обеспечения о наземных и надводных объектах в реальном масштабе времени, включая задачи целераспределения. К примеру, в ВС США ударные силы на ТВД интегрированы в единые разведывательно-ударные системы с 70-х годов прошлого столе-

тия, созданы средства единого информационного обеспечения на базе космических аппаратов, самолетов Е-8, БЛА и других средств в реальном масштабе времени.

По нашим оценкам, реализация выбранных и изложенных в докладе путей решения основных проблем вооруженного противоборства в воздушной и космической сфере позволит обеспечить эффективное решение основных задач воздушно-космической обороны.

В силу сложности, новизны, многообразия и ресурсоемкости задач в области создания технической основы системы ВКО реализация изложенных выше путей должна осуществляться поэтапно. При этом на первом этапе (до 2020 года) необходимо завершить ведущиеся НИОКР по созданию ВВСТ ВКО в интересах скорейшего решения основных задач, а на втором этапе (после 2020 года) – завершить создание системы ВКО РФ в целом на основе технических решений, полученных в проводимых ОКР, разработки недостающего вооружения и серийных поставок ВВСТ ВКО. С учетом созданной технической основы осуществить дальнейшее совершенствование структуры войск (сил), решающих задачи ВКО РФ.

В заключение хочу отметить, что реализация намеченных планов по организации ВКО РФ невозможна без четкой, качественной и, главное, слаженной работы всех органов военного управления, научно-исследовательских организаций и предприятий обороннопромышленного комплекса. Большая роль в этом процессе должна отводиться и Академии военных наук.

ФОРМЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫМИ ГРУППИРОВКАМИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

THE FORMS OF COMBAT APPLICATION AND CONTROL ORGANIZATION BY INTEGRAL GROUPS OF THE ARMED FORCES IN THE THEATRE OF WAR

Раскрываются взгляды вероятного противника на формы и способы ведения боевых действий. Предложены варианты оперативной оптимизации структуры и состава группировок под конкретную обстановку. Обоснована необходимость совершенствования структуры управления войсками (силами) для управления интегрированными группировками. Поднят вопрос о воссоздании управления военного округа в военное время. Предложены состав и структура территориальных центров управления оперативно-стратегических и оперативных объединений.

Enemy views on the forms and ways of carrying out of combat actions are revealed in the article. Here the variants of the operational optimization, structure and composition are suggested in accordance with the concrete situation. In the article the necessity to improve the structure of the forces control in order to command integral forces is proved. A problem of the territory centers reanimation in time of war is risen. Within the article the composition and structure of the territory centers of control of the operational – strategic and operational unions are suggested.

Ключевые слова: управление, интегрированная группировка войск (сил), система управления, взаимодействие, вспомогательные пункты управления, кризисные ситуации, миротворческие операции.

Keywords: control, integral groups of forces, the system of control, cooperation, assisting control posts, crisis situations, peacekeeping operations.

Свой доклад по формам боевого применения и организации управления интегрированными группировками войск (сил) на Юго-Западном стратегическом направлении я хочу построить на тесной взаимосвязи со взглядами вероятного противника на формы и способы ведения боевых действий.

Реализуемой руководством Пентагона концепцией «Единые силы» для решения любых задач – от ликвидации последствий стихийных бедствий до нанесения поражения крупным группировкам противника – предусматривается привлечение межвидовой группировки вооруженных сил стран блока НАТО, государств-союзников, гражданских организаций для совместных действий на суше, в воздухе, на море и в информационном пространстве. Такая форма задействования вооруженных сил получила название «глобальная интегрированная операция».

Апробация концепции «Единых сил» и реализация отдельных ее элементов осуществляется уже сегодня. Примером может служить крупнейшее за прошедшее десятилетие учение ОВС НАТО «Трайдент Джанкче-2015», проведенное с 3 октября по 6 ноября 2015 года на террито-

рии Испании и прилегающей акватории Средиземного моря. Более 36 тыс. военнослужащих от всех стран блока НАТО и восьми стран-партнеров отрабатывали вопросы развертывания межвидового многонационального формирования альянса.

Еще один пример практической реализации той же концепции: для управления войсками в рамках операции против «Исламского государства», проводимой с августа 2014 года в Ираке и Сирии, на территории стран Ближнего Востока развернуты центр управления коалиционным объединенным формированием, пункты управления воздушного, наземного, морского компонентов и сил специальных операций, региональные центры управления. Основу системы управления составляет глобальная информационная сеть министерства обороны США, обеспечивающая все виды связи. Характерно, что за счет развитой системы связи пункты управления развернуты на значительном удалении друг от друга на территории разных государств (в Иордании, Ираке, Бахрейне, Катаре).

Претерпели существенные изменения и сами подходы к развязыванию военных действий. Если

раньше они начинались сразу с реализации военных методов, то теперь им предшествует длительный период политического, экономического, информационного давления с постепенным перерастанием в вооруженную борьбу. Примерами именно такого подхода стали операции НАТО в Югославии, Афганистане и Ливии.

Такое принципиальное изменение взглядов противника на применение военной силы не могло не найти своего отражения в теории и практике применения войск (сил) военного округа. Опыт операций последних лет наглядно показывает необходимость кардинального пересмотра целого ряда позиций и внедрения по сути инновационных форм применения группировок войск (сил).

Так, например, за последние десятилетия такая форма применения, как классическая операция группировки войск (сил) на операционном направлении (основу которой составляет армейская группировка), так ни разу в полном объеме и не была реализована. Как правило, из-за ограничений международного права не решались задачи по закрытию воздушного пространства, осуществлению блокад сухопутных и морских границ сопредельных государств.

Вместе с тем рассматривая опыт применения войск (сил) округа в 2008 и 2014 годах, выполнения задач противодействия терроризму и осуществления стратегического сдерживания, можно отметить, что основой успешного выполнения всех этих мероприятий стали согласованные и взаимовязанные совместные действия войск (сил) одновременно во всех операционных средах, включая информационное пространство.

Еще одной особенностью операций последнего времени стала тесная кооперация военного командования с федеральными и региональными органами исполнительной власти, другими войсками, воинскими формированиями и органами, командованием вооруженных сил государств-союзников и добровольческими формированиями. Так, в ходе операции 2008 года задачи по освобождению территории Южной Осетии и Абхазии от грузинских войск решались российскими соединениями и частями во взаимодействии с подразделениями абхазских и юго-осетинских вооруженных сил. Похожие задачи пришлось решать и в 2014 году в тесном взаимодействии с местными отрядами самообороны и казачеством.

Именно эти аспекты позволяют нам рассматривать опыт, полученный в операциях последних десятилетий, как некий прообраз применения интегрированных группировок. Однако необходимость пересмотра концептуальных подходов к применению войск (сил) обусловлена не только накопленным практическим опытом.

В настоящее время на первый план выходят принципиально новые задачи, которые также требуют корректировки наших взглядов на формы применения войск (сил), подталкивают нас к поиску возможных вариантов оперативной оптимизации структуры и состава группировок под конкретную обстановку.

Так, адекватным и эффективным ответом на политическое, экономическое, информационное давление со стороны противника и его попытки демонстрации военной силы является выполнение мероприятий стратегического сдерживания, в основе которого лежат систематические действия авиации, сил флота, в том числе в дальней морской зоне, внезапные проверки боевой готовности и учения различного масштаба. Безусловно, убедить противника в нашей готовности и решимости к применению военной силы можно только при соответствующей эффективной информационной поддержке.

Немаловажным фактором поддержания стабильности в приграничных с Российской Федерацией районах остаются российские военные базы, являющиеся гарантом неприкосновенности республик, в которых они размещены, и своеобразным «буфером» для отражения возможной агрессии.

Не меньшее значение начинают приобретать вопросы постконфликтного урегулирования и выстраивания отношений с гражданским обществом.

Характерным примером участия войск (сил) в решении подобных задач стали наши действия в Абхазии и Южной Осетии, где процесс постконфликтного урегулирования в 2008 году был начат под общим военным руководством, в дальнейшем продолжен во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, а затем полностью передан им.

Схожие задачи пришлось решать и в 2014 году, когда Вооруженным Силам довелось обеспечивать процесс формирования новых органов власти, временно взяв на себя выполнение целого ряда неспецифических функций, более характерных для правоохранительных структур.

Анализ развития военно-политической обстановки и существующих угроз Российской Федерации позволяет утверждать, что в ближайшей перспективе развязывание крупномасштабной войны маловероятно. Вместе с тем возможность прямого столкновения с отдельными государствами, принципы военного строительства которых построены по «лекалам» Североатлантического альянса, остается. Не исключен и сценарий, при котором вблизи границ Российской Федерации могут быть искусственно развязаны несколько локальных вооруженных конфликтов одновременно.

Состав и структура группировок, привлекаемых к их урегулированию, будут напрямую зависеть от интенсивности и размаха каждого конкретного вооруженного конфликта. Однако можно с уверенностью заявить, что нейтрализация угроз в любом случае будет осуществлена комплексным применением войск (сил) в воздухе, на суше и на море с широким задействованием сил специальных операций, использованием высокоточного оружия и проведением активных действий в информационном и киберпространстве.

На наш взгляд, применение таких интегрированных группировок будет вполне уместным и обоснованным как при решении задач в мирное время, при проведении миротворческих операций или урегулировании кризисных ситуаций внешнеполитического характера, так и в особый период, при отражении крупномасштабной агрессии против Российской Федерации и ее союзников.

Это предопределяет необходимость совершенствования существующей структуры управления войсками (силами), в первую очередь, в части, касающейся ее адаптации к возможности управления интегрированными группировками, а также к новым формам и способам ведения вооруженной борьбы.

Немалая часть этой работы уже проделана. Так, созданная к сегодняшнему дню в округе система управления позволяет одновременно развернуть и обеспечить применение нескольких межвидовых группировок войск (сил) на соответствующих операционных направлениях.

В качестве наглядного примера можно привести самодостаточную группировку войск (сил), созданную в Крыму после возвращения республики в состав Российской Федерации. Ее основу составляет Черноморский флот, надводные

и подводные силы которого оснащены ВТО БД. Наряду с этим, в Крыму сформированы части ПВО и авиации и созданы необходимые структуры, позволяющие эффективно управлять отражением ударов средств воздушно-космического нападения противника. Для защиты морского побережья и прикрытия сухопутных участков государственной границы на полуострове развернут соответствующий комплект сухопутных и береговых войск.

Всего две недели назад, в ходе внезапной проверки войск (сил) военного округа, система управления Крымской группировкой прошла очередное испытание, обеспечив устойчивое и непрерывное управление всеми войсками и силами при проведении противодесантной операции.

Однако для управления полноценными интегрированными группировками существующая система управления требует дополнительной адаптации.

Так, одной из задач, которые уже сегодня решаются Вооруженными Силами в тесном взаимодействии с другими войсками, воинскими формированиями и органами, остается противодействие исламистской угрозе и терроризму на Северном Кавказе.

Сегодня для решения этих задач из состава округа выделяются назначенные силы и средства, действующие в составе ОГВ(с) под общим руководством НАК. Но данных сил может не хватить, если обстановка обострится одновременно на территории 3-4 субъектов Северного Кавказа. Одним из возможных решений данного вопроса могут стать войска территориальной обороны.

Мы считаем важным вернуться к вопросу о воссоздании управления военного округа на военное время, которое станет основным органом формирования войск территориальной обороны и управления ими. Данный орган позволит управлять охраной и обороной важных военных объектов и вести эффективную борьбу с незаконными вооруженными формированиями.

Учитывая, что теперь в решении задач территориальной обороны, как и в обороне государства в целом, участвуют все министерства и ведомства, назревает вопрос о наличии сегодня в каждом органе военного управления структуры, отвечающей не только за управление воинскими формированиями, но и за взаимодействие с органами исполнительной власти и местного самоуправления.

В настоящее время такую межведомственную координацию в области обороны на федеральном уровне в полной мере обеспечивает Национальный центр управления обороной Российской Федерации. В более усеченном объеме схожие задачи на своем уровне способны решать региональные центры управления военных округов.

Проводимая в последнее время в этом направлении работа уже дала свой положительный эффект. Так, в ходе последней внезапной проверки войск округа благодаря налаженному взаимодействию с органами власти субъектов РФ при проведении мобилизационных мероприятий удалось заметно снизить процент неявки граждан, пребывающих в запасе.

В то же время состав и структура территориальных центров управления оперативно-стратегических и оперативных объединений обеспечить эффективное управление интегрированной группировкой войск (сил) в полном объеме не позволят.

Одним из вариантов решения данной проблемы может стать создание двух-трех территориально разнесенных вспомогательных пунктов управления военного округа для обеспечения работы командующего группировкой войск (сил) на ТВД на угрожаемых направлениях. Такой подход позволит отказаться от создания ЗКП без ущерба для обеспечения устойчивости управления, повысит живучесть системы

управления и предоставит возможность полномасштабно вовлечь в процесс управления руководителей региональных представительств федеральных органов исполнительной власти с их аппаратом.

Безусловно, введение дополнительных вспомогательных пунктов управления потребует укрепления штатной основы органов управления для развертывания функциональных групп и центров. Но вместе с тем это позволит при возрастании угроз в кратчайшие сроки обеспечить централизацию управления, консолидировать усилия всех органов власти, обеспечить эффективное управление интегрированной группировкой войск (сил) и задействовать ресурсы всех компонентов военной организации государства в интересах решения поставленных задач.

Завершая свое выступление, хочу отметить, что проблематика развертывания, применения интегрированных группировок войск (сил) и управления ими содержит немало аспектов, требующих вдумчивой и детальной проработки. Уверен, что члены Академии военных наук смогут оказать неоценимую помощь органам военного управления в формировании единого понимания теории применения таких группировок и создании методической базы для внедрения их в практику применения Вооруженных Сил Российской Федерации.

ОСОБЕННОСТИ ТЕКУЩЕГО ПЕРИОДА СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

THE SPECIFICITY OF THE CURRENT PERIOD OF BUILDING AND DEVELOPMENT OF NAVY

Показана важность решения задач по развертыванию межвидовых группировок, повышению качества планирования и организации всех видов обеспечения их применения. Обоснована необходимость уточнения штатного состава управления главнокомандующего ВМФ. Раскрыты ключевые направления в решении комплекса задач информационного противоборства. Показаны недостатки в планировании и развитии ВМФ и пути поэтапного их устранения. Раскрыты особенности текущего периода в развитии ВМФ.

The importance of the missions solving devoted to the deployment of the interspecific groups of forces, the increasing of the planning quality and the organization of all kinds of support and application. The necessity to specify the staff structure of the Department of the Commander-in-chief of Navy. The key directions in complex missions solving of the informational contradiction are revealed. The minuses in Navy planning and development and the ways of their gradual elimination are also represented. The specificity of the current period of Navy development is revealed.

Ключевые слова: военная безопасность, Военно-Морской Флот, управление главнокомандующего ВМФ, структура системы военного управления, Морская коллегия, Военно-промышленная комиссия, научно-технический потенциал.

Keywords: economic war, unconventional war factors, financial and economic front, monetary system, world crisis, monetary policy.

Прошедший 2015 год был исключительно важным для упрочения положения нашей страны на международной арене, обеспечения национальных интересов, повышения уровня военной безопасности. Впервые за последние десятилетия наши Вооруженные Силы успешно осуществили развертывание межвидовой группировки на удаленном театре и ведение широкомасштабных фактических боевых действий в сложных условиях. Полученные в 2015 году результаты подготовки и применения Вооруженных Сил России определили переход военной организации нашей страны на новый уровень развития и обусловили необходимость осмысления нового комплекса задач и условий их решения.

Опыт последних десятилетий явно показал, что если группировка военного блока не встречает противодействия на дальних подступах, то у руководства этого блока резко возрастает соблазн перехода к активным боевым действиям. Это в полной мере подтверждается опытом военной деятельности нашей страны в Средиземноморье, которой было отдано много сил членами нашей Академии, в первую очередь, генералом армии М.А. Гареевым, адмиралом флота И.М. Капитанцем и другими, которая показала во многом решающую роль военного присутствия нашей страны в этом исключительно сложном регионе, и в целом значение нашей военной деятельности в дальней морской и океанской зонах. Ее свертывание привело к дестабилизации

обстановки, возникновению и разрастанию целого ряда региональных войн и военных конфликтов (Югославия, Ливия, Сирия и другие).

Поэтому в составе актуальных задач военной стратегии необходима отработка создания эффективных контругроз в дальней морской и океанской зонах, сковывающих агрессора (в первую очередь ВМС стран НАТО, Японии, некоторых других стран) и принуждающих его к отказу от эскалации военных действий. В декабре прошлого года мне довелось воочию увидеть условия и результаты применения нашей межвидовой группировки в Сирии. Роль морских сил общего назначения в ее составе уникальна, решение этих задач без интенсивного применения значительных сил флота практически невозможно.

Достигнутый на сегодня уровень геополитической значимости России требует уверенного обеспечения адекватного ему состава и содержания военно-морской деятельности, значение этого фактора будет только возрастать.

Усложнение задач подготовки межвидовых группировок Вооруженных Сил и расширение масштабов их применения требуют существенно повысить качество планирования и организацию всех видов их обеспечения. Даже частичный срыв выполнения этих задач, отдельные неудачи частного характера могут привести к осложнению положения нашей страны на международной арене и к неизбежным потерям.

Опыт показывает, что причиной большинства таких неудач является перенапряжение людей и техники. Налицо противоречие между возрастанием объема и важности задач, решаемых межвидовыми группировками, и техническим состоянием корабельного состава, обеспечивающего их решение. Новые корабли только начинают приходить на флот, а поддержание боевой готовности основного корабельного состава требует слаженной работы системы технического обеспечения, которая за предыдущие десятилетия была практически утрачена. Речь идет не о ее восстановлении — в существующих условиях это невозможно.

Необходим продуманный и всесторонне обеспеченный комплекс мер, позволяющих продлить реальный срок службы корабельного состава на период до его полнокровной замены. В первую очередь это касается крупных надводных кораблей, важность интенсивного использования которых всецело подтверждена текущими событиями в Средиземноморье. В то же время вместо наращивания усилий в этом направлении мы видим многочисленные факты срыва сроков выполнения необходимого комплекса работ. Наряду с объективными причинами налицо недостатки работы Объединенной судостроительной корпорации в планировании работ, контроле их результатов, принятии конкретных действенных мер к устранению препятствий, в том числе нехватки квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала.

Необходимо особое внимание государства к флоту в этот исключительно сложный период его развития. Пример такого внимания показывает Президент Российской Федерации, который лично участвовал в работе одного из органов Академии военных наук по вопросам, касающимся члена нашего Морского отделения. Это внимание чувствовалось в ходе моей личной работы в качестве доверенного лица Президента в период с 2012 года по настоящее время.

Особенности развития флота в течение последних лет еще раз ясно показали важность эффективной и согласованной работы центральных органов военного управления. Особое место занимает управление главнокомандующего ВМФ, которое в процессе реформирования было лишено многих полномочий и ресурсов, однако продолжает выполнять практически все прежние функции и фактически несет всю меру ответ-

ственности за подготовку, применение и развитие ВМФ. Неразрывность этих задач обуславливает настоятельную необходимость уточнения штатного состава управления главнокомандующего ВМФ, реорганизацию его работы и взаимодействия в единой структуре органов военного управления.

Здесь недостаточна только реформа структурно-организационных составляющих — необходима существенная корректировка форм и способов работы органов военного управления. Для этого целесообразно, на наш взгляд, использовать появление таких элементов системы военного управления, как центры управления, в том числе региональные. В их деятельности, в том числе в рамках задач объединенных стратегических командований, должны использоваться только современные эффективные формы и способы работы, о которые обеспечат реальное повышение эффективности управления.

Необходимо выстраивание новой рациональной структуры системы военного управления совместно с ее оснащением эффективными техническими средствами, которые в полной мере соответствуют современным требованиям и условиям. При этом не нужно увлекаться модными западными теориями в этой области, которые, на наш взгляд, либо отражают принципы их военной деятельности, существенно отличные от наших, либо используются в качестве элементов информационного противоборства.

Ключевыми направлениями в решении этого комплекса задач являются:

- строгое соблюдение принципов достаточности и единства военной организации нашей страны, сбалансированности стратегических сил и сил общего назначения;
- скорейшее внедрение реализующей эти принципы единой методической основы работы органов военного и государственного управления;
- создание необходимой технологической основы — нового поколения средств управления на базе автоматических информационных систем.

Научные отделения Академии военных наук имеют конкретные предложения в этой области, к реализации которых необходимо, на наш взгляд, приступить в кратчайший срок.

Мы уже начали активное взаимодействие с предприятиями — разработчиками средств военного управления с целью формирования пути ускоренного перехода системы военного управления на качественно новый уровень. К его реали-

зации необходимо приступить уже в текущем году с охватом на единой технологической основе всех уровней управления от тактического до высшего.

Исторический опыт показывает, что многие неудачи подготовки, применения и развития российского и советского флота, уже происшедшие или потенциально возможные, зачастую либо приходят извне, либо являются системными недостатками и просчетами высшего руководства, в том числе замалчиванием проблем и недостатков.

Движение вперед сдерживается:

- недостаточной обоснованностью планов строительства и развития ВМФ;
- неполным анализом условий их выполнения;
- попытками отдельных предприятий ОПК уйти от решения задач, реально важных для качественного обеспечения военно-морской деятельности, стремлением перенести решение очевидных проблем на неопределенный срок.

Дело даже не в программах на бумаге — существует много способов фактического ухода от ответственности без видимого нарушения требований и нормативов.

Поэтапное устранение таких недостатков обеспечивается:

- детальным учетом всех возможных условий решения задач строительства и развития ВМФ;
- целенаправленным регламентированным взаимодействием Военно-промышленной комиссии, Морской коллегии, других органов государственного и военного управления по вопросам технического оснащения группировок ВМФ;
- созданием реальных стимулов научно-технического прогресса морского вооружения.

Научные отделения АВН имеют конкретные предложения по реорганизации подсистемы управления строительством и развитием ВМФ как составной части системы управления обеспечением военной безопасности нашей страны и реализации ее национальных интересов.

В настоящее время еще сохраняется возможность передачи опыта, накопленного как в годы «холодной войны», так и в исключительно сложный период сохранения и реформирования наших Вооруженных Сил. Под передачей опыта научные подразделения Академии военных наук понимают обеспечение скорейшей разработки и внедрения организационных и технических решений, обеспечивающих повышение эффективности межвидовых боевых систем, целенаправленность их развития в кризисных условиях. Особо необходимо отметить сохранение опыта

командования ВМФ, представители которого смогут это обеспечить в должности советников высшего военного руководства, назначаемых на определенный срок.

Существенный вклад в обеспечение преемственности может внести создание и развитие института наставничества в органах военного управления. Научные отделения АВН имеют соответствующие предложения, реализация которых позволит эффективно решать такой комплекс задач с использованием современных средств.

Необходимо подчеркнуть важность самого тесного взаимодействия нашего Морского отделения, кафедры оперативного искусства ВМФ ВА ГШ, Клуба адмиралов, офицеров органов военного управления, которые в настоящее время представляют наш флот в Москве.

Таким образом, характерными особенностями текущего периода и 2015 года, в частности, являются:

- расширение состава и характера задач межвидовых группировок, форм и способов их подготовки и применения;
- отработка новых структурных элементов системы военного управления;
- наличие сохранившегося научно-технического потенциала и необходимость обеспечить преемственность его развития.

Сочетание этих особенностей создает благоприятную ситуацию для существенного повышения эффективности подготовки и применения Вооруженных Сил в новых условиях, решения актуальных проблем их строительства и развития. Промедление в использовании этих возможностей неизбежно приведет к необходимости существенного увеличения затрат и возникновению неоправданного риска невыполнения задач по предназначению.

Особо необходимо отметить необходимость всесторонней подготовки к мероприятиям, посвященным 320-летию нашего флота, которое наша страна будет отмечать в октябре. История показывает, что наш флот всегда играл решающую роль в основных геополитических успехах России: в открытии «окна в Европу», в присоединении к России причерноморских земель, в великих географических открытиях, в освоении Севера и Тихого океана. Наше Морское отделение уже внесло свой вклад в подготовку изданием книги «320 лет флоту», которая выйдет из печати к Дню Победы.

Возможности флота всегда проявляли и обеспечивали могущество великой державы. Недооценка его роли для сегодняшней России губительна. Поэтому новую знаменательную дату необходимо считать началом этапа планомерного и целенаправленного развития флота при

детальном учете возможностей нашей страны и всех особенностей ее внешней и внутренней политики.

Прошлый год принес ряд новых задач военной организации нашей страны. В 2016 году должны быть полностью определены пути их решения.

A.S. KULIKOV

A.C. КУЛИКОВ

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

THE PROBLEMS OF THE INTERNAL SECURITY SUPPORT OF THE COUNTRY IN MODERN CONDITIONS

В статье показана роль «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в воспитании патриотизма и возрождении национальной идеи. Раскрыты важнейшие приоритеты обеспечения национальной безопасности. Оценены угрозы внутренней безопасности государства. Даны предложения по их нейтрализации.

The article represents the role «of the Strategy of the national security of the Russian Federation» while upbringing patriotism and rebirthing the national idea. The most important priorities of the national security provide are exposed by the author. The threats of the national security are also evaluated in this article. Here we find the suggestions of threats neutralization.

Ключевые слова: важнейшие приоритеты обеспечения национальной безопасности, внутренняя безопасность, коррупция, терроризм, незаконный оборот оружия, наркомания и алкоголизм, миграция.

Keywords: most important priorities of the national security provide, internal security, corruption, terrorism, illegal arms trafficking, narcomania, alcoholism, migration.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Президентом России 31 декабря 2015 года, в 26 статье записано: «Для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны».

Под этим следует понимать необходимость возрождения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирования у подрастающего поколения достойного отношения к истории России. Необходимы усилия институтов государства по консолидации гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, прежде всего, таких как свобода и независи-

мость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм.

Есть надежда, что провозглашение Президентом темы патриотизма, как возможной национальной идеи, действительно будет развернута в целенаправленную работу по воспитанию молодого поколения и других категорий населения страны.

Свидетельством высокой силы духа и исторической памяти нашего народа является восприятие воссоединения Крыма и Севастополя с Россией и беспрецедентный взлет национального достоинства – Бессмертный полк!

Такую духоподъемную силу после 1945 года, после Великой Победы из национально-значимых событий имели только запуск первого искусственного спутника Земли и первый космический полет Юрия Гагарина.

Таким образом, сплочение нашего общества, воспитание патриотизма является на данном этапе важнейшим приоритетом обеспечения национальной безопасности.

Усилия руководства страны по укреплению России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер.

Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нас политического, экономического, военного и информационного давления.

В этих условиях возрастает необходимость в защите наших национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.

Укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей становятся основными направлениями в обеспечении внутренней безопасности страны в современных условиях.

Поэтому главнейшим направлением в сфере внутренней безопасности является совершенствование государственного управления, подготовка надлежащих кадров и своевременная их ротация.

Приоритеты внутренней безопасности, обеспечиваемой институтами правопорядка, сформулированы в действующей с 31 декабря 2015 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Вне сомнений, каждое положение указанного документа имеет самые веские обоснования для включения их в пакет неотложных действий на обозримый период.

Наиболее острой задачей остается противодействие коррупции. В последние годы созданы законодательные механизмы: с 2008 года принято более 45 федеральных законов, предусматривающих меры антикоррупционного характера; издано около 70 указов Президента РФ.

Регулярно составляются национальные планы противодействия коррупции. Насколько я знаю,

проект такого плана на 2016–2017 годы подготовлен, но пока не утвержден, есть межведомственные разногласия.

У нас в стране созданы и активно действуют множественные структуры – советы, комиссии, как на президентском уровне, так и на уровне глав регионов, в ряде отраслевых ведомств.

В целом в органах власти создано более 2,5 тысячи антикоррупционных подразделений, в том числе управление в Администрации Президента РФ. Одновременно с этим и в гражданском обществе формируются немало антикоррупционных инициатив, проявляющих себя в различных формах, порой выходящих за рамки правового поля.

Почему же созданные инструменты воздействия на коррупцию не эффективны?

За последние годы в стране введен контроль над доходами и расходами должностных лиц; декларирование личного и семейного благосостояния (причем уже при первом поступлении на государственную службу); учитывается конфликт интересов и другие моменты.

Сейчас такие требования стали нормой закона, однако мало влияют на реальное положение дел.

По данным МВД России, с 2012 по 2015 год зарегистрировано 150,3 тысячи преступлений коррупционной направленности. Из них почти две трети (97,8 тысячи) – против интересов государственной службы и службы в местном самоуправлении, то есть там, где принимаются решения, имеющие цену. Речь идет именно о выявленных фактах преступного поведения, часто этот фон создают мелкие факты бытового уровня. Об уровне не выявленных преступлений в этой сфере можно только догадываться. А ведь именно ненаказуемость, отсутствие юридической ответственности за преступления удобряет коррупционную почву тем, кто от нее питается.

В одном ряду с коррупционными преступлениями является вывод капиталов в офшоры, нецелевое использование, хищения бюджетных средств.

Почему так происходит?

Существенная причина состоит в том, что за последние годы относительно реформированию подверглись только структуры МВД и Вооруженные Силы.

Следствие и прокуратура состязаются во взаимном антагонизме. Основная проблема – судебная система. Переносом офисов из одного великого города в другой качество и справедливости правосудия повысить невозможно.

Для восстановления доверия общества государственным институтам необходима полная и регулярная аттестация всех кадров – прокурорских, следственных, судебных с обнародованием его результатов.

На обозримую перспективу террористическая угроза остается в числе основных направлений деятельности по укреплению национальной безопасности.

Терроризм становится средством ведения войны, в которую вовлекаются многие субъекты, вследствие чего внутренний военный конфликт наращается и приобретает характер мирового – как в Сирии.

Это прямая угроза национальному согласию и межнациональному миру в нашей стране.

Система антитеррористического реагирования России стремится эффективно предупреждать угрозы террористических актов, а в случае их совершения, минимизировать последствия. Принятие Федерального закона «О противодействии терроризму» – это, пожалуй, наиболее удачная реализация антитеррористической стратегии России.

Информационная война против нашей страны осуществляется невидимым противником и без обозначенной линии фронта. Поэтому в числе приоритетов внутренней безопасности, наряду с сохранением и усилением Антитеррористической стратегии, необходимо совершенствование работы по выявлению и обезвреживанию источников антироссийской пропаганды (в том числе в киберпространстве), направленной на дестабилизацию существующего конституционного строя, территориальной целостности государства и национального согласия в России.

Внутриполитическая ситуация, состояние нашего общества также вызывают определенную озабоченность и тревогу.

Растет социальное напряжение, тлеет перспектива межнациональных и межконфессиональных конфликтов, пустеют Дальний Восток и Восточная Сибирь, по-прежнему не стабилен Северный Кавказ.

Нарастают проблемы в сфере безопасности Арктического региона России.

Не способствуют стабильности завтрашнего дня такие факторы, как:

рост уровня безработицы, снижение доходов населения (по данным Минтруда, на 3 февраля 2016 г. численность официально зарегистрированных безработных увеличилась и составила 1

млн. 16 тыс. человек, рост безработицы отмечался в 78 регионах страны);

увеличение цен на услуги ЖКХ;

налоговое бремя на недвижимость;

введение платы за проезд по участкам федеральных дорог для личного транспорта и системы «Платон» для большегрузных автомобилей;

неопределенность пенсионной реформы;

реорганизация медицинского обслуживания населения, расширение перечня платных медицинских услуг, рост цен на лекарства и их доступность, особенно в сельской местности в регионах;

снижение уровня знаний школьников и студентов;

платные услуги в дошкольных учреждениях, спортивных секциях, что сужает доступность занятий для детей многих семей даже со средним достатком.

Критическая масса негатива способна отреагировать на внутреннюю ситуацию в стране самым непредсказуемым способом.

Повод для вспышки недовольства масс найдется всегда. Спровоцировать его могут любые, самые неожиданные факторы – как по месту, так и по времени.

Это могут быть:

силы радикальной оппозиции, вовлекающие в свои ряды молодежь, в том числе и студенческую, через участие в работе различного рода клубов, обществ, фондов, ассоциаций, форумов, слетов и через другие формы распространения своих идей;

футбольные фанаты (общее число активных футбольных фанатов только в столице достигает 50 тыс. человек);

иностранные рабочие, их в стране более 11 млн., из них только в Москве около 2,5 млн. человек, включая 1 млн. беженцев;

организованные национальные диаспоры, радикальные исламисты, террористические элементы – вот та среда, которая при определенной подготовке и финансировании способна дестабилизировать ситуацию в столице или регионах.

Необходимо знать реальное положение дел в регионах, предвидеть и своевременно реагировать и принимать решительные меры по нейтрализации возникающих вызовов и угроз. Для этого надо готовить силы и средства.

Незаконный оборот оружия. По экспертным данным, в незаконном обороте находится до 10 млн. единиц огнестрельного оружия. За последние пять лет совершено 135 тысяч преступлений, связанных с нелегальным оборотом оружия,

в том числе совершенных непосредственно с применением оружия — 36 тысяч. Из числа изъятого органами внутренних дел оружия — треть никогда не значилась в полицейских картотеках.

Как представляется, уже сейчас мы должны привлечь внимание руководителей государственных структур, отвечающих за оборону, безопасность и стабильность ситуации в России к этим и другим проблемам.

Наркомания и алкоголизм являются самым тяжелым пороком личностной деградации и наиболее острой нашей социальной проблемой.

По данным ФСКН, число лиц, с разной степенью периодичности потребляющих наркотики составляет 7,3 млн. человек. Из общего числа наркозависимых до 25% неизлечимы.

Не менее остро в России стоит проблема алкоголизма — около 40% населения России злоупотребляет алкоголем, минимум 10 млн. делают это систематически, и всего лишь 3 млн. лечатся. От злоупотребления алкоголем и отравления контрафактом погибает до полумиллиона человек в год. Что это, если не гуманитарная катастрофа?

В российской глубинке этими недугами поражены целые города и поселки, в основном те, где разрушено производство и нет рабочих мест.

Не добавляет стабильности в обществе и миграция.

Преумножающаяся масса беженцев однажды переполнит государства Евросоюза и лавины новых мигрантов начнут прокладывать другие направления в поисках беззаботной жизни. Эту высоко вероятную угрозу нужно осмысливать уже сейчас и не допустить вторжения в нашу жизнь чужеродной интервенции. Поэтому совершенствование миграционного и пограничного контроля должно быть важнейшим приоритетом внешней и внутренней безопасности России.

Завершая свое выступление, хочу обратить ваше внимание еще на две статьи Стратегии национальной безопасности.

Статья 44. Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав

собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

Статья 45. Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

Очень правильные слова.

Для их реализации и обеспечения внутренней безопасности страны

в нынешних условиях необходимо взаимопонимание ветвей власти и общества, открытый диалог власти с народом и сплоченность общества в преодолении экономического кризиса и обеспечении стабильности. Но это возможно только при доверии народа власти.

Сегодня высокий рейтинг Президента многие чиновники, провалившие целевые программы, относят к себе.

Высокая требовательность должна быть равномерной для всех, в том числе для получающих немислимые зарплаты, пристраивающих своих перекормленных деток к коррупциям, уводя их от службы в Армии. Если так пойдет и дальше — результат будет отрицательный. Команду «Смирно» должны выполнять все — без исключения.

ОБЩЕСТВО И ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ SOCIETY AND DEFENCE

Доклад посвящен исследованию состояния современного российского общества, его обороноспособности в реальных условиях развития Российской Федерации при действующих и перспективных (возможных) властных структурах управления страной, складывающейся международной обстановке в период до 2020 года. Разработаны и обоснованы рекомендации по дальнейшему совершенствованию российского общества и его структур, моделей управляемости государства, меры по их развитию и повышению обороноспособности РФ.

The report investigates the state of modern Russian society, its defenses in real conditions development of the Russian Federation under existing and future (possible) power of governance, the evolving international situation in the period up to 2020. Developed and justified recommendations for the further improvement of the Russian society and its structures, models controllability state, measures for their development and improvement of defense capacity of the Russian Federation.

Ключевые слова: модель, характеристики, структура, прогноз, вероятность, сценарии, государство, политика.

Keywords: model, characteristics, structure, prediction, probability, scenarios, state, politics.

У российской военной науки есть два состояния. Одно состояние — это получать комплиментарные и удобные результаты об успехах для руководства. А второе состояние — это служить истине, находить ее и докладывать тому самому руководству, даже иногда ценой карьерных неудобств. Мой доклад делается со второй позиции.

Обороноспособность обычно вычисляется как соотношение сил и средств либо в угрожаемый период, либо в ходе военных действий между страной и страной-противником. Но это узкий подход, потому что для сложной социальной системы в противоборстве государств обороноспособность зависит от многих потенциалов страны в их совокупности: культуры, воспитания, науки, образования, социальных лифтов, кадровых рекрутингов, профессиональных институтов, промышленности. Измерить ее непросто, поэтому в наших исследованиях применяются некоторые особые способы работы с таким слабо формализуемым гуманитарным предметом.

Обороноспособность — это секторальная часть безопасности страны. То, что написано в Законе «О безопасности» и в Стратегии национальной безопасности, является неприемлемым. Создатели документов подходят к категории безопасности неудачно. Что значит выражение «интересов личности, общества и государства»? Безопасность — это защищенность? Что пояснили? Что раскрыли? А защищенность — это безопасность? Это так называемая, «закольцованная» дефиниция, которая не выводит на активный шлейф строительства самого института и состояния.

Безопасность — это иное. Это «способность субъекта безопасности обеспечить свою сохранность в условиях внешних и внутренних агрессивных разрушающих воздействий сегодня и всегда». А обороноспособность — это часть институциональной постановки вопроса о состоянии страны как сложной социальной системы в области силовых возможностей. Так мы к этому подходим.

Как ее в итоге оценить? Я приведу количественные, в том числе прогнозные характеристики. Для этого мы применяем витальную модель, следуя идеям Челлена и своим собственным работкам. Приведем модель-рисунок как витальную модель сложной социальной системы для ее использования в дальнейших рассуждениях.

Страна-государство представлена в странном, как кажется, виде. Но в ней есть обороноспособность — кулак. Есть мозги — центр принятия го-

Общество у нас падкое. Рейтинг власти и Олимпиада

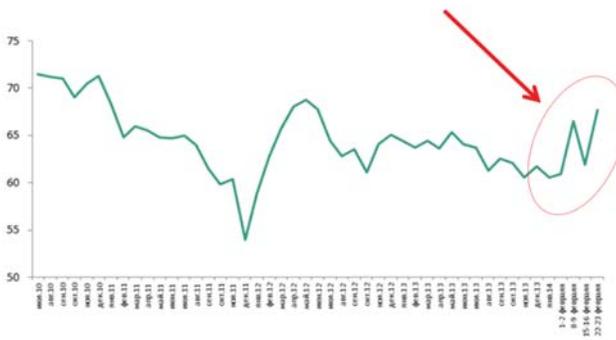

Рис. 1. Рейтинг власти и Олимпиада

сударственно-управленческих решений, там же и лица, принимающие решения (ЛПР). Есть система средовых датчиков, которые условно обозначены как сердце, духовно-ментальные состояния общества. Желудок – это материальное состояние общества. Там еще ниже есть некоторые состояния.

Видны линии обратной связи этих датчиков, то есть состояний общества, которые ведут к мозгам, вырабатывающим соответствующие решения на исполнение, в том числе и в силовом секторе: наука, политические институты, партии, избирательная система, кадровый рекрутинг, социальные лифты (отбор лучших, патриотичных, профессиональных, умных или, наоборот, ушлых, богатых, лоббистских и связанных семейными узами личностей), парламентская деятельность, СМИ и так далее.

Методологически предлагаемый подход выглядит так. Состояние страны является результа-

том работы системы «власть + общество» так же, как и обороноспособность является результатом работы системы «власть + общество».

Общество в России – очень реактивный (манипулируемый) институт. На рис.1 показано, как падал рейтинг Президента до начала 2014 года, а потом (N) возникла Олимпиада. Общество реагировало на количество медалей: сначала проигрывали, потом начали выигрывать. Ну а дальше – присоединение Крыма...

И мы понимаем, что рейтинги власти искусственные, как в русской пословице – «От любви до ненависти может быть один шаг». Исследование корреляционной связи комплекса состояний общества с условным обозначением сердца – духовно-ментальной сферой сверху и материальной снизу – с рейтингом Президента – показывает странную вещь. Этой связи нет.

Население нищает. В 2015 году – плюс 3 миллиона жителей вплоть до 19 миллионов с доходами ниже прожиточного минимума. Население вымирает, падает уровень жизни, а рейтинг растет. Но это лишь верхушка айсберга.

Изучение этой сложной системы показывает, что в России обратные связи «общество – власть» (рейтинг – это всего лишь одна из иллюстраций) не работают. В России датчики не работают. К чему это приводит в части обороноспособности, мы увидим на рис. 2.

Очень хорошо видно, как абсолютно не связаны материальный уровень жизни в стране и рейтинг Президента.

Для оценки дам лишь одну иллюстрацию. Не буду говорить о науке очень много. Это отдельная тема. Состоялся погром Российской академии наук, погром вузовской науки через сокращение

В России обратные связи с датчиков – не работают!

Рис. 2. Регрессионная модель зависимости рейтинга Путина от индекса благосостояния граждан

финансирования, через, прости Господи, ФАНО и интересы приватизации имущественного комплекса вместо развития науки, управления ею.

Где цели развития страны? В каких стратегических документах мы можем прочитать за подписью Президента, куда вообще идет страна? Под что настраивается экономика, образование, наука?

Вы знаете, я сегодня удивился. В этом зале никто не встал и не затопал ногами важного представителя из Госдумы. О чем депутат говорил? О частных военных компаниях. Эксклюзивная функция государства – оборона, право на вооруженное насилие – перемещается в частную военную компанию. Там частник, там хозяин. Он будет делать целеуказание. Нам что, опыт Востока Украины с «Айдарами», «Азовами» и частными батальонами Коломойского ни о чем не говорит? Мы хотим, чтобы у нас появились батальоны Абрамовича и Ротенберга? «Они» где-то уже готовят этот закон.

Мы сейчас увидим, что все это называется «либеральной, космополитической моделью устройства страны», не совместимой с жизнеспособностью и успешностью государства. И это не вкусовая оценка.

Партия как линия обратной связи, институт кадрового рекрутинга, институт артикуляции проблем народа и регионов, институт принятия государственно-управленческих решений – это чистая бутафория. «Единая Россия» – это номенклатурный, административный придаток. Это не партия.

Несколько феноменологических слайдов эту научную истину доказывают. Российские так называемые партии выполняют свои основные классические шесть функций на двойку в пятибалльной системе.

Рис. 3. Выполнение функций партий России

Нужда в диалоге, диспуте, дискурсе оценивается на уровне 84%. Вы где-нибудь оппозицию видели? Ее реальные, профессиональные, конструктивные предложения вместо либеральных выморочных затей строить постиндустриальную экономику? Вот цитата из Стратегии-2020, подписанной премьер-министром: «Мы строим постиндустриальную экономику». Переводим на русский язык. Постиндустриальная экономика – это то, что остается после экономики, в которой была промышленность. Поэтому, когда мы здесь слышим бравурные рассказы об успехах, а потом встает адмирал и рисует реальную картину с судостроением... А добавить еще реальную картину с авиастроением...

Рис. 4. Оценка деятельности партий в России

Мы с вами технари. Мы понимаем, что если средовые датчики не срабатывают, не посылают сигналы к мозгам, то с мозгами, как центром принятия решений, с качеством управляющего центра что-то обязательно должно произойти.

Рис. 5. Оценка эффективности деятельности оппозиции в России

Монополизация власти – причина деградации страны

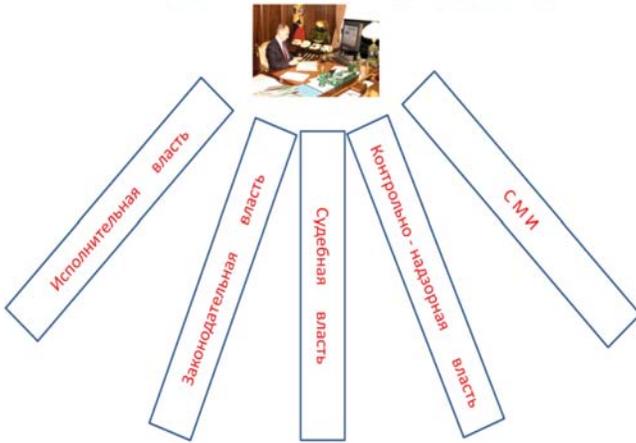

Рис. 6. Проблема одного кабинета: ручное правление

Что происходит в нашей стране? Происходит монополизация механизма принятия государственно-управленческих решений. Система сдержек и противовесов независимых ветвей власти уничтожена. Управление идет из одного кабинета. Монополизация власти – причина деградации страны.

Уничтожены принципы федералистского управления. Проблема «центр – регионы» страну все более разбалансирует.

Монополизация власти по федеральной вертикали

Рис. 7. Схема состояния властных органов России по федеральной вертикали

Разбалансирована и система избирательная. Я не погрешу особенно, если скажу, что выборы в Государственную Думу 2016 года уже состоялись, как и выборы 2018 года почти не вызывают сомнений.

Избирательная система тоже монополизирована

Рис. 8. Схема монополизированности избирательной системы

Монополия и отказ от адекватного представления о состоянии объекта управления обязательно снизит качество управления.

Мы построили специальную модель, чтобы объективно, а не вкусовым образом, сопоставить профессиональность или качество управления на высшем уровне государства для нескольких государств.

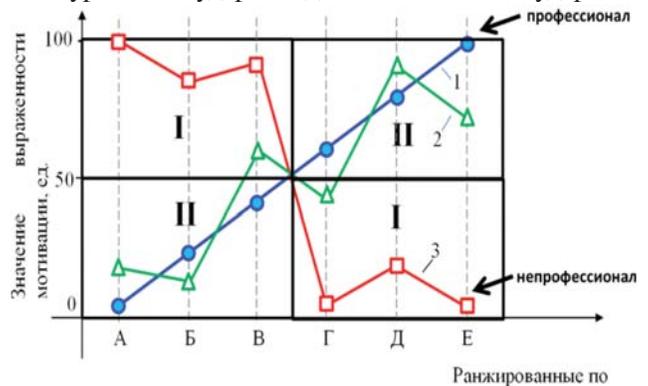

Рис. 9. Модель реконструкции профессиональности высшего звена управления в государстве

Речь идет о президентских позициях для нескольких стран. Эта модель основана на мотивационно-профессиональной реконструкции.

Восходящая слева направо диагональ характеризует паттерн максимального профессионала. Если кого-то интересуют детали, то на сайте www.rusrand.ru эта модель описана детально.

Обратная диагональ характеризует минимальный уровень профессионализма в высшем звене управления страны.

Характеристики для России показывают, что с уровнем профессиональности, то есть адекватности, точности, эффективности и результативности по заявленным целям в высшем звене в нашей стране не все благополучно.

Итак, Лукашенко – Меркель – Обама – Назарбаев – Порошенко – Путин. Вот такой получен результат. Качество государственного управления, профессионального государственного управления в высшем звене в России рекордно антирекордно.

Ну и какой при таком качестве управления может быть результат развития страны?

Слева сверху мы видим оценку качества управления после развала Советского Союза. Надежды

с первым сроком Путина (возрастание маленького горбика на рис. 12) на сегодня исчезают.

Слева внизу показаны результаты расчета так называемого «коэффициента жизнеспособности страны» (кжс). В 1917 году он в ноль обратился. В 1991 году – в ноль обратился. Куда в нынешней точке бифуркации направлен выбор?

Справа сверху – индекс успешности. Учитывались 193 статистических показателя развития нашей страны. Выше горизонтали – это успеш-

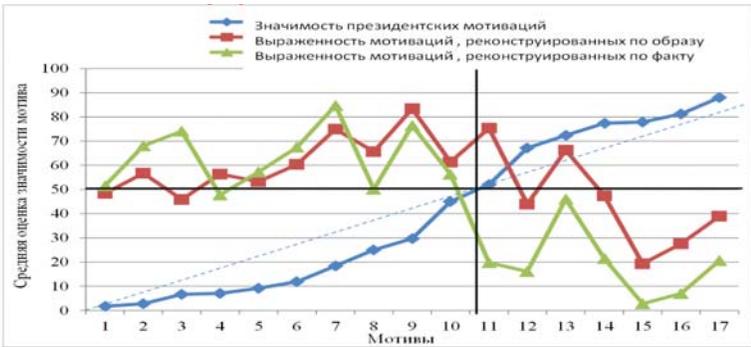
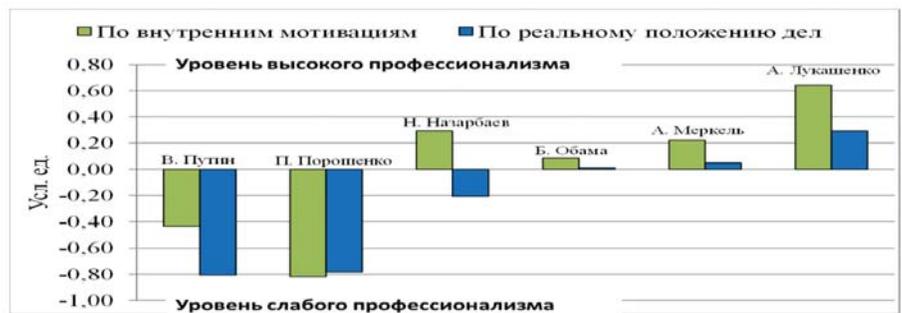
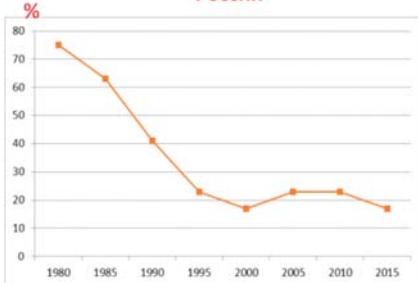

Рис. 10. Модель реконструкции профессиональности высшего звена управления в России

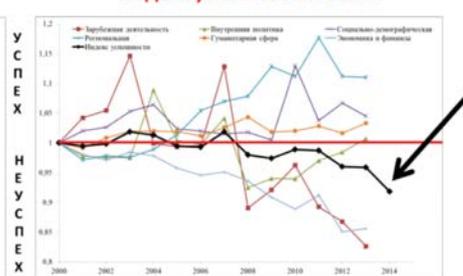
Рис. 11. Модель реконструкции профессиональности высшего звена в России и других странах

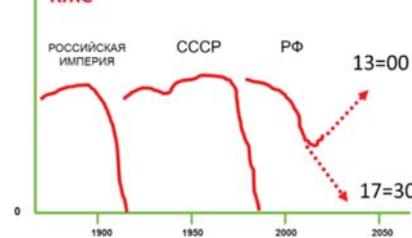
Качество государственного управления в России

Индекс успешности России

КЖС

Коэффициент жизнеспособности СССР и России

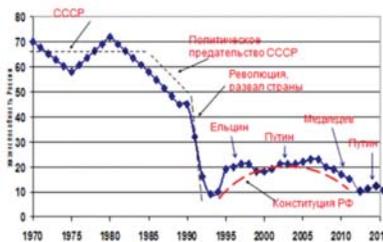

Рис. 12. Графики изменения качества управления в России

ное развитие страны. Ниже — неуспешное развитие страны — период 2000-2015 годов.

Черная кривая показывает, куда движется наша страна. Это не пропагандистский звон, в котором можно манипулировать рейтингами, но нельзя манипулировать потенциалами страны и той самой обороноспособностью, которая является совершенно реальной вещью.

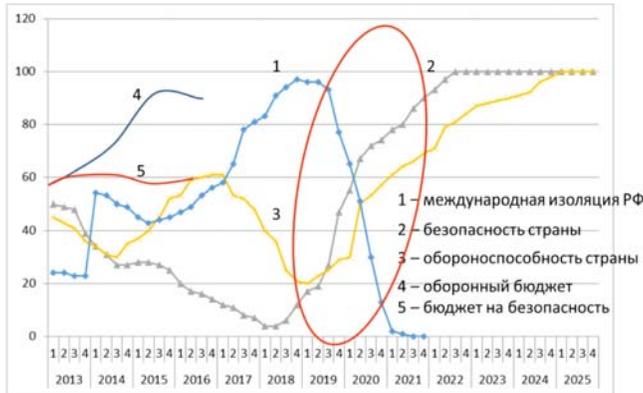

Рис. 13. График изменения обороноспособности и безопасности России

Здесь показаны состояние и прогнозы до 2015 года нескольких важнейших характеристик нашей страны. Четвертая и пятая кривая — это всего лишь динамика бюджетных назначений. Четвертая — на оборону. Пятая — на безопасность. Это просто факт.

Первая кривая — коэффициент международной изоляции страны. Присоединение Крыма привело к резкому скачку изоляции, то есть внешних угроз, которые с флуктуациями, но будут нарастать до рубежа 2018-2020 годов.

В этой связи безопасность — серая кривая — будет падать, несмотря на то, что обещанная обороноспособность меняет сложным образом свое поведение, в частности, реагирует на подбор бюджетного финансирования.

Экономика реально разваливается, экономика реально нефтяная и зависимая, никуда мы с иглы не слезли. Дело в том, что просто упали нефтяные доходы, но доходы в собственном механизме воспроизводства не выросли, потому что инвестиции упали, а промышленность изношена. Это иллюзорное состояние, что мы слезли с иглы.

Обороноспособность будет падать. И здесь я обращаю внимание на резкий переходный период, прогнозируемый на рубеже 2019-2020 годов. Он

овалом обведен. А затем более или менее оптимистический прогноз на приемлемый уровень обороноспособности и безопасности. Почему? Что это за прогнозы? Что за вариативность развития? Иное возможно?

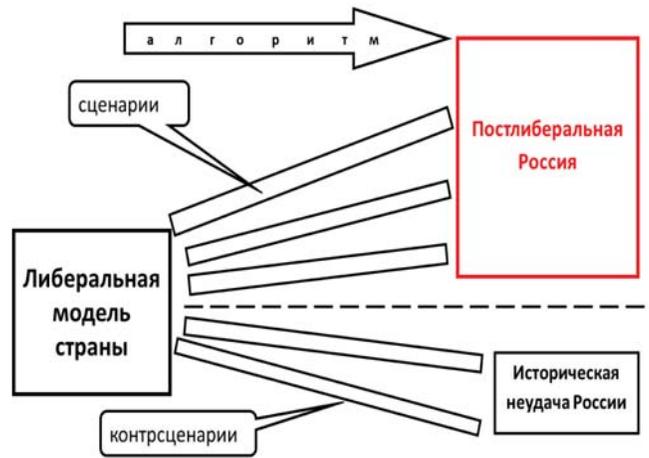

Рис. 14. Проблема перехода к иной модели страны

Мы ответственно констатируем, что либеральная модель страны пронизывает всю политику государства. К сожалению, Президент Путин руководит именно этой моделью, он от нее не собирается отказываться. Но она неприемлема для страны. Она не совместима с жизнеспособностью страны. Значит, вопрос состоит в том, перейдет ли страна на постлиберальное состояние иного устройства?

А иное может быть. Мы знаем по опыту Советского Союза. Не говоря сейчас о недостатках, иное устройство возможно. Иначе нежизнеспособная модель приведет страну к геополитическому «распаду».

Верифицировались восемь сценариев перехода. Что такое «верифицировались»? Вычислялись вероятности сложного события. Для каждого сценария их тоже восемь. Взвешивались вероятности тех или иных факторов.

Вот они восемь сценариев: 1) под управлением Путина страна оздоравливается — цезарианская модель; 2) геополитический «распад»; 3) оранжевая революция; 4) революция, оздоравливающая и социализирующая страну; 5) фашизация страны; 6) электоральное преобразование; 7) дворцовый переворот; 8) ничего не меняется — консервативная модель. Гипотетически, они вполне вероятны.

Сценарий	Вероятность факторов сценария								
	0,51	0,41	0,85	0,71	0,65	0,42	0,35	0,48	0,38
Цезарианская модель	0,51	0,41	0,85	0,71	0,65	0,42	0,35	0,48	0,38
Дворцовый переворот	0,40	0,47	0,45	0,48	0,49	0,27	0,30	0,52	0,76
Электоральное преобразование	0,21	0,31	0,26	0,46	0,41	0,38	0,31	0,49	0,38
Революция, оздоравливающая и социализирующая страну	0,34	0,40	0,19	0,46	0,31	0,35	0,22	0,47	0,59
Консервативная модель: вариант 1	0,89	0,56	0,87	0,48	0,83	0,88	0,67	0,81	0,48
Консервативная модель: вариант 2	0,83	0,61	0,80	0,35	0,81	0,84	0,73	0,78	0,44
Оранжевая революция	0,40	0,73	0,70	0,19	0,32	0,35	0,78	0,55	0,16
Геополитический распад России	0,34	0,52	0,57	0,12	0,30	0,28	0,73	0,55	0,15
Фашизация страны	0,34	0,33	0,34	0,17	0,30	0,28	0,41	0,47	0,21

Рис. 15. Показатели вероятности реализации сценариев перехода страны к различным (иным) моделям развития

Вот результат прогнозирования.

Что мы видим? Надеяться на поворот страны под предводительством Путина не приходится. Эта вероятность падает до нуля.

Самую высокую вероятность имеет консервативный выбор. Собственно, Президент Путин примерно так и говорит – ошибок не делали. Все делаем правильно. Никого менять не будем. Ничего менять не будем. Что и происходит.

Вероятность геополитического «распада» растет.

Вероятность дворцового переворота падает.

Обратите внимание на овал. Там возникает зона резкой нестационарности. Это рубеж 2019-2020 годов. Мы видим, что вероятность консер-

вативной модели резко снижается, вероятность дворцового переворота и оздоравливающей революции резко возрастает, так же, как ведут себя согласованно и другие вероятности.

Вывод из этого прогноза. Если человека гложет смертельно опасная болезнь, то он обязательно умрет, если не начнет лечиться или чего-нибудь не отрежет у себя нехорошее. Нежизнеспособная модель государственного устройства ответственна за деградацию страны. И назовите хоть одну жизненно важную сферу бытия страны, где не происходит деградации!

Есть политика. Есть индексы геополитического положения страны в мире. И они не на Russia Today, конечно, должны нами изучаться. Есть опросы, отношении международных политических институтов, вооруженных организаций, народов соответствующих стран, из которых следует, что наше геополитическое положение в стране деградирует, как бы это ни было нам грустно.

Доверять или не доверять этим прогнозам? Если они реализуются в прошлом и настоящем, то, вероятно, нужно доверять и относительно будущего. Вот прогноз так называемая «политическая температура». Это почти физическая характеристика социальной протестной энергетики российского общества. Прогноз таков, что на рубеже 2019-2020 годов условная температура будет около 750 градусов. Это уровень революции по ретроспективному анализу для нашей страны. А крупные точки – это мониторинг, который мы проводим уже много лет на собственной выборке в России. И черная стрелка показывает, что мы туда уже пошли. В 2020 году страну ждет острый

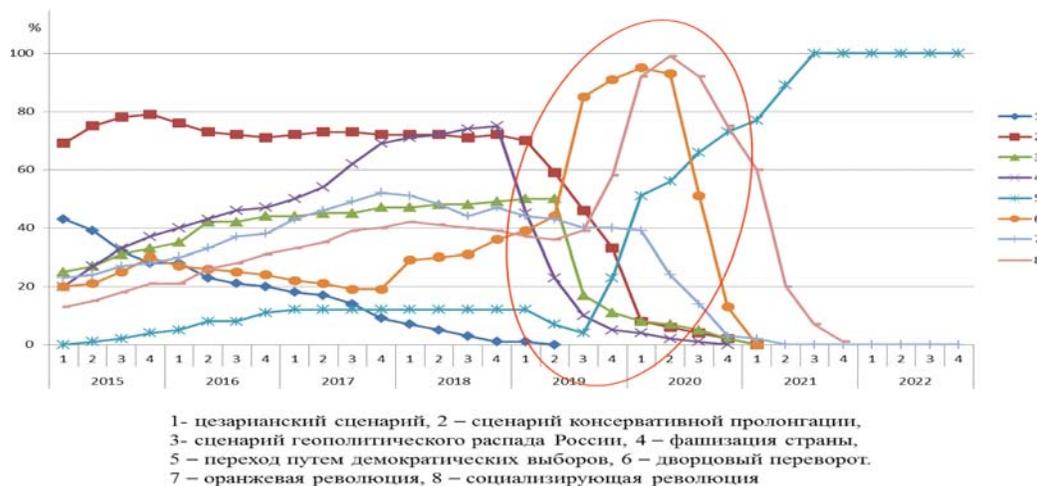

Рис. 16. Вероятные сценарии перехода России в иное состояние

Рис. 17. Прогноз развития «политической температуры» в России

социально-политический кризис и, вероятно, властная инверсия.

Вот как выглядит деформация так называемого политического спектра страны. По горизонтали – политические частоты. Это аналог спектра Фурье. Политические частоты, отношение к власти будут определять динамику политического процесса в стране.

Слева – «абсолютно поддерживаем власть». Справа – «абсолютно не поддерживаем». Мы видим в декабрьских (2014 и 2015 годов) отчетах – спектр пошел направо.

Спектр пошел в сторону протеста. Мы это квалифицируем как реакцию все-таки более или

менее здорового тысячелетнего исторического российского организма, российского народа. Он начинает прозревать, что ли. «Белые кровяные шарики» в социальной «иммунной системе» начинают срабатывать и отторгать либеральную космополитическую модель, которая деформирует страну и ответственна за тот крах, к которому страна идет.

Ну и что делать? Что возможно? Что наука на этот счет может ответить? Это уже проектная, социально инжиниринговая часть. Она абсолютно в рамках закона, в рамках действующей Конституции.

Нужно менять устройство страны. Нужно иначе построить систему Центрального Банка России. Все ли понимают, что сейчас это что-то вроде коммерческого киоска на привокзальной площади?

Центральный Банк России принимает свои решения, независимо от всех других органов государственной власти: независимо от Минобороны, независимо от Минсоцтруда, независимо от Минобразования, независимо от Минэкономразвития. Что это значит? Это значит, что он никаким образом не берет в расчет проблемы из перечисленных секторов. Что финансовая система страны привязана к валютной выручке, спекуляциям США и ФРС на валютной бирже при определении свободно плавающего

Политический спектр России разворачивается в сторону протеста против власти

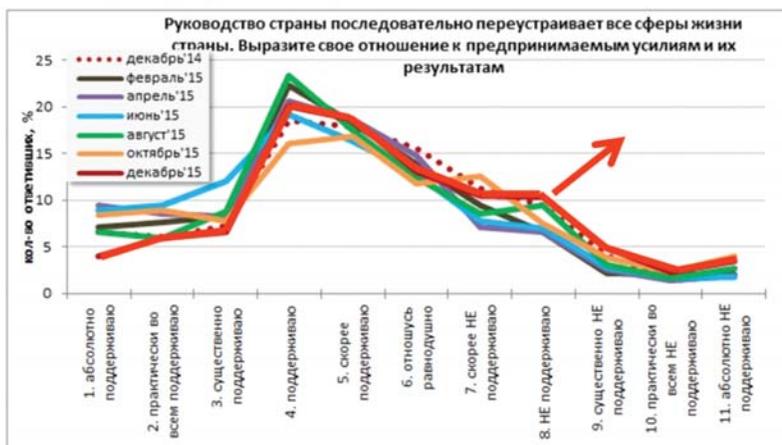

Рис. 18. Характер политического спектра России

Рис. 19. Направленность изменений устройства институтов, функций, механизмов, процедур государства и общества

курса рубля. Это не свободно плавающий курс рубля, а плавающий по указанию американцев. Это десуверенизирующий корень экономики, обоноспособности и финансов страны.

Мы понимаем, почему в Китае прирост ВВП составляет 8%. Там денег – суверенных юаней – больше, чем ВВП, в два раза. А в России рублей в 2,5 раза меньше ВВП. Где доступный и согласованный с рентабельностью кредит на выполнение гособоронного заказа? Кто придумал безумную девальвацию, которая, в том числе и зарубежную комплектацию для гособоронзаказа, вывела из всех смет и ударила по населению? Приватизация, так называемая вторая волна приватизации. А что означает приватизация РЖД? Мобильные ядерные ракетные железнодорожные комплексы пойдут в частные руки? По частным веткам будут ездить, что ли?

Устроение может быть другим. Для этого должна стать и другой Конституция. Эти разработки выполнены. Они выполнены профессионально и системно. Будущая конституция страны – это формула ее успешности и жизнеспособности.

Высшими ценностями государства в сегодняшней Конституции являются права и свободы. Все – точка. А Родина где? Где священный долг защиты Отечества? Пошли служить в батальоны имени Абрамовича? Он там больше заплатит! А если что, то и на Москву повернем за большую зарплату...

Почему сейчас наши граждане сбегают в ИГИЛ? Почему они из Ингушетии и Чечни туда бегут? Да потому, что они нищие, они денег не получают. А там им 1,5 тысячи баксов платят. А почему они денег не получают? Потому что Центральный Банк России вывел до 100 триллионов рублей из экономики России, а Президент Путин говорит: «Правильно действует Центральный Банк России». Президент противоречив. С одной стороны, он говорит: «Национал-предатели! Пятая колонна!». А с другой стороны, под его руководством делается то, что делается.

Новая Конституция России должна быть построена на основе высших ценностей.

Рис. 20. Этапы действенности Конституции страны

Рис. 21. Идеология создания Конституции России

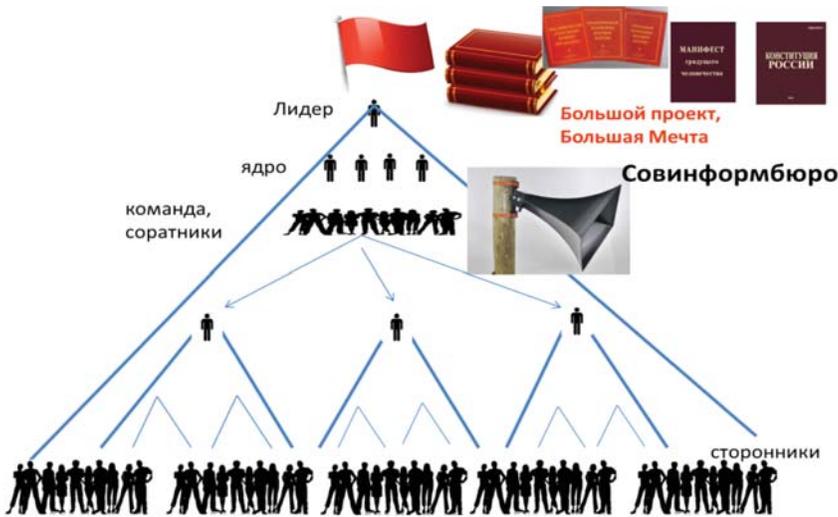

Рис. 23. Логика строительства партии нового типа

узнаете? Есть такие в стране! Надо собираться! Надо строить ПНТ — партию нового типа. Хватит дурака валять!

Если говорить о том, насколько это всерьез и профессионально, то посмотрите только на одно из проблемно-управленческих деревьев — дерево переустройства экономического устройства страны. Внизу 33 треугольничка — 33 самостоя-

тельных государственных экономических политик: от ДКП до внешнеэкономической, ценовой и долговой политики.

Дорожные карты, сетевые графики, как переустроить страну, чтобы не ввергнуть ее в развал, как на Украине, чтобы контролировать процессы. Лучше всего, чтобы этим, конечно, занималась сама власть, приняв эту идеологию. Ну, для этого она хотя бы услышать об этом должна!

Эти разработки есть.

Есть и сетевой график, как преобразовать экономическое устройство страны.

В общем, как видно из изложенного, обороноспособность страны будет иной, надежной, навсегда — тогда, когда само устройство страны тоже станет иным. Когда Россия стряхнет с себя либеральную космополитическую модель.

В заключение. Теоретическая база альтернативного устройства страны уже есть. Ее надо обсуждать. Ее надо дискутировать. И не так, как нам сейчас говорят на коллегии ФСБ: «Что это такое? Раскол общества тут предполагают!» Конечно, раскол: он за, а я против. Дискуссия нужна. Дискурс нужен. Сопоставление альтернативных моделей развития и устройства страны.

Эта база разработана. Проект Конституции, проект доктрин, в том числе и доктрины безопасности страны разработаны. Это значит, что нам нужно собираться, и не ради 3-х кресел в Госдуме, с которых даже пискнуть не дадут, потому что из кабинета Володина всем по телефону управляют. Это значит нужно собираться вместе умным, профессиональным, патриотичным, негибким, непокупаемым людям. Такие есть? Портрет

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

THE WAYS OF THE MILITARY COOPERATION STRENGTHENING OF RUSSIA AND BELORUSSIA UNION STATE

Стратегическое партнерство, развитие союзнических отношений с Российской Федерацией находятся под влиянием историко-культурной близости двух стран и двух народов. Военное сотрудничество Республики Беларусь с Российской Федерацией имеет ролевой приоритет и играет важную роль в обеспечении национальной безопасности в военной сфере. Стороны уделяют особое внимание созданию региональной группировки войск, которая является ключевым фактором в сохранении мира и стабильности в регионе. Важным направлением сотрудничества является совместное проведение научно-исследовательских работ.

The strategic partnership, the development of the alliance relations with the Russian Federation are influenced by the cultural-historic closeness of both countries and nations. Military cooperation of the Republic of Belarus with the Russian Federation has priority roles and plays an important role in the national security provide in the military sphere. The sides pay the special attention to the creation of the Regional group of forces, which is the key factor in the peace and stability keeping in the region. The important direction of the cooperation is the joint conduct of the scientific and research works.

Ключевые слова: Региональная группа войск стратегического сотрудничества, Договор о структуре Союзного государства, Организация коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств, Министерство обороны Республики Беларусь, Единая региональная система противовоздушной обороны РФ и Республики Беларусь.

Keywords: Regional group of forces, strategic cooperation, Agreement of the union State formation, Organization of the collective security agreement, independent states Commonwealth, Department of defense of the Republic of Belarus, Single regional system of the antiaircraft defense of the Russian Federation and the Republic of Belarus.

Современный мир вступил в стадию кардинальных экономических, общественных, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой интенсивностью и динамичностью. Интересы большинства человечества затронуты процессами глобализации, которые создают новую объективную реальность и во многом стимулируют мировой прогресс. Вместе с тем ее неоднозначный характер и последствия порождают множественные конфликты интересов. Предпринимаются попытки формирования и навязывания идеологии глобализма, призванной подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов.

Продолжающийся переход от однополярного к многополярному мироустройству, активное формирование и становление новых центров силы обостряют соперничество государств и конкуренцию моделей будущего развития. Стремление ряда стран использовать силовые методы, давление, экономические и ресурсные преимущества для продвижения своих интересов, двойные стандарты в трактовке демократических

норм и принципов остаются источником напряженности. Вследствие низкой эффективности существующих систем безопасности обозначилась тенденция к глобальной нестабильности. Растущая степень открытости экономик, свободы перемещения товаров, капиталов и трудовых ресурсов, межличностного взаимодействия размывает грань между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными процессами.

На смену традиционным системам межгосударственных сдержек и противовесов приходят надгосударственные и транснациональные регуляторы мировых отношений и экономики. Растет осознание значимости институтов и механизмов партнерства на всех уровнях международной жизни.

Республика Беларусь является активным субъектом международных отношений, донором международной и европейской безопасности, целенаправленно участвует в формировании многополярного мира, руководствуясь принципами взаимного уважения, равноправия и справедливости. Многовекторная и динамичная внешнеполитическая деятельность Беларуси стала важным между-

народным фактором. Эта линия, в первую очередь, основывается на всестороннем сотрудничестве с Российской Федерацией, другими дружественными государствами на постсоветском пространстве.

Стратегическое партнерство, развитие союзнических отношений с Российской Федерацией обусловлены географической и культурно-исторической близостью наших стран и народов, взаимодополняемостью экономик, тесными кооперационными связями белорусских и российских компаний. Правовой основой белорусско-российской интеграции является подписанный 8 декабря 1999 г. главами Беларуси и России Договор о создании Союзного государства.

В соответствии с ним страны поставили перед собой ряд важных ориентиров: обеспечение мирного и демократического развития народов двух государств; создание единого экономического и таможенного пространства; обеспечение устойчивого социально-экономического развития; проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны; формирование единой правовой системы; проведение согласованной социальной политики; обеспечение безопасности и борьба с преступностью.

Наряду с взаимодействием в рамках «двойки», Беларусь и Россия выступают за углубление сотрудничества в коллективном формате, принимают активное участие в других интеграционных проектах на постсоветском пространстве. Беларусь и Россия эффективно координируют свои действия на международной арене в соответствии с Программой согласованных действий в области внешней политики, которая принимается каждые два года. Будем откровенными, достигнутая динамика белорусско-российских интеграционных процессов положительно воспринимается далеко не всеми представителями мирового сообщества, которые, в силу геополитических и других причин, болезненно воспринимают любую интеграцию на постсоветском пространстве. Белорусско-российский союз развивался на фоне систематических попыток определенных сил поставить палки в колеса наших союзнических отношений.

О том, к какому плачевному результату могут привести такие попытки, мы все наблюдаем на примере Украины. Он должен стать для нас предостережением. Это предостережение от политической безответственности, которая, как видим, может привести даже к разрыву многолетних плодотворных межгосударственных взаимоотношений.

Уверен, что братские отношения между русскими и белорусами никаким деструктивным силам уже не разрушить. Символом такой уверенности является именно военное сотрудничество между нашими странами, которое, несмотря на любые колебания внешнеполитической конъюнктуры, всегда развивалось поступательно. Военное сотрудничество Республики Беларусь с Российской Федерацией носит приоритетный характер и играет определяющую роль в системе обеспечения национальной безопасности в военной сфере.

С Российской Федерацией заключено около 35 международных договоров, реализация которых направлена на координацию совместной деятельности в таких областях военной сферы, как ВВС и войска ПВО, решение вопросов военно-технического сотрудничества, выполнение обязательств в областях контроля над вооружениями, военная разведка, совместное использование объектов военной инфраструктуры, обеспечение региональной безопасности, создание объединенных систем Региональной группировки войск (сил), в том числе системы информационного обеспечения военного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации и Единой региональной системы противовоздушной обороны Республики Беларусь и Российской Федерации. Договорно-правовая база двустороннего сотрудничества с Российской Федерацией и многостороннего сотрудничества в форматах Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружества независимых государств (СНГ) на настоящий момент позволяет регулировать практически весь комплекс отношений в военной и военно-технической областях.

С участием предприятий белорусского оборонно-промышленного комплекса производится около 15% российского вооружения. Сейчас, в условиях антироссийских санкций, это стало особенно актуальным, в том числе и для импортозамещения в российской «оборонке». Приоритетными направлениями должны быть переоснащение и дальнейшее развитие оборонно-промышленного комплекса наших стран, разработка перспективных образцов вооружений, создание полного замкнутого цикла их производства, импортозамещение узлов и компонентов для вооружения и военной техники. Беларусь и Россия заинтересованы не просто в механическом замещении импортных товаров на отечественные. Сотрудничество в военно-технической

области успешно развивается. Россия является основным партнером в поставках продукции военного назначения, запасных частей к вооружениям и военной технике, а также в ремонте и модернизации военной техники, состоящей на вооружении Вооруженных Сил Республики Беларусь. С 2012 года заключено более 100 контрактов, из них 71 контракт уже реализован.

Отдельное внимание хочу уделить совместным проектам в сфере военного образования. Обучение белорусских военнослужащих в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации с 1998 по 2008 год осуществлялось в соответствии с совместной программой «Подготовка белорусских военнослужащих в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации». За время выполнения Программы в 38 вузах Российской Федерации подготовлено свыше 800 военнослужащих. С 2006 года обучение белорусских военнослужащих в вузах Министерства обороны Российской Федерации осуществляется в рамках реализации Соглашения о подготовке военных кадров для государств-членов ОДКБ. В соответствии с данным Контрактом подготовлено свыше 150 военнослужащих.

В настоящее время в военно-учебных заведениях (филиалах военно-учебных заведений) Министерства обороны Российской Федерации в интересах Вооруженных Сил Республики Беларусь обучается свыше 400 белорусских военнослужащих.

Кроме того, в вузах Министерства обороны Российской Федерации проводятся краткосрочные курсы повышения квалификации по программам дополнительного профессионального образования для белорусских военнослужащих. Подготовка военных кадров способствует укреплению обороноспособности двух государств и, учитывая экономические интересы, является практическим мероприятием в рамках ОДКБ, а также в реализации совместных мероприятий по обеспечению функционирования Региональной группировки войск (сил).

Особую благодарность хочу выразить российским военным ученым (вы всех их знаете, поэтому называю без воинских званий, ученых степеней и ученых званий) Рябчуку Виктору Дмитриевичу, Корабельникову Александру Андреевичу, Копытко Василию Кирилловичу, Сапожинскому Виталию Александровичу, Воробьеву Ивану Николаевичу, Кардашевскому Юрию Викторовичу, Дульневу Павлу Александровичу. Их активное

участие в работе ученых советов Военной академии Республики Беларусь на соискание ученой степени кандидата военных наук, а также ученой степени доктора и кандидата технических наук на заре существования белорусской национальной военной науки помогло её становлению. Если на 1994 год в Республике Беларусь было около десяти кандидатов военных наук и ни одного доктора военных наук, то к 2015 году стало около 150 кандидатов и 7 докторов военных наук. Создана военная научная школа.

В рамках обеспечения функционирования Региональной группировки войск (сил) министерствами обороны Беларуси и России проводится согласованная работа по созданию механизма обеспечения безопасности Союзного государства, нормативной правовой базы объединённых систем технического и тылового обеспечения, системы управления Региональной группировкой войск (сил). Белорусские и российские подразделения регулярно принимают участие в учениях на территориях двух государств. Особое внимание уделяется совместной боевой подготовке ВВС и войск ПВО Беларуси и Воздушно-космических сил России, проведению боевых стрельб на полигонах Российской Федерации «Ашулук» и «Телемба», командно-штабных тренировок и совместному несению боевого дежурства по противовоздушной обороне. Региональная группировка войск (сил) в полной мере оправдывает своё предназначение и является ключевым фактором в поддержании мира и стабильности в регионе, гарантом коллективной безопасности не только двух стран, но и всех государств-членов ОДКБ на западном направлении.

Еще одним ярким примером белорусско-российского боевого братства стало взаимодействие между российскими Воздушно-десантными войсками (ВДВ) и белорусскими Силами специальных операций, имеющими единые корни и традиции. В начале февраля этого года в Минске состоялась белорусско-российская рабочая встреча по уточнению порядка, сроков и условий проведения совместных мероприятий учебно-боевой деятельности двух стран в первом полугодии 2016 года. Основными совместными мероприятиями Воздушно-десантных войск России и Сил специальных операций Вооружённых Сил Республики Беларусь станут как двусторонние тактико-специальные и тактические учения, которые пройдут на территории обеих стран, так и участие военнослужащих в пред-

стоящей гуманитарной операции на Северном полюсе. Также в планах российских и белорусских десантников – обмен опытом в подготовке военнослужащих специальных подразделений в аэродинамической трубе, в использовании современного кислородного оборудования при совершении высотных прыжков. Совместные учения подразделений ВДВ России и Сил специальных операций Вооруженных Сил Республики Беларусь проводятся ежегодно с целью укрепления двустороннего сотрудничества в области обороны. Я неслучайно привел пример успешного взаимодействия белорусских и российских десантников, хотелось бы, чтобы такого же уровня достигло взаимодействие между сухопутными войсками обоих государств.

Мы должны приложить максимум усилий для того, чтобы сделать наше сотрудничество еще более эффективным. И в этом вопросе есть над чем работать, особенно военным ученым. Сегодня у нас явно недостаточное количество совместных научно-исследовательских работ. Очевидно, что для активизации военно – научного сотрудничества мы должны инициировать кардинальные премены. С сожалением приходится констатировать, что Комплексная программа военно-научного сотрудничества Министерства обороны Республики Беларусь и Министерства обороны Российской Федерации на 2011 – 2015 годы реализована лишь примерно на 15 процентов. С 2007 года не проводилось ни одной комплексной совместной научно- исследовательской работы по тематике применения Региональной группировки войск (сил). И лишь в прошлом, 2015 году, мы начали совместную работу по созданию наставления «Основы подготовки и применения Региональной группировки войск (сил) по ведению военных действий на Западном ТВД».

Одним из важнейших направлений взаимодействия является совместное проведение исследований на мероприятиях оперативной подготовки Региональной группировки войск (сил). Помимо совместного проведения научно-исследовательских работ, взаимодействие должно проводиться при личном участии руководящего состава научных организаций и научных сотрудников в плановых совместных мероприятиях научной работы, а также совместно с органами военного управления при разработке и проведении научной экспертизы уставных документов.

В рамках совместных комплексных научно-исследовательских работ предусматривается про-

должение проработки вопросов развития и совершенствования нормативной правовой базы, мониторинга обстановки в пограничном пространстве с применением новейших информационных технологий, реализации комплекса мер по стратегическому сдерживанию агрессии, вопросов всестороннего обеспечения совместных группировок, уточнения документов военного планирования, развития автоматизированных систем управления войсками и оружием.

Кроме того, при необходимости, мы готовы принять участие в разработке методических материалов для совершенствования практической подготовки руководящего состава Вооруженных Сил наших государств:

- по строительству Вооруженных Сил;
- по основам военного искусства, по теории управления войсками;
- по организации и проведению мероприятий оперативной подготовки.

В целях совершенствования вопросов оперативной совместимости органов и средств управления Региональной группировки войск (сил) целесообразно спланировать разработку новых и развитие существующих комплексных систем автоматизации группировок войск, в том числе по завершению опытно-конструкторской работы «Котра».

В области противоракетной обороны в интересах Союзного государства возможно:

- проведение исследований в интересах создания единой системы управления силами и средствами противоракетной обороны Союзного государства (состава и структуры органов управления, системы пунктов управления, системы связи);
- проведение исследований по разработке ключевых технологий поддержки принятия решений по противоракетной обороне и ее преодолению;
- проведение исследований по созданию единой системы связи и комплексной автоматизированной системы управления войсками и оружием, позволяющей обеспечивать обмен информацией в реальном масштабе времени в общей системе противоракетной обороны союзного государства.

Наиболее актуальными могут стать совместные исследования по разработке методологии поддержки принятия решений по отражению ракетных ударов и планированию преодоления систем противоракетной обороны.

С этой целью совместно с научными организациями Российской Федерации предлагается

провести комплексную научно-исследовательскую работу по теме: «Разработка методологии поддержки принятия решений по отражению ракетных ударов». Результаты исследований данной комплексной научно-исследовательской работы предполагается реализовать при разработке рекомендаций по созданию и совершенствованию систем противоракетной обороны объектов, а также мер и способов ее преодоления, при разработке перспективных и доработке существующих моделирующих комплексов боевых действий по отражению ударных средств ракетного нападения и преодолению противоракетной обороны.

Кроме того, требуется проведение работы по совершенствованию обмена информацией между взаимодействующими пунктами управления ВВС и войск ПВО Вооруженных Сил Республики Беларусь и Воздушно-космических сил Вооруженных Сил Российской Федерации в рамках функционирования Объединенной системы ПВО СНГ, Единой региональной системы ПВО Российской Федерации и Республики Беларусь.

Приходится констатировать, что обмен информацией в настоящее время осуществляется неавтоматизированным способом по выделенным каналам связи при совместном несении боевого дежурства по противовоздушной обороне.

Если до определенного времени на вооружении соединений и воинских частей находились взаимно сопрягаемые в автоматизированной системе управления зенитные ракетные, радиолокационные комплексы, авиационные ракетные комплексы перехвата, то с принятием на вооружение новейших образцов вооружения, в том числе комплексов средств автоматизации, многое изменилось. Их информационное сопряжение с отдельными источниками информации и управляемыми средствами стало невозможным без предоставления соответствующих протоколов обмена информацией.

В целях совершенствования охраны внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве, развития Единой региональной системы ПВО Российской Федерации и Республики Беларусь предлагается в первоочередном порядке решить вопросы организации автоматизированного обмена. Речь идет в том числе о закрытой информации на стратегическом и оперативно-стратегическом уровнях управления.

В рамках многогранного российско-белорусского научного сотрудничества важнейшее зна-

чение имеет проведение военно-исторических исследований. На протяжении нескольких лет белорусская сторона участвует в подготовке материалов в фундаментальные многотомные труды «Великая Отечественная война 1941 — 1945 годов» и «Первая мировая война 1914 — 1918 годов». Сотрудники НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь активно участвуют в различных международных исторических конференциях как в России, так и в Беларуси. А также регулярно публикуют свои статьи на страницах российских научных журналов.

Региональная группировка войск (сил) вооруженных сил Российской Федерации и Республики Беларусь является основой общей системы военной безопасности и ядром Восточно-Европейского региона коллективной безопасности. Беларусь была и по сей день остается главным и наиболее последовательным союзником России в военной сфере.

Если говорить о Союзном государстве России и Беларуси, то одним из реальных атрибутов его существования является проведение единой оборонной политики двух стран. На всем постсоветском пространстве аналогичного уровня двустороннего военного сотрудничества нет.

Таким образом, на последующую перспективу предлагаю спланировать разработку стандартов по информационному сопряжению и взаимодействию автоматизированных систем управления различной ведомственной подчиненности в рамках Союзного государства, унификации видов обеспечения автоматизированных систем управления, созданию системы поддержки принятия решения, по унификации геоинформационной системы, системы навигационно-временного обеспечения и опознавания государственной принадлежности объектов системы управления.

Кроме того, наиболее актуальной может стать разработка методологии поддержки принятия решений по отражению ракетных ударов и планированию преодоления систем противоракетной обороны.

Здесь требуется проведение работы по совершенствованию обмена информацией между взаимодействующими пунктами управления ВВС и войск ПВО Вооруженных Сил Республики Беларусь и Воздушно-космических сил Вооруженных Сил Российской Федерации в рамках функционирования Объединенной системы ПВО СНГ, Единой региональной системы ПВО Российской Федерации и Республики Беларусь.

Одним из приоритетов также является проведение научных исследований по анализу и прогнозу военных угроз Союзному государству России и Беларуси, разработке предложений по совместному применению Вооруженных Сил наших государств, дальнейшие военно-исторические исследования. Важнейшим направлением взаимодействия считаю совместное проведение исследований на мероприятиях оперативной подготовки Региональной группировки войск (сил).

У каждого государства есть свои наработки в области обеспечения национальной безопасности. За текущие десять лет Беларусь разработала и апробировала ряд научно-теоретических положений и сформировала национальную научную школу.

Особенности менталитета и отсутствие больших средств заставляют нас всесторонне оценивать принимаемые решения и выбирать оптимальные. Возможно, этот опыт будет полезен для Российской Федерации.

P.S. DEINEKIN

П.С. ДЕЙНЕКИН

ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ – ВАЖНЕЙШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВОЕННОЙ МОЩИ ГОСУДАРСТВА

AIR DOMINATION – THE MOST IMPORTANT EXPRESSION OF THE GOVERNMENTAL MILITARY POWER

Показан опыт применения авиации на начальном этапе Второй мировой войны. Раскрыты особенности в подготовке и ведении операций российских ВКС в Сирии. Вскрыты проблемные вопросы в подготовке резерва летчиков за счет пилотов гражданской авиации. Предложен вариант по воссозданию Министерства гражданской авиации.

The experience of the aviation using on the initial stage in the Second World War is shown. The specificity of the preparation and carrying out missions of the air and space forces in Syria. The problematic questions in the military pilots preparation, which is provided due to civil aviation pilots. In the article an example of the civil aviation department reanimation is suggested.

Ключевые слова: господство в воздухе, гражданская авиация, Федеральное агентство Воздушного транспорта, Аэрофлот, Воздушно-космические силы, районы базирования, Министерство гражданской авиации

Keywords: domination in the air, civil aviation, air transport Federal agency, Aeroflot, Air and space forces, basic districts, civil aviation Department.

Начну с военной истории. В 1940 году в небе Второй мировой войны шла т.н. «битва за Англию» между Королевскими ВВС (RAF) и немецкими Люфтваффе. Потери авиационной техники в том воздушном сражении у англичан составили 1500, а у немцев – 1900 самолетов. Вместе с тем, над Англией погибло 2698 членов немецких летных экипажей и только 544 английских пилота. Соотношение потерь в летных кадрах – 1:5 в пользу англичан, и хваленые Люфтваффе борьбу за господство в воздухе проиграли. Гитлер без авиационной поддержки отказался от высадки сухопутных сил на английские острова, а премьер-министр Черчилль в палате общин сделал два важных заявления.

Первое: «С начала прошлого века и по настоящее время важнейшим выражением военной мощи государства является господство в воздухе. Флоты и сухопутные армии должны примириться со своим второстепенным положением».

Второе: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов не было случая, когда столь многие были бы обязаны многим столь немногим». Вышеуказанные заявления Черчилля в полной мере относятся и к господству в воздухе, и к тем российским авиаторам, которые воюют в сирийском небе. Всего за пять месяцев (с сентября 2015 года) несколько сотен наших летчиков коренным образом изменили военно-политическую обстановку в мире и высоко подняли международный рейтинг России как государства.

И еще один пример из военной истории. В начале прошлого века из воздухоплавания выросла военная авиация. А сейчас, по мере освоения космоса, в военных умах созрела идея объединения тех сил, которые способны решать задачи в воздушно-космической сфере. Теперь в вооруженной борьбе земная твердь принадлежит Сухопутным войскам, моря и океаны – Флоту, а небо – Воздушно-космическим силам. Кстати, такую концепцию всегда отстаивала и российская Академия военных наук.

Позвольте мне доложить некоторые особенности по подготовке и ведению боевых операций российских ВКС в Сирии:

подготовка к ведению войны на значительном удалении от границ России велась скрытно. Скрытность обеспечила внезапность при нанесении первых ракетных ударов. Они прогремели как гром среди ясного неба;

на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях была четко отработана система управления и вопросы взаимодействия между видами российских Вооруженных Сил и сирийской армией. На пункте управления российского командующего работают представители всех сил и родов войск. Для них по-новому организована и выдается реальная обстановка на ТВД из космоса и от беспилотных летательных аппаратов. Это обеспечивает руководству своевременное принятие адекватных решений в реальном масштабе времени. Подчеркну, что всеми силами и средствами руководит толковый общевойсковой командующий. И это тоже правильно;

военные действия имеют стратегический пространственный размах. Надводные и подводные силы флота наносили ракетные удары с Каспий-

ского и Средиземного морей, а стратегические ракетноносцы Дальней авиации – с Запада и Востока, с больших удалений от объектов поражения;

в начале операции наш Военно-Морской Флот и Дальняя авиация применяли высокоточные дальнебойные крылатые ракеты морского и воздушного базирования. Мы показали всем, что обладаем грозным современным оружием первого удара, умеем и готовы его применить;

вместе с тем его массовое использование в гражданской войне на территории Сирии не имеет смысла. Там нет таких объектов, по которым следовало бы и дальше применять дорогостоящие боеприпасы. Кстати, наши самолетные прицельные устройства, а также инерциальные и спутниковые системы навигации обеспечивают точность поражения заданных целей обычными авиабомбами;

после выполнения массированных ракетно-бомбовых ударов наша авиация перешла к систематическим боевым действиям и к вылетам по вызову. Все цели разведываются, анализируются, согласовываются и уточняются до удара, а после их поражения – фотографируются. Для обеспечения боевых действий активно применяются беспилотные летательные аппараты (и для детальной разведки целей, и для контроля результатов каждого удара);

районы базирования российских войск надежно прикрыты современными комплексами ПВО, а ударные группы в воздухе – фронтовыми истребителями.

И, конечно же, в Сирии проводятся испытания нашей новой боевой техники и вооружения. Впервые на войне мы применили высокоточные крылатые ракеты морского и воздушного базирования, в Сирии размещены современные средства ПВО, летчики воюют на самолетах модифицированных и новых типов.

Следует также отметить, что, в отличие от прежних военных конфликтов, в электронных и печатных СМИ нами ведется активная информационная война. Поэтому все клеветнические нападки о том, что мы якобы нарушаем воздушное пространство, бомбим мирное население, больницы и госпитали, становятся для мирового общественного мнения бездоказательным вымыслом.

В отношении гражданской войны в Сирии еще скажу, что активность в боевых действиях против бандформирований проявляют сирийские отряды ополчения. Вы их могли видеть на

ТВ-экранах с автоматами Калашникова в руках, а на майках нанесено изображение нашего Героя-летчика Олега Пешкова, погибшего в Сирии. Русский офицер служит им как пример и призыв к подвигу.

Российские летчики, принимающие участие в боевых действиях, в полном объеме подготовлены для выполнения поставленных задач. И в профессиональном, и в морально-психологическом отношении. Еще раз напомню, что воюет их там немного, и о них заговорил весь мир. Но хватит ли этих сил на ведение, при необходимости, более масштабной войны с активным противодействием со стороны ПВО противника? Вряд ли... И поэтому нужно принять дополнительные и неотложные меры по подготовке летных кадров.

В результате большой агитационной работы, которую в последние годы проводит руководство ВКС, конкурс в вузы ВВС возрос до четырех-пяти абитуриентов на место. Но мы должны обратить внимание и на такой мощный резерв ВКС, как гражданская авиация России.

Сейчас в СМИ активно демонстрируются успехи нашей гражданской авиации: за 2015 год перевезено 100 миллионов пассажиров, существенно увеличился грузооборот. Но этот объем воздушных перевозок выполнен на 900 самолетах иностранного производства. Большинство этих воздушных лайнеров наши авиакомпании взяли в лизинг, они зарегистрированы в оффшорах за пределами России. И если капиталисты как следует займутся авиационными санкциями, то мы из Санкт-Петербурга во Владивосток будем ездить поездом, а перемещаться «по северам» — на собаках и оленях.

Тут дело в том, что в нашей стране при замене социального строя в 1991 году для обеспечения бурной приватизации Воздушного флота было упразднено Министерство гражданской авиации. И с тех пор (а это четверть века!) наша гражданская авиация управлялась в угоду т.н. рыночным отношениям. Это привело к тому, что сегодня государственную политику в сфере воздушного транспорта определяет департамент в Министерстве транспорта. В составе этого департамента нет ни одного профессионального пилота!

В Минтрансе имеются также департаменты по определению государственной политики по шоссейным и железным дорогам, по морям и рекам. Не слишком ли много департаментов и чиновников определяют государственную по-

литику? Кроме того, у нас до сих пор пользуется правами сертификации воздушных судов и всех авиационных объектов, а также расследованием летных происшествий так называемый Межгосударственный авиационный комитет (МАК). Это просто парадокс, когда одна и та же структура и сертифицирует, и расследует. Вместе с тем вопросы контроля за состоянием дел в гражданской авиации отданы Ространснадзору. Вывод: система управления гражданской авиацией России не соответствует требованиям времени. Это не мое личное мнение, это активная жизненная позиция Общественной палаты, профсоюзов, общественных организаций и Экспертного совета Гражданской авиации.

Для подтверждения этого заявления приведу простой пример — банкротство крупнейшей российской авиакомпании «Трансаэро». Разве можно в наши дни допускать такое, когда в один миг лишаются рабочих мест 12 тыс. человек персонала, из них 930 летчиков, в том числе 500 — командиров кораблей? Это разве порядок?

Другой пример. Нашлись у нас продвинутые менеджеры, которые пролоббировали закон о ежегодном найме в нашу гражданскую авиацию нескольких сотен капитанов воздушных судов из граждан иностранных государств. Президент России инициаторов этой идеи предупредил, чтобы предложение было согласовано с профсоюзами. Ничего согласовано не было, и, вопреки общественному мнению, закон продавили. На службу в гражданскую авиацию России было принято 17 иностранцев. Когда эта группа столкнулась с организацией труда наших гражданских пилотов, в России осталось работать несколько человек. Вот так — чужаков мы принимаем, а своих выбрасываем на улицу.

Наши пилоты имеют большой опыт и налет часов, их английский язык не ниже четвертого уровня. То есть это интеллектуалы, которым доверяется жизнь более 300 пассажиров на борту воздушного судна. Так что капитаны и вторые пилоты воздушных судов — это генофонд любой нации, и в нашем обществе нужно изменить отношение к таким людям.

Пожалуй, в нашей гражданской авиации наиболее деятельной и подготовленной в профессиональном отношении структурой является Федеральное агентство Воздушного транспорта (Росавиация). Однако Росавиация властно зажата внутри системы и тем самым лишена возможности оперативно и адекватно влиять на положе-

ние дел. Выводы и предложения: на фундаменте Росавиации воссоздать Министерство гражданской авиации. Его задачи:

1. Строительство отечественного гражданского воздушного флота. Одними Суперджетами да в перспективе и МС-21 мы не решим транспортные проблемы в небе страны. Кстати, и эти машины (к сожалению) комплектуются оборудованием иностранного производства.

2. Разрешить проблему авиационной безопасности и безопасности полетов. Падают воздушные суда, погибают пассажиры и хоккейные команды. Все это происходит безнаказанно, никто у нас за это не отвечает.

3. Восстановить наземную инфраструктуру и воздушное сообщение на бескрайних российских землях от Урала и до Чукотки.

4. Авиационное обеспечение освоения Арктики и Северного морского пути. Географические общества и атомные ледоколы не смогут решить эту задачу без активной помощи гражданской авиации.

5. Воспитание молодого поколения. Через авиамодели и парашютные вышки, через планеры и легкомоторную авиацию, через авиационные спецшколы. Народ-то наш тянется в небо. Люди покупают самолеты и вертолеты, делают их сами, но это движение носит неорганизованный характер. А чтобы отучить молодежь от наркотиков, от улицы, от ночных клубов и других злых соблазнов, авиация может послужить. Так, как это было в 1930-е годы: «Дадим стране 100 тысяч летчиков!» И ведь дали!

И последнее, весьма важное.

Гражданский воздушный флот всегда был и должен снова стать горячим резервом Воздушно-космических сил. Раньше, командуя авиационной дивизией, я знал фамилию каждого командира корабля, который придет ко мне за штурвал боевого самолета из советского Аэрофлота уже на второй день войны...

И если мы еще раз вернемся к итогам 2015 года, то отметим: 100 миллионов пассажиров у нас в России перевезли всего-то восемь тысяч летных экипажей, состоящих из командира воздушного судна и второго пилота. Опять таки – немногие для многих! Такие высоко подготовленные в профессиональном отношении авиационные кадры надо готовить к защите Отечества в мирные дни. Заниматься этим в особый период будет поздно...

Сейчас у нас в стране каждое неравнодушное сердце обращено к военным летчикам, чьи боевые дела мы видим на экранах изо дня в день. Они пренебрегают опасностью и выполняют задачи с риском для жизни. Так давайте от всей души пожелаем им вернуться домой тем же составом, что убывал в Сирию!

В заключение еще раз напомним, что важнейшим выражением военной мощи государства по-прежнему является господство в воздухе. И надо стремиться к тому, чтобы Воздушно-космические силы России были сильнее военной авиации других стран. Об этом следует помнить тем, кому дорога безопасность нашей Родины в непростом современном мире!

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК: ВЗГЛЯД УЧАСТНИКА

CONFERENCE ACADEMY OF MILITARY SCIENCES: PARTICIPANTS' VIEWS

В статье в обобщенной форме проводится анализ проблематики, рассмотренной на прошедшей в феврале 2016 года военно-научной конференции Академии военных наук. Делаются выводы о системной значимости военной науки для обороноспособности государства и формулируются вероятные направления сосредоточения ее усилий.

In an article in the form of a generalized perspective analysis is conducted, discussed at the last in February 2016 the military-scientific conference of the Academy of Military Sciences. The conclusions of the systemic importance of military science for national defense and state the probable direction of concentrating its efforts.

Ключевые слова: безопасность, Вооруженные Силы, военное искусство, военное дело, конференция, обороноспособность, технологии, угрозы, формы и способы, экономика.

Keywords: security, armed forces, military art, military, conference defenses, technology, threats, forms and methods of the economy.

Состоялась военно-научная конференция Академии военных наук. Событие в масштабах всей страны не очень заметное, но в масштабах Вооруженных Сил Российской Федерации достаточно значимое как с точки зрения поднятых на ней вопросов, так и с точки зрения участвовавших в ней представителей военной науки и органов государственной власти. Отмечая высокий уровень подготовки докладов и их содержания, хотелось бы высказать ряд замечаний и предложений по существу поднятых докладчиками проблем и вопросов.

Рассмотренные проблемы можно объединить в несколько блоков, среди которых:

нарастание масштабов и многоплановости угроз безопасности России и, как следствие этого, изменение характера содержания современных войн, усложнение форм и способов обеспечения обороноспособности;

приоритетные направления развития военного дела, создания, подготовки и применения Вооруженных Сил РФ, их инновационного технологического обеспечения;

возрастание роли факторов, обеспечивающих устойчивость и внутреннюю безопасность страны.

В выступлениях участников подчеркивалось, что современная международная обстановка характеризуется неразрешимыми противоречиями между ведущими в экономическом отношении государствами Запада и странами так называемого «третьего мира», что не исключает острого соперничества и между странами западного

блока непосредственно. Это противоречия и соперничество имеют тенденцию ко все большему усилению и ожесточенности и носят характер все нарастающей борьбы за преобладание в мировой политике и достижение экономического господства.

Пытаясь разрешить эти противоречия в свою пользу, запад использует самые изощренные способы борьбы, выходящие за рамки общечеловеческой морали, делая инструментами вражды и разрушения культурные, идеологические, экономические и политические аспекты существования человечества, все чаще прибегает к военному насилию, предваряя его давлением на неугодные страны применением других форм и способов насилия, входящих в понятие так называемой «мягкой силы».

В этих условиях Россия как государство, пытающееся твердо противостоять западному диктату, подвергается комбинированному воздействию угроз в самых различных сферах своего существования. Особую озабоченность участников конференции вызывают различные аспекты обеспечения безопасности и обороноспособности страны, что наглядно проявилось в содержании их выступлений.

Так, например, в выступлении председателя Военно-Промышленной комиссии был озвучен ряд практических правительственных мер по качественному преобразованию сферы оборонно-промышленного комплекса, среди которых введение совета Генеральных конструкторов, создание

института руководителей новых технологических направлений, создание научно-технических межведомственных советов и ряд других мероприятий, имеющих целью переход к системной науке как эффективному средству разработки и внедрения новой военной техники и формированию нового технического задела и новых технологий на перспективу.

В связи с этим остается актуальным вывод Ф. Энгельса о решающем влиянии военной техники и вооружения на формы и способы вооруженной борьбы, понимая под вооружением в современных условиях и средства «мягкой силы», что было раскрыто в выступлении начальника Генштаба – первого заместителя министра обороны РФ. В выступлении констатировалось существенное изменение взглядов на характер вооруженной борьбы в армии США, что подтверждается наличием у военного и политического руководства США концепции «Глобального удара» и концепции «Единой силы -2020». Если первая нацелена на нанесение обезоруживающего удара первыми, то вторая ставит целью интеграцию компонентов «мягкой силы» с силой военной. При этом застрельщиком выступают формы невоенного насилия, а военное насилие приберегается на крайний случай. Наличие подобных концепций позволяет сформировать такие понятия, как «войны традиционные» и «войны гибридные», и уяснить их динамику в современных условиях.

Учитывая характер современной эпохи, ни в коем случае нельзя пренебрегать опытом, уроками и выводами из Великой Отечественной войны, на что было обращено внимание в докладе Президента Академии военных наук. По-прежнему актуальной остается проблема применения больших масс танков, возрастает роль разведки и профессиональной подготовки разведчиков, возрастает роль подготовки тыла и населения страны к отражению возможной агрессии, обеспечение единства власти и народа, охраны коммуникаций и многое другое, что было в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим президентом Академии военных наук были сформулированы рекомендации о необходимости создания полноценного Министерства по делам национальностей, возрождения Министерства оборонной промышленности. Поскольку новое вооружение требует и новых элементов военного искусства, то необходимо внести изменения в закон «Об обороне», повысить роль Генерального штаба и роль военных комиссариатов. Всемерно исполь-

зовать опыт ветеранов по патриотическому воспитанию молодежи, особенно в киноискусстве, для отпора фальсификаторам истории. По поводу последнего можно заметить, что еще никто из военных историков не озвучил такой аргумент, связанный с потерями советского народа, который заключается в том, что Красная Армия не воевала с немецким народом. Она воевала с гитлеровской армией и армиями сателлитов Германии. Немецко-фашистская армия воевала именно с народом, отсюда и наши потери. Если бы было по-другому, то потери населения проигравшей стороны были бы куда большими!

В этом плане созвучными вышеизложенному являются идеи, прозвучавшие в выступлении представителя Генерального штаба Республики Беларусь. В частности, им была подчеркнута законодательно закрепленная в республике координирующая роль Генерального штаба по вопросам военного строительства по отношению ко всем органам государственной власти и силовым структурам, а также обращено внимание на полезность использования для РФ опыта организации территориальной обороны в Республике Беларусь.

По отношению к общему настрою выступающих несколько странно выглядит предложение о законодательной легализации в России собственных частных военных компаний (ЧВК). Нелепость этого предложения бросается в глаза на фоне событий на Украине, где свирепствуют различные батальоны националистов, сформированные на деньги олигархов, и по сути дела как раз и являющиеся такими ЧВК. Хотя предпосылки для создания таких ЧВК в России существуют – хотя бы в форме частных охранных предприятий.

Перспективы и направления развития военной техники и вооружения, актуальные для ВС РФ, и мировые тенденции этого развития были услышаны из сообщения представителя РАРАН В.И. Буренка. По его словам, в среднесрочной перспективе особое значение приобретут информационные системы, реализующие концепцию «больших данных» и позволяющие собирать и просеивать всю информацию ноосферы и тем самым предвидеть будущие решения мировых лидеров. Человечество также начинает реализацию интернета вещей, что в будущем может привести к созданию полностью автоматизированных производств. Например, медицина будущего уже задумывается о печати с помощью «три D» техно-

логии отдельных органов для оказания помощи раненым.

Актуальным для ВС РФ является широкое использование новых видов энергии и микроминиатюризация элементной базы. Однако следует заметить, что в связи с неоднозначностью понятия «система вооружения» могут быть сформулированы и другие направления ее развития, не только технические. С этой целью достаточно взглянуть на систему вооружения с точки зрения совокупности взаимосвязанных субъектов процесса вооружения, которые тоже образуют систему, но более высокого строения, и картина будет иной.

Большое внимание было уделено противодействию информационным и кибернетическим угрозам, рассматриваемым в двух аспектах: информационно-техническом и информационно-психологическом.

Очевидно, что от решения проблем информационной устойчивости техносферы зависит устойчивое функционирование всех видов деятельности, базирующихся на использовании информационных технологий. О необходимости информационно-психологической устойчивости говорить излишне. В этом плане важную роль играет информационное противоборство в сфере массовой информации, являющееся важным видом деятельности по формированию оборонного сознания. К сожалению, многие институты российского общества не чувствуют себя ответственными за это важное дело и, более того, своими действиями усугубляют положение в этой области. Речь, прежде всего, идет о продукции деятелей современной киноиндустрии, в которой военнослужащие выглядят окарикатуренными, а батальные сцены изображаются как пьяные разборки.

Естественно, что реализация всех высказанных пожеланий участников всецело зависит от состояния экономического потенциала страны. В выступлении ученого С.Ю. Глазьева, была дана удручающая картина состояния экономики России в настоящее время. По словам выступающего, по объему ВВП Россия остается за пределами первой десятки стран, а ее доля в мировом ВВП составляет всего около 2%, что не идет ни в какое сравнение с экономикой СССР, которая была самодостаточной. С учетом перспектив роста экономики КНР и формирования трансатлантического торгового партнерства, которое, по сути, приведет к объединению всего запада, Россия окажется зажатой между двумя экономическими

гигантами, и последствия такого положения в положительном аспекте трудно представить. Что же предлагается? Сформировать третий полюс силы по оси север-юг Евразии, отбросить навязанные России правила Вашингтонского консенсуса, изменить формат денежно-кредитной политики. Но главная проблема — это привлекательность России как страны с высоким качеством уровня жизни и мощной экономикой, России как притягательного примера для своих соседей, хотя бы по СНГ. Однако такое даже не просматривается при существующей модели экономического развития и, следовательно, наши заокеанские и западноевропейские «партнеры» могут быть спокойны: Россия развивается в нужном для них направлении.

Самым ярким и обоснованным среди выступлений экономической направленности выглядело выступление С.С. Сулакшина продемонстрировавшего и объяснившего многофакторную поливариантную модель тренда экономического развития России, подтверждающую неотложность принятия мер по смене рыночных экономических приоритетов на государственные.

Помимо экономических и технологических проблем освещались и проблемы, имеющие непосредственное отношение к ВС РФ. Это проблемы формирования высокой духовности у военнослужащих в обеспечении национальной безопасности страны, комплектования и подготовки Вооруженных Сил, а также практики применения ВС РФ в имевших и имеющих место вооруженных конфликтах на территории России и за ее пределами. Можно констатировать отсутствие в российском обществе консолидирующей национальной идеи, без которой разговоры о высокой духовности так и останутся разговорами. Провозглашение в последнее время в качестве таковой идеи патриотизма выглядит весьма сомнительным, поскольку население России расслоено по уровню жизни, и это расслоение между богатыми и бедными усиливается. Нулевой, а то и отрицательный прирост населения, обезлюживание дальневосточных и сибирских регионов порождают проблемы с укомплектованностью Вооруженных Сил. В этих условиях, по взглядам выступающих, упор нужно делать на новую технику, всемерную интеграцию оборонных возможностей, совершенствование территориальной обороны и органов военного управления военных округов, нейтрализацию военных угроз на дальних подступах к российским границам.

Комплектование ВС предлагается осуществлять смешанным способом с упором на контрактников, численность которых в составе ВС планируется значительно увеличить. Важной проблемой остается проблема накопления мобилизационных ресурсов, решение которой может быть достигнуто путем проведения систематических краткосрочных сборов.

В системе ВКО важнейшее значение придается формированию устойчивой, глубокоэшелонированной системе управления, разведки и предупреждения о нападении в комплексе с силами и средствами подавления и уничтожения.

По существу сходные с представителями ВКО предложения высказали представители научной мысли ВМФ, также озабоченные необходимостью нейтрализации угроз с морских направлений на дальних подступах к России. Перевод этого тезиса в практическую плоскость требует, как и в случае с ВКО, создания эшелонированной обороны в морских пространствах. Однако возможности современного российского судостроения и состояние его управления и кадрового обеспечения не позволяют достичь требуемого уровня обороноспособности в дальних океанских зонах.

Обороноспособность России подвергается серьезным испытаниям не только со стороны внешних угроз, но и угроз внутренних. О многообразии и масштабах опасности внутренних угроз достаточно полное представление дает сообщение председателя Клуба военачальников — гене-

рала армии А.С. Куликова. По его информации, население РФ в значительной степени поражено преступностью, наркоманией, алкоголем, безработицей, что приводит к неслыханным в мирное время потерям человеческих жизней. Не снижается уровень контрабанды оружием, которого в настоящее время среди населения обретается около 10 миллионов единиц. В стране насчитывается от 7 до 10 миллионов (по разным оценкам) наркоманов, из которых около четверти — неизлечимы. Естественно, что весь этот негатив является вычетом из людских ресурсов обеспечения обороноспособности, а достижение им критической массы может свести к нулю все усилия по укреплению безопасности страны. Такое положение дел требует принятия самых неотложных мер, но судя по тому, что уровень негатива не снижается, эти меры или не принимаются, или неэффективны.

Таковы основные идеи выступлений участников. В заключительном слове президента АВН генерала армии М. А. Гареева содержалась мысль о важности мероприятий, подобных проведенной военно-научной конференции, подчеркивалась объединяющая роль АВН для военной науки не только РФ, но и других государств, например, государств — участников европейско-азиатского экономического союза или Договора о коллективной безопасности, и намечались направления работы АВН на ближайшую перспективу. С ними следует согласиться.

A.A. BARTOSH

А.А. БАРТОШ

АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (Часть 1)

ADAPTIVE STRATEGIES OF INFORMATION WARFARE (Part 1)

В настоящей статье впервые сделана попытка определить стратегию информационной войны в цветных революциях и гибридных войнах. Установлено, что стратегии информационной войны имеют гибкий, адаптивный характер, что позволяет рассматривать их как разновидности стратегий сокрушения и измора, применяемых в конвенциональных конфликтах.

Автор определяет возможности адаптации, содержание и взаимовлияние между стратегиями сокрушения и измора в информационной войне применительно к цветной революции и гибридной войне. Отмечается, что в современных конфликтах «жесткая сила» применяется в сочетании с невоенными методами воздействия на противника, в числе которых – операции информационно-психологической войны. В статье также уделяется внимание роли публичной дипломатии и «мягкой силы» в информационной войне. Предлагаются подходы к разработке стратегии России по противодействию информационной войне.

Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительные политический и военный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения.

The article for the first time is dedicated to the role of the strategies of information warfare in color revolution and hybrid warfare. The strategies of information warfare are being viewed as a varieties of strategy of demolition and strategy of exhaustion, used in conventional conflicts.

The author for the first time determines the potential of adaptation, substance and mutual influence between strategy of demolition and strategy of exhaustion in information warfare in conformity with color revolution and hybrid warfare. He stressed that in a modern conflicts “brute force” is implemented along with non-military methods of affecting the enemy, including the information-psychological warfare. The author studies the role of public diplomacy and “soft power” in the information warfare. Proposes the approaches to the elaboration of Russian strategy of counteraction in the information warfare.

Ключевые слова: цветная революция, гибридная война, информационная война, стратегия сокрушения, стратегия измора, адаптация, управляемый хаос, национальная безопасность, угрозы.

Keywords: color revolution, hybrid warfare, information warfare, strategy of demolition, strategy of exhaustion, adaptation, controlled chaos, national security, threats.

Широкое использование информационных подрывных технологий в условиях обостряющейся конкурентной борьбы в существенной степени способствует ослаблению системы глобальной безопасности, деформация и раздробленность которой приводят к нарастающей хаотизации международных отношений. В условиях непростой геополитической реальности появляются новые виды конфликтов, сочетающие традиционную военную мощь с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими.

ЭРА СЛОЖНЫХ КОНФЛИКТОВ

В основе такого развития международной обстановки лежат действия США, которые в своем стремлении к мировой гегемонии целенаправ-

ленно формируют глобальную нестабильность для ослабления стратегических конкурентов, прежде всего Китая, России и Европейского союза.

Мощным катализатором процесса обострения международных отношений, неопределенности и нестабильности является беспрецедентное со времен холодной войны обострение американо-российских отношений. Отношения резко ухудшились на фоне войн в Сирии, Ираке и Афганистане, цветных революций на Ближнем Востоке, спровоцированного Вашингтоном государственного переворота на Украине, расширения НАТО и наращивания военных приготовлений альянса, ядерной и космической политики США, развертывания американцами системы стратегической ПРО.

Нестабильность в беднейших районах мира спровоцировала резкое возрастание миграционных потоков в некогда благополучную Европу, что, в свою очередь, привело к интенсивному расширению на ее территории поля для контактов между представителями разных цивилизаций, культур и религиозных конфессий. Государственные структуры и население европейских стран в целом оказались мало подготовленными для оперативного и адаптивного реагирования на связанный с такими контактами обширный спектр вызовов, рисков, опасностей и угроз.

В результате современная действительность все больше определяется глобальной военно-политической, социально-экономической нестабильностью, цивилизационными противоречиями в культурно-мировоззренческой сфере, которые в совокупности своей провоцируют нарастающую хаотизацию международных отношений. Главное противоречие заключается в острой конкуренции между стремящимся к глобальному доминированию Западом во главе с США (которые, тем не менее, все более осознают пределы своего могущества) и странами НАТО, с одной стороны, и набирающими экономической и политической вес новыми центрами силы — Китаем, Россией, странами БРИКС и ШОС, с другой.

Противоречия между ключевыми субъектами международных отношений впервые после окончания холодной войны провоцируют развитие конкурирующего видения миропорядка. Возможности и влияние Запада снижаются на фоне крепнущей тенденции по формированию полюса власти вне западного мира. Такое развитие обстановки может способствовать возникновению мирового раскола по оси российско-китайского сотрудничества, БРИКС и ШОС, с одной стороны, и блоком западных государств во главе с США, с другой.

Расширяющаяся конкуренция между государствами и их объединениями во все возрастающей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, культурный, научный и технологический потенциалы.

Совокупное влияние этих и ряда других причин обуславливает вхождение мира в эру сложных конфликтов, в которых «комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими»[1]. В рамках подобных многомерных конфликтов масштабы планирования и управ-

ления социальными, государственными и политическими процессами могут быть разными — от отдельного государства или региона и вплоть до глобального охвата[2].

Наличие ядерного оружия у конкурирующих сторон в известной мере служит сдерживающим фактором от перехода конфликтов, затрагивающих интересы крупных держав, в горячую стадию. На этом фоне все более востребованными становятся стратегии не прямых действий, феномен которых достаточно подробно исследован отечественными и зарубежными специалистами [3, 4].

Искусство балансирования на грани прямого столкновения и достижения геополитических целей за счет организации цветных революций и гибридных войн, ведения войн чужими руками или прокси-войн обуславливает востребованность и известную эффективность политики «непрямых действий». Так, например, в интервью CNN сенатор Д. Маккейн утверждает, что «США ведут непрямую войну с Россией в Сирии» и характеризует эту войну, используя термин «proximity war» — не прямая война, опосредованная война или война чужими руками. Речь идет о намерении двух стран достичь собственных целей за счет военных действий, происходящих на территории третьей страны. О прямом военном конфликте двух стран речь в данном случае не идет [5].

Подобная политика «все чаще используется различными субъектами мировой «закулисы» для реализации своих геополитических интересов в мире, разжигания разного рода конфликтов, которые в последующем становятся источником войн, вооруженного экстремизма и международного терроризма»[3,4].

О подготовке к конфликтам новой эры говорит в своем ежегодном докладе Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг: «НАТО разрабатывает стратегию противостояния гибридным угрозам и действий в условиях гибридной войны, которая «охватывает широкий диапазон прямых и не прямых (скрытных) военных, полувоенных и гражданских акций, призванных разрушать, приводить в замешательство, повреждать или принуждать» [6].

Таким образом, не прямые действия, включающие информационную войну, являются ключевой составляющей технологий «управляемого хаоса», использование которых в стратегиях Запада обусловлено тем, что в современных условиях собственно военная сила перестает быть

«последним доводом королей». В ряде случаев при сохранении всей значимости силового фактора военная сила остается фоном для применения информационно-психологических технологий при подготовке и проведении цветных революций и гибридных войн. При этом считается, что контроль в информационной сфере позволит методами не прямых действий достигать стратегических целей глобального доминирования нередко без использования вооруженных сил и неизбежных потерь при существенной экономии ресурсов.

НЕПРЯМЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в современных условиях «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [7].

В целом термин «информационная война» используется в двух смысловых вариантах:

в широком смысле — для обозначения противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей;

в узком смысле — как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В рамках последнего варианта серьезную опасность представляют действия противника по нарушению устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры.

Применительно к этому смысловому варианту информационной войны в США появилась концепция так называемой «дешевой войны» (*War on the Cheap*), сторонники которой утверждают, что «один миллион долларов и двадцать человек, проводя компьютерные атаки, могут обеспечить успех, сопоставимый с действиями многотысячной группировки войск» [8].

Авторы этой концепции утверждают, что относительно небольшими силами и средствами при

минимальных финансовых затратах можно вывести из строя военную и государственную информационную инфраструктуру противника так, что на ее восстановление потребуются годы.

Признавая опасность концепций, предусматривающих нарушение устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры, в рамках настоящей статьи сосредоточимся на рассмотрении стратегий информационной войны (ИВ) применительно к подрывным информационно-психологическим операциям в административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферах государства-объекта агрессии при подготовке и в ходе цветных революций и гибридных войн.

Наши потенциальные противники отмечают важность оказания информационно-психологического воздействия на государственное и военное руководство, военнослужащих и население страны в целом. Принципиально новая роль информации подчеркивается в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США: «Информация стала представлять собой не только цель воздействия, но и оружие воздействия, а также область или сферу деятельности ВС США» [9].

Политическая воля и наличие объединенных ресурсов США и НАТО позволяют в рамках стратегии глобального доминирования последовательно осуществлять подрывные информационные операции в рамках информационной войны, которая в общем случае охватывает оба упомянутых выше смысловых варианта.

Существуют несколько точек зрения на то, что представляет собой информационная война.

В документе ВС США определяется, что «Информационная война — это не только воздействие на компьютерные сети, это действия (операции) непосредственно по подавлению (искажению, уничтожению) или использованию в своих целях информации в любых ее формах, воздействие на передачу информации любыми СМИ, в том числе на ее объем и содержание, на все ее обеспечивающие информационные системы и компьютерные сети, на специальные программы математического обеспечения, физические средства материальной части систем и сетей, на средства хранения и размножения данных, на содержание инструкций по их использованию, на действия и сознание личного состава, обслуживающего эти системы, средства и сети» [9].

В этом определении в большей степени просматривается своеобразный «крен» в сторону трактовки ИВ в узком смысле – как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В этом контексте более сбалансированным в отношении технического и человеческого измерений представляется определение ИВ, предложенное политологом И.Н. Панариным: «Информационная война – комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника» [10].

Наиболее полное соответствие пониманию ИВ в широком смысле, т.е. как противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей, предполагает определение ИВ, приведенное в диссертации А.М. Соколовой: «Информационная война – это совокупность мероприятий, предпринимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды» [11].

Таким образом, как важнейшая военно-политическая категория ИВ представляет собой осуществляемую по единому замыслу и плану совокупность способов воздействия на сознание всех слоев населения государства-противника для искажения картины восприятия мира, ослабления и разрушения основ национального самосознания и типа жизнеустройства с целью дезорганизации мер противодействия агрессии. Масштабы информационного воздействия зависят от вида конфликта. В цветной революции информационными операциями охватывается относительно ограниченный круг объектов, в числе

которых целевые группы правящих элит, правоохранительных органов и молодежи в столице и ряде крупных городов. Временные рамки воздействия – кратко- и среднесрочные. В гибридной войне объектом информационного воздействия в течение длительного времени является все население страны.

Замысел информационных операций может предусматривать глобальный охват с целью, например, формирования нужного имиджа отдельной страны или группы стран в обширном глобализационном контексте.

Из приведенных соображений следует, что одним из главных объектов информационной войны являются общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения, прежде всего, элит и молодежи, и личного состава вооруженных сил.

В основе общественного и индивидуального сознания и подсознания населения лежат национальные ценности и национальные интересы государства-жертвы. На подмену национальных ценностей и национальных интересов ложными интересами и ценностями, на их полное разрушение в ходе ИВ направляется совокупность подрывных операций.

Следовательно, наряду с широким классом информационно-технических объектов противника, важными объектами информационно-психологического воздействия в ходе ИВ являются государственное и военное руководство, военнослужащие и население страны.

Именно в таком контексте американский генерал У. Кларк признает, например, факт проведения американцами информационных операций накануне войны в Ираке: «В течение многих лет Соединенные Штаты стремились к свержению Саддама: оказывали давление на Ирак, поощряли оппозицию, советами и подсказками направляли ее действия» [12]. Впоследствии выяснилось, что определенная часть иракских военных была подкуплена американцами и сдала страну без боя. В течение многих десятков лет США активно используют подрывные информационные технологии для дестабилизации и свержения неугодных Вашингтону режимов в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии [13].

Политические реалии современности свидетельствуют о расширении использования подрывных информационно-коммуникационных технологий в конфликтах с привлечением для этих целей спецслужб. Например, подписанный

Б. Обамой в 2012 году документ, так называемая разведывательная ориентировка, позволяет спецслужбам США оказывать сирийской оппозиции поддержку в свержении законного президента Сирии Башара Асад. [14].

Президент России В.В. Путин на встрече с американским журналистом говорил о деятельности спецслужб США на Украине с целью свержения президента В. Януковича: ...«мы знаем, кто, где, когда встречался, работал с теми людьми, которые свергли Януковича, как их поддерживали, сколько платили, как готовили, на каких территориях, в каких странах и кто были эти инструкторы» [15].

О реальности «злого умысла», воплощенно-го во всеохватывающем уровне планирования и управления социальными, государственными и политическими процессами в рамках глобальной информационной войны, пишут, например, политологи Джон Колеман и Д. Эстулин [16,17].

Опираясь на эти и другие факты, некоторые исследователи утверждают, что «в политическом и военном руководстве США сформировалась стратегия войны нового типа, нацеленная не на разгром противника, а на его «удушение» [18]. В условиях глобализации и усиления интегрированности экономик, наличия у многих стран оружия массового поражения полномасштабная, даже локальная, война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном.

По мнению автора, с учетом сложившихся политических реалий информационная война как важная составная часть цветной революции и гибридной войны представляет собой способ воздействия на информационное пространство противостоящей стороны для достижения стратегических целей за счет хаотизации ключевых сфер деятельности людей: сферы административно-государственного (политического) управления; культурно-мировоззренческой сферы; социально-экономической сферы [19-26].

При этом главное внимание уделяется размышлению философской и методологической познавательной (когнитивной) деятельности народа государства-противника, хаотизации его сознания, подрыву доверия к лидерам и уверенности в будущем, разрушению системы национальных ценностей и интересов, внедрению ложных экономических и нравственных установок.

Поэтому современные конфликты приобретают многомерный характер и сочетают информационное, финансовое, экономическое,

дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени. Такими многомерными конфликтами являются цветные революции и гибридные войны, для которых характерно целенаправленное, адаптивное применение как военно-силовых методов, методов экономического удушения противника, так и подрывных информационных технологий.

АДАПТИВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СВОЙСТВО СТРАТЕГИЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

В ходе информационной войны используется широкий набор средств и методов, предназначенных для достижения информационного превосходства над противником, навязывания всем категориям населения нужной агрессору картины мира, достижения информационного превосходства и разрушения цивилизационного кода.

Важная особенность современных конфликтов заключается в высокой степени их непредсказуемости из-за воздействия различных трудно прогнозируемых факторов. Это предъявляет особые требования к гибкости и адапционным возможностям применяемых сил и средств.

Эффективность информационно-психологического воздействия на целевые группы населения противника в решающей степени определяется возможностями адаптации всей гаммы используемых инструментов к целям и задачам конкретного конфликта – цветной революции или гибридной войны. Таким образом, адаптивность является важнейшим свойством стратегий информационной войны.

В общем случае под адаптивностью следует понимать «Способность дать адекватный ответ на изменяющиеся требования внешней среды или на запросы низших уровней системы» [27].

Применительно к информационной войне понятие адаптации как процесса приспособления используемых средств и методов к изменяющимся условиям внешней среды предполагает изменение интенсивности информационного воздействия, его методов, сил и средств, направленности, а также объектов воздействия в зависимости от типа конфликта (цветная революция или гибридная война) и особенностей его развития.

Управление информационной войной в ходе современных конфликтов (в рамках статьи ограничим их перечень цветными революциями и гибридными войнами), носящих относительно ограниченный характер и протекающих в условиях политической, социальной, экономической

нестабильности и турбулентности, требует придания серьезных адаптационных возможностей моделям, предназначенным для содействия в выработке решений по применению информационно-психологических технологий.

Адаптивное управление в стратегиях «управляемого хаоса», на которых построены многие современные конфликты, основывается на приспособлении замысла информационных операций к трудно прогнозируемым и изменяющимся внешним и внутренним условиям для достижения цели с требуемой эффективностью. При адаптивном управлении в информационной войне гибко изменяется цель управления, методы и средства ее достижения и интенсивность их использования, а также сами объекты приложения усилий. Мониторинг обстановки и обратные связи обеспечивают управленческие структуры данными для анализа и прогнозирования политических ситуаций, в результате чего эффективность информационных операций и войны в целом при адаптивном управлении оказывается выше, чем при неадаптивном управлении.

По мнению американского исследователя Дж. Розенау, всю совокупность политических адаптивных стратегий и вариаций адаптивности в общем случае можно свести к трем основным типам:

уступчивая адаптация, когда политическая система пассивно приспособляется к требованиям внешней среды, зачастую игнорируя внутренние запросы;

неуступчивая адаптация, при которой политическая система пытается отвергнуть вызовы, исходящие от внешней среды;

предохранительная адаптация, когда соблюдается некий баланс внутрисистемных требований и запросов внешней среды, который оказывается достаточно гибким и дает возможность для перераспределения системных ресурсов с запросов внешней среды на внутрисистемные требования и наоборот [28].

Отметим, что утрата способности к адаптации ведет к постепенной потере эффективности ИВ и, в конечном итоге, к неудачному исходу.

В современной практике возможны случаи использования нескольких типов политических адаптивных стратегий в рамках единого общего замысла информационной войны. «Жесткая» привязка к одному типу адаптивной стратегии нередко приводит к серьезным сбоям в реализации замысла, вплоть до неудачи ИВ.

Так, например, в процессе инициирования гражданской войны на Украине страны Запада вначале пытались использовать стратегию, опирающуюся, главным образом, на несиловые действия с использованием в ходе информационной войны технологий управляемого хаоса. С известными оговорками это «сработало» в столице и некоторых других крупных городах. Однако выбранная стратегия игнорировала вызовы внешней среды, связанные с ясно заявленным несогласием большинства населения юго-востока страны с предлагаемыми политическими решениями. Вскоре это привело к разворачиванию в регионе кампании массового неповиновения и наращиванию военно-силового противостояния.

Таким образом, принятая правительством под давлением заморских советчиков стратегия неуступчивой адаптации привела к необходимости использования силы и вылилась в полномасштабную гражданскую войну. Методы информационного воздействия оказались несостоятельными.

В историческом аспекте стратегии неуступчивой адаптации в информационных войнах продемонстрировали свою неадекватность в ходе агрессии США во Вьетнаме, агрессии США и НАТО против Югославии, войны США в Ираке в 2003 году, вмешательства НАТО в Ливии, гражданской войны в Сирии.

Применительно к политическим адаптивным стратегиям примером неудачного использования стратегии уступчивой адаптации в дипломатической практике можно считать Мюнхенские соглашения 1938 года. Более свежий пример — политика уступок украинского руководства в период разворачивания событий на киевском майдане и полнейшая неспособность противопоставить внутреннему и внешнему агрессору адекватную информационную стратегию, не говоря об упущенной возможности своевременно принять законные меры по пресечению попыток вооруженного захвата власти.

В общем случае уступчивая и неуступчивая стратегии, к которым прибегают обе стороны конфликта, могут рассматриваться как два крайних полюса возможной реализации адаптации информационного воздействия в современных конфликтах, в том числе и при планировании и проведении цветных революций и гибридных войн.

Применение властями уступчивой адаптации дает ожидаемый позитивный эффект лишь на на-

чальном этапе цветной революции, когда власти сталкиваются с необходимостью противостояния относительно мирным манифестациям. Однако ожидаемый позитивный эффект должен достигаться не за счет уступок требованиям манифестантов, а путем своевременного и массивного использования информационных средств контрпропаганды и перехвата инициативы.

Отсутствие необходимых для этого предварительно подготовленных механизмов быстрого информационного реагирования создает неприемлемую с точки зрения национальной безопасности ситуацию, в которой власти пытаются прибегнуть к уступчивой адаптации за счет пассивного приспособления к требованиям оппозиции. При этом нередко игнорируется наносимый ущерб национальной безопасности.

Дело в том, что подрывные силы по-своему расценивают шаги властей по уступчивой адаптации, понимая, что стратегия взаимных уступок на начальной стадии конфликта позволяет достичь лишь определенного «порогового» значения поставленной оппозицией цели. Считается приемлемым, когда на начальной стадии за счет компромисса между оппозицией и властями удастся добиться, например, отставки нескольких высокопоставленных чиновников, суда над несколькими коррупционерами. Однако к «слому» правящего режима и захвату власти такие действия не приведут.

Поэтому оппозиция усиливает давление на власти, переходит к ограниченным, а затем и достаточно масштабным силовым мерам воздействия. В результате обе стороны конфликта все в большей степени втягиваются в стратегию неуступчивой адаптации, при которой отвергаются вызовы, исходящие от внешней среды.

Дальнейшее развитие обстановки будет зависеть от готовности властей решительно использовать находящийся в их руках потенциал сил охраны правопорядка, с одной стороны, и способности оппозиции перейти к масштабным силовым акциям, с другой.

В этом контексте организаторы цветных революций пытаются на начальной стадии конфликта максимально полно использовать возможности предохранительной адаптации, когда соблюдается некий баланс внутрисистемных требований, обусловленных особенностями обстановки в стране, и запросов со стороны организаторов цветной революции (во многих случаях это внешние структуры и манипулируемые ими внутренние силы).

Такой баланс представляется достаточно гибким и в рамках адаптации интенсивности информационно-психологического воздействия дает возможность оперативно перераспределять базовые системные информационные и силовые ресурсы с учетом запросов внешней структуры на внутрисистемные требования и наоборот.

Реализация стратегии предохранительной адаптации в ходе цветной революции оказывается весьма показательной при рассмотрении практики адаптивного применения информационно-коммуникационных технологий и военной силы на различных этапах конфликта на Украине в 2013-2014 годах.

Начальник Генерального штаба ВС РФ В.В. Герасимов на III Международной конференции по безопасности 23 мая 2014 г. в Москве заявил: «...в разрешении украинского кризиса определяющим будет возрастание фактора военной силы и масштаба ее применения. Это подтверждает наметившуюся устойчивую тенденцию использования адаптивного подхода к применению военной силы» [29]. Властями Украины для подавления протестов русскоязычного населения в юго-восточных районах страны была создана группировка войск, имеющая на вооружении боевую технику, артиллерийские системы, реактивные системы залпового огня и боевую авиацию. Привлекались иностранные наемники, частные военные компании.

Применительно к информационной войне речь идет об адаптивных изменениях интенсивности, содержания, средств и методов информационного воздействия. Осуществляется перераспределение целей информационных операций. При этом интенсивность, содержание и масштабы информационного воздействия на противника на каждой из стадий определяются избранной стратегией ИВ в зависимости от вида конфликта, который может развиваться по сценарию цветной революции или гибридной войны. В обоих сценариях для стратегий информационной войны общим является наличие трех обязательных стадий: зарождения, практических действий и урегулирования на новых политических условиях. На стадии практических действий в рамках адаптивных технологий жесткой и мягкой адаптации возможно применение военной силы, варьируется также интенсивность, методы и средства информационного воздействия.

Таким образом, в цветной революции предусматривается целенаправленное информацион-

но-психологическое воздействие на руководство, личный состав вооруженных сил и правоохранительных органов, на население государства-мишени в целом для организации государственного переворота и создания условий для перевода страны под внешнее управление. Сила применяется дозировано и в относительно небольших масштабах, как правило, в пределах столицы и некоторых крупных городов. Ставится задача запугать и дезориентировать население, дезорганизовать деятельность государственных структур. Соответственно объектами силового воздействия являются, главным образом, органы управления государством, политические лидеры и местные руководящие структуры.

По опыту цветных революций в странах Ближнего Востока, Киргизии и на Украине в ходе информационных операций против политических лидеров могут выдвигаться обвинения двух типов. Если лидер пытался сохранить стабильность и в ограниченных масштабах использовал для этого силовые приемы, в ходе идеологической подрывной кампании внутренние и внешние силы обличают его как кровавого диктатора, требуют ареста и суда. Если он прибегал, главным образом, к «мягким» способам воздействия на политизированную толпу, его называют главой коррумпированной верхушки и требуют немедленной отставки.

В любом случае лидера и его окружение ждут или уничтожение, или арест с последующим судебным процессом с запрограммированным жестким обвинительным приговором.

В общем виде алгоритм управления цветными революциями предусматривает целенаправленное воздействие на их масштабы и динамику развития политической ситуации в интересах разрушения социальной системы, против которой направлен конфликт, и создание условий для перевода страны под внешнее управление.

Для стратегии адаптивного применения силы и интенсивности информационного воздействия в ходе гибридной войны, в отличие от цветной революции, характерна большая временная протяженность, более широкий спектр разрушительных воздействий, направленных на постепенное удушение и подрыв экономической, финансовой, военной и культурно-мировоззренческой сфер государства-жертвы.

К числу важных особенностей стратегии гибридной войны, в отличие от цветной революции, следует отнести заблаговременные масштабные военные приготовления с целью использования силы для разгрома вооруженных сил с привлечением регулярных и иррегулярных формирований, сил специальных операций, частных военных компаний и пр.

Общим для стратегий цветной революции и гибридной войны является информационно-психологическое воздействие на противника в ходе информационной войны, которая ведется в соответствии с избранной стратегией.

При этом цели, как интенсивность, так и содержание информационных операций будут разными, что применительно к стратегиям информационной войны в цветной революции и гибридной войне может быть раскрыто при анализе базовых стратегий любого вида войн – стратегий сокрушения и измора. Обе стратегии исследованы в работах русских ученых. Например, русский военный теоретик А.Свечин отмечал, что «понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы и должны быть объяснены самой динамикой последней» [30]. Некоторые определения стратегий сокрушения и измора применительно к конвенциональным конфликтам будут рассмотрены ниже.

Продолжение в следующем номере журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ларина Е.С.; Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015.
2. Гилев А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. Россия в глобальной политике – том 12-№ 5 – сентябрь-октябрь 2014.
3. Суворов В.Л.; Жураковский А.П. Непрямые действия как средство ведения «гибридных войн». Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015.г.-М:ВУ – 2015.
4. Шаламберидзе Е.Г. Непрямое противоборство в сфере военной безопасности в условиях мирного времени. Вестник Академии военных наук, № 1(34) 2011.
5. Маккейн Д. США ведут непрямую войну с Россией в Сирии. URL: <https://news.mail.ru/politics/23537140/?frommail=1> (дата 12.10.2014)

6. Secretary General's Annual Report 2015 URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160128_SG_AnnualReport_2015_en.pdf С. 14 (дата обращения 3.02.2016)
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683 URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129>(дата обращения 11.01.2016)
8. Туляков О. Информационная война в планах Пентагона. Зарубежное военное обозрение – № 11 (824) 11.2015
9. Joint Doctrine for Information Operations (JP 3-13) URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения 21.12.2015)
10. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.:ОАО «Издательский дом «Городец», 2004.
11. Соколова А.М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ – автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук – Красноярск- 2007.
12. Кларк У.К. Как победить в современной войне/пер. с англ.. – М.:Альпина Бизнес Букс. 2004.
13. Стоун О.; Кузник П. Нерассказанная история США – М.: Колибри – 2014, 926 с.
14. Источник <http://www.azglobus.net/621-ssha-nichego-ne-pozhaleyut-radi-sverzheniya-asada.html>(дата обращения 28.12.2015)
15. Источник: URL:<http://ren.tv/novosti/2015-09-28/putin-udivil-amerikanskogo-zhurnalista-zayavleniem-o-rol-i-ssha-na-ukraine> © REN.TV (дата обращения 28.12.2015)
16. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь- 2009.
17. Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба – Минск – Изд.: Попурри- 2009.
18. Гилев А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. Россия в глобальной политике – том 12-№ 5 –сентябрь-октябрь 2014.
19. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в экономической сфере. М.: Международная экономика № 3, 2015.
20. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в сфере обеспечения военной безопасности. М.: Вестник Академии военных наук № 1 (46), 2014.
21. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в культурно – мировоззренческой сфере. М.: Вестник Московского государственного лингвистического университета, выпуск № 39, 2014.
22. Бартош А.А. Гибридные войны как проявление глобальной критичности современного мира – Геополитика и безопасность – №1 (29)- 2015.
23. Бартош, А.А. Модель адаптивного применения силы в цветных революциях. М.: Российский институт стратегических исследований. Проблемы национальной стратегии, № 6 (27), 2014.
24. Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ. М.: Армия и общество, № 1, 2014, С. 91-98
25. Бартош А.А. Эволюция публичной дипломатии НАТО. М.: Дипломатическая служба, № 3, 2014.
26. Бартош А.А. Философия гибридной войны. Сравнительный анализ моделей гибридной войны и цветной революции.- СПб.: Геополитика и безопасность – № 4(32) 2015.
27. Социологическая энциклопедия: в 2т. Т.1/Национальный общественно-научный фонд/руководитель научного проекта Г.Ю.Семигин; Главный редактор В.Н.Иванов. – М.: Мысль, 2003.
28. Rosenau J. The study of political adaptation. L.; N.Y., 1981.
29. Мухин В. Украина как источник угроз. Цветные революции приводят к ожесточенным боям. Независимое военное обозрение, 30.05.2014
30. Свечин А.А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927.

S.V. GOLUBCHIKOV,
V.K. NOVIKOV,
M.V. ZHESTEV,
V.I. KOLESNICHENKO

С.В. ГОЛУБЧИКОВ,
В.К. НОВИКОВ,
М.В. ЖЕСТЕВ,
В.И. КОЛЕСНИЧЕНКО

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА ЯПОНИИ, ЮЖНОЙ КОРЕИ, АВСТРАЛИИ КАК СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

BALLISTIC MISSILE DEFENSE OF JAPAN, SOUTH KOREA, AUSTRALIA AS COMPONENTS OF GLOBAL BALLISTIC MISSILE DEFENSE

В статье рассматриваются вопросы создания и развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе систем противоракетной обороны (ПРО) Японии, Южной Кореи, Австралии, являющимися составными элементами глобальной противоракетной обороны. Раскрывается состав сил и средств наземного и морского базирования систем ПРО и многоэшелонный (многорубежный) способ построения ПРО этих стран, его планируемые возможности поражения баллистических и воздушных целей вероятного противника.

The article deals with the questions of creation and development of Ballistic Missile Defense of Japan, South Korea, Australia as components of global ballistic missile defense in Asia-Pacific Region. The article reveals the composition of forces and means of ground-based and sea-based missile defense systems and multibarrier method for constructing of a missile defense system in these countries, its planned possibilities of ballistic and air targets destruction of potential enemy.

Ключевые слова: противоракетная оборона, баллистическая ракета, боевой блок, противоракетный комплекс, радиолокационная станция, эффективность поражения целей.

Keywords: Ballistic Missile Defense, ballistic missile, warhead, antiballistic missile defense system, radar locator, target-destruction effectiveness.

Основной задачей противоракетной обороны (ПРО) является предотвращение неприемлемого для страны, обладающей ПРО, ущерба от ракетно-ядерного удара противника.

Наиболее развита сегодня ПРО национальной территории США и ее действующая модель – многорубежная ПРО Израиля.

Многие страны, обладающие ядерным оружием или те, которые стремятся им обладать, активно работают над вопросами противоракетной обороны собственной территории, а США – не только своей, расширяя ареал распространения ПРО в Европу, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Для чего это им необходимо?

Ареал распространения и развития систем противоракетной обороны

В настоящее время в группу стран, обладающих ядерным оружием входят девять стран: США (с 1945 г.), Россия (изначально Советский Союз, с 1949 г.), Великобритания (с 1952 г.), Франция (с 1960 г.), Китай (с 1964 г.), Индия (с 1974 г.), Пакистан (с 1998 г.) и КНДР (с 2006 г.). Имеющим ядерное оружие считается также Израиль.

У этой группы существуют и средства доставки ядерного потенциала в виде баллистиче-

ских ракет (БР) наземного или морского базирования.

Другую категорию государств составляют страны, которые являются членами НАТО (Германия, Италия, Турция, Бельгия, Нидерланды, Канада) и союзниками США (Япония, Южная Корея), где находится или может находиться американское ядерное оружие, и которые при определенных обстоятельствах могут воспользоваться этим оружием.

В рамках договорных отношений между США и Россией происходит постепенное сокращение стратегических наступательных вооружений. В государствах «ядерного клуба» ядерный потенциал практически неизменен. При этом пока не происходит существенного качественного скачка в развитии межконтинентальных баллистических ракет наземного (МБР) и морского базирования (БРПЛ). Но при этом качественно и количественно развивается высокоточное оружие, уже сопоставимое по своим боевым возможностям с ядерными боевыми блоками (богголовками). Одновременно с развитием средств нападения развиваются и средства защиты от него, причем даже в тех странах, где нет ядерного оружия и средств его доставки.

На сегодняшний день реально говорить о создании и развитии систем и средств ПРО для защиты территорий своих стран от БР и их боевых блоков (ББ) можно в контексте короткого списка таких стран, в первую очередь США и Россия, а также Израиль, Япония, Южная Корея, Индия, КНР, а в ближайшей перспективе – Австралия.

Особенностью развития и продвижения ПРО США в районах Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского регионов является то, что там сосредоточена основная часть информационно-разведывательных и ударно-боевых компонентов глобальной противоракетной обороны, причем даже в большем объеме, чем на европейском театре военных действий.

Наиболее отработанную и испытанную в боевых условиях систему ПРО, входящую в национальную ПРО США, имеет на сегодняшний день Израиль.

Комплексная многорубежная ПРО Израиля будет включать четыре рубежа перехвата целей, оснащенных ПР как дальнего действия – для уничтожения ракет на больших высотах вне атмосферы, так и ПР меньшей дальности – для действий в атмосфере.

Система ПРО Израиля строится по классической структуре построения элементов, при которой за каждый рубеж (эшелон) отвечает ЗРК отдельного типа.

Зенитно-ракетный комплекс (ЗРК) *Iron Dome* («Железный купол») составляет нижний (четвертый) уровень системы ПРО Израиля.

Средний уровень (третий рубеж) системы ПРО Израиля составляют ЗРК *Patriot PAC-3* и израильский ЗРК «Праца Давида» (*David's Sling Weapon System*).

ЗРК средней дальности действия *David's Sling* предназначен для поражения неуправляемых ракет большого калибра, оперативно-тактических баллистических и дозвуковых крылатых ракет (КР) на дальности от 40 до 300 км, также пилотируемой и беспилотной авиации противника.

Высший уровень системы ПРО Израиля составляют противоракетные комплексы (ПРК) «Хец».

ПРК «Хец» с противоракетой (ПР) «Эрроу-2» ПРО Израиля составляет второй рубеж, с ПР «Эрроу-3» – первый рубеж.

Предполагается создание и пятого рубежа многорубежной ПРО Израиля – развертывание лазерной системы ПРО «Железный луч» (*Iron Beam*) малой дальности, предназначенной для по-

ражения боеприпасов с дальностью менее семи километров.

У Израиля существует проект перспективного ЗРК морского базирования *C-Dome* на базе системы ПВО-ПРО наземного базирования *Iron Dome*, который планируется размещать на малых боевых кораблях ВМС Израиля для отражения угроз со стороны тактической и палубной авиации, вертолетов, а также ударных беспилотных летательных аппаратов.

Многорубежная система ПРО позволит перехватывать ракеты с дальностью полета от семи до двух тысяч километров [1].

Четыре рубежа перехвата целей будут включать:

1. Защиту от МБР, находящихся за пределами атмосферы – систему «Хец-3».

2. Защиту от БР средней дальности (1000-5500 км) и ББ МБР, вошедших в атмосферу – систему «Хец-2».

3. Защиту от баллистических ракет малой – 500-1000 км – дальности (по американской классификации), или оперативно-тактических и тактических баллистических ракет (ОТБР, ТБР по российской классификации), помимо указанных выше, способны обеспечить универсальный ЗРК *Patriot PAC-3* и ЗРК «Праца Давида» (*David's Sling Weapon System*), составляющие 3-й рубеж системы ПРО

4. Защиту от управляемых и неуправляемых ракет, артиллерийских снарядов и минометных мин на дальностях от 3 до 70 км, а также для перехвата самолетов, вертолетов и беспилотных летательных аппаратов на высоте до 10 км – тактическая система противоракетной обороны «Железный Купол» [2].

С учетом перехвата системой «Железный Купол» воздушных целей можно назвать ПРО Израиля интегрированной системой ПВО-ПРО, но так как все четыре рубежа ПРО, как предполагается, будут объединены общей сетью радаров, связанной со спутниковой группировкой Израиля, и будут использоваться совместно, то можно говорить о многорубежной ПРО.

В общем случае, в зависимости от баллистической цели, можно рассматривать совместную работу нескольких рубежей ПРО, например: от баллистических ракет средней дальности (БРСД) – 2 эшелона (*Arrow-3* и *Arrow-2*), от оперативно-тактических и тактических баллистических ракет (ОТБР, ТБР) – 2 эшелона (*Arrow-2* или *David's Sling* и *Patriot*, имеющие сопоставимые характеристики по борьбе с ТБР). Против тактиче-

Состав многорубежной противоракетной обороны Израиля.

Рубежи ПРО	Средства обнаружения	Средства поражения
1-й рубеж	<i>Green Pine</i> с активной ФАР. Дальность обнаружения до 800-900 км. РЛС X-диапазона <i>AN/TPY-2</i> . Дальность обнаружения до 1500 км.	ПРК «Хец» с ПР <i>Arrow-3</i> («Стрела-3»)
2-й рубеж	РЛС L-диапазона <i>EL/M-2080 Green Pine</i> . Дальность обнаружения до 500 км. Диапазон частот 0,5-1 ГГц. РЛС <i>EL/M-2080 Green Pine Block B</i> или <i>EL/M-2080S Super Green Pine</i> . Диапазон частот 3,5-4,2 ГГц. Дальность обнаружения до 800-900 км.	ПРК «Хец» с ПР <i>Arrow-2</i> («Стрела-2»).
3-й рубеж	РЛС S-диапазона <i>EL/M-2084</i> . Дальность обнаружения до 350 км. Диапазон частот – 1-2 ГГц.	ЗРК «Праца Давида» (<i>David's Sling</i>) с ПР <i>Stunner</i> .
	РЛС <i>AN/MPQ-65</i> (взамен <i>AN/MPQ-53</i>). Диапазон частот – 2-4 ГГц.	ЗРК <i>Patriot</i> (США) с ПР <i>ERINT</i> .
4-й рубеж	РЛС S-диапазона <i>EL/M-2084</i> . Дальность обнаружения до 350 км. Диапазон частот – 1-2 ГГц.	ЗРК «Железный купол» (<i>Iron Dome</i>) с ПР <i>Tamir</i> .

ских ракет малой дальности – 2 эшелона (*David's Sling* и *Iron Dome*). Общие сведения по составу ПРО Израиля представлены в табл. 1.

В настоящий момент США и их союзники в Европе и АТР активно и последовательно наращивают боевые возможности национальных систем ПРО, и, в особенности, их морской компонент. Конечной целью является слияние всех европейских компонентов ПРО морского базирования с американским и азиатско-тихоокеанским компонентами в Глобальную сетевую систему ПРО морского базирования, основообразующим элементом которой должна стать американская система ПРО *Aegis*.

Потенциал существующих и перспективных систем ПРО флотов США и их союзников с целью противостояния ударам БР уже реализуется в Азиатско-Тихоокеанском регионе в тесном сотрудничестве США, Японии, Южной Кореи и Австралии. Эти страны последовательно создают ПРО в АТР, используя структуру построения на примере ПРО Израиля.

Развитие противоракетной обороны Японии

После испытания Северной Кореей в августе 1998 г. своей новой БР «Таеро Dong» («Тэпходон-2»), которая пролетала над японскими островами, и выхода в 2002 г. Пхеньяна из Договора о нераспространении ядерного оружия правитель-

ство Японии в 2003 г. приняло решение по активизации проведения с Вашингтоном совместных научно-технических исследований по разработке ракеты-перехватчика нового поколения и развертыванию к 2011 г. многорубежной системы ПРО. Япония стала одной из первых союзников Вашингтона, наладившей сотрудничество с США в области региональной ПРО.

Япония активно проводит работы по интеграции своей национальной системы ПВО-ПРО в национальную ПРО США путем: 1) закупки американских противоракетных систем, 2) совместной разработки средств ПРО нового поколения, 3) модернизации РЛС ПВО, 4) интеграции собственных средств ПВО-ПРО в архитектуру региональной системы ПРО США.

Развертывание ПРО Японии и ее интегрирование в национальную ПРО США происходит по двум направлениям:

- размещение систем обнаружения и наведения средств поражения;
- размещение средств поражения.

В 2001-2015 гг. Японией было поставлено на дежурство 24 батареи ЗРК *Patriot PAC-3 (Patriot Advanced Capability-3)* на пятнадцати военных базах по всей территории страны (от о. Окинава до о. Хоккайдо), предназначенных для защиты важных объектов на территории страны.

Министерство обороны Японии интегрировало четыре эсминца типа «Конго» с системой ПРО *Aegis*, включая радары *SPY-ID* и 36 ракет-перехватчиков «*SM-3 Block IA*», и батареи ЗРК *Patriot (PAC-2/PAC-3)* с РЛС *FPS-5* и *FPS-7* по сетевому принципу с установленным названием Воздушно-космическая инфраструктура Японии *JADGE (Japan Aerospace Defense Ground Environment)*.

Кроме того, в 2006 г. в Японии была размещена американская РЛС *FBX* для слежения за северокорейскими МБР в целях повышения эффективности ПРО.

28 наземных РЛС ПВО и связанные с ними подразделения ПВО организованы в группы ПВО, которые объединены по географическому принципу в четыре группировки ПВО-ПРО с присоединенными к ним авиакрыльями, каждая из которых использует РЛС ПРО *FPS-5*. Эти четыре группировки объединены в Командование ПВО Японии, штаб-квартира которого в настоящее время находится на авиабазе Йокота.

Таким образом, Япония получает доступ к данным от американских спутниковых систем раннего предупреждения и других информационных средств ПРО.

Национальная система ПРО Японии представляет собой систему перехвата БР управляемыми ракетами, в случае, если они будут направлены на Японию из других стран, и состоит из двух эшелонов.

Первый эшелон ПРО Японии строится на средствах ПРО морского базирования *Aegis* [3]. Контролируемый радиус системой «Иджис» составляет более 190 км от корабля, а дальность обнаружения высотных воздушно-космических целей при поиске в верхней полусфере пространства ограничивается примерно 320 км [4].

Развитие морской составляющей ПРО может позволить создать противоракетный «зонтик» Японии, когда вражеские боеголовки будут перехватываться на большой высоте вне земной атмосферы.

На вооружении ВМС самообороны Японии находятся четыре эсминца управляемого ракетного оружия (УРО) проекта «Конго» («Конго», «Миоко», «Кирусима» и «Текай») и два — проекта «Атаго» («Атаго» и «Ашигара»).

К концу 2010 г. Япония закупила для четырех эсминцев проекта «Конго» с американской системой ПРО *Aegis* версии *BMD 3.6.1* противоракеты *SM-3 Block IA* с целью укрепления верхнего эшелона (рубежа) национальной системы ПРО.

Два эсминца проекта «Атаго» в рамках программы модернизации планируется оснастить новой системой *Aegis* версии 5.0 и противоракетами *SM-3 Block IIA*. Всего Япония планирует довести количество эсминцев с многофункциональной боевой информационно-управляющей системой (МБИУС) *Aegis* к 2020 г. до восьми, что должно усилить возможности по оперативной совместимости флота Японии с ВМС США, и в дальнейшем развернуть на данных кораблях новые ПРО *SM-3 Block IIA*.

Возможности различных версий системы ПРО *Aegis* следующие:

Aegis BMD 3.6.1. — 2008 год — сбивает ракеты с дальностью полета до 3 500 км, ракета *SM-3 Block IA*;

Aegis BMD 4.0.1. — 2014 год — сбивает ракеты с дальностью полета до 5 500 км, ракета *SM-3 Block IA/IB*;

Aegis BMD 5.0.1. — 2016 год — сбивает ракеты с дальностью полета до 5 500 км, ракеты *SM-3 Block IA/IB* и *SM-6* [3].

Японские эскадренные миноносцы с системой *Aegis* и ПРО *SM-3* (противоракеты этого типа могут перехватывать баллистические ракеты, в том числе летящие на США) являются не только одним из ключевых компонентов системы ПРО Японии, но и главной опорой регионального сегмента ПРО США в АТР.

Усиливает систему ПРО Японии и группировка кораблей США в порту Йокосука, оснащенных боевой информационной управляющей системой «Иджис» с ракетами *SM-3 IA* (2 крейсера) и *SM-2* (7 эсминцев), мобильным радаром *AN/TPY-2* и пунктом управления и сопряжения *C2BMC (Command, Control, Battle Management and Communications)*.

Радиолокационная станция (РЛС) с фазированной решеткой *SPY-1* системы ПРО *Aegis* способны обнаруживать одновременно до 200-300 целей, а в 18 наиболее опасных из них комплекс может выпускать ракеты [5].

Две новых мобильных многофункциональных РЛС X-диапазона РЛС *AN/TPY-2* передового базирования (авиабазы Сярики и Кега-Мисаки) являются одним из основных компонентов стратегической и региональной систем ПРО США и обеспечивают информационную поддержку систем ПРО для защиты территории Японии и США от возможной ракетной угрозы со стороны КНДР.

Второй эшелон ПРО базируется на наземных средствах. Его основу составят ЗРК с расширен-

ными возможности *Patriot PAC-3*. Эти комплексы составляют основу наземного компонента системы ПРО Японии, а также обеспечивают ее интеграцию в Азиатско-Тихоокеанский компонент Глобальной системы ПРО США.

Скорость полета противоракеты ЗРК *Patriot PAC-3* достигает 2 км/с, дальность действия ПРК – до 120 км; высота поражения целей – от 0,05 до 25 км.

И если ПР японских кораблей могут перехватывать БР за пределами атмосферы Земли, то задачей наземных ЗРК *Patriot PAC-3* будет уничтожение ракет и их боевых блоков, входящих в атмосферу.

Кроме того, Япония рассматривает вариант развертывания на своей территории наземных комплексов ПРО *Aegis Ashore* и ПР *SM-3*, аналогичных развертываемым в Европе, что позволит расширить возможности ПРО Японии в условиях массивной ракетной атаки.

Общие сведения по составу ПРО Японии представлены в табл. 2.

В случае применения, например, Китаем своих крылатых ракет по территории Японии США могут нанести ядерный удар по стратегическим ядерным и неядерным объектам Китая, поразив большую часть их (гипотетически до 80-90%). В этом случае оставшиеся ядерные средства его в ответном ударе могут быть поражены ПРО Японии и США, включая ПРО на Аляске и Калифорнии.

В отношении развертывания многоэшелонной ПРО Японией с учетом возможностей ПРО США, то Китай беспокоит гипотетическая возможность США отразить удары его БРПЛ с помощью систем ПРО на Аляске и в Калифорнии (противоракеты *GBI*), а также на боевых кораблях

США и на наземных базах и кораблях Японии (система *Aegis/SM-3*). Такая многоэшелонная ПРО, по его мнению, будет весьма эффективна против китайских БРПЛ.

Проблемой для Японии является активное и целенаправленное развитие программы ядерного оружия и испытания БР Северной Кореей, развернувшей две батареи БРСД с дальностью действия, достаточной для поражения стратегических объектов Японии. Наряду с возможностью поражения ключевых объектов на территории Японии ракеты *Nodong* и *Taepodong-1* могут быть использованы для поражения площадных целей, т.е. крупных городов, что делает их оружием устрашения по сравнению с высокоточным оружием, которое способно обеспечивать точное наведение на военные объекты [3].

Таким образом, современное состояние и будущее развитие противоракетной обороны Японии, ее интеграция в национальную систему ПРО США говорят о том, что ее целевое предназначение – защита своей территории и стратегически важных объектов от баллистических и крылатых ракет КНР, БР КНДР, а также поражение любых баллистических ракет и их боевых блоков, которые могут быть направлены в сторону США. Это может представлять непосредственную угрозу для России. Достижение этих целей будет способствовать дальнейшее интеграции национальной системы ПВО-ПРО Японии в региональную систему ПВО-ПРО США, расширению ареала распространения национальной противоракетной обороны США в АТР.

Развитие противоракетной обороны Южной Кореи

Южная Корея разрабатывает национальную систему ПВО-ПРО с 2006 г. Ее военно-полити-

Таблица 2

Состав многоэшелонной противоракетной обороны Японии

Рубежи ПРО	Средства обнаружения	Средства поражения
1-й эшелон	РЛС S-диапазона <i>AN/SPY-1D (V)</i> . Дальность действия – до 1 000 км. Диапазон частот – 2-4 ГГц. 2 мобильных <i>AN/TPY-2</i> X-диапазона (авиабаза Сярики; авиабаза Кега-Мисаки, преф. Киото). Дальность обнаружения до 1 500 км.	Корабельная многофункциональная боевая информационно-управляющая система <i>Aegis</i> . Четыре эсминца типа «Конго» с комплексом ПРО <i>Aegis</i> с ракетами-перехватчиками <i>SM-3 Block 1A</i> . Два эминца, оснащенных боевой системой <i>Aegis</i> с ракетами-перехватчиками семейства <i>SM</i> , включая <i>SM-3 1A</i> и <i>SM-2</i> . Группировка кораблей США в порту Йокосука с комплексом ПРО <i>Aegis</i> с ракетами <i>SM-3 1A</i> (2 крейсера) и <i>SM-2</i> (7 эсминцев).
2-й эшелон	РЛС <i>AN/MPQ-65</i> . Диапазон частот – 2-4 ГГц.	ЗРК с расширенными возможностями <i>Patriot – Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3)</i> .

ческое руководство в связи с нарастанием угроз, исходящих от соседней Корейской Народно-демократической Республики (КНДР), заявившей о своем нежелании отказываться от дальнейшей реализации ядерной программы и продолжающей проведение испытаний ядерных боезарядов и БР большой дальности, приняло решение об открытии новой программы по модернизации, техническому переоснащению и наращиванию боевых возможностей национальной системы ПРО.

200 северокорейских ракет *NoDong-A/RoDong* (согласно новой южнокорейской системе романизации языка) с дальность действия 1 300 километров, способны достичь любой точки Южной Кореи. Радиус действия северокорейских БР средней дальности достигает территорий России, Китая, Японии и Аляски [6].

Для защиты от северокорейских ракет Республика Корея рассматривает возможность создания трехрубежной системы ПВО-ПРО, включающей современные радиолокационные средства обнаружения и сопровождения целей на больших дальностях, ПР морского и наземного базирования, а также новую объединенную систему боевого управления силами и средствами модернизированной системы ПВО-ПРО национальной территории.

Предварительное исследование возможностей создания подобной системы министерство обороны Южной Кореи завершило в декабре 2012 года.

В настоящее время система ПРО-ПВО Южной Кореи, называемая *Korea Air and Missile Defense (KAMD)*, основана на использовании шести батарей ЗРК *Patriot PAC-2*, оснащенных ПР с усовершенствованной системой наведения *GEM/T (Guidance Enhanced Missiles – Tactical)*, двух израильских РЛС большой дальности *Green Pine* и 24 батарей последнего варианта зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) *Hawk XXI* с зенитными управляемыми ракетами (ЗУР) *MIM-23*. Но в целом это вооружение больше предназначено для защиты от самолетов, чем от БР. В перспективе в сеть сил и средств сдерживания войдут спутниковые системы наблюдения и предупреждения *DSP (Defense Satellite Program)*, а также высотные БЛА с большой продолжительностью полета (предположительно *Global Hawk*). К 2020 г. предусматривается создание системы предупреждения нападения со стороны Северной Кореи *Kill Chain*.

В 2014 г. в Республике Корея активировали новый сегмент системы ПВО-ПРО *AMD-Cell (Air and Missile Defense Cell)*, объединяющий каналы передачи данных наблюдения и сопровождения от различных источников, включая спутниковую систему раннего предупреждения *DSP*, принадлежащую США, корабельные РЛС *AN/SPY-1*, развернутые на эсминцах проекта *KDX III*, а также наземные РЛС *Green Pine*.

В настоящее время в состав ВМС Южной Кореи входит три эсминца проекта *KDX III*, на борту которых развернута система *Aegis* с РЛС *AN/SPY-1* и ЗУР *SM-2*. Данные корабли были поставлены в 2008 г. (*Sejongdaewang Ham*), 2010 (*Yulgok Yi Yi Ham*) и в 2012 г. (*Seoae Ryu Seong Ryong*). Таким образом, после 2027 г. ВМС Кореи получат в распоряжение шесть надводных боевых кораблей, оснащенных оборудованием, позволяющим выполнять функции ПВО-ПРО.

В декабре 2013 г. министерство обороны Южной Кореи объявило о планах закупок после 2020 г. дополнительных эсминцев ПВО-ПРО, оборудованных американской системой *Aegis*. После 2027 г. ВМС Кореи получат в распоряжение шесть надводных боевых кораблей, оснащенных оборудованием, позволяющим выполнять функции ПВО-ПРО.

Однако в перспективе нижним рубежом перехвата новой системы ПВО-ПРО Южной Кореи должна стать продемонстрированная 15 декабря 2012 года новая зенитная ракетная система (ЗРС) ПВО средней дальности *Cheongung KM-SAM (Iron Hawk – «Железный Ястреб»)* собственной разработки, предназначенная для перехвата северокорейских БР и аэродинамических целей.

Противоракета ЗРС *Cheongung* обладает возможностями перехвата целей на высотах до 15 км и на дальностях до 40 км [6, 7].

Планируется, что производство ЗРС *Cheongung* позволит заменить все 24 батареи американской ЗРС *Hawk XXI* с ЗУР *MIM-23* [8].

Для среднего рубежа перехвата в новой структуре системы ПРО Южной Кореи планируется разработать более совершенную противоракету под названием *Cheolmae 4-H* с характеристиками, близкими к параметрам американской ПР системы *THAAD (Terminal High Altitude Area Defense)*.

Дальность перехвата цели противоракетного комплекса *THAAD* – до 200 км при высоте перехвата до 150 км и скорости противоракеты до 3 км/с.

Дальность перехвата баллистических целей южнокорейской ПР должна составить около 150 км и высота перехвата до 60 км, что значительно больше, чем у американской ПР *ERINT* противоракетного комплекса *Patriot* (дальность перехвата баллистической цели до 40 км, аэродинамической – до 80 км) [4].

Противоракета *ERINT* ЗРК *Patriot PAC-3* рассчитана на прямое поражение баллистических целей на высотах до 20 км, разрушая боеголовку БР на большой высоте с таким расчетом, что при падении вражеская ракета не может вызвать никаких повреждений на земле. Кроме двух израильских РЛС *Green Pine* для обнаружения северокорейских ракет в планы военного ведомства Южной Кореи входит размещение пяти РЛС, способных принимать американскую радиолокационную информацию [9].

С 2007 г. Южная Корея оснастила системой *Aegis* три эсминца проекта *KDX-III (Sejong the Great – «Король Седжон Великий»)* для выхода в оперативное пространство за пределы территориальных вод Южной Кореи.

Планируется построить и оснастить модернизированной системой *Aegis* еще три эсминца типа *Sejong the Great*. Однако система *Aegis*, которая будет устанавливаться на трех новых эсминцах, так же как и на трех боевых кораблях, находящихся в настоящее время в оперативном использовании Южной Кореи, будет эксплуатироваться только в режиме обнаружения и сопровождения БР, запущенных с территории Северной Кореи.

В отличие от японских и американских кораблей эсминцы класса *Sejong the Great* не имеют противокорабельного ракетного вооружения, что подчеркивает их предназначение как специализированных кораблей ПВО-ПРО.

Комплексы *Aegis* с ПР *SM-2 (Standard Missile 2 Block IV)* будут составлять **третий, высотный рубеж ПРО** для перехвата боевых блоков нестратегических БР, авиации и КР противника.

Установленные на южнокорейских эсминцах РЛС системы *Aegis AN/SPY-1* способны предоставлять информацию о всех ракетных запусках с территории КНДР, что будет достаточно для обеспечения информационной поддержки национальной системы ПВО-ПРО, а для перехвата ракет, запущенных по территории Южной Кореи.

ЗУР *SM-2* способны поражать цели на дальности 170 км. Южная Корея рассматривает возможность закупки и оснащения комплексов *Aegis*

противоракетами *SM-6 (RIM-174 Standard ERAM (Extended Range Active Missile))*. ПР *SM-6* с дальностью действия в 320–400 км способны осуществлять перехват аэродинамических целей, а также баллистических целей на конечном участке траектории за пределами действия корабельных РЛС за счет возможности целеуказания с удаленных РЛС в режиме реального времени. Замена этих ракет станет частью общей программы по модернизации системы ПВО-ПРО страны *KAMD (Korea Air and Missile Defense System)* [7, 10].

Модернизация установленной на трех корейских эсминцах системы *Aegis* до новой версии 4.0.1 даст возможность оснащать свои корабли новыми усовершенствованными противоракетами *SM-3 Block IIA*, развертывание которых запланировано на 2018 год.

Тем не менее Сеул принял решение о начале разработки собственной версии противоракеты морского базирования по программе *Guardian*. Кроме того, существуют планы разработки собственной противоракеты класса «земля-воздух» большой дальности (проект *L-SAM (Long Range Surface-to-Air Missile)*) с целью укрепления верхнего эшелона национальной системы ПВО-ПРО. Проект подразумевает создание огневого средства, способного перехватывать баллистические ракеты на больших высотах на конечном участке их траектории полета.

Многорубежная система ПРО Южной Кореи будет рассчитана таким образом, что если системе *L-SAM* не удастся перехватить цель, то на меньших высотах перехват должны обеспечить система ПВО средней дальности *KM-SAM* или ЗРК *Patriot PAC-3*. Таким образом, Сеул пока не планирует наделять национальную систему ПВО-ПРО возможностью заатмосферного перехвата (выше 100 км).

Для защиты от ракетных ударов с территории КНДР Сеул готовит соглашение о модернизации американских ЗРК *Patriot PAC-2* до версии *PAC-3* в период с 2016 по 2020 г. [7].

Общие сведения по составу ПРО Южной Кореи представлены в табл. 3.

Благодаря улучшенным ТТХ американских ракет южнокорейские ПВО-ПРО будут способны осуществлять перехват целей на высоте до 40 км. Модернизированные комплексы *Patriot* повысят эффективность имеющейся системы ПРО, а также будут использоваться в качестве ключевого компонента Корейской системы ПВО-ПРО *KAMD*.

Состав многорубежной противоракетной обороны Южной Кореи

Рубежи ПРО	Средства обнаружения	Средства поражения
1-й рубеж	РЛС S-диапазона <i>AN/SPY-1D (V)</i> . Дальность действия – до 1 000 км. Диапазон частот – 2-4 ГГц. Две РЛС <i>EL/M-2080 Super Green Pine</i> . Диапазон частот – 3,5-4,2 ГГц. Дальность действия – до 800-900 км.	Корабельная многофункциональная боевая информационно-управляющая система <i>Aegis</i> . Три эсминца проекта <i>KDX-III</i> «Король Седжон» (<i>DDG-991</i>), «Юльгок И И» (<i>DDG-992</i>), «Гвон Юль» (<i>DDG-993</i>) с комплексом ПРО <i>Aegis</i> . Перспективная система <i>L-SAM (2022-2023 гг.)</i> .
2-й рубеж	Две РЛС <i>EL/M-2080 Super Green Pine</i> . Диапазон частот – 3,5-4,2 ГГц. Дальность действия – до 800-900 км.	ЗРС ПВО средней дальности <i>Cheongung KM-SAM (Iron Hawk – «Железный Ястреб»)</i> собственной разработки с ПР <i>Cheolmae 4-H</i> .
3-й рубеж	МФРЛС с ФАР X-диапазона, вращающаяся по азимуту со скоростью 40 об/мин. Слежение по углу места – до 80 градусов.	6 батарей ЗПК <i>Patriot</i> с ракетами <i>PAC-2 GEM/T</i> совместно с 24 батареями <i>Hawk XXI</i> .

По заявлению представителей министерства обороны США, Южная Корея уже стала важнейшим американским партнером по созданию системы ПРО в АТР. В то же время Южная Корея уклоняется от официального участия в создаваемой Вашингтоном сетевой системе ПРО и ограничивается взаимодействием с США только по обеспечению защиты национальной территории от ракетных ударов со стороны Северной Кореи. Главной причиной такой позиции Южной Кореи является опасение обострения отношений с Китаем.

В действительности США и Южная Корея соглашаются на дальнейшее сотрудничество в сфере ПРО, что является еще одним шагом на пути к интеграции всех региональных систем ПРО союзных США стран в Глобальную сетевую систему ПРО, основой которой должна стать американская система ПРО морского базирования *Aegis*, в первую очередь в АТР [7].

Таким образом, вслед за ПРО Японии Южная Корея постепенно разворачивает свою трехрубежную систему ПРО, способную прикрывать объекты военного и гражданского назначения от воздействия самолетов, БР Северной Кореи, а также Китая.

Главную составляющую здесь несет верхний рубеж ПРО – комплексы *Aegis* противоракетами *SM-2 Block IV* и *SM-6*, а также средний рубеж с разрабатываемым комплексом ПРО ЗРС *KM-SAM* и противоракетой *Cheolmae 4-H*.

Развертывание в ближайшей перспективе ПРО Южной Кореи, как и ПРО Японии, может оказаться частью глобальной ПРО США, что может привести к эскалации конфликта в противостоянии США – КНДР и США – КНР.

Следует говорить в перспективе о достаточно высокой эффективности южнокорейской ПРО, что при широком развертывании ее на территории страны может позволить защиту от возможного воздействия баллистических ракет прежде всего КНДР.

В ходе двухсторонних переговоров, проходивших в октябре 2013 г., министр обороны США Чак Хэйгел заявил, что «включение южнокорейской системы ПРО в состав американского регионального сегмента ПРО не является обязательным, однако при этом обе системы должны быть совместимыми и объединены общими каналами передачи данных».

В декабре 2014 г. был подписан трехсторонний Меморандум о взаимопонимании (между США, Японией и Южной Кореей). Данное соглашение позволило Японии и Южной Корее обмениваться информацией по ядерным и ракетным программам КНДР через посредника, в качестве которого выступают США.

Таким образом, правительство США продолжает активные поставки и размещение компонентов систем ПРО в страны Азиатско-Тихоокеанского региона с целью максимальной интеграции средств обнаружения и перехвата, расположенных на их территории, в единую глобальную систему ПРО для обеспечения перехвата БР, запущенных с территории Северной Кореи в сторону США, Японии и Южной Кореи.

Перспективы создания и развития противоракетной обороны Австралии

Австралия с 2006 г. планирует строительство трех кораблей проекта нового эсминца *AWD*

(*Air Warfare Destroyer* – эскадренный миноносец ПВО) на основе испанских фрегатов проекта *F-100*, оснащенных системой *Aegis* (*Hobart* – 2016 г., *Brisbane* – 2017 г., *Sydney* – 2019 г.). Американская компания-разработчик систем *Aegis Lockheed Martin* в сотрудничестве с ВМС США в мае 2012 г. провела успешные испытания программного обеспечения для первого в серии эсминца *AWD Hobart*.

При этом Австралия настаивает на том, чтобы разворачиваемые на ее кораблях системы в будущем могли быть модернизированы до обретения ими функций ПРО.

В отличие от наземных средств элементы морского компонента системы ПРО могут быть оперативно развернуты в международных водах без заключения с другими государствами каких-либо соглашений. Кроме того, они способны действовать вне зоны видимости наземных средств разведки противника.

Вместе с тем следует учитывать, что использование кораблей, оборудованных МБИУС *Aegis*, в интересах организации системы региональной или объектовой ПРО, снижает боевые возможности данных кораблей по решению других задач (атака наземных целей, борьба с подводными лодками, корабельными формированиями и др.). Кроме того, в районах передового базирования корабли системы *Aegis* будут более уязвимы, что требует принятия дополнительных мер по повышению их живучести.

Однако, несмотря на эти ограничения, стратегическое значение и роль морского компонента американской системы ПРО заключаются в усилении и дополнении других ее компонентов, при условии достижения следующих конечных результатов реализации программы полного развертывания морской составляющей МБИУС *Aegis* глобальной системы ПРО США:

обеспечение перехвата всех типов аэродинамических целей на всех возможных высотах их полета и поражение БР малой, средней и промежуточной дальности ракетами *SM-2* и *SM-3* на разгонных и маршевых участках траектории полета таких типов ракет в рамках зональной системы ПРО;

поражение аэродинамических целей и БР малой и средней дальности на конечном участке траектории их полета ракетами *SM-2 Block IV* и *SM-3* последних модификаций при организации объектовой системы ПРО;

обнаружение пусков и сопровождение БР большой дальности, включая МБР, с передачей параметров целей разведывательным и информационным элементам глобальной системы ПРО США для обеспечения захвата таких целей стационарными РЛС и последующего их перехвата наземными ПРК *GBI* или *THAAD*.

Таким образом, в Азиатско-Тихоокеанском регионе намечается явная тенденция развития и совершенствования как стратегических ядерных вооружений (КНДР, КНР, Пакистан, Индия), так и систем противоракетной обороны (Южная Корея, Япония, Индия, КНР, Австралия).

Необходимо сделать следующие выводы:

1. Современное состояние и будущее развитие ПРО Японии, ее интеграция в национальную систему ПРО США говорят о том, что ее целевое предназначение – защита своей территории и стратегически важных объектов от баллистических и крылатых ракет КНР, баллистических ракет КНДР, а также поражение любых БР и их боевых блоков, которые могут быть направлены в сторону США. Это может представлять непосредственную угрозу для России.

2. Развертывание полномасштабной ПРО Южной Кореи, как и ПРО Японии, может оказаться частью глобальной ПРО США, что может привести к эскалации конфликта в противостоянии США – КНДР и США – КНР.

3. Возможность создания в странах АТР эффективной ПРО, способной к перехвату с высокой вероятностью различных воздушных и баллистических целей, становится реальностью.

4. Построение ПРО Израиля, являющейся уникальной многофункциональной системой ПРО по перехвату БР, КР и различного вида неуправляемых боеприпасов, по классической структуре построения элементов, при которой за каждый рубеж (эшелон) отвечает ЗРК отдельного типа, является для стран АТР примером построения ПРО своей территории и позволяет создавать надежный «зонтик» для ее прикрытия.

5. ПРО Японии, Южной Кореи является реальным полигоном США по практической реализации элементов национальной ПРО.

6. Так как ПРО базируется в основном на наземных мобильных ПРК, то их гипотетически возможно оперативно перебрасывать практически в любую точку земного шара и осуществлять блокирование любого небольшого по территории государства или локального района государства, предъявляя ему любые требования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Израиль развернет лазерную противоракетную систему. – 22.01.2014. – <http://rbase.new-factoria.ru/news/izrail-razvernet-lazernuyu-protivoraketnyuyu-sistemu>
2. Голубчиков С.В., Новиков В.К. Противоракетная оборона Израиля – основа тактической ПРО и ПРО на театре военных действий. – Вестник Академии Военных Наук, № 2 (43), 2013, с. 84-89.
3. Голубчиков С. Противоракетная оборона Японии. Морской сборник, № 3 (2004), 2014 г., с. 67-72.
4. Васильев В.А., Голубчиков С.В., Новиков В.К. Основы противодействия перспективным системам противоракетной обороны противника. – М.: РВСН, 2000. – 348 с.
5. США модернизируют японские противоракетные системы Aegis. – 11.12.2012. – <http://lenta.ru>.
6. Cheongung – Южнокорейская многоуровневая система ПВО/ПРО. – 27 декабря 2011 г. – <http://defense-update.com>
7. Голубчиков С. Противоракетная оборона Южной Кореи. Морской сборник, № 6 (2007), 2014 г., с. 60-64.
8. Южная Корея представила новый ЗРК средней дальности Cheongung M-SAM. – 24 декабря 2011 г. – armyrecognition.com
9. Южная Корея недовольна эффективностью американских противоракет PAC-2. – 31.10.2012. – <http://www.military-informant.com/index.php/army/2082--2.html>
10. Голубчиков С. Перспективы развития системы ПРО морского базирования Aegis. Морской сборник, № 2 (2015), 2015, с. 67-76.

V.P. KOZIN

В.П. КОЗИН

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ЗОНЫ, СВОБОДНОЙ ОТ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ: АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ

THE ISSUE OF CREATING OF A ZONE-FREE FROM WEAPONS OF MASS DESTRUCTION IN THE MIDDLE EAST: ANALYSIS OF DEVELOPMENT AND PERSPECTIVES FOR RESOLUTION

В статье выявляется главная причина, которая не позволила принять итоговый документ на IX Обзорной конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, проведенной весной 2015 года в Нью-Йорке, где Великобритания, Канада и США выступили против реализации предложения о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Высказано предложение, чтобы вслед за Ираном, который согласился отказаться от военной части своей ядерной программы, аналогичные обязательства взяли бы на себя Израиль и Турция, располагающие, соответственно, ядерным оружием собственного и американского производства. В статье изложено основное содержание авторского проекта международного договора о создании названной зоны, без принятия которого достижение указанной цели является невозможным.

The article examines the main reason that has prevented to adopt a final document at the IX Review Conference on implementation of the Non-proliferation Treaty which was held in New-York in spring 2015 where Canada, the United Kingdom and the USA have voiced their negative stance on the creation of a zone-free from weapons of mass destruction in the Middle East. The author suggests that after the decision made by Iran who has agreed to renounce from the military part of its nuclear program the same obligations would be assumed by Israel and Turkey who possess nuclear weapons – those of its own in the first case and the US nuclear weapon in the second case. The main essence of the individual draft international treaty on setting up of such zone has been also described in the article. Without such a treaty the described goal is unattainable.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Израиль, Канада, США, Турция, ядерное оружие, оружие массового уничтожения, зона, свободная от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке.

Keywords: Canada, Israel, Russia, Turkey, the United Kingdom, the USA, nuclear weapons, weapons of mass destruction, a zone-free from weapons of mass destruction in the Middle East.

22 мая 2015 года в Нью-Йорке завершила работу IX Обзорная конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая продолжалась практически целый месяц [1]. В ней

приняли участие 162 государства-участника договора, который расценивается подавляющим числом государств мира как фундаментальная основа режима нераспространения ядерного оружия.

ИТОГ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В ходе обстоятельной дискуссии был проведен детальный обзор реализации ДНЯО, что позволило оценить положение дел в трех ключевых сферах, связанных с ядерными материалами и ядерными вооружениями за пять лет, прошедшие после предыдущей Обзорной конференции: ядерное нераспространение, ядерное разоружение и мирное использование атомной энергии.

К сожалению, из-за позиции США, Великобритании и Канады на Обзорной конференции, прошедшей в Нью-Йорке в 2015 году, не удалось принять итоговый документ, включавший положения об осуществлении резолюции более ранней Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1995 года о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения, то есть химического и биологического оружия (ЗСОМУ), а также средств его доставки.

Указанные три государства предприняли значительные усилия для того, чтобы разногласия по этому вопросу, возникшие между некоторыми ядерными и неядерными государствами, не сузились, а наоборот — расширились. Американская представительница на конференции цинично заявила, что, мол, мандат предыдущей Обзорной конференции 2010 года относительно создания такой зоны «истек и все усилия завершились» [2]. Но это заявление не соответствовало действительности, поскольку никто не упразднил усилия, которые могли бы быть направлены на реализацию такого предложения. Вашингтон также открыто не отказывался от поддержки Плана действий 2010 года. Но с другой стороны, следует иметь в виду и другое мнение американской стороны, которая заявляла, что созыв международной конференции о превращении района Ближнего Востока в ЗСОМУ, «несовместим» с американской долговременной политикой [3]. Такая формулировка, как представляется, более точно отражает реальную американскую позицию в отношении названной идеи.

Глава делегации США на Обзорной конференции в Нью-Йорке в 2015 году заместитель государственного секретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности Роуз Гетемюллер позитивно отреагировала на многосторонние консультации, которые впервые после 90-х годов были проведены в Глионе и Женеве (Швейцария) в 2013-2014 годах между Израилем и

арабскими государствами по проблематике контроля над вооружениями и нераспространению ядерного оружия. В общей сложности участники таких неформальных консультаций провели пять встреч.

По мнению российской стороны, впервые за 20 с лишним лет представители арабских стран и Израиля оказались за одним столом, за которым обсуждались модальности проведения международной конференции. Хотя дело двигалось вперед с большим трудом, поскольку сказывалась неурегулированность ближневосточного конфликта и связанное с этим колоссальное взаимное недоверие, тем не менее был достигнут определенный прогресс. Чрезвычайно важно, что Израиль впервые заявил о готовности зафиксировать дату проведения конференции по ЗСОМУ после того, как будет согласованы проекты ее повестки дня и заключительного документа. Но при этом он потребовал параллельно с тематикой создания зоны рассмотреть региональные аспекты безопасности. Но консультации, к сожалению, были свернуты, хотя они давали некоторую надежду на успех [4].

В проекте итогового документа Обзорной конференции 2015 года удалось отразить большой ближневосточный раздел, в том числе указать: «Конференция отмечает важность создания зон, свободных от ядерного оружия там, где они еще не созданы, в особенности на Ближнем Востоке» (пункт 159) [5].

Выступая на международном коллоквиуме по проблемам безопасности в Аммане в ноябре 2015 года, то есть уже после проведения Обзорной конференции в Нью-Йорке, заместитель государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасностью Роуз Гетемюллер хотя на словах признала, что создание названной зоны является «самым важным и долговременным вызовом безопасности» для ближневосточного региона, она по существу выступила против реализации этой инициативы под предлогом отсутствия консенсуса между заинтересованными государствами, взвалив всю вину за провал конференции на государства, которые якобы продемонстрировали отсутствие гибкости на пути к созыву международной конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. В особенности досталось Египту за его настойчивость в продвижении этой проблемы [6].

Другие союзники Вашингтона пошли аналогичным деструктивным путем. На нью-йоркской

конференции 2015 года представитель Великобритании попытался обосновать свой негативный подход к данной проблеме рассуждением о том, что итоговый документ форума, касавшийся вопроса о создании такой зоны, якобы имел неясные формулировки, хотя он, наоборот, содержал четкие и сбалансированные положения, не позволявшие вольно трактовать его [7].

Выступая от имени своих партнеров, Канада, не вдаваясь в подробные разъяснения, прямо указала, что дата созыва международной конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке 1 марта 2016 года является «неприемлемой», а названный хронологический рубеж представляется «практически недостижимым» [8]. Складывается убеждение, что указанная «тройка» провалила достижение договоренности по ЗСОМУ, действуя в интересах Израиля и намереваясь любыми средствами добиться того, чтобы он сохранил свое ядерное оружие на неопределенный срок. Впоследствии израильский премьер-министр Беньямин Нетаньяху поблагодарил Соединенные Штаты за отказ поддержать итоговый проект Обзорной конференции 2015 года по выполнению ДНЯО, который, как он выразился, поименно выделил Израиль и проигнорировал его интересы в сфере безопасности [9].

Иранский представитель, выступая от имени Движения неприсоединившихся государств, выразил сожаление, что западная «тройка» отвергла «минимальный общий знаменатель», который мог бы позволить принять итоговый документ столь представительной международной встречи. Это движение, традиционно выступающее за пространственное ограничение ядерных вооружений и других видов ОМУ, заявило о полной поддержке предложения о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, а также резолюции Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1995 года о создании в данном регионе подобной зоны, которая является неотъемлемой частью пакета решений, принятого ранее в области нераспространения ядерного оружия. Неприсоединившиеся страны также отметили в качестве недостатка, что Тель-Авив продолжает предпринимать попытки, направленные на срыв созыва международной конференции по превращению района Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового уничтожения. Представитель Египта на Обзорной конференции заявил, что он чрезвычайно разочарован подобным решением,

отметив, что оно будет иметь определенные последствия для арабского мира и общественного мнения в глобальном измерении.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД

К настоящему времени в различных районах земного шара создано пять зон, свободных от ядерного оружия, но до сих пор нет ни одной универсальной зоны, которая запрещала бы размещение в ней всех трех названных выше «классических» видов ОМУ.

Российская Федерация неизменно исходила из того, что весь замысел создания подобной зоны в ближневосточном регионе должен быть нацелен на то, чтобы полностью освободить его от названных трех видов вооружений, а также укрепить в нем региональную безопасность и стабильность, прежде всего, в интересах расположенных там государств. В Государственном департаменте США также считают, что с технической точки зрения создание такой зоны должно распространяться на все три классических вида оружия массового уничтожения (биологическое, химическое и ядерное), а также на средства их доставки. Но при этом американская сторона отмечает, что такой опыт до сих пор не имел прецедента в мировой практике, и он представляет собой уникальный вызов в сфере верификации.

Вполне очевидно, что в интересах создания подобной широкой по охвату зоны в ближневосточном регионе должны быть сделаны новые шаги после того, как Иран официально отказался от идеи создания собственного ядерного оружия, зафиксировав 14 июля 2015 года в Вене на переговорах с «шестеркой» международных посредников готовность не создавать его и ликвидировать возможности его создания в будущем. Реагируя на эту договоренность, Президент Российской Федерации Владимир Путин сделал специальное заявление, в котором, среди прочего, затронул проблему ЗСОМУ в ближневосточном регионе: «Россия будет делать все от нее зависящее, чтобы венские договоренности в полной мере работали, способствуя укреплению международной и региональной безопасности, глобального режима ядерного нераспространения, созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки, мобилизации широкой коалиции в регионе для противодействия террористической угрозе [курсив автора] [10].

Необходимо учитывать, что ядерное оружие в регионе имеют Израиль (собственного произ-

водства) и Турция (американского производства) в виде тактических ядерных боезарядов и средств их доставки. В частности, по оценкам многих зарубежных экспертов Израиль располагает приблизительно 250 ядерными боезарядами наземного и воздушного базирования, а Турция уже долгие годы размещает от 70 до 90 американских ядерных боезарядов воздушного базирования на своей территории. Американские авиабомбы в ядерном снаряжении размещены на базе турецких ВВС Инджирлик, что близ города Адана. И Тель-Авив, и Анкара уже проявили большой интерес к закупкам у США новейших многофункциональных истребителей-бомбардировщиков F-35, которые будут использоваться для доставки нового вида ядерного оружия. В 2015 году раздавались голоса и в пользу приобретения ядерного оружия и Саудовской Аравией.

Факт наличия ядерного оружия на территории Турции неоднократно признавался российским МИД, в том числе в сентябре 2015 года. «В ... Европе — не только в ФРГ, но и в Бельгии, Нидерландах, Италии и Турции — остаются развернутые тактические ядерные средства США. Американцы модернизируют свои ядерные авиабомбы, а европейские члены НАТО — самолеты-носители таких вооружений», — было заявлено официальным представителем российского внешнеполитического ведомства. Одновременно было отмечено, чтобы в интересах обеспечения безопасности и стабильности в Европе американское тактическое ядерное оружие было вывезено с европейского континента на американскую территорию и чтобы был установлен запрет на его размещение за ее пределами [11]

Ограничительные меры в отношении американского ядерного оружия на турецкой территории представляются целесообразными и по той причине, что в 2014-2016 годах в рамках НАТО усилились дебаты по поводу дальнейшего усиления опоры этого крупнейшего военного блока на ядерное оружие. Как известно, Турция является членом этого военного пакта с 1952 года и участвует в его Группе ядерного планирования.

Речь идет о расширении географических масштабов и общего количества военных учений, проводимых блоком «28 государств» с имитацией использования учебных авиабомб с условным ядерным боезарядом, о проведении военно-штабных компьютерных игр по применению ядерного оружия на европейском континенте, а также о разработке специальных сценариев трансформа-

ции гипотетических конфликтов с использованием сил общего назначения в конфликты с применением ядерного оружия. Озвучивается и идея подключения к таким играм не только военных представителей Североатлантического союза, но и высокопоставленных государственных деятелей, участвующих в принятии важных решений общенационального значения.

В последние два года Вашингтон активизировал со своими союзниками по НАТО дебаты «о понижении порога применения ядерного оружия» и о возможности применения тактических ядерных боезарядов малой мощности в отдельных регионах мира, о расширении количества соглашений «о разделении ядерной ответственности», заключаемых Вашингтоном с другими странами, над которыми раскрыт американский «ядерный зонтик». В настоящее время такое ядерное прикрытие обеспечивается 32 государствам — как входящим в НАТО, так и не являющимся его членами. В трансатлантическом альянсе впервые стали проводиться «трансформированные» военные учения, в ходе которых они, первоначально начинающиеся с привлечением сил общего назначения, постепенно превращаются в учения с использованием ядерных средств.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как объединение на саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 года ракетно-ядерных, противоракетных и обычных вооружений альянса в единый оперативно действующий механизм, который получил неофициальное название «Чикагская триада».

Также неправомерно не учитывать, что не все государства ближневосточного региона ратифицировали международную Конвенцию о запрещении химического оружия, хотя и подписали ее. Актуальность реализации предложения о создании зоны, свободной от ОМУ, продиктована еще и тем, что химическое оружие имеется у упоминавшейся группировки «Исламское государство», которое одновременно заявило о стремлении приобрести еще и ядерное оружие.

Во время проведения Обзорной конференции 2015 года российская делегация привлекла внимание к своему Рабочему документу относительно проведения международной Конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и всех других видов оружия массового уничтожения. Российский документ был ориентирован на содействие достижению этой цели. При его подготовке Москва стремились в максимально возможной степени учесть

различные, порой взаимоисключающие взгляды, имея в виду выйти на такой баланс интересов, который обеспечил бы вовлеченность в работу на этом направлении всех стран ближневосточного региона.

Суть российских предложений на эту тему сводилась к следующим ключевым положениям.

Во-первых, генеральному секретарю ООН поручалось не позднее 1 марта 2016 года созвать международную конференцию по ЗСОМУ в ближневосточном регионе. Для того, чтобы это мероприятие стало успешным, предлагалось по усмотрению стран региона безотлагательно приступить к прямым многосторонним консультациям в различных форматах, включая, прежде всего, проведение подготовительных встреч, на которые должны быть приглашены все ближневосточные государства.

Во-вторых, с российской стороны обозначалось, что с учетом сложности данной проблематики необходимо предусмотреть достаточный период времени для проведения намеченных консультаций заинтересованных государств, но при том понимании, что соответствующий подготовительный процесс не может продолжаться бесконечно долго.

В-третьих, цель подготовительных консультаций, которые по продолжительности времени проведения должны иметь максимально предельные хронологические рамки, должна состоять в достижении согласия по проектам повестки дня и текста итогового документа. Каких-либо несанкционированных переносов сроков, как это имело место в 2012 году, не допускалось, что является несомненным плюсом выдвинутых соображений российской стороны.

В-четвертых, российские предложения предусматривали назначение генеральным секретарем ООН своего специального представителя по этой проблематике. Предлагалось, чтобы содействие этому процессу оказали Россия, Великобритания и США, но уже не в качестве «соучредителей», а как соавторы резолюции Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1995 года о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

В-пятых, в принципиальном плане Россия не исключала возможности внесения определенных скорректированных положений в мандат по подготовке международной конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке, согласованный еще в

2010 году, естественно, при условии достижения консенсуса по данному вопросу.

Российские предложения представляли собой оптимальный вариант решения данной проблемы и по этой причине были встречены позитивно многими участниками Обзорной конференции в Нью-Йорке. Об этом свидетельствует тот факт, что соображения, выдвинутые российской стороной, были фактически дословно воспроизведены в проекте итогового документа конференции, причем страны-участницы Движения неприсоединения, включая арабские государства, выразили готовность принять предложенный Россией подход.

Конечно, прежний мандат по ЗСОМУ уже истек, а новый, по всей видимости, может быть утвержден только на следующей Обзорной конференции, которая состоится в 2020 году. Это означает, что в течение пяти лет данный вопрос будет оставаться серьезным раздражителем в международных отношениях.

Анализ позиций всех сторон, обсуждающих тему создания ЗСОМУ в ближневосточном регионе показывает, что между арабскими странами-сторонниками создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке и Израилем, тормозящим этот процесс, существуют разногласия принципиального характера: если первые рассматривают подготовку и принятие международного договора о такой зоне как прелюдию к улучшению взаимных отношений и повышению уровня региональной безопасности, то Тель-Авив на первое место ставит вопрос об улучшении взаимных отношений и укреплении безопасности в регионе в качестве первого шага, ведущего к его превращению в зону, свободную от трех классических видов оружия массового уничтожения.

Российская Федерация по-прежнему признает, что одним из главных вызовов режиму нераспространения является крайне неудовлетворительная ситуация с созывом Конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Как отметил на нью-йоркском форуме исполняющий обязанности руководителя российской делегации, директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Михаил Ульянов, «... задача создания ЗСОМУ остается в международной повестке дня, и мы считаем важным продолжать энергичную работу в интересах безотлагательного созыва конференции» [12].

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДОГОВОРА

Если учесть самые первые варианты идеи создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке, которые появились несколько десятилетий тому назад, то решение названной проблемы мировым сообществом слишком затянулось: с момента первоначального провозглашения идеи о создании зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке (1974 год) и ее дополнения положением об одновременной ликвидации в регионе еще и двух «классических» видов оружия массового уничтожения – химического и биологического оружия (1990 год) – мировое сообщество так и не сформулировало проект международного договора о создании такой универсальной зоны, хотя 2 декабря 2011 года Генеральная Ассамблея ООН приняла без голосования резолюцию о создании такой региональной зоны, свободной от оружия массового уничтожения [13]. С того времени усилия государственных деятелей, экспертов и аналитиков многих заинтересованных государств в основном были направлены на обсуждение только двух ключевых вопросов: целесообразность ее создания и базовые принципы такой зоны.

Но даже заинтересованные государства за весь этот продолжительный период времени никогда не рассматривали проект создания такой зоны, хотя в такую дискуссию в той или иной степени уже активно вовлечены 84 процентов государств мира, являющихся членами ООН [14]. В этом состоит главный недостаток в подходе к урегулированию проблемы.

Исходя из этого обстоятельства, автор принял попытку разработать свой собственный, «академический» проект такой договоренности.

В чем его суть и основная направленность? Представляется, что это должен быть полноценный проект международного договора, содержащий преамбулу и оперативную часть, состоящую из 16 статей. Сфера действия договора охватывает 18 государств региона, разумеется, по обозначенным выше причинам не только Иран, но и Израиль и Турцию, как, соответственно, располагающих ядерным оружием собственного производства (в первом случае) и американской разработки (во втором).

В зону действия такого договора включены территории Бахрейна, Египта, Израиля, Иордании, Ирака, Ирана, Йемена, Катара, Кипра, Кувейта, Ливана, Ливии, Объединенных Арабских

Эмиратов, Омана, Палестины, Саудовской Аравии, Сирии и Турции, их территориальные воды и воздушное пространство над их территорией и их территориальными водами.

В соответствии с положениями намеченного договора государства-участники будущей договоренности приняли бы на себя обязательства по снятию с вооружения и уничтожению всех видов ОМУ, если таковое у них имеется, до 31 декабря 2020 года. Такой срок представляется вполне реалистичным, конечно же, при условии полной готовности заинтересованных государств выйти на обозначенный рубеж. Подобное обязательство уже имело бы большое практическое значение. Даже в случае возникновения в регионе каких-то вооруженных конфликтов существовала бы договорная гарантия, что никто не применит в нем оружие массового уничтожения – ни региональные государства, имеющие ядерное оружие, ни внерегиональные государства, также располагающие им.

В целях облегчения принятия такого договора не предусматривается уничтожение авиационных средств доставки подобного оружия, поскольку они имеют двойное назначение, а всего лишь предполагается ввести запрет на их использование с целью доставки трех видов ОМУ.

Договор предусматривает международную проверку его положений с помощью специального верификационного органа.

Предполагается, что договор будет иметь бессрочный характер и к нему могут присоединяться любые государства.

Впервые полный проект такого договора был обнародован автором на представительной международной конференции по проблематике нераспространения, состоявшейся в Москве в ноябре 2014 года. Он размещен на английском языке на Интернет-сайтах аналитического журнала «Ориентал ревью» и российского Центра энергетики и безопасности, а также на русском языке на сайте Российского института стратегических исследований [15].

Представляется, что именно обсуждение проекта такого документа поможет активизировать международную дискуссию по данной проблеме.

В любом случае проект международного договора – это конечная продукция любых дискуссий и переговоров по какой-то важной общемировой проблеме, затрагивающей интересы подавляющего числа государств мира. При этом надо исходить из того, что проект итогового документа

Обзорной конференции 2015 года в Нью-Йорке уже обозначил важность проведения переговоров с целью заключения «юридически обязывающего

договора» о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке «на основе договоренностей, свободно достигнутых между государствами региона» [16].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Обзорная конференция проходила с 27 апреля по 22 мая 2015 года.
2. SIPRI. 2015 Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons? New York. Final Day May 22nd, 2015. P. 1. See: <http://www.sipri.org/research/disarmament/nuclear/npt-review-2015/folder-publications/npt-report-day-20> (посещение 15.05.2015).
3. Gottemoeller R., Under Secretary for Arms Control and International Security. Remarks at the 2015 NPT Review Conference. New York. United Nations. 2015. May 22// <http://www.state.gov/t/us/2015/242778.htm> (посещение 15.02.2016).
4. См.: Интервью директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России М. И. Ульянова информационному агентству «Россия сегодня» 1 июня 2015 года//http://www.mid.ru/web/guest/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/1345428 (посещение 15.02.2016).
5. Draft Final Document. 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York. United Nations. 2015. 21 May. UN Doc. NPT/CONF. 2015/Rev.3.
6. Gottemoeller R., Under Secretary for Arms Control and International Security. Principles for a WMD-Free Zone in the Middle East. Remarks. Amman Security Colloquium. Amman, Jordan. 2015. November 11//<http://www.state.gov/t/us/2015/249440.htm> (посещение 15.02.2016).
7. Davenport K. Mideast Zone Plan Stymies NPT Meeting//Arms Control Today. 2015. June// See: http://www.armscontrol.org/ACT/2015_06/News/Mideast-Zone-Plan-Stymies-NPT-Meeting (посещение 15.02.2016).
8. SIPRI. 2015 Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons? United Nations. New York. Final Day. 2015. May 22. P. 2//See: <http://www.sipri.org/research/disarmament/nuclear/npt-review-2015/folder-publications/npt-reportreport-day-20>(посещение 15.05.2015).
9. Davenport K. Mideast Zone Plan Stymies NPT Meeting//Arms Control Today. 2015. June. See: http://www.armscontrol.org/ACT/2015_06/News/Mideast-Zone-Plan-Stymies-NPT-Meeting (посещение 15.02.2016).
10. Заявление Президента России Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе. См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49957>.
11. Интервью официального представителя МИД России немецкой телекомпании ZDF относительно модернизации американского ядерного оружия в Европе. 2015 года. 22 сентября//http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNnonkJE02Bw/content/id/1760991(посещение 15.02.2016).
12. Выступление и.о. руководителя делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России М.И.Ульянова на Конференции 2015 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Нью-Йорк, 27 апреля 2015 года. См: http://www.russiaup.ru/ru/news/ga_nrc2(посещение 15.02.2016).
13. Документ ООН A/RES/66/25.
14. Подсчеты автора.
15. Kozin V. Time to Establish a WMD-free zone in the Middle East. 2014. 24 November. <http://orientalreview.org/2014/11/24/time-to-establish-wmd-free-zone-in-the-middle-east-draft-treaty>; http://ceness-russia.org/data/page/p1488_1.pdf. (посещение 15.02.2016).
16. Draft Final Document. 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York. United Nations. 2015. 21 May. UN Doc. NPT/CONF. 2015/Rev.3. Item 169.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: БЫТЬ ЛИ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ?

GEOPOLITICAL FORECASTS AND POLITICAL REGIONAL STUDIES: TO BE FEDERAL DISTRICTS?

В статье исследуется проблема в интересах стимулирования дискуссии о будущем федеральных округов в Российской Федерации и полномочных представительств Президента России в федеральных округах (в контексте нескрываемой заинтересованности геополитических противников в создании «стабильных и экономически устойчивых региональных правительств» в ядерных регионах на месте единой и целостной Российской Федерации), при этом:

проводится анализ содержания прогноза американской частной разведывательно-аналитической компанией Stratfor на 2015-2025 гг., оценивается информационно-методическая обоснованность выводов Stratfor, формулируются предложения по выработке научно-обоснованной позиции и конкретным шагам по экспертно-социологической проработке вопроса насчет будущего федеральных округов.

Statement of the problem and to stimulate discussion about the future of the Federal districts in the Russian Federation and Plenipotentiary representative of the President of Russia in Federal districts (in the context of the undisguised interest of geopolitical rivals in the creation of "a stable and economically sustainable regional governments" in the nuclear regions in place of a single Russian Federation), the objectives of the article:

content analysis of forecast Stratfor (Strategic Forecasting Inc) forecast U.S. For 2015 – 2025,

assessment information-methodical validity of claims Stratfor, formulation of proposals for elaboration of the Russian position and concrete steps by an expert-sociological study the issue,

in preparing the text were used an inductive method ("from the particular to the general"), as well as methods of analysis and interpretation AR (action research).

Ключевые слова: геополитические прогнозы, политическая регионалистика, федеральные округа, полномочные представительства Президента России в федеральных округах, социологические исследования, экспертные опросы.

Keywords: geopolitical forecasts, political regionalistika, Federal districts, Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in Federal districts, sociological research, expert interviews.

Обширная тематика, разрабатываемая американской частной разведывательно-аналитической компанией Stratfor (Strategic Forecasting Inc) по заказу коммерческих структур и органов власти (США и зарубежных стран), регулярная публикация прогнозов [1], уделяющих в том числе заметное внимание России, требует реакции от экспертно-социологического сообщества нашей страны и федеральных органов власти.

С целью стимулирования дискуссии и постановки проблемы было проведено пилотное исследование, где объектом анализа определялись федеральные округа в Российской Федерации, а в них – полномочные представительства Президента России, что оправдано в силу многих причин, (включая нескрываемую заинтересованность геополитических противников видеть «стабильные и экономически устойчивые региональные правительства» в ядерных регионах на месте единой и целостной Российской Федерации).

В качестве предмета анализа определялось со-

держание геополитического прогноза Stratfor на 2015-2025 годы, в котором прогнозируется неизбежный развал нашей страны под грузом нерешаемых социально-экономических проблем в условиях колебания и снижения цен на энерго-ресурсы и просматривается озабоченность насчет контроля за ядерным потенциалом на развалинах огромной державы. Невоенные способы контроля оказываются, по сути, за рамками прогноза, но их высокая значимость признается фактически всей совокупностью рассуждений и логики наших геополитических противников, что выявляется благодаря индуктивному методу анализа и методике интерпретаций на базе так называемой действенной социологии AR (action research).

В случае политической дезинтеграции, прогнозируемой Stratfor, сохранение ядерного оружия и запасов урана на территории России может обуславливать главный кризис следующего десятилетия. Авторы прогноза, как подчеркивается в публикациях [2], не исключают возможность

того, что США придется прибегнуть к силе, «чтобы обезопасить ядерный арсенал России».

Полагаем, подобное развитие событий вполне устроило бы как США (выступающих мировым жандармом и безжалостным судьей), так и руководство Stratfor. Однако за рассуждениями и оценками (ограниченными политической регионалистикой [3], политической географией [4] и политической философией [5], получившими ко всему прочему достаточное развитие и в нашей стране просматриваются малообоснованные выводы. Об этом приходится говорить, опираясь на выработанные еще в СССР критерии оценки разных видов прогнозов, базирующиеся на фундаментальных представлениях. Специфика же геополитических прогнозов не только в том, что это опасное и действенное пропагандистское оружие, но прежде всего – это разновидность научных исследований и социальных технологий, предполагающих точный алгоритм разработки и оценки.

Методологическая и методическая база прогнозирования, успешно разрабатывавшаяся еще в СССР благодаря усилиям и работам И.В. Бестужева-Лады [6], Е. Д. Гражданникова [7], В. Лисичкина [8], и других советских ученых является признанной во всем мире. С развитием в нашей стране социологических исследований стали обсуждаться методы прогнозирования, например экстраполяция, и формирование информационной база разных видов прогнозирования (статистической, социологической, фактологической), а также, разрабатываться критерии оценки прогнозов, индикаторы и показатели. Их эвристичность сохраняется вплоть до сегодняшних дней,

Разработка профессиональных прогнозов (научных и экспертно-аналитических предполагает обсуждение вероятностного характера прогнозируемых процессов и дополнения соответствующими расчетами.

Можно ли при существующих стандартах прогнозирования ограничиваться агентурными данными (даже если они поступали и поступают руководителям Stratfora) и формулировать на этой ограниченной информационно-фактической базе далеко идущие военно-политические выводы? Вопрос риторический.

Однако, игнорировать своеобразные подсказки заокеанских «друзей» также вряд ли разумно. Действительно, накопились серьезные проблемы, перечень которых и их номенклатура подтверждаются заокеанскими аналитиками. Об этом нам

также нужно бы откровенно говорить и писать, подобно назревшим проблемам государственной региональной политики.

Если нашими геополитическими противниками не скрывается желание видеть на месте единой и целостной Российской Федерации совокупность квазигосударств (совпадающих в основном с границами большинства федеральных округов), если зарубежными аналитиками проявляется лояльность в отношении существующих организационно-правовых структур, прежде всего, надрегиональных (роль которых сегодня выполняют полномочные представительства Президента России в территориях), то может пришло время необходимых выводов с нашей стороны?

Вполне возможно. Вопросы же напрашиваются нелицеприятные. Почему на зарубежных картах по итогам гипотетического разрушения современной России границы вновь образуемых квазигосударств совпадают с границами большинства федеральных округов. Случайно это или нет? Почему так быстро прижилась в конце 90-х годов прошлого века непонятно кем брошенная в политическое сообщество нашей страны идея структурирования страны на федеральные округа?

Этот представляющийся сомнительным ход и сегодня будоражит российских исследователей, экспертов и политиков, хотя фундаментальные исследования и экспертные опросы по данной тематике пока отсутствуют.

В порядке поставки проблемы виделось бы целесообразным высказаться с целью стимулирования дискуссии на страницах данного издания.

Сразу обозначим свою позицию насчет того, что историю создания федеральных округов, а также использованные и неиспользованные возможности обсуждать бы нужно не только в контексте экономической координации и (или) более полного учета прав субъектов Федерации, но, прежде всего, с позиции национальной безопасности и тех факторов, которые уже многие годы находятся в фокусе внимания зарубежных аналитиков.

Образование на границе ельцинского и путинского периодов федеральных округов и полпредств Президента РФ в них легитимизировалось инаугурационной речью В.В. Путина 7 мая 2000 года, когда определялись цели по сохранению единства страны и укреплению российского государства. Реализация этой установки воспринималась в то время стратегически, и соответствующий прези-

дентский указ отвечал общественным ожиданиям и укреплению «властной» вертикали. Для обсуждения альтернативных вариантов тогда просто не было необходимого запаса времени и обобщенной информации для политических прогнозов.

Сформированные Президентом России межрегиональные административные структуры семи (а теперь уже девяти) округов невольно оказались в качестве тех самых «стабильных и экономически устойчивых правительств» (если пользоваться лексикой Startfor) желаемых и ожидаемых нашими геополитическими конкурентами.

Удобный же момент для кадровых перестановок и изменения модели деятельности — это вполне возможный и допустимый фактор, чтобы «поставить» лояльных политиков во главе этих административно-территориальных структур (пока с невнятным и в чем-то даже противоречивым правовым статусом, позволяющим тем не менее выстраивать сеть экономических и политических связей по горизонтали и по вертикали).

Каких политиков? Прежде всего, прошедших специальную подготовку местных или привезенных «царьков» (если учитывать украинскую практику), но самое главное — свободных от патриотических чувств и «прозападно», сепаратистски (националистически) настроенных.

Конечно, одного настроения отдельных даже харизматичных персон недостаточно в таких делах. Нужны силы и средства, но с этим у региональной и местной номенклатуры во многих территориях в общем и целом неплохо.

Установленная с ельцинских времен родственно-клановая система формирования власти в России опирается на устойчивые и укоренившиеся в экономику и общество околовластные группировки регионального и местного масштаба, что в мировой политологии получило название «тирании кузенов» [9].

Названные кланы, будучи связанными с правоохранительными структурами, подразделениями российских спецслужб и частями Вооруженных Сил на той или территории, при благоприятных условиях и поддержке американцев способны «замкнуть» аппараты полпредств в федеральных округах на себя, подчинив их с помощью разных способов.

Ощутимая часть экономики в регионах сегодня, согласно неофициальным оценкам, контролируется (в той или иной форме) местными кланами и околовластными группировками, что было совсем недавно вскрыто в Республике Коми.

Следовательно, американцам, еще двадцать лет озаботившимся (под флагом контроля ядерного потенциала) качеством регионального управления и необходимостью создания надрегиональных структур, удается решать свою задачу, говоря военным языком, на плечах противника?

Судя по всему, поскольку с первой минуты образования федеральных округов в адрес этого решения высказывалось немало критики насчет роли и далеко идущих последствий деятельности этих суррогатных административно-территориальных образований. В том числе последствий военно-политических.

Отвечая на поступающие вопросы, Президент России в своем Послании к Федеральному Собранию РФ 2000 г. особо подчеркнул, что «суть этого решения в укрупнении структур президентской вертикали на территориях, в создании условий для упрочения федерализма».

Действительно, за 15 лет удалось решить многие неотложные задачи. Были внесены важные поправки в конституционно-уставные документы субъектов Федерации, окрепли на региональном уровне органы исполнительной и законодательной власти. Тем не менее в отношении полпредств все еще приходится сталкиваться с противоположными мнениями и оценками. Как положительными, так и отрицательными.

С одной стороны, приходится видеть результаты радикального изменения отношения законодательной и исполнительной власти Субъектов Федерации к качеству законотворчества, что снижает риск несоответствия регионального законодательства федеральному. Помимо того, институт полномочного представителя Президента РФ уверенно утвердился в качестве механизма анти-кризисного управления, а в условиях политической стабильности — как инструмент контроля, координации и сбора информации и даже как институциональный механизм согласования интересов федерального центра и регионов (тем более в условиях ликвидированного Министерства регионального развития России).

С другой стороны, просматривается нерешенность ряда проблем, периодически вызывающих недовольство деятельностью президентских полпредов, будто бы не нашедших своего места в динамичных современных условиях и выступающих не только полулегитимными лоббистами, но чаще неуместными посредниками, в целом лишним управленческим звеном во взаимодействии федерального центра и Субъектов Федерации.

Организационно-правовой фундамент (касающийся в том числе таких вопросов, как представление Президенту России регулярных докладов о социальном и экономическом положении в федеральном округе) пока является недостаточно проработанным, не охватывающим к тому же ряд функций полпреда, выходящих за рамки наблюдения и контроля к организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления, политическими партиями, о чем одному из авторов уже доводилось писать [10].

Остаются нерешенными и ряд юридических и управленческих вопросов насчет подготовки и проведения мониторинга политико-экономической ситуации в субъектах Федерации, что должно бы завершаться публикацией и широким распространением сводного доклада (с целью ориентации государственных органов и общественности, а не только информирования Президента России). Тем не менее для решения этой задачи недостаточно имеющихся интеллектуально-организационных, материально-технических и финансовых ресурсов.

В сложившихся условиях целесообразно бы вернуться к предварительно сформулированному вопросу: «сохранять или все-таки аннулировать федеральные округа и такие надрегиональные структуры как полпредства Президента Российской Федерации? Вопрос сложный и комплексный — политический, юридический, экономический, который по разному может решаться на Дальнем Востоке и в центральных регионах страны.

Однако ясно одно, что требуется основательная проработка данной проблематики в контексте экспертно-социологического сопровождения региональной государственной политики [11].

Признавая «укорененность» данных представительства Президента в социально-экономическую и политическую жизнь регионов обратили бы внимание, что решение по этому поводу должно бы быть не просто взвешенным и продуманным, но опирающимся, прежде всего, на итоги специальных исследований и экспертные опросы.

В научно-экспертной повестке дня, судя по всему, комплекс дополнительных мер:

во-первых, по укреплению в Российской Федерации государственной региональной политики;

во-вторых, по воссозданию Министерства регионального развития России;

в-третьих, по организационно-правовому оформлению и началу деятельности межрегиональной экспертно-социологической сети с участием Академии военных наук;

в-четвертых, по выявлению с помощью новейших социологических методов отношения различных категорий общественности к существующей практике федеральных округов, к возможностям и результатам деятельности полпредств Президента России;

в-пятых, по определению возможного госзаказа Российским научным фондом, Министерством обороны Российской Федерации и Федеральным агентством по делам национальностей на проведение серии комплексных многоцелевых исследований по региональному управлению и его структуре.

Таким образом, будет собран необходимый фактический материал для анализа и проработаны варианты управленческих решений насчет настоящего и будущего федеральных округов.

Политико-социологическая наука располагает в настоящее время проработанной методологией и методиками позволяющими корректно ставить и решать исследовательские и научно-внедренческие задачи с обоснованием назревших политических решений и прогнозированием реакции общественности и медиа-сообщества страны.

После анализа зарубежных прогнозов мы бы должны видеть не только предлагаемое нам русло дискуссий, но, прежде всего, возможности защиты от военных угроз и способы противодействия им.

Если численность и категории опрашиваемых экспертов по федеральной или региональной «выборкам» можно бы обсуждать, то укрепление национальной безопасности и обороноспособности в контексте обострившихся военных угроз обсуждению не подлежит.

Возвращаясь к заокеанским прогнозам, отметим, что благодаря подобным «вбросам» в медийное поле задается фактически смысловое русло размышлений и оценок.

В формате прогнозов зондируется читательское мнение на пост-советском пространстве и таким образом прорабатывается острейшая проблематика, собираются отклики и отзывы.

Подобная деятельность требует экспертно-аналитических ответов от научной общественности нашей страны и поручений первых лиц государств по подготовке проектов управленческих решений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Джордж Фридман ; [пер. с англ. А. А. Калинина, М.Я. Мацковской, В. А. Нарицы] Москва : Коммерсантъ : Эксмо , 2010.
2. Мануков С. Прогноз на десятилетие: США ждет закат, Китай – хаос. URL: <http://expert.ru/2015/06/16/stratfor/> (дата обращения 13 марта).
3. Ковалев В.А. Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении : (Актуал. вопр. регион. полит. развития и пробл. теорет. концептуализации) / В. А. Ковалев Сыктывкар : ИПО СГУ , 1999 (Серия препринтов / Сыктывк. гос. ун-т № 19-99).
4. Тулохонов А.К. Политическая география Северной Азии в условиях глобализации, или Как обустроить российскую периферию : Political geography of the Northern Asian states in the globalization, or How to equip the russian periphery / А.К. Тулохонов. Улан-Удэ : ЭКОС , печ. 2014.
5. Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова // Богданов А.В.; Под ред. Е.Н. Мощелкова М. : Воробьев А.В. , 2001.
6. Малая российская энциклопедия прогностики = : Encyclopaedia prognostica Rossica = Russian encyclopaedia of futures studies / Междунар. акад. исслед. будущего, Российское отд-ние (Акад. прогнозирования) ; редкол.: И.В. Бестужев-Лада (гл. ред.) [и др.] Москва : Ин-т экономических стратегий , 2007 – 326 с.;
Методологические проблемы поискового социального прогнозирования : [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [Отв. ред. Бестужев-Лада И. В.] М. : ИСИ , 1983 (вып. дан. 1984) – 189 с.
7. Гражданников Е.Д. Экстраполяционная прогностика. Классиф. и мат. моделирование в ист. и прогност. исслед. / Е.Д. Гражданников; Отв. ред. Е. В. Семенов; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988.
8. Лисичкин В.А. Прогностика: Основные термины и понятия / В. А. Лисичкин, В. И. Каспин ; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Науч.-исслед. отд. библиотековедения и теории библиографии, Москва, 1970.
9. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М , изд-во Аст, 2015 г.
10. Першуткин С.Н. Политика как искусство возможного// «Советник Президента». федеральное информационно-аналитическое издание URL: http://www.sovetnikprezidenta.ru/132/1_gosudarstvo.html (дата обращения 21 марта 2016 г.).
11. Першуткин С.Н. Экспертно-социологическая поддержка региональной государственной политики // Проблемы развития территорий. Научный журнал ФГБУН «Институт социально-экономического развития территорий РАН. Вологда. 2014. № 6 (74).

E.P. SAVRUTSKAYA,
S.V. USTINKIN,
A.V. NIKITIN

Е.П. САВРУЦКАЯ,
С.В. УСТИНКИН,
А.В. НИКИТИН

ПРОБЛЕМА МИГРАНТОВ В ЗЕРКАЛЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

PROBLEM OF MIGRANTS IN THE MIRROR OF STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS OF YOUTH

Основная цель данного исследования — создать научную базу для прогнозирования дальнейшего развития этнокоммуникативного взаимодействия, оказывающего большое влияние на формирование ценностных установок и мотивацию поведения учащейся молодежи. В комплексе ценностных ориентаций молодежи проблема отношения молодых поколений к мигрантам в настоящее время приобрела особую актуальность по причине не только многонационального характера российской цивилизации, но и тех миграционных процессов, которые приведены в действие локальными вооруженными конфликтами в Центральной Азии и Северной Африке.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования учащейся молодежи города Нижнего Новгорода и Нижегородской области в 2011, 2014 и 2015 годах.

Исследование динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи свидетельствует о существующей зависимости антимигрантских настроений и обострения межнациональных отношений внутри страны. Проведенное исследование позволяет выявить факторы, способствующие оптимизации деятельности государственных институтов, традиционных конфессиональных и национальных общественных организаций по формированию и укреплению толерантности, раннему предупреждению экстремизма и конфликтов на этноконфессиональной почве в молодежной среде.

The main purpose of this study is to establish the scientific basis for the prediction of further development of ethnocommunicative cooperation, has a great influence on the formation of attitudes and behavior of young people, studying motivation. The complex problem of value orientations of youth attitudes of the younger generations to migrants has now acquired special relevancy because of not only the multi-ethnic character of the Russian civilization, but also due to the migration processes, entrenched by the local armed conflicts in Central Asia and North Africa.

The empirical base of the research was the results of the survey of students of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region in 2011, 2014 and 2015.

The analysis of the dynamics of value orientations of studying youth shows the current dependence of anti-immigrant sentiments and the aggravation of interethnic relations in the country. The study identifies factors that contribute to optimizing the activities of state institutions, the traditional religious and national non-governmental organizations to build and strengthen tolerance and early prevention of extremism and conflicts on the ethnic and religious grounds among young people.

Ключевые слова: ценностные ориентации молодежи, мигранты, прогнозирование, национальные отношения, этнокоммуникативное взаимодействие, антимигрантские настроения, толерантность, межэтнические конфликты.

Keywords: value orientations of youth, migrants, forecasting, national relations, ethnocommunicative interaction, anti-immigrant sentiments, tolerance, inter-ethnic conflicts.

Масштабы современных миграционных процессов достигли огромных размеров. Под влиянием миграционных потоков и связанных с ними процессов маргинализации происходит изменение не только этноконфессиональной и лингвистической картины принимающих стран, но и разрушается их культурно-коммуникативное пространство, в основе своей создаваемое и сохраняемое собственными историко-культурными традициями, социальными механиз-

мами духовной преемственности, а также национальной и гражданской идентичности. Однако растущие потребности развития производства, нехватка рабочих рук, расширение сферы обслуживания заставляют развитые страны прибегать к помощи трудовых мигрантов, которые с течением времени обретают право на жительство, становясь постоянными (если и неполноправными) гражданами того или иного государства (к примеру, как это произошло в Дании, Франции,

Великобритании или Германии, как это происходит и в России).

Очевидно, что учет влияния миграционных процессов на современную коммуникативную ситуацию имеет значение для координации воспитательной, информационно-коммуникативной и правоохранительной деятельности, с одной стороны, а, с другой – для прогнозирования дальнейшего развития этнокоммуникативного взаимодействия, оказывающего большое влияние на формирование ценностных установок и мотивацию поведения молодежи. Коммуникативные проблемы, связанные с миграционными процессами, в значительной степени затрагивают интересы всех слоев общества, в той или иной степени связанных с производством, образованием, наукой и воспитанием молодежи. Сложные процессы межкультурного взаимодействия, особенно в молодежной среде как мигрантов, так и представителей «титულных» наций, обозначили для европейских стран и России проблему необходимости исследования характера изменений всех сфер социальной реальности, происходящих под влиянием миграционных процессов. И в этой связи одной из первоочередных задач разработки научно обоснованного подхода к решению данной проблемы как в экономическом, так и социокультурном планах является исследование динамики ценностного отношения населения, в первую очередь, молодежи принимающих стран к мигрантам.

Этот вопрос приобретает особую актуальность в свете событий, связанных с массовыми миграционными потоками из стран Ближнего Востока и Северной Африки в страны Западной Европы. Очевидно, что нельзя ставить знак равенства между трудовыми мигрантами и мигрантами-переселенцами, в огромных масштабах пытающихся обосноваться на территориях богатых стран Евросоюза. Но в любом случае важнейшим условием обеспечения мирного разрешения проблемы отношения мигрантов и местного населения является учет общественного мнения титульных и маргинальных этнических групп. При этом, как показывают реальные события и в России, и за рубежом, наиболее ярко рассматриваемая проблема проявляется в молодежной среде. Так, к примеру, согласно исследованиям динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи (студентов вузов, учащихся средних профессиональных образовательных учреждений и средних общеобразовательных школ), проводи-

мых учеными Нижегородского государственного лингвистического университета с 2006 года, в оценке молодыми россиянами их отношения к мигрантам проявляются достаточно противоречивые суждения [1]. В динамике развития общественных настроений молодого поколения по данному вопросу российской молодежью проявлено недостаточно ответственное отношение к вопросам необходимости социальной и правовой защиты мигрантов, улучшения условий их жизни (табл. 1).

Таблица 1

Отношение молодежи к мигрантам (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Легализовать, повысить правовую защищенность мигрантов	Полностью согласны	12,1	11,7	11,9
	Скорее согласны	24,5	17,9	16,0
	Затруднились ответить	41,5	37,2	41,6
	Скорее не согласны	14,0	17,0	16,8
	Не согласны	7,9	16,3	13,7

Со стороны молодежи просматривается явное непонимание того, что, во-первых, к людям необходимо всегда проявлять гуманное отношение, а, во-вторых, трудовые мигранты – это временно живущие на территории России люди, которые рано или поздно вернутся к себе на родину. И вопрос состоит в том, какой образ России они увезут с собой, какое отношение к нашей стране они передадут своим детям, родственникам и знакомым. А ведь страны, в которые они возвращаются, являются нашими соседями, нашими партнерами, налаживать и сохранять добрососедские отношения с которыми диктует сама логика дальнейшего развития современных международных процессов.

Как показывают данные таблицы 1, динамика степени понимания необходимости позитивного решения рассматриваемой проблемы ухудшается. Если в 2011 году показатель признания молодыми людьми необходимости легализации и правовой защищенности мигрантов в целом составлял 36,6% при 21,9% несогласных, но 41,5% затруднившихся с ответом, то в 2014 году эти показатели соответственно изменились в худшую сторону и составили: 29,6% тех, кто согласен с данной установкой (ухудшение произошло на 7%); 33,3% несогласных с этим (ухудшение на 11,4%) при 37,2%

сомневающихся. Эти данные коррелируют и с показателями отношения молодежи к проблеме необходимости улучшения условий жизни мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

Отношение молодежи к мигрантам (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Улучшать условия жизни мигрантов (работа и зарплата, жилье, медицинское обеспечение, образование)	Полностью согласны	10,3	9,1	10,6
	Скорее согласны	23,2	20,4	21,5
	Затруднились ответить	38,1	31,0	36,2
	Скорее не согласны	16,3	18,7	18,4
	Не согласны	12,0	20,8	13,3

При этом по данным исследования 2014 года произошло резкое увеличение количества респондентов, выразивших свое категорическое несогласие с позитивным решением данной проблемы.

В целом данные опроса, проведенного в самом начале 2014 года в Нижегородском регионе, коррелируют с результатами опроса Левада-центра, проведенного в 2013 году. Комментируя результаты опроса директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) и главный редактор журнала «Вестник общественного мнения» Лев Гудков отметил, что в 2013 году была зафиксирована самая высокая волна ксенофобии (этот показатель приблизился к 70-80% населения России). Пик антимигрантских настроений был отмечен в октябре 2013 года в связи с событиями в Бирюлево [2]. Это был максимум, зафиксированный за многие годы исследований, данные которых свидетельствуют о большой подвижности в изменениях оценочного отношения населения к данной проблеме.

На основании данных исследования причин конфликтов, возникающих на национальной почве, проведенного Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федеральной экспертной сетью «Клуб Регионов» с сентября 2013 года по март 2014 года, был составлен рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Если ранее Нижегородская область считалась достаточно стабильным регионом с точки зрения межэтнических конфликтов, то после известных события в Арзамасе в декабре 2013 года область попала в «зону риска» как регион с «вы-

сокой напряженностью» [1]. О напряженности ксенофобских настроений, возникшей за короткий период времени с 2011 по 2014 годы, говорят и данные об отношении молодежи к нерегулируемым большим потокам мигрантов, присутствующих на исторически сформировавшихся территориях многонационального российского социума (табл. 3). Свидетельством этому является мнение респондентов относительно необходимости ограничения притока в Россию иностранной неквалифицированной рабочей силы.

Таблица 3

Мнения молодежи относительно ограничения притока мигрантов в Россию (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Ограничить приток в Россию иностранной неквалифицированной рабочей силы, ужесточить порядок их въезда и регистрации	Полностью согласны	32,7	49,7	33,1
	Скорее согласны	29,3	25,8	28,7
	Затруднились ответить	23,6	15,9	22,4
	Скорее не согласны	10,5	5,3	9,0
	Не согласны	4,0	3,3	6,8

Результаты опроса 2015 года показали некоторый рост положительных показателей при заметном сокращении отрицательных оценок, но увеличении тех респондентов, кто затруднился с ответом, т. е. сомнеющихся. Данные результатов опросов, приведенных в таблицах 1-3, свидетельствуют о неустойчивости показателей ценностного отношения респондентов к мигрантам, что, во-первых, требует постоянного мониторинга ценностных ориентаций молодежи по данной проблематике, а также разработки и осуществления программ воспитания культуры межэтнических отношений в молодежной среде, а, во-вторых, минимизирует возможности прогнозирования процессов межэтнического взаимодействия как одного из важнейших условий реализации Стратегии национальной безопасности России. Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что, как показали результаты исследований и реальная практика международных событий, ухудшение отношения молодежи к мигрантам влечет за собой и ухудшение отношения респондентов к представителям других национальностей, традиционно проживающих на территории России (табл. 4).

Таблица 4

Отношение молодежи к мигрантам из других стран и представителям других народов нашей страны (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Как вы относитесь к мигрантам из других стран в нашей стране?	Положительно	11,5	8,3	11,2
	Нейтрально	69,1	60,5	68,1
	Отрицательно	19,4	31,2	20,5
Как вы относитесь к представителям других национальностей в нашей стране?	Положительно	16,0	12,0	16,1
	Нейтрально	69,0	63,5	67,1
	Отрицательно	15,0	24,5	16,8

При рассмотрении динамики оценочного отношения студентов и учащихся Нижегородского региона к мигрантам и представителям других этносов, традиционно проживающих на территории России, следует отметить ряд моментов, требующих крайне внимательного отношения к рассматриваемой проблеме и проведения регулярного мониторинга изменений массового сознания молодежи по данному кругу вопросов.

Данные результатов исследований, приведенные в таблице 4, свидетельствуют о том, что к мигрантам-иностранцам, согласно опроса 2011 года, положительное отношение выразили 11,5% респондентов, нейтральное – 69,1%, т. е. в целом спокойное отношение к присутствию мигрантов в нижегородском регионе было характерно для 80,6% молодежи. К представителям других народов нашей страны положительное отношение высказали 16%, а нейтральное – 69,% опрошенных. Таким образом, положительный фон межнациональных отношений в регионе обеспечивался 85% молодых людей. В ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года в этой связи особо отмечалось, что для планеты мы, «независимо от нашей этнической принадлежности, были и остаемся единым народом» [4].

Однако, за короткий период времени (начиная с 2011 года) произошла активизация деятельности экстремистских, радикальных группировок не только на Северном Кавказе. Всплески межнациональных и межрелигиозных конфликтов были перенесены на другие регионы нашей страны – Поволжье, Центральную Россию [5]. Эти события оказали большое влияние на рост напряженности в молодежной среде, в изменении приоритетов ценностного сознания респондентов. Так, за прошедшие три года (с 2011 по 2014) произошел

всплеск негативного отношения к мигрантам и представителям других национальностей в нашей стране. Доля молодежи, отрицательно относящейся к мигрантам, возросла на 11,8%, в то время как доля относящихся к ним в целом (включая нейтрально оценивающих свое отношение) положительно снизилась также на 11,8%. Если в 2011 году разрыв между положительно и отрицательно относящейся к мигрантам молодежи составил 7,9% в сторону негативных показателей, то в 2014 году он уже оказался равным 22,9%, т. е. вырос практически в три с половиной раза.

Вместе с тем, согласно данным, приведенным в таблице 5, важным моментом в оценочном отношении молодежи к рассматриваемой проблеме является факт того, что молодое поколение крайне негативно относится к экстремистским религиозным и политическим организациям, высказывается за ужесточение наказания за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, проповедующих насилие и экстремизм.

Таблица 5

Отношение молодежи к деятельности экстремистских политических и религиозных организаций (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь	Полностью согласны	38,5	43,0	36,5
	Скорее согласны	25,2	26,3	27,8
	Затруднились ответить	26,7	20,6	26,2
	Скорее не согласны	5,9	5,7	6,1
	Не согласны	3,7	4,3	3,4

Высокие показатели категорически негативного отношения к экстремизму и пропаганде идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, свидетельствуют о реальных результатах широкомасштабной работы государственных органов законодательной и исполнительной власти, институтов образования, СМИ, правоохранительных органов по борьбе и оказанию противодействия распространению идей насилия и экстремизма в молодежной среде. Более того, гибель большого количества людей в результате террористических актов, даже у самых отчаянных искателей приключений вызывает

чувство самосохранения, страха за свою жизнь и судьбы своих близких.

Обращают на себя внимание крайне высокие показатели нейтрально относящихся респондентов к мигрантам и представителям других национальностей России. Эти высокие показатели не должны успокаивать, т. к. за ними стоят и те, кто якобы затруднился с ответом, т. е. колеблющиеся, готовые в любой момент в зависимости от ситуации повернуть «вправо» или «влево», иначе говоря, пойти за тем, кто окажет наибольшее влияние на их идейно-эмоциональные предпочтения по рассматриваемому вопросу.

Внешне благополучно выглядят данные об отношении респондентов к представителям других народов, проживающих на территории России. Несмотря на сокращение положительного и нейтрального отношения респондентов к представителям других национальностей, согласно данным опроса, проведенного в 2014 году, по сравнению с данными 2011 года в целом на 9,5%, в ценностном сознании 75,5% молодых россиян абсолютные приоритеты лежат в плоскости положительного и нейтрального отношения к рассматриваемой проблеме. Вместе с тем следует обратить внимание на резкий скачок негативных ответов, выявленных в результате опроса 2014 года по сравнению с данными, приведенными за три года до этого. Количество респондентов, определивших свое отношение к представителям других национальностей, проживающих на территории России, как отрицательное, увеличилось на 9,5% (с 15,0% до 24,5%). То есть более трети респондентов (31,2%) продемонстрировали свое негативное отношение к мигрантам, а 24,5% опрошенных указали, что они отрицательно относятся к представителям и других народов страны.

Однако показатели положительного и нейтрального отношения к мигрантам и представителям других национальностей в нашей стране всего за один год к началу 2015 года резко возросли, что подтверждается и последними исследованиями Левада-центра, согласно которым в настоящее время лояльное отношение к мигрантам со стороны россиян, в том числе и молодежи, резко возросло [3].

Приведенные результаты исследования вызывают вполне закономерный вопрос: насколько правомерно предположение, что рост антимигрантских настроений приводит к обострению межнациональных отношений (табл. 6). Не являются ли эти процессы непосредственно не связан-

ными между собой, а только фиксируют тенденции в межнациональных отношениях по форме, т. е. их можно рассматривать в ракурсе лишь негативной реакции коренного населения на наплыв прибывающих в страну трудовых мигрантов. Для того, чтобы избежать такой содержательной подмены, было проведено сопоставление динамики отношений как к мигрантам, так и к представителям коренных национальностей, проживающих в России.

Таблица 6

Отношение молодежи к мигрантам из других стран и представителям других народов страны (в %)

		2011 г.	2014 г.	2015 г.
Как вы относитесь к мигрантам из других стран в нашей стране?	Положительно	11,5	8,3	11,2
	Нейтрально	69,1	60,5	69,4
	Отрицательно	19,4	31,2	19,4
Как вы относитесь к представителям других национальностей в нашей стране?	Положительно	16,0	12,0	15,9
	Нейтрально	69,0	63,5	68,4
	Отрицательно	15,0	24,5	15,7

Сравнительный анализ позволяет в определенном плане прогнозировать по имеющимся показателям возможные варианты выстраивания событий в сфере этноконфессионального взаимодействия в молодежной среде. Так, результаты исследования показали, что хотя отношение к другим народам страны лучше, чем к трудовым мигрантам-иностранцам, тем не менее процессы, связанные с этими двумя группами населения, развиваются по схожему сценарию. Исследование выявило высокую степень корреляции между ростом негативных настроений как в отношении к мигрантам, так и в отношении к представителям других национальностей нашей страны, о чем мы уже говорили чуть ранее. Так, среди тех молодых людей, которые положительно и нейтрально (79,1% опрошенных) относятся к мигрантам из других стран, 82% также положительно относятся и к лицам других национальностей, проживающих в России. Однако если опрошенные негативно относятся к мигрантам-иностранцам, то в значительной степени это отношение переносится и на представителей других национальностей своей страны.

Показатели свидетельствуют также и о том, что отрицательное отношение к мигрантам ока-

зывает более сильное влияние на рост межнациональной напряженности в обществе, чем положительное отношение к мигрантам на снижение такой напряженности. Негативное отношение к мигрантам оказалось существенно более дифференцирующим фактором, чем отношение позитивное. Иначе говоря, даже незначительное увеличение доли людей, ставших по каким-либо причинам отрицательно относиться к мигрантам, может существенно изменить общую атмосферу в обществе в сфере межнациональных отношений. Иначе говоря, при прогнозировании возможностей снятия межнациональной напряженности или разработке программ решения миграционных проблем, следует иметь в виду фактор взаимозависимости ценностных установок массового сознания, прежде всего, молодежи, в отношении к мигрантам и представителям других национальностей, традиционно проживающих на территории России.

Как уже отмечалось ранее [6], своеобразие историко-культурного развития России, ее веками складывающиеся традиции межкультурного взаимодействия многочисленных народов, смягчают многие проблемы, связанные с трудностями миграционных процессов. Однако в современных условиях крайнего обострения международных отношений, выхода на авансцену политических процессов террористических организаций и образование террористического государства ИГИЛ (ДАИШ), очередное переселение народов и другие сложнейшие политические процессы, отягченные экономическим кризисом в России, с совершенной очевидностью обозначили актуальность исследования рассматриваемой проблемы. Одной из наиболее актуальных проблем в данном контексте стала необходимость ее исследования под углом зрения ее влияния на фор-

мирование ценностного сознания и мотивацию поведения молодежи. Очевидно, что проведение регулярного мониторинга особенностей трансформации современной коммуникативной ситуации и ценностных ориентаций молодежи в связи с новыми тенденциями этноконфессионального и межкультурного взаимодействия, связанного с миграционными процессами, обретает особую политическую и социальную значимость.

Таким образом, проблема трудовых мигрантов из внешней проблемы начала превращаться как в международную, так и в нашу внутреннюю проблему. Частный вопрос отношения коренного населения к трудовым мигрантам имеет тенденцию перерастания, при определенных условиях, в проблему межнациональных отношений внутри страны и в международном масштабе.

Включение в исследование вопросов, связанных с выявлением отношения подрастающих поколений к представителям других национальностей, принимая во внимание отношение к мигрантам, позволяет выявить факторы, способствующие оптимизации деятельности государственных институтов, традиционных (официальных) конфессиональных и национальных общественных организаций по раннему предупреждению конфликтов на этноконфессиональной почве и распространению экстремизма и террористической идеологии в молодежной среде. Полученные данные могут помочь в корреляции некоторых направлений молодежной политики на ближайшие несколько лет и послужат основой для прогнозирования дальнейшего развития и трансформации современной коммуникативной ситуации в связи с новыми тенденциями этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в контексте развития современных международных и внутрироссийских процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006-2014 гг.): монография / Под общей ред. д-ра филос. наук, проф. Савруцкой Е.П. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; СПб.: Издательство РХГА, 2014.
2. «Левада-Центр» об отношении россиян к миграции и межнациональной напряженности. Информационно-аналитический центр «Сова». 25 ноября 2013 года: URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2013/11/d28452/> (дата обращения – 05.09.2015).
3. Лояльность россиян к мигрантам достигла рекордного уровня: URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/loyalnost-rossiyan-k-migrantam-dostigla-rekordnogo-urovnya> (дата обращения – 05.09.2015).
4. Путин, В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения – 18.08.2014).
5. Путин, В.В. Выступление на заседании коллегии Федеральной службы безопасности. 7 апреля 2014 года: URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/20724> (дата обращения – 18.08.2014).
6. Савруцкая Е.П.; Устинкин С.В. К вопросу о необходимости повышения эффективности миграционной политики в России // Власть. – 2013. – № 9.

P.I. KUKONKOV,
M.S. LUBIANOY,
S.V. USTINKIN

П.И. КУКОНКОВ,
М.С. ЛУБЯНОЙ,
С.В. УСТИНКИН

КОНФЛИКТОГЕННАЯ АКТИВНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

THE CONTENTIOUS ACTIVITY OF YOUNG STUDENTS AND SOCIAL SECURITY IN THE REGION

В статье обосновывается вывод о необходимости объединения усилий государственных, общественных организаций, экспертного сообщества в процессе выявления и анализа проявлений конфликтогенной активности учащейся молодежи как угрозы социальной безопасности региона, а также, на основе анализа динамики позиций и оценок нижегородской учащейся молодежи, рассматриваются угрозы социальной безопасности, формирующиеся в молодежной среде.

Article conclusion of the need for joint efforts by Government, NGOs, the expert community in the process of identifying and analysing manifestations of konfliktojennoj activity of youth, as a threat to social security in the region, as well as, on the basis of an analysis of the dynamics of the positions and assessments of Nizhny Novgorod students discusses social security threats emerging in youth Wednesday.

Ключевые слова: проблемная идентичность, конфликтогенная активность, социальная напряженность, социальный конфликт, социальная безопасность, регион.

Keywords: subject identity, konfliktojennaâ activity, social tensions, social conflict, social security, the region.

Одной из главных угроз социальной безопасности на сегодняшний день остаются социальные конфликты [1], выступающие формой проявления напряжений в системе межсубъектных отношений. Единство объективных и субъективных сторон конкретных социально-экономических и общественно-политических проблем применительно к условиям отдельных территориально-административных образований определяют сущность социальной ситуации в регионах России. Социальная безопасность региона, как состояние стабильной защищенности его жизненно важных интересов, является важнейшей составной частью национальной безопасности. Утрата регионом состояния стабильной защищенности обусловлена не только многофакторным и комплексным характером возникающих вызовов и угроз, но и особенностями восприятия этих угроз региональными элитами, призванными обеспечить состояние региона как субъекта социальной безопасности.

Социологический анализ системы обеспечения социальной безопасности предполагает выявление и описание закономерностей воспроизводства отношений личности и социальных общностей к вопросам безопасности, а также факторов, способных ослабить или разрушить эту систему. Необходимо учитывать, что эта система не только взаимодействует со всеми элементами

жизнедеятельности общества, но и участвует в процессе обеспечения его устойчивого функционирования.

Обеспечение устойчивого функционирования системы социальной безопасности региона предполагает приращение объема достоверного знания о социальной активности населения, в частности, учащейся молодежи региона и, в особенности, о ее конфликтогенной активности, о конкретных проявлениях экстремизма в молодежной среде.

При подготовке статьи были использованы материалы серии исследований Нижегородского отдела и Приволжского филиала Института социологии (ИС) РАН в 2009 – 2015 гг. Авторами также использовались результаты исследований ИС РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра, были привлечены значительные массивы статистической информации, описывающие процессы, протекающие в молодежной среде Российской Федерации, Приволжского федерального округа, Нижегородской области.

Социальная активность населения региона ориентирована на выявление, осознание и удовлетворение потребностей отдельных индивидов, различных общностей и регионального сообщества в целом. Конфликтогенная активность и социальная пассивность выступают, на наш взгляд, в качестве полюсов этого явления [2].

Социальное напряжение, как запуск процесса осознания социального противоречия, может быть понято как процесс осознания расхождения противоположностей и нарастания их существенных различий. Процесс перехода от различий к противоположности, трактуемый как процесс осознания противоположности, внутренне предполагает вхождение в деятельностное поле конфликта. Однако эта возможность реализуется далеко не всегда. И тогда конфликт «выпадает», «не вписывается» в стандартную схему становления и развития социального напряжения, которое трансформируется в другие явления выраженной конфликтной направленности. В современной России явления конфликтной направленности представлены довольно широко, однако они «выносятся за скобки» доминирующего конфликтологического подхода и рассматриваются в отрыве от процесса разрешения реальных социальных противоречий [3].

Исследование конфликтной активности как следствия социальных, культурных и политических изменений в современном российском обществе предполагает анализ его культурно-ценностных оснований, являющихся наиболее значимыми с точки зрения его сущностных характеристик. Вместе с тем доминирующие в экспертном сообществе и среди управленцев модели разрешения социальных противоречий чаще всего не предполагают прогнозирование момента бифуркации процесса линейного нарастания напряженности, его качественного изменения, неизбежным следствием которого выступает «точка ветвления» (невозврата), в которой уже отсутствует возможность выбора.

Неспособность социального субъекта адекватно интерпретировать сущность зарождающихся конфликтных отношений неизбежно накладывает отпечаток не только на их текущий характер, но и на характер, направленность рассматриваемых и принимаемых стратегий их становления и развития, обуславливающих жесткость, безадресность становящегося потенциала напряженности и рост элементов конфликтной активности.

Смысл понятию «конфликтная активность» дает выход потенциала напряженности за границу обеспечения существенных интересов социального субъекта, включение в ее ареал «случайных» объектов. Утрата избирательности, безадресность конфликтного потенциала социального субъекта ведут к деформации его внутренней структуры, ослабляет его способность избавлять-

ся посредством конфликта от возможных нарушений равновесия в отношениях с другими социальными субъектами. Превращение социального конфликта в способ существования социального субъекта, т.е. процесс усиления его конфликтной активности, делает его внутреннюю структуру более жесткой, менее восприимчивой к влиянию окружающих условий, ослабляя, а нередко разрушая систему социальной безопасности[4].

Необходимость самоопределения, осознаваемая субъектом, требует от него установления и поддержания отношений с окружением, которые, возможно, более полно обеспечивали бы его существование. Активность субъекта направлена на преодоление противоречивости его взаимосвязи с действительностью посредством собственных усилий. Когда эти усилия субъекта, обретающие черты социального напряжения, все чаще наталкиваются на непреодолимые препятствия, у него формируется восприятие неразрешимости, тупиковости ситуации, что ведет к крайним, излишне эмоциональным, чаще всего конфликтным стратегиям поведения[5].

Необходимо подчеркнуть, что конфликтная активность, проявляющаяся как перманентные конфликты различной степени остроты, тем не менее не может быть сведена исключительно к этой стороне конфликта как социального явления. Она не только тесно связана со всеми сторонами этого явления, но и выступает в качестве аккумулятора, а в отдельных случаях, усилителя их предельных величин.

Конфликтная активность может иметь различные последствия для социальной системы. Характер этих последствий зависит, прежде всего, от гибкости и динамичности последней. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что конфликтная активность, в принципе направленная на разрушение равновесия социальной системы и затруднение ее адаптации к окружающей среде, представляет собой угрозу ее безопасности. Попытки определенных социальных сил локализовать, блокировать или использовать в своих интересах конфликтную активность, не основанные на знании ее сущностных характеристик, часто влекут за собой возникновение и расширение ареала деструктивных практик, рост конфликтной активности[6].

В российском обществе переходного типа с весьма неясными перспективами представляется крайне важной связь «социальной безопасности»

как социологической категории с процессом изменения ценностных ориентаций и моральных установок, приобретающих особое значение в молодежной среде, поскольку изменение объективных условий жизнедеятельности ведет к существенному усложнению процессов социального самоопределения, формированию проблемной идентичности различных молодежных групп.

Индикаторами конфликтогенной активности выступают проявления социальной деструкции, нелегитимное насилие, террор, межэтнические и межконфессиональные конфликты, проявления экстремизма. Анализ этих явлений позволяет сделать вывод о том, что элементы конфликтогенной активности присутствуют в структуре взаимоотношений значительной части российского общества. Насильственные практики, в частности, все более успешно приживаются в различных сферах российского общества, все слабее отторгаются существующей социокультурной средой [7].

Социологическое изучение молодежного экстремизма в Нижегородской области показало, что это возможно только в широком контексте процессов интеграции и дезинтеграции, происходящих в российском обществе: по мнению значительной части нижегородских школьников, экстремизм, прежде всего, неприятие всего чужого и нетерпимость любой другой нации или религии [8]. Представления школьников об экстремизме во многом близки с их восприятием ксенофобии. Достаточно очевидное совпадение этих представлений свидетельствует о существенной деформированности их сознания, порождаемой, во многом, узостью и приблизительностью знаний (табл.1) [9].

Таблица 1

Распространенность различных представлений об экстремизме и ксенофобии среди нижегородских школьников (% от числа опрошенных)

Что из ниженазванного, на Ваш взгляд, может считаться...	...экстремизмом	...ксенофобией
Нетерпимость любой другой нации (этноса), религии	46	46
Неприятие всего чужого	41	42
Нетерпимость иного мировоззрения	11	12
Неприятие другого стиля жизни	6	7
Затруднились ответить	18	18

Для трети опрошенных (34%) характерна скрытая, латентная форма нетерпимости. Однако практически каждый четвертый проявляет нетер-

пимость открыто – на словах (16%) или на деле (8%). Эти факты вызывают серьезную тревогу и требуют тщательного осмысления [10].

Очевидная недооценка школьниками социальных и политических оснований экстремизма обусловлена, прежде всего, особенностями информационного пространства, доступного школьникам (школа, СМИ, интернет), ориентированного на формирование представлений об экстремизме чужих, прежде всего, мигрантов из Средней Азии и Северного Кавказа. Половина нижегородских школьников (50%) убеждена в том, что культуры народов неравноценны, среди них есть ведущие национальные культуры, а, следовательно, есть культуры второстепенные, третьестепенные... [11].

Одно из наиболее значимых свойств экстремизма – направленность против представителей определенных социальных групп. Значительная часть нижегородских школьников (38%) считает, что у них есть враги – люди, группы людей, желающие им зла. Среди таких людей они сравнительно более часто упоминают представителей враждебной молодежной группировки (школьной, территориальной, спортивной и т.п. – 35%), жителей другого района/города (25%), представителей другой национальности или конфессии (10%).

Питательной средой для экстремистских проявлений являются чувства ущербности и униженности, чувство «национального поражения» и т.д. Следует отметить, что большинству нижегородских школьников (77%) приходилось сталкиваться с неуважением к культуре, обычаям или языку своего народа. Большинство опрошенных (53%) заявило о том, что существуют нации, с представителями которых они стараются не общаться. Представляется достаточно убедительным предположение о том, что для молодых людей, испытывающих затруднения в процессе адаптации к существующим социально-экономическим условиям, ординарные распри на «бытовой почве» становятся детонатором межнациональной розни.

Нетерпимость молодежи к представителям других социальных групп, другой национальности или конфессии может институализироваться в деятельности молодежных экстремистских организаций. В связи с этим представляет значительный интерес отношение школьников к таким организациям, их информированность о деятельности молодежных экстремистских организаций (рис.1).

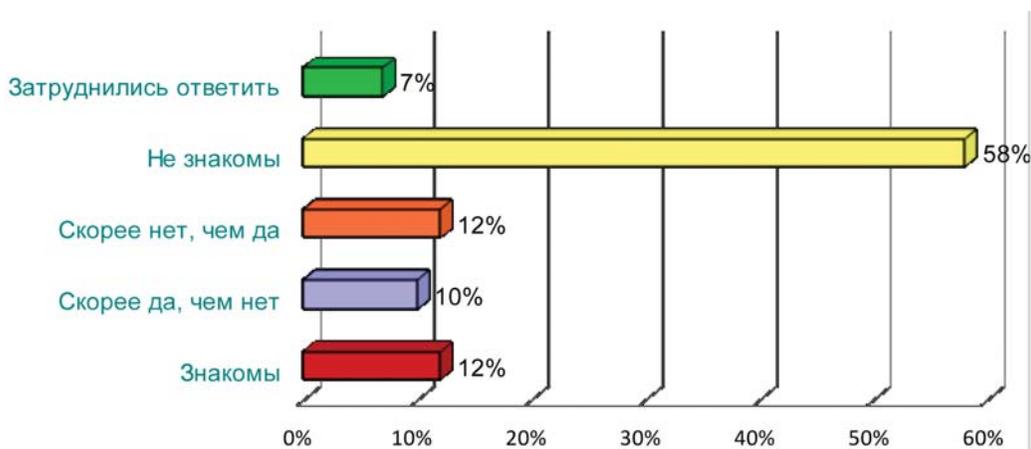

Рис. 1. Степень информированности нижегородских школьников о деятельности экстремистских организаций

Среди известных нижегородским школьникам экстремистских организаций бесспорное лидерство принадлежит националистическим и религиозным организациям – об этом заявила практически половина опрошенных, ответивших на этот вопрос (46%).

Разумеется, молодежь редко ограничивается решением исключительно познавательных, ознакомительных задач. Возрастные особенности способствуют возникновению желания познакомиться поближе и даже включиться в деятельность подобных организаций, особенно, если отсутствует возможность включения в другие интересные, полезные и привлекательные для подростков групповые формы деятельности. Вызывает тревогу, что заметная доля школьников, ответивших на этот вопрос, получила предложение участвовать в такой организации (14%). Обращает на себя внимание весьма незначительная доля опрошенных, заявивших о том, что они осуждают организацию,

выступающую в защиту их нации от других наций и готовых начать борьбу с такой организацией. Вместе с тем каждый четвертый поддерживает такую организацию, а часть опрошенных выразили готовность вступить в ее ряды (рис.2).

Позитивное отношение к националистическим организациям среди школьников значительно более выражено, чем негативное. На наш взгляд, этот факт – повод для серьезного осмысления как со стороны государства, так и со стороны экспертного сообщества.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в молодежной среде присутствует определенный потенциал напряженности, способный проявляться в форме слабо мотивированных конфликтов, поведения, в той или иной мере окрашенного радикальными, экстремистскими настроениями[12].

Высшая школа как социальный институт с определенным запозданием идет в русле процес-

Рис. 2. Отношение нижегородских школьников к националистическим организациям

Распространенность различных конфликтных практик в студенческой среде (% от числа опрошенных)

Стиль конфликтного поведения	Характер конфликтных практик	% от числа ответивших
Конфронтация	Стараются отстоять свои интересы любыми способами	23
Сотрудничество	Стремятся понять интересы других участников конфликта и найти взаимоприемлемое решение	46
Приспособление	Стараются сгладить острые углы, если надо, могут уступить	19
Уклонение	Используют любую возможность для того, чтобы уклониться от конфликта	8
Избегание	Ничего не предпринимают, «все уstraивается само по себе»	4

сов, характерных для общества в целом. Конфликт в вузе, прежде всего, конфликт образовательных потребностей личности и образовательных возможностей общества, протекающий в условиях конкретного образовательного учреждения. И ни одна из сторон этого взаимодействия-противостояния принципиально не может рассматриваться в качестве ведомого или ведущего, тем более в качестве «мальчика для битья», поскольку выступает в качестве объективно необходимой стороны, полноправного участника образовательного процесса, без которого этот процесс в целом теряет смысл.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что значительная часть студентов (более 60%) не уверены в том, что вуз для них свой, родной, т.е., в той или иной мере, воспринимают его как чужую, некомфортную среду. Больше половины студентов (55%) заявили о том, что не вполне удовлетворены тем, как организован учебный процесс в вузе, практически каждый второй (46%) не вполне удовлетворен тем, как учат, более трети опрошенных (38%) не удовлетворены содержанием учебного процесса. Недовольство студентов не сфокусировано на какой-либо одной из сторон учебного процесса. Оно обращено, по существу, ко всем его организаторам: преподавателям, работникам деканатов, кафедр, структурам, ответственным за формирование учебных программ и учебных планов [13].

Обращает на себя внимание достаточно сформированная в студенческой среде позиция, которая сводится к стремлению любыми путями отстоять свой интерес, свое мнение. Этот факт представляется новым и достаточно симптоматичным, в определенной мере репрезентирующим социальные процессы, протекающие в России в последние годы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эти процессы оставили заметный след в сознании подрастающего поколения. В этом факте легко усматривается потенциальный источник не только будущих напряжений и конфликтов, но и различных проявлений конфликтной активности. За последние годы существенно увеличилась доля студентов, ориентированных на конфронтацию, на отстаивание своих интересов любыми способами (с 14% до 23%) и уменьшилась доля опрошенных, ориентированных на приспособление, уступки (с 23% до 19%) и уклонение от конфликта (с 10% до 8%).

В целом поведение студентов в конфликтных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов. Изменение характера конфликтных практик студентов свидетельствует об усилении конфликтной активности в студенческой среде.

Обращает на себя внимание выраженность анализируемых характеристик среди студентов, принадлежащих к различным социальным слоям. По мере повышения социального статуса семьи студента усиливается его ориентация на конфронтационный стиль поведения и, напротив, ослабевает стремление понять интересы других участников конфликта, уступить, уклониться от конфликта. К «конфликтным» преимущественно относятся так называемые «элитные» семьи, описание которых включает такие характеристики, как отсутствие толерантности, стремление понять интересы других.

В последние годы среди студентов все чаще наблюдаются межэтнические конфликты. Анализ полученных нами данных позволяет выделить этнические группы, отношение к которым можно обозначить как полярное. С одной стороны, белорусы, желательная социальная дистанция по

отношению к типичным представителям данной группы сравнительно более близка для русских студентов. С другой стороны, грузины, азербайджанцы, чеченцы, таджики – по отношению к типичным представителям данных групп желательная социальная дистанция сравнительно более велика [14]. Поскольку именно студенты в ходе своей будущей профессиональной деятельности способны внести значительный вклад в процесс оптимизации межэтнических напряжений, решение указанной задачи в вузе предполагает особое внимание к процессу формирования социальной идентичности студентов, интегрирующей понятия социальной нормы, ценностных представлений и моделей поведения в межэтнической сфере.

Неумение и нежелание значительной части студентов находить оптимальный выход из конфликтной ситуации создает условия для формирования ориентаций на причинение вреда, отмщение, возмездие и, в конце концов, победу в конфликте любой ценой. Они часто не принимают во внимание интересы другой стороны конфликта, изначально идентифицируют ее в качестве врага, что продуцирует рост негативных ожиданий и проявлений конфликтной активности.

Другой важной конфликтологической проблемой нижегородского студенчества является неумение объективно оценить сложившуюся ситуацию: адекватно воспринять позицию другой стороны, оценить реальное соотношение сил конфликтующих сторон, наличие или отсутствие у них общих интересов, точек соприкосновения, здраво оценить потери, которые могут быть понесены как в случае продолжения конфликта, так и в случае его прекращения. Студентами часто выбираются такие формы поведения внутри конфликта, которые ориентированы на его эскалацию, уменьшение возможностей его локализации и оптимизации.

Если учесть, что рост протестных настроений во время кризиса возможен именно в тех социальных группах, в которых пропасть между их ожиданиями и реальными возможностями окажется наиболее «зияющей», представляется вполне вероятным, что одной из таких групп окажется молодежь и, прежде всего студенчество, которое уже сегодня нередко рассматривается в качестве одного из потенциальных участников протестных акций. Минимальный социальный опыт, которым располагает студенческая молодежь, изменения, происходящие в вузе, обществе в целом не

позволяют прогнозировать то, что новые поколения, выходящие из стен вуза, будут способствовать снижению напряженности в обществе.

Слабая включенность молодежи в процесс реформирования общества свидетельствует о неадекватности уровня ее социальной активности предлагаемой властью модели развития страны. Многообразие и рост «спонтанных» форм активности, укоренение конфликтной и асоциальной активности в молодежной среде не способствуют обеспечению поддержки проводимых реформ, предполагающих целенаправленные усилия по ее включению в созидательную деятельность, стимулирующую социальную активность.

Локализация и снижение конфликтной активности учащейся молодежи предполагает выявление и анализ необходимой и достаточной совокупности механизмов социального регулирования, в которые встроены социальные нормы, отторгающие бескомпромиссную крайнюю разрушительную позицию.

Полученные в ходе исследования данные дают основание для обоснованного вывода о необходимости сосредоточить внимание государственных, общественных организаций, экспертного сообщества на выявлении, отслеживании и тщательном анализе факторов конфликтной активности учащейся молодежи.

Важным направлением деятельности власти должно стать неукоснительное соблюдение действующего законодательства, пресечения любых проявлений экстремизма и ксенофобии – будь то подстрекательское выступление политика или погромная статья в прессе, хулиганство на футбольном стадионе или вандализм на национальных кладбищах. Важна своевременная политическая и правовая реакция на подобные действия. Неотвратимость наказания, эффективность работы правоохранительных органов, включая судебную систему, необходимы не только для справедливого наказания виновных, но и в качестве превентивного, сдерживающего фактора для потенциальных правонарушителей.

В Нижегородской области, где проживают представители многих народов и конфессий, крайне важно умение создавать условия для диалога, общего согласия, сотрудничества различных сил. Примером такого поведения, обязаны стать первые лица Нижегородской области и Н-Новгорода, лидеры молодежных и других общественных движений, исключая в своей деятельности методы

лобового противоборства, активно используя согласительные процедуры на основе существующего законодательства, включая в сотрудничество все конструктивные общественные силы региона. Активное использование подобных практик лидерами может оказать существенное влияние на предупреждение разрушительных социальных потрясений в регионе, увеличит шансы совместной конструктивной работы.

Мощным инструментом локализации и блокирования конфликтогенной активности учащейся молодежи является формирование адекватной «виртуальной реальности» при помощи средств массовой коммуникации, что предполагает активизацию государственных и общественных структур в информационном пространстве региона, использование возможностей радио, телевидения и других средств массовой информации. Важную роль в этом процессе призвана играть школа. Особая роль здесь принадлежит учителям истории. В частности, при освещении

в школе истории взаимоотношений различных общностей в России (например, православных и мусульман), следует избегать нарочитого выпячивания прошлых и нынешних взаимных обид, объективно раскрывая то хорошее, что было в их отношениях, чем они обязаны друг другу, какие заимствования были осуществлены в области государственной организации, политической культуры, в навыках хозяйствования, торговли, во взаимообогащающем диалоге культур.

Снижение конфликтогенной активности учащейся молодежи зависит от объективного и многостороннего учета сегодняшних реалий, от умения опираться на позитивные духовные и социальные традиции населения Нижегородской области, умело и своевременно нейтрализуя негативные факторы. Утверждение атмосферы активного неприятия конфликтогенных проявлений в молодежной среде – сложный и долгий процесс, не имеющий простых решений и требующий объединения усилий государства и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Анцупов А.Я.; Шипилов А.И. Словарь конфликтолога: 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. С.35.
2. Куконков П.И. Трансформация социальных напряжений в конфликтогенную активность в условиях современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 79-85, 268 с.
3. Савруцкая Е.П.; Устинкин С.В.; Федорова М.В. Отношение молодежи к религии // Власть. 2014. № 12. С. 47-53.
4. Устинкин С.В.; Тихонов А.В. Международное молодежное сотрудничество в контексте внешнеполитических приоритетов РФ // Власть. 2010. № 5. С. 166-169.
5. Устинкин С.В.; Вагапов Р.Н. Исламские организации в политических процессах современной России // Власть. 2010. № 11. С. 105-108.
6. Устинкин С.В. Проблемы подготовки молодежи к службе в вооруженных силах Российской Федерации // Вестник академии военных наук. 2012. № 2 (39). С. 56-62.
7. Устинкин С.В.; Савруцкая Е.П. XI Международная научно-практическая конференция «Человек в системе коммуникации. Проблемы глобализации и молодежи» // Власть. 2015. № 7. С. 204-207.
8. Социологическое исследование «Экстремизм среди школьников Нижнего Новгорода» (явление, распространенность, факторы) было реализовано Приволжским филиалом ИС РАН в 2012 году. N=431 ед.н. Научный руководитель проекта М.С.Лубяной.
9. Жигалев Б.А.; Савруцкая Е.П.; Устинкин С.В. Ценностные ориентации молодежи и проблемы образования в контексте национальной безопасности РФ // Вестник академии военных наук. 2013. № 3 (44). С. 39-45.
10. Савруцкая Е.П.; Устинкин С.В. Анализ динамики качественных характеристик ценностного сознания молодежи России // Власть. 2011. № 10. С. 92-96.
11. Савруцкая Е.П.; Устинкин С.В. Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект // Власть. 2014. № 10. С. 123-128.
12. Савруцкая Е.П.; Жигалев Б.А.; Дорожкин А.М.; Устинкин С.В. Образование. Культура. Язык // Нижний Новгород, Санкт-Петербург, 2014.
13. Исследование нижегородского студенчества по единой методике проводилось Приволжским филиалом ИС РАН (Нижегородским отделом) в 1999, 2009, 2015 г.г. N=5208 ед.н. Координатор проекта П.И.Куконков.
14. Желательная для русских студентов социальная дистанция относительно других этнических групп измерялась нами на основании модифицированной шкалы Богардуса путем исчисления индекса контрастности следующих полярных признаков: «Для меня приемлемо вступление в брак с ними» и «Их не должно быть в моей стране». Исчисление индекса осуществлялось по формуле: $I_k = \frac{a-b}{100}$ где I_k — индекс контрастности, а b веса полярных ответов в процентах, 100 — постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ THE ACTUALITY ISSUES OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

В статье рассматриваются некоторые аспекты межкультурной компетентности. Обращается внимание на актуальность проблемы совершенствования этнокультурной коммуникативной компетентности, целесообразность разработки системы совершенствования этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, деятельность которых связана с деловым общением.

In article some aspects of intercultural competence are considered. The attention to the urgency of ethnocultural communicative competence perfection problem and expediency of system engineering of ethnopsychological preparation perfection, retraining and improvement of professional skill of experts are paid.

Ключевые слова: этнопсихологическая подготовка, этнокультурная коммуникативная компетентность, межкультурная компетентность, особенности национальных моделей делового общения.

Keywords: ethnopsychological preparation, ethnocultural communicative competence, intercultural competence, national models of business dialogue features.

В условиях развития современного общества все большее внимание представителей различных областей научного знания привлекают многообразные процессы коммуникации, межличностного взаимодействия, использования информационно-психологических технологий, оказывающих влияние как на общественное сознание, так и самосознание личности. В качестве детерминанты успешности процесса межличностного взаимодействия выделяется коммуникативная компетентность собеседника (ов).

В многочисленных исследованиях, посвященных феномену коммуникативной компетентности, основные акценты сделаны на социально-психологические характеристики общения, их этические принципы, интерпретации коммуникативных актов, особенности использования вербальных и невербальных средств общения и т. д.

Актуальность изучения обозначенной выше проблемы продиктована наличием целого ряда факторов. К наиболее значимым следует отнести:

различного рода проявления глобализации, возрастающую динамику политических, социальных, экономических, оборонных, научно-технических и других процессов, определяющих необходимость принятия новых идеалов, принципов, одобряемых стратегий межличностного взаимодействия;

уровень развития корпоративной культуры конкретной организации, министерства, ведомства;

уровень развития компьютерных технологий и формирования сетевых связей, способствующих интенсификации информационных потоков, в свою очередь, требующих психологической готовности личности к участию в этих процессах;

изменение способов трансляции информации в условиях массовой коммуникации, с учетом достижений в различных сферах науки и техники;

отсутствие интегративного подхода к изучению феномена коммуникативной компетентности в современных условиях и т. д.

Эти факторы особенно важны и характерны для армейской среды.

В психологической литературе существует несколько десятков определений понятия «коммуникативная компетентность», принадлежащих представителям различных психологических школ и направлений. Ряд из них можно охарактеризовать как достаточно схожих по некоторым признакам. А.А. Лопатченко, проанализировав подходы В.Н. Куницыной, В.М. Топаловой, Л. Бахмана, А.В. Храмцовой к изучению структуры коммуникативной компетентности, выделил наиболее общие ее компоненты:

языковой, включающий знание лексики, грамматики, фонетики, умение устно и письменно использовать их в языковом контексте;

прагматический, предполагающий успешное достижение задач коммуникативного характера;

стратегический, определяемый способностью личности отбирать и использовать наиболее эффективные стратегии с целью решения различного рода коммуникативных задач;

социокультурный, предполагающий соответствие поведения личности социо/субкультурным нормам [1].

По мнению В.П. Захарова и Н.Ю. Хрящевой, структура коммуникативной компетентности представляет собой знания в области психологии личности и группы, умения и навыки общения и

коррекции развития установок, определяющих успешность межличностного взаимодействия, адекватность в оценке себя, других людей и складывающихся взаимоотношений [2].

Несколько иначе содержание коммуникативной компетентности представлено в работах Н.В. Казариновой. Согласно мнению автора, коммуникативная компетентность состоит из: а) способности личности прогнозировать ситуации межличностного общения, а также ориентироваться в них (даже если они неожиданны); б) коммуникативного исполнительского мастерства (умения найти соответствующую теме общения стратегию поведения и реализовать коммуникативный замысел); в) способности к выявлению коммуникативного потенциала своего и собеседника.

Автор указывает на то, что низкий уровень межличностного общения определяется, прежде всего, неверным и неточным восприятием субъектов, взаимодействующих друг с другом, а также отсутствием осознания этих искажений. По мнению автора, в качестве наиболее значимого в процессе формирования коммуникативной компетентности следует выделить взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности и точности в восприятии партнеров по общению. Результаты систематизации и анализа исследований различных авторов не позволили Н.В. Казариновой обнаружить взаимосвязи между указанными параметрами. В то же время автор отмечает, что имеются следующие предположения: «а) некоторые люди легче и точнее судят о других, легче понимают их поведение; б) о некоторых чертах характера легче судить, чем о других; в) люди лучше судят о тех, кто похож на них». По результатам проведенного автором исследования, к категории людей, которые легче и точнее судят о других и лучше понимают их поведение, относятся те, кто: «в своих заключениях опираются на наблюдение за поведением, а не на стереотипы; менее авторитарные личности более объективно относятся к себе» [3].

Н.В. Казаринова делает акцент на особое значение в структуре коммуникативной компетентности навыков самонастройки и саморегуляции, предполагающих преодоление барьеров общения, эмоционального настраивания на определенную ситуацию межличностного общения и распределения своих усилий в процессе общения [3].

В рамках изучаемой проблемы заслуживает специального внимания подход, представленный в работах Ю.Н. Емельянова. Автор определяет коммуникативную компетентность как развивающийся-

ся, но в определенной степени осознаваемый опыт межличностного общения, который, с одной стороны, формируется, а с другой — актуализируется в условиях непосредственного взаимодействия индивидов. Вместе с тем автор указывает на то, что достижение высокого уровня коммуникативной компетентности предполагает сформированность целого ряда качеств личности (ситуативную и социальную адаптивность, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения и т. д.). В соответствии с мнением Ю.Н. Емельянова особое место в процессе определения уровня сформированности коммуникативной компетентности личности целесообразно отводить анализу усвоенных и принятых в качестве ориентира нравственных норм и закономерностей общественной жизни [4]. Необходимо отметить, что вопросы нравственности, морали, этики как неотъемлемые стороны коммуникативной компетентности, отражены в публикациях М.В. Авдеева, О.В. Дивненко, Т.И. Яковук и др..

Обращая внимание на индивидуальный характер процесса формирования коммуникативной компетентности, Ю.Н. Емельянов в то же время указывает на то, что форма и содержание рассматриваемого феномена во многом определяются теми социальными ролями, которые личность выполняет в обществе [4]. Разделяя данную точку зрения, следует отметить, что она подтверждается результатами как наших исследований, так и других ученых [5].

Согласно мнению Ю.Н. Емельянова, индивид в процессе социализации сосредоточивает свое внимание не на всей культуре общения, а выбирает только полезную ему в конкретных сферах деятельности информацию [4]. В связи с вышеизложенным есть основания полагать, что данный подход имеет существенное значение при организации процесса подготовки специалистов в сфере социномических профессий, особенно в армейской среде и соответствующих условиях («человек — человек» по Е.А. Климову).

В аспекте изучаемой проблемы представляют интерес концептуальные подходы относительно феномена «коммуникативная компетентность», излагаемые в работе коллектива авторов — М.А. Василика, М.С. Вершина, В.А. Павлова, Н.Р. Барабановой и т. д. Сам феномен «коммуникативная компетентность» понимается как «развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения между людьми (межличностный опыт), который формируется и актуализируется в условиях непосредственного человеческого взаимодействия»

[6]. Согласно теории коммуникации комплекс знаний и навыков, составляющих коммуникативную компетентность личности, включает:

знание норм и правил профессионального, делового, повседневного и т. д. общения;

высокий уровень речевого развития, предполагающий свободную передачу информации и ее восприятие;

понимание информации, передаваемой невербально;

умение осуществлять межличностное общение с учетом пола, возраста, статуса и т. д. партнеров;

умение адекватно реагировать в различного рода ситуациях, используя их специфику для достижения коммуникативных целей;

умение воздействовать (убеждать, аргументировать и т. д.) на собеседника;

способность адекватно оценивать собеседника, вырабатывать собственную коммуникативную стратегию;

способность быть положительно воспринятым собеседником [7].

Следует заметить, что при столь тщательном изучении проблемы «коммуникативной компетентности», недостаточно уделяется внимания вопросам совершенствования этнокультурной коммуникативной компетентности специалистов, деятельность которых связана с деловым (служебным) общением.

В публикациях Е.Н. Резникова излагаются результаты теоретико-методологических исследований психологии этносов. Автором предлагается новый теоретический конструкт «этнопсихологический облик народа», который выступает предметом изучения как социологической, так и психологической науки. Его структура представлена 3 уровнями. Первый – аксиологический (ценностный) включает ценностные ориентации и имеет две составляющие: ценности-цели, ценности-средства. В соответствии с мнением Е.Н. Резникова для большинства представителей этноса этнические ценности выступают в качестве регуляторов в общении и поведении. Второй – уровень отношения представителей этноса к различным аспектам окружающей реальности. Он представлен 15 компонентами. Третий уровень – общепсихологический, характеризующий особенности проявления психических процессов, состояний и свойств. Автор обращает внимание на то, что волевые процессы у представителей различных этнических групп проявляются в особенностях саморегуляции, этических норм, а национальный характер, его специфические особенности – в

процессе общения, интеллектуальной и деловой сферах [8,9]. Е.Н. Резниковым разработаны две методики по измерению психологического облика этносов и выявлению используемых ими средств невербального общения. Разделяя мнение автора, необходимо отметить, что феномен общения с точки зрения этнопсихологии рассматривается как многогранное психологическое явление, включающее систему специфических детерминант национальных моделей (вербального, невербального) общения, отличающих представителей одной нации от другой. В этой связи следует обратить особое внимание, на что указывают и другие ученые [8, 9, 10 и др.], – широкий диапазон различий, проявляющихся в мимике, жестах, телодвижении, контакте глаз у представителей разных государств. Например, такие, как: жесты и мимика угрозы; запрещающие и оскорбительные жесты; мимика и жесты, выражающие недоверие при восприятии информации; мимика, жесты, телодвижения, контакт глаз – выражающие психические процессы и состояния (пренебрежение, самовыражение, радость, гнев, передающие активное слушание, игнорирование информации и т.д.).

Так как основу межнациональных различий составляют специфические особенности: а) национального характера, национальных чувств, национального склада ума, национального самосознания, национальных стереотипов и автостереотипов, чувства юмора; б) отношения к религии, традициям, обычаям, культурным и материальным ценностям, этикету, своему внешнему облику, семье, армейскому коллективу, службе, труду, отдыху, территории и пространству, другим народам и т.д., следовательно, игнорирование учета национальных особенностей общения, стереотипное восприятие специалистами представителей других государств может послужить основанием создания в процессе делового общения непреднамеренной конфликтной ситуации или иных сложностей.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что проблема формирования толерантного общественного сознания и толерантных (межэтнических, межгосударственных) отношений является одной из значимых в политической сфере обеспечения стабильности и безопасности [11, 12].

На целесообразность учета в процессе делового общения основных элементов национальной психологии в своих работах указывает Н.П. Рапохин. Автор на практических примерах раскрывает особенности национальных моделей делового

общения, делает акцент на специфических особенностях следующих стилей делового общения: восточный (китайский, японский, арабский); с представителями стран Западной Европы (немецкий, английский, французский); американский [8]. Невзирая на то, что представленные национальные модели и стили делового общения не являются исчерпывающими, безусловно, они вносят существенный вклад в понимание феномена межкультурной коммуникации.

Согласно мнению В.Г. Сызмас, И.В. Морозниковой, этнопсихологическая подготовка военно-управленческих кадров в современном информационном мире коммуникаций требует нового подхода, форм и методов обучения, способствующих формированию соответствующих компетенций [13]. Разделяя точку зрения авторов, следует заметить, что совершенствование этнокультурной коммуникативной компетентности военнослужащих весьма актуально в связи с динамикой современных тенденций взаимодействия представителей силового блока на международном уровне.

В рамках обозначенной проблемы представляют интерес исследования М.В. Авдеевой. На основании сравнительного анализа подходов к подготовке специалистов в области межкультурной коммуникативной компетентности в разных странах автор делает акцент на том, что в отечественной психологии указанная проблема не нашла должного внимания, хотя в зарубежной практике обучению профессиональной коммуникации с представителями других культур уделяется достаточно большое внимание. В соответствии с мнением автора, целесообразно обратить внимание на то, что овладение умениями межкультурного коммуникативного взаимодействия считается показателем высокого уровня профессионального развития специалиста, сфера деятельности которого связана с общением. Данная точка зрения автора подтверждается результатами проведенного исследования.

Согласно М.В. Авдеевой, значительный научный и особенно практический интерес представляют исследования межкультурной коммуникативной компетентности у представителей конкретной профессии. Например, в рамках борьбы с транснациональной преступностью целесообразно, отмечает автор, в ряд приоритетных направлений исследований отнести:

межгосударственный взаимообмен оперативной информацией в целях пресечения противоправной деятельности;

использование международных следственных поручений, запросов в рамках оказания правовой помощи;

проведение совместных межгосударственных специальных операций;

проведение экспедиций;

обмен опытом в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров и т. д. [14].

Различным аспектам межкультурной коммуникации посвящены другие многочисленные публикации. В работах А.П. Садохина излагаются вопросы, касающиеся проблем понимания в межкультурной коммуникации. Автор на конкретных практических примерах демонстрирует сущность невербальной (кинесика, такесика, сенсорика, проксемика, хронемика) межкультурной коммуникации, стилей (прямой и непрямой, искусный и краткий, инструментальный и аффективный) вербальной коммуникации и культурноспецифических особенностей паравербальной коммуникации. А.П. Садохин обращает внимание на целесообразность использования в учебном процессе, с чем нельзя не согласиться, тренинговых технологий, например, тренинг «Формирование межкультурной толерантности» и др., которые способствуют развитию компетентности в сфере этнокультурного общения, обеспечивающего эффективное взаимодействие с представителями других культур [15]. В публикациях Н.М. Лебедевой, О.В. Луневой, Т.Г. Стефаненко представлены некоторые тренинговые психотехнологии, цель которых заключается в совершенствовании этнокультурной коммуникативной компетентности. Авторами дано обоснование их эффективного использования в учебном процессе [16]. Полностью разделяя точку зрения А.П. Садохина, Н.М. Лебедевой, О.В. Луневой, Т.Г. Стефаненко относительно тренинговых психотехнологий, следует заметить, что участие сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности в тренингах способствует формированию у них более полного представления об этнокультурной коммуникативной компетентности как профессионально значимом качестве, его доминирующей роли в решении ряда профессиональных задач.

В контексте рассматриваемой проблемы представляют интерес публикации В.Г. Крысько, в которых излагается сравнительная характеристика психологии некоторых народов дальнего и ближнего зарубежья (американцев, англичан, немцев,

французов, испанцев, финнов, греков, турков, арабов, японцев, китайцев, литовцев, латышей, эстонцев) [17]. Автором сделана попытка раскрыть сущность этнической стереотипизации, ее роль в особенностях восприятия представителей иностранных государств, специфике общения и т.д. В работах В.П. Шейнова излагается ряд психологических аспектов межкультурной коммуникации, в частности, делового контакта и этики деловых приемов [18].

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что владение навыками межкультурного диалога, корректное отношение к национальным, религиозным различиям и особенностям в поведении, общении будет способствовать укреплению конструктивных, стабильных и безопасных международных отношений, в том числе в практике межгосударственных отношений.

В рамках изучаемой проблемы заслуживают пристального внимания исследования А.А. Налчаджян, в которых автором сделан акцент на некоторых аспектах национального самосознания и его структуры, межэтнических отношений, национальных стереотипов и символов, этнозащитных механизмов, этноцентризма. Необходимо отметить то, что в публикациях А.А. Налчаджян широко представлены: этническая «Я – концепция», этнический «Я – образ», этнический «мы – образ» – для всего этноса; введено понятие этнических ролей личности [10, 20, 21]. Согласно мнению автора, этническая «Я – концепция» отдельного человека есть целая система представлений человека о себе, тесно связанная с сформированным образом этноса, представителем которого он является. «Этнический «Я – образ» человека является одной из подструктур его общей «Я – концепции». Он состоит из:

представлений о том, что он (данный индивид, его носитель) является одним из представителей этого этноса среди многих тысяч и миллионов;

представлений о каких-то физических и психических чертах, которые являются общими для него и многих других представителей этого этноса (например, имеется в виду определенные физические, антропологические признаки: цвет и форма глаз, форма носа, силуэт, рост, выражение глаз, цвет кожи и др.);

представлений о некоторых культурных общностях (имеется в виду национальный язык, история, происхождение, определенные привычки и ценности, общенациональные символы и т.п.);

и – главное – из чувства общности и положи-

тельной психической идентификации с этой общностью, при котором возникает особо сильная эмпатия к ее членам, чувство родства и общей судьбы с ними. Всего два слова: «Я – русский» или «Я – армянин», но под ними скрывается огромное психологическое содержание» [21]. Разделяя мнение автора, следует заметить, что наличие знаний о степени сформированности (частичной или полной, а также адекватной, деформированной) этнического «Я – образа» у представителя или этнического «мы – образа» у группы представителей того или иного государства, позволит специалистам, деятельность которых связана с деловым общением, избежать ряда ошибок и будет способствовать конструктивному взаимодействию.

В работах А.А. Налчаджян указывается также на то, что оценка представителей другой нации или всей этнической группы – весьма сложный процесс, на который оказывают влияние ряд условий и факторов. В этой связи автором предлагается условно выделить три уровня (эгоцентрический, этноцентрический, общечеловеческий) межэтнического восприятия. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения автора. Вместе с тем необходимо отметить, что одними из доминирующих факторов адекватного восприятия представителей других государств являются – самооценка, уровень развития нравственного, профессионального, национального самосознания личности, обеспечивающие стабильность и безопасность позитивных отношений (на уровне личности, этнической группы и т.д.).

Исходя из анализа данных представленных в научной литературе и результатов проведенных исследований, есть основания полагать следующее:

в психологической науке понятие коммуникативной компетентности рассматривается в рамках характеристики межличностного общения в различных условиях (обычных, особых, экстремальных), а также специфических ситуаций с позиции накопления знаний, умений, навыков;

на данном этапе развития психологической науки недостаточно уделяется внимания этнопсихологии. Вместе с тем в ряде публикаций, посвященных различным аспектам этнопсихологии, поднимаются актуальные научные проблемы, изучение которых носит интегративный характер;

проблема формирования толерантного общественного сознания и толерантных (межэтнических, межгосударственных) отношений является одной из значимых в политической сфере обеспечения стабильности и безопасности;

в поликультурном пространстве ключевыми фигурами выступают специалисты, деятельность которых связана с деловым общением, им принадлежит миссия, наряду с другими, формирования толерантного общественного сознания;

в зарубежной практике накоплен многолетний опыт использования тренинговых психотехнологий, направленных на обеспечение эффективности этнокультурной коммуникативной компетентности специалистов;

целесообразно, включая тренинговые психотехнологии, разработать систему совершенствования этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, деятельность которых связана с деловым (служебным) общением. Таким образом будут созданы условия: способствующие развитию этнокультурной коммуникативной компетентности как профессионально значимого качества специалиста, совершенствованию уровня профессионального развития специалиста, формированию эталонного образа профессионала. Это, в свою очередь, позволит повысить эффективность этнокультурной коммуникативной компетентности специалистов, деятельность которых связана с деловым общением, их взаимодействи-

ем с представителями других государств, а также в определенной степени будет способствовать укреплению конструктивных, стабильных и безопасных международных отношений.

Наряду с вышеизложенным, есть основания считать целесообразной постановку ряда взаимосвязанных теоретических и практических задач, требующих научного рассмотрения, в частности:

разработка интегративного (теоретико-методологического) подхода к исследованиям феномена коммуникативной компетентности субъектов профессиональной деятельности;

изучение аксиологических аспектов формирования и функционирования коммуникативной компетентности специалиста;

выявление специфических особенностей функционирования профессионального сообщества в зависимости от уровня корпоративной культуры, коммуникативной компетентности личности;

определение критериев оценки уровня коммуникативной компетентности специалиста как детерминанты профессиональной и личностной успешности;

определение роли коммуникативной компетентности в формировании эталонного образа профессионала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лопатченко А. А. Социально-психологические особенности коммуникативной компетенции в межличностном взаимодействии специалистов в экстремальных условиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / А. А. Лопатченко ; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2010.
2. Захаров В. П. Социально-психологический тренинг : учеб. Пособие / В. П. Захаров, Н. Ю. Хрящева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989.
3. Казаринова Н. В. Межличностное общение: конспект лекций / Н. В. Казаринова. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2000.
4. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение / Ю. Н. Емельянов. – Л. : Из-во ЛГУ, 1985.
5. Основы теории коммуникации : учебник / М. А. Василик [и др.] ; под ред. М. А. Василик. – М. : Гардарики, 2006.
6. Вишневская В. П. Коммуникативная компетентность сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (теоретические и практические аспекты) : учеб. пособие / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович. – Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2012.
7. Психология XXI века: учебник / под ред. В. Н. Дружинина. – М. : ПЕР СЭ, 2003.
8. Рапохин Н. П. Прикладная психология: учеб. пособие / Н. П. Рапохин. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2007.
9. Резников Е. Н. Теоретические и методологические проблемы этнической психологии: монография / Е. Н. Резников. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2006.
10. Налчаджян А. А. Национальная идеология и этнопсихология / А. А. Налчаджян. – Ереван : Огеган, 1999.
11. Вишневская В.П. Некоторые психологические аспекты международного взаимодействия в рамках ВТО / Право Всемирной торговой организации: влияние на экономику организации и законодательство государств Европейско-Азиатского региона (Монография) / Отв. ред. В.Д.Перевалов. М.: СТАТУТ, 2014.
12. Вишневская В. П. Актуальные вопросы совершенствования этнокультурной коммуникативной компетентности / В.П. Вишневская // Проблемы управления. – 2013. – №1 (46).
13. Актуальные проблемы высшего профессионального образования в России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 26-27 мая 2011 г. / ВА ВПВО ВС РФ. – Смоленск: Городская типография, ВА ВПВО ВС РФ, 2011.
14. Авдеева М. В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / М. В. Авдеева. – М. : 2007.
15. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2009.
16. Лебедева Н. М., Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности / Н. М. Лебедева, О. В. Лунева, Т.Г. Стефаненко. – М. Изд-во РУДН, 2004. 2003.
17. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций / В. Г. Крысько. – М. : Изд-во «Экзамен», 2002.
18. Шейнов В. П. Психология и этика делового контакта / В. П. Шейнов. – Минск: Амалфея, 1996.
19. Налчаджян А. А. Этническая характеристология / А. А. Налчаджян. – Ереван, 2001.
20. Налчаджян А. А. Этнопсихология: учеб. изд. / А. А. Налчаджян. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004.

D.V. OREKHOV,
Y.N. PAVLOVA

Д.В. ОРЕХОВ,
Я.Н. ПАВЛОВА

ПРОГРАММА ПЕРЕДАЧИ ТЕХНОЛОГИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ США

US DEPARTMENT OF DEFENCE TECHNOLOGY TRANSFER PROGRAM

27 февраля 2016 года состоялось общее собрание Афыкадемии военных наук, на котором, в том числе, обсуждалась тема использования технологий военного, специального и двойного назначения для развития вооружения, военной и специальной техники.

Актуальные вопросы применения указанных технологий в гражданских отраслях промышленности, в рамках развития высказанных на собрании (конференции) положений, с целью повышения научно-технического потенциала государства, развития его экономики и укрепления его обороноспособности рассмотрены в настоящей статье, при этом изучен опыт Министерства обороны США по передаче технологий двойного назначения в гражданский сектор экономики.

The general assembly of the Academy of military science was held on the 27th of February of 2016. Among other issues there was discussed the subject of military, special and dual-use technologies usage for the development of weaponry, military and special equipment.

Questions related to the application of the above mentioned technologies in non-military industry with the purpose of enhancing the state scientific and technical potential, strengthening its defence capability and developing its economy are considered in the present article.

Writers study the US Department of Defence experience of dual-use technology transfer to the civil sector of economy.

Ключевые слова: технологии двойного назначения, передача технологий, коммерциализация, результат интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность.

Keywords: dual-use technology, technology transfer, commercialization, intellectual activity result, intellectual property.

В феврале 2016 года министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу утвердил Концепцию реализации Министерством обороны Российской Федерации полномочий по государственной поддержке инновационной деятельности.

Одним из основных направлений реализации Министерством обороны РФ полномочий в сфере инновационной деятельности является создание эффективной системы передачи знаний и технологий, которая будет обеспечивать доступ к федеральным научно-техническим и технологическим ресурсам, представление организациям оборонно-промышленного комплекса прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные при создании образцов вооружения, военной и специальной техники (далее – ВВСТ), а также передачу знаний и технологий из военной сферы в гражданскую и наоборот.

Коммерциализацию технологий следует рассматривать как возможность выгодного вложения

государственных средств с последующей инвестицией полученных доходов в дальнейшее развитие наукоемких технологий с целью увеличения научно-технического потенциала страны, повышения конкурентоспособности отечественных образцов вооружения и военной техники на мировых рынках, расширения военно-технического сотрудничества с зарубежными партнерами.

Изменения военно-политической обстановки в мире обуславливают рост расходов развитых стран на исследования и разработки в оборонной сфере, среди которых особое внимание уделяется созданию технологий, обеспечивающих нужды вооруженных сил и одновременно потенциально применимых в гражданском секторе экономики, – технологий двойного назначения.

Во многих странах вопросы коммерциализации таких технологий имеют принципиальное значение для развития экономики, относятся к категории вопросов государственной важности и тесно связаны не только с поддержкой инно-

вационной деятельности как таковой, стимулированием патентования созданных объектов интеллектуальной собственности, лицензирования полученных патентов, но и с законодательно закрепленным принципом монополизации прав государства на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД).

Так, основу действующей в министерстве обороны США программы по передаче технологий (DoD Technology Transfer T2 Program, далее – Программа T2) составляют законодательные акты, принятые в 80-е годы прошлого столетия, направленные на стимулирование коммерциализации результатов исследований и разработок через расширение сотрудничества государственных структур с частными компаниями и предприятиями посредством передачи им прав распоряжения РИД, права на которые принадлежат государству (закон Бай-Дола 1980 г., закон Стивенсона-Уайдлера 1980 г., Закон о развитии инноваций в малом бизнесе 1982 г., Закон о трансфере федеральных технологий 1986 г., Законодательный акт о национальной конкурентоспособности в трансфере технологий 1989 г. и др.).

По линии министерства обороны США (далее – МО США) этот же принцип находит отражение в основных документах, регламентирующих реализацию Программы T2: Инструкция МО США от 14.05.99 № 5535.8 и Директива МО США от 21.05.99 № 5535.3, в которых Программа T2 определяется как «неотъемлемая часть миссии МО США по обеспечению национальной безопасности», как «программа чрезвычайной важности» в части, касающейся закупок МО США, а также как «ключевая задача лабораторий и технологических центров МО США, осуществляющих мероприятия по передаче технологий» [1-2].

Согласно вышеуказанным нормативным правовым документам МО США, для реализации Программы T2 осуществляется комплекс мер по ее финансированию за счет средств МО США, налаживанию взаимодействия и расширению сотрудничества с другими федеральными министерствами и ведомствами, вузами через проведение совместных научно-исследовательских работ на основе соглашений о совместном проведении НИОКР (CRADA, далее – Соглашения), специальной подготовке сотрудников, участвующих в выполнении Программы T2, посредством проведения учебных программ, семинаров и конференций.

За успешное выполнение задач по реализации Программы T2 предусмотрена система матери-

альных вознаграждений как отдельным исполнителям, так и целым организациям.

Коммерциализация РИД является показателем успешного выполнения Программы T2. Фактором, существенно влияющим на успешную реализацию данной программы, признается коммерческая доступность технологий, разработанных МО США, среди которых приоритетным направлением считаются технологии двойного назначения, коммерциализация которых позволяет значительно расширить рынки сбыта объектов интеллектуальной собственности.

Популяризации и развитию Программы T2 призваны способствовать:

- патентование изобретений,
- выдача патентных лицензий,
- активное использование Соглашений.

Перечисленные основные механизмы реализации Программы T2, по сути, являются ключевыми критериями оценки ее выполнения.

Характер изменения этих критериев в конце 90-х и начале 2000-х годов показан на рис. 1-2.

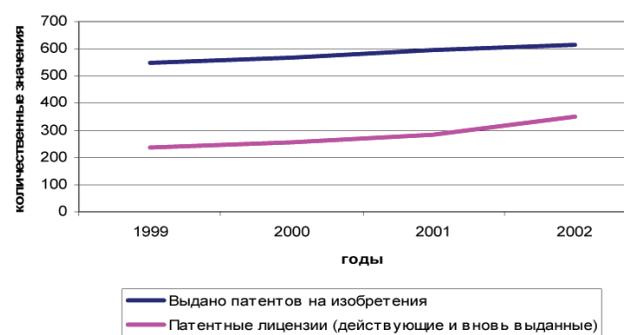

Рис. 1. Индикаторы реализации программы T2 в 1999-2002 гг. (патенты и патентные лицензии) [5-7]

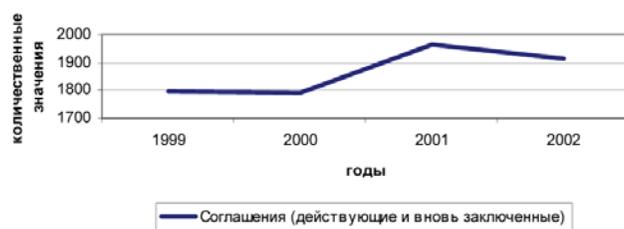

Рис. 2. Индикаторы реализации программы T2 в 1999-2002 гг. (Соглашения) [5-7]

Как видно на представленных рисунках, в указанный период времени отмечается положительная динамика по всем трем основным показателям.

Так, количество выданных МО США патентов с момента «старта» Программы Т2 возросло на 12,2% и составило в 2002 г. 614 охранных документов. Число патентных лицензий увеличилось по сравнению с 1999 г. на 47%, и в 2002 г. их было выдано уже 350. Прирост количества Соглашений составил 6,3%, по состоянию на 2002 г. их количество равнялось 1913.

По данным ведомства США по патентам и товарным знакам, с 2003 г. объемы патентования изобретений сохранялись на относительно стабильном уровне. По объемам лицензирования патентов, а также действующим и вновь заключенным Соглашениям национальный научный фонд США фиксировал ежегодный прирост в 5 и более процентов.

Однако мировой финансовый кризис 2008 г. внес свои коррективы.

Рис. 3-4 демонстрируют, что все основные показатели реализации Программы Т2 заметно снизились в 2008 г. по сравнению с 2007 г.

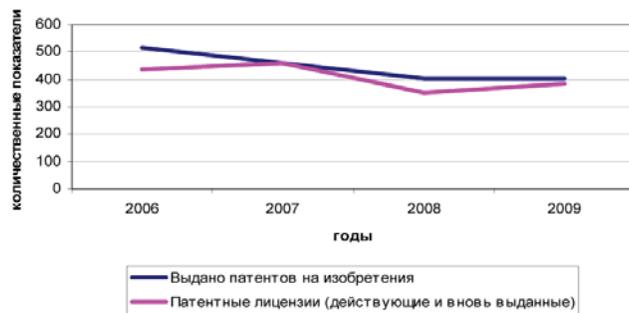

Рис. 3. Индикаторы реализации программы Т2 в 2006-2009 гг. (патенты, патентные лицензии) [5,8].

Рис. 4. Индикаторы реализации программы Т2 в 2006-2009 гг. (Соглашения) [8].

Так, количество выданных патентов сократилось в 2008 г. на 13,5% по сравнению с 2007 г., число патентных лицензий — на 31%, количество Соглашений снизилось на 14%.

В 2009 г. наметилась положительная динамика в количестве выдаваемых патентов, патентных лицензий, начался рост числа вновь заключаемых Соглашений, однако показатели по патентам и патентным лицензиям не смогли достичь уровня 2006-2007 гг.

К 2010 г. назрела необходимость в принятии дополнительных мер по активизации лицензирования патентов как ключевого механизма коммерциализации РИД, права на которые принадлежат МО США, способствующего реализации Программы Т2.

В 2011 г. президент США подписал Меморандум «Об ускорении трансфера технологий и коммерциализации РИД, полученных в ходе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР), права на которые принадлежат государству, в целях поддержки динамично развивающегося предпринимательства» (далее — Меморандум президента) [9].

Данный документ предписывает всем федеральным ведомствам, включая МО США, разработать стратегию и план действий, направленные на активизацию Программы Т2, призванной стимулировать рост экономики, повысить доходность и эффективность вложений МО США в научно-исследовательские работы посредством лицензирования патентов и расширения сотрудничества с частными компаниями и предприятиями.

Во исполнение Меморандума президента рабочей группой по реализации Программы Т2, в состав которой вошли представители лабораторий различных видов вооруженных сил (ВВС, ВМС и Армии), в сотрудничестве с управлением по руководству лабораториями МО США, подчиненному помощнику министра обороны США по НИОКР, был разработан комплекс мер, включающий:

внесение целей и задач, выполняемых в рамках Программы Т2, в ежегодные планы лабораторий МО США;

проведение комплексного анализа имеющейся практики передачи технологий, права на которые принадлежат МО США, с целью выявления положительных примеров и формирования соответствующего опыта;

расширение сотрудничества с предприятиями частного сектора экономики, в том числе с предприятиями малого бизнеса, за счет стимулирования их интереса к разработкам МО США;

упрощение доступа к патентам МО США, а также повышение привлекательности разработок

МО США через снижение их коммерческой стоимости;

поддержку популярности Соглашений как одного из основных механизмов реализации Программы Т2 посредством стандартизации их использования, проведения консультаций и иных разъяснительных мероприятий в части, касающейся толкования соответствующего законодательства;

расширение партнерских отношений с посредническими организациями, содействующими передаче технологий от МО США в частный сектор экономики.

Результатом реализации вышеуказанных мер стало увеличение числа патентных лицензий: их количество к 2013 г. выросло по сравнению с 2010 г. на 24,6% и составило 425 документов (рис. 5).

На этом же рисунке показана положительная динамика патентования изобретений МО США, зафиксированная в период с 2010 по 2013 гг.

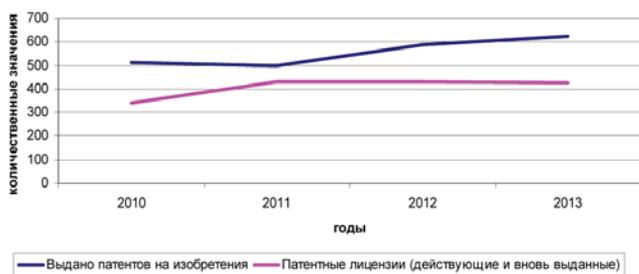

Рис. 5. Индикаторы реализации Программы Т2 в 2010-2013 гг. (патенты, патентные лицензии) [5, 11]

Количество Соглашений, как следует из рис. 6, снизилось в 2011-2012 гг. по сравнению с уровнем 2010 г., но в дальнейшем их число начало расти и составило в 2013 г. 2682 Соглашения.

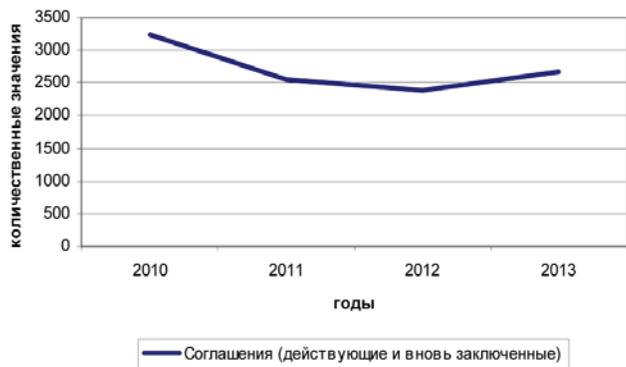

Рис. 6. Индикаторы реализации Программы Т2 в 2010-2013 гг. (Соглашения) [11].

Рост числа патентных лицензий способствовал существенному увеличению доходов МО США от лицензирования изобретений: если в 2010 г. было получено 13,03 млн. долл., то в 2013 г. эта цифра выросла на 60% и составила уже 20,86 млн. долл. [11].

Согласно положениям инструкции МО США от 14.05.99 № 5535.8 средства, полученные от лицензирования патентов, должны быть направлены на материальное поощрение изобретательской работы в МО США, дальнейшее стимулирование коммерциализации РИД, права на которые принадлежат МО США, поддержку и развитие научно-исследовательской деятельности в рамках оборонного ведомства [1].

Иными словами, с 1999 г. в МО США эффективно действует четко отлаженный и продуманный механизм передачи технологий, в котором тесно взаимосвязаны такие компоненты, как:

нормативная правовая база;

научно-технический потенциал;

патентование изобретений для повышения уровня их коммерческой привлекательности;

увеличение числа потенциальных потребителей за счет активного использования технологий двойного назначения;

расширение сотрудничества с частным сектором экономики;

выдача лицензий на использование патентов, принадлежащих МО США.

Указанный механизм активно поддерживается и стимулируется государством с целью повышения научно-технического потенциала страны, укрепления ее обороноспособности, роста и развития экономики.

Возможность извлечения прибыли от передачи технологий двойного назначения в частный сектор экономики, возврата денежных средств, вложенных в научно-исследовательскую деятельность, в бюджет оборонного ведомства делает вопрос коммерциализации РИД, права на которые принадлежат министерству обороны, актуальным для российской действительности.

Успешное инновационное развитие России, дальнейший рост конкурентоспособности ее экономики и укрепление позиций на мировых рынках невозможны без активного введения РИД военного, специального и двойного назначения в хозяйственный оборот, совершенствования механизмов коммерциализации объектов интеллектуальной собственности и распоряжения правами на них.

В связи с этим, а также в целях выполнения утвержденной Министром обороны Российской Федерации генералом армии С. К. Шойгу Концепции реализации Министерством обороны Российской Федерации полномочий по государственной поддержке инновационной деятельности, представляется необходимым и целесо-

образным продолжать изучение опыта ведущих зарубежных стран в области трансфера технологий для выработки надежного и эффективного механизма передачи российских технологий двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации, в гражданский сектор экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Department of Defense INSTRUCTION NUMBER 5535.8 May 14, 1999. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.dtic.mil/dtic/pdf/customer/STINFOdata/DoDI_55358.pdf Дата обращения 28.04.2015
2. Department of Defense DIRECTIVE. NUMBER 5535.3 May 21, 1999. Электронный ресурс. Режим доступа: http://biotech.law.lsu.edu/blaw/dodd/corres/pdf/d55353_052199/d55353p.pdf Дата обращения 28.04.2015
3. 15 U.S.C. 3703 – Definitions. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:15%20section:3703%20edition:prelim\)](http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:15%20section:3703%20edition:prelim)) Дата обращения 13.02.2016. В соответствии с определением, приведенным в ч. 3703 раздела 15 Свода Законов США, «федеральная лаборатория – это любая лаборатория, научно-исследовательский или иной центр, принадлежащий, арендуемый или иным способом используемый Федеральным агентством, финансируемый Федеральным Правительством, управляемый Правительством или контрагентом».
4. 15 U.S.C. 3710a – Cooperative research and development agreements. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2011-title15/pdf/USCODE-2011-title15-chap63-sec3710a.pdf> Дата обращения 28.04.2015. Заключение и действие соглашений о совместном проведении НИОКР (CRADA) регламентируется в США ч. 3710a раздела 15 Свода Законов США, в которой предусматривается возможность федеральных лабораторий заключать соглашения о совместном проведении НИОКР с другими Федеральными агентствами, учреждениями Федерального и местного правительства, промышленными компаниями, некоммерческими организациями (включая университеты) и другими лицами, а также возможность федеральных лабораторий предоставлять партнерам лицензии или переуступать права на изобретения, полученные в ходе выполнения такого соглашения. В данном документе прописаны также порядок использования доходов, полученных лабораторией в ходе реализации соглашения, и условия заключения этих соглашений.
5. Profile report. US (federal) government patenting 1977-2014. March, 2015. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.uspto.gov/web/offices/ac/ido/oeip/taf/us_gov.pdf Дата обращения: 03.07.2015
6. Indicators of Federal technology transfer activities, by Federal agency: fiscal years 1987–2000. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nsf.gov/statistics/seind02/append/c4/at04-35.pdf> Дата обращения: 07.02.2016
7. Federal technology transfer activity indicators for U.S. agencies with federal laboratories: FY 2001–07. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nsf.gov/statistics/seind10/append/c4/at04-43.pdf> Дата обращения: 07.02.2016
8. Federal technology transfer activity indicators for U.S. agencies with federal laboratories: FYs 2001–10. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/content/chapter-4/at04-40.xls> Дата обращения: 07.02.2016
9. Department of Defense. United States of America. STRATEGY & ACTION PLAN for accelerating Technology Transfer (T2) and commercialization of Federal research in support of high growth businesses. 2012. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nist.gov/tpo/publications/upload/DOD-Tech-Transfer-Plan.pdf> Дата обращения: 02.07.2015
10. 15 U.S.C. 3715 – Use of partnership intermediaries. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2011-title15/pdf/USCODE-2011-title15-chap63-sec3715.pdf> Дата обращения: 16.02.2016. Согласно положениям части 3715 раздела 15 Свода Законов США, руководители Федеральных лабораторий имеют право заключать контракты с посредническими компаниями для выполнения работ и предоставления услуг в интересах Федеральных лабораторий с целью повышения эффективности сотрудничества последних с предприятиями малого бизнеса, ВУЗами и иными организациями. В 1999 г. организацией, уполномоченной осуществлять посредническую деятельность по передаче технологий от МО США в частный сектор экономики, стала компания Techlink – финансируемый Федеральным Правительством Центр передачи технологий Государственного Университета штата Монтана.
11. National Institute of Standards and Technology. Federal Laboratory Technology Transfer Fiscal Year 2013. Summary Report to the President and the Congress. 2015. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nist.gov/tpo/publications/upload/FY-2013-Fed-Tech-Transf-Report-FINAL.pdf> Дата обращения: 16.02.2016

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

THE IMPLEMENTATION OF THE IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY IN THE CONTEXT OF ENSURING ENERGY SECURITY OF RUSSIA

Статья посвящена исследованию концептуальных вопросов определения масштабов, до которых целесообразно развивать национальные импортозамещающие производства, с учетом включенности страны в международное разделение труда, а также той роли, которую играет межгосударственная кооперация в современном глобализованном мире.

Проведен анализ взаимосвязи стратегий импортозамещения, реализации государственной промышленной политики и обеспечения энергетической безопасности страны. Показано, что искусственное ограничение импорта при помощи таких механизмов, как введение санкций против иностранных товаров, создание системы исключительного благоприятствования для национальных предприятий путем их выведения из конкурентной среды, поддержка постоянными государственными дотациями, могут в перспективе привести к стагнации национальной промышленности.

The article analyzes issues of import substitution in national production and determination of its effective scale considering the country's involvement to international division of labor and an important role of interstate cooperation in today's globalized world.

An analysis is made of the relationship of import substitution strategies, state industrial policy and energy security of the country. Such measures of artificial import rationing as sanctions against foreign goods, creating favorable competitive environment for national producers, governmental subsidies could lead to a stagnation of the national industry.

Ключевые слова: импортозамещение, специализация, диверсификация, экспорт, промышленная политика, структурная сложность экономики, энергетическая безопасность.

Keywords: import substitution, specialization, diversification, export, industry policy, structural economic complexity, energy security.

Внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура, сложившаяся в 2014–2015 гг., с особой остротой поставили перед государством и обществом вопросы обеспечения устойчивости экономики и ее инфраструктуры к неблагоприятным внешним условиям, повышения ее независимости и самодостаточности.

Несмотря на то, что секторальные экономические санкции, введенные развитыми странами Запада в отношении России, до настоящего времени не затрагивали напрямую функционирование электросетевого комплекса, они привели к росту рисков перебоев поставок комплектующих и оборудования, обеспечивающего надежность функционирования объектов электроэнергетики. Помимо этого сопутствующее ухудшение внешнеэкономической ситуации и девальвация национальной валюты привели к существенному сокращению возможностей по реализации инвестиционных и ремонтных программ компаний ТЭК, а значит, и к снижению их возможностей по обеспечению энергетической безопасности страны.

Наблюдаемая эскалация международной напряженности в различных регионах планеты приводит к обострению существующих и появлению новых угроз для объектов инфраструктуры. Повсеместно в мире растет напряженность, связанная как с локальными военными конфликтами,

так и с террористической угрозой. В 2015 г. впервые за более чем два десятилетия Россия стала участником активных боевых действий.

В этой связи с особой актуальностью встал вопрос о зависимости отечественной энергетики и, шире – инфраструктурных отраслей экономики – от внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры, их устойчивости к неблагоприятным внешним условиям, повышения независимости и самодостаточности. Экономика страны и ее промышленность должны быть готовы к нейтрализации и ликвидации возможных угроз системам энергоснабжения. Это делает необходимым освоение выпуска всех видов оборудования, обеспечивающих бесперебойное функционирование электроэнергетики, что предполагает, в частности, развитие компетенций отечественных предприятий, идущее параллельно с процессом импортозамещения.

В этих условиях вопросы развития на территории РФ импортозамещающих производств высокотехнологичного электротехнического оборудования, а также его узлов и комплектующих приобретают новое измерение, оказываясь неразрывно связанными с обеспечением бесперебойного функционирования инфраструктуры страны и, как следствие, ее энергетической безопасностью.

Энергетическая безопасность определяется в Энергетической стратегии России как «состояние защищенности страны, регионов, граждан, экономики от угроз надежному энергообеспечению, обусловленных как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и состоянием и функционированием энергетического сектора страны» [1]. В выступлениях высших руководителей Российской Федерации подчеркивается, что энергетическая безопасность является одной из ключевых гарантий суверенного развития страны, непосредственно влияющей на решение социально-экономических задач, конкурентоспособность России на глобальных рынках и рост ее международного авторитета [2].

Одним из основных компонентов, формирующих состояние энергетической безопасности государства, является устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним угрозам, в том числе экономическим.

Выбор направления развития отечественной промышленности и реализация государственной промышленной политики будут определять ближайшие перспективы развития основных фондов электроэнергетики, а значит, и надежность функционирования системы энергоснабжения в целом.

В связи с этим актуальной проблемой является определение границ, до которых целесообразно развивать в стране импортозамещающие производства, с учетом, с одной стороны, необходимости обеспечения устойчивости экономики и энергетики к неблагоприятным внешним условиям, а также значительных социальных эффектов, сопровождающих реализацию таких проектов, с другой стороны, необходимости вложения значительных инвестиционных средств и присущих им рисков невозврата.

ФОРМИРОВАНИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Накопленный к настоящему времени международный опыт показывает, что импортозамещение представляет собой многомерный процесс, который протекает в контексте включенности страны в международное разделение труда, а также той огромной роли, которую играет межгосударственная кооперация в современном глобализованном мире.

Основные измерения этого процесса проходят в координатах специализация-диверсификация экономики и ориентация развития национальной промышленности на внутренние либо внешние рынки.

Производственная специализация стран рассматривается классическими экономическими теориями как естественная реакция на расширение возможностей международной торговли, предоставляемых глобализацией. Представляется, что нахождение собственной ниши в международной торговле благотворно сказывается на развитии национальной экономики.

В качестве примеров этого традиционно приводятся так называемые «национальные бренды» – продукция мировых марок, ассоциируемых с отдельной страной: швейцарские часы, французские вина, германская сталь и т.д. [4]

В то же время эмпирические исследования в области международной торговли показывают, что в реальной экономике применимость этого тезиса оказывается сильно ограниченной.

Динамический характер современных мировых рынков выдвигает на первый план требования

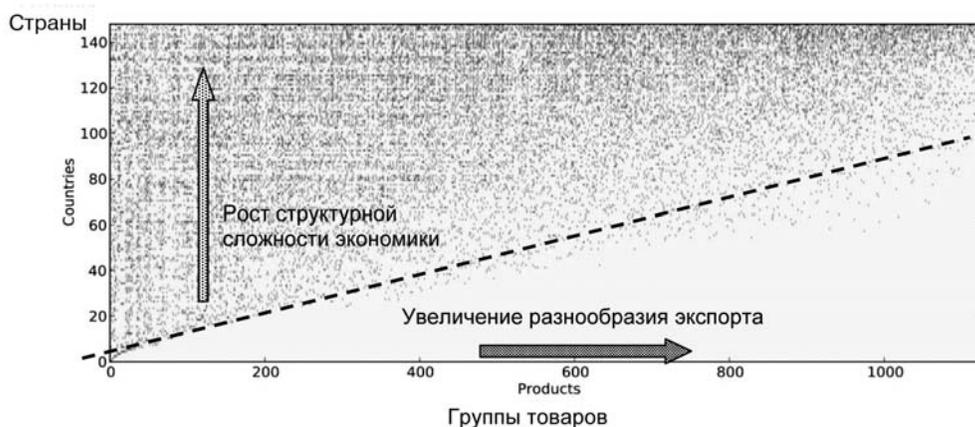

Рис. 1. Экспорт продукции странами в 2010 г.

гибкости и адаптивности национального производства, что достигается расширением доступных технологий и производственных возможностей. Анализ данных по международной торговле показывает, что наиболее развитые страны обладают одновременно наиболее диверсифицированным производством и экспортом [3, 5].

На рис. 1 приведена матрица экспорта продукции различными странами по данным 2010 г. По горизонтали здесь отложено количество экспортируемых страной групп продукции, по вертикали — показатель, характеризующий структурную сложность экономики. Темными точками отмечены товарные группы, которые экспортировались данной страной.

На данном рисунке явно прослеживаются следующие основные тенденции:

Отсутствие специализации стран в международной торговле, кроме той, которая обусловлена технологическими ограничениями. Каждая страна имеет тенденцию производить и экспортировать все возможные товары, производство которых доступно при заданном уровне развития технологий.

Взаимосвязь диверсификации производства и уровня развития. Наиболее специализированные страны, экспортирующие небольшое число товаров, одновременно являются наименее развитыми. Как правило, основными статьями экспорта таких стран является сельскохозяйственная продукция, а также продукция ресурсодобывающих отраслей.

Таким образом, в качестве одного из неденежных измерителей уровня развития национальной экономики и ее конкурентоспособности на мировой арене может быть использована структурная сложность экономики, характеризующая диверсификацией национального производства.

К настоящему времени разработан ряд страновых рейтингов, основанных на использовании данных показателей. Россия занимает в этих рейтингах далеко не первые строки. На графике, представленном на рис. 2, показана динамика рейтингов ряда стран по показателю структурной сложности экономики.

Видно, что для России за последние два десятилетия этот показатель неизменно снижался, в результате чего она опустилась с 41 места в 1995 г. на 56 в 2010 г.

По мнению авторов работы [3], такое снижение структурной сложности обусловлено тем, что доходы, получаемые от экспорта ресурсов, использовались на протяжении последних лет не-

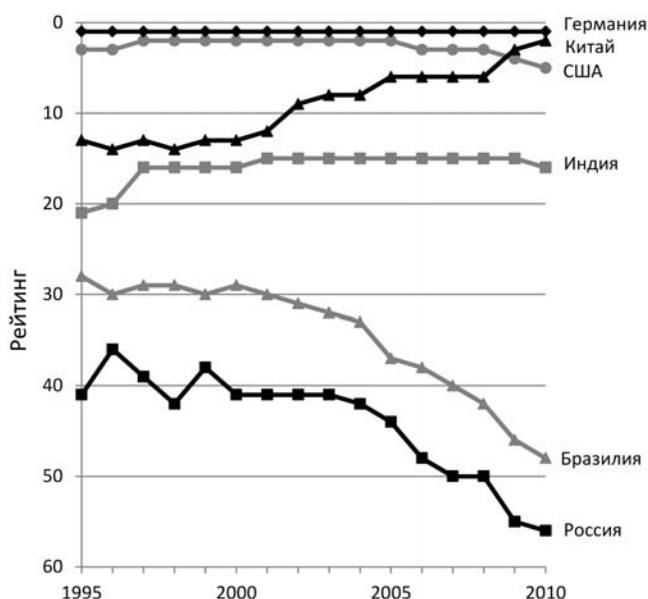

Рис. 2. Рейтинг стран по показателю структурной сложности экономики

эффективно, не обеспечивая развития отраслей, формирующих промышленную базу экономики.

Таким образом, широта охвата национальной промышленностью всего спектра современных продуктов оказывается тесно взаимосвязанной с уровнем экономического развития страны в традиционном его понимании. В этой связи вопросы освоения новых и инновационных производств, в том числе, за счет реализации стратегий импортозамещения, оказываются неотъемлемой частью государственной промышленной политики, направленной на развитие экономики в целом.

В то же время создание современных предприятий требует вложения больших средств и сопряжено со значительными рисками, в связи с чем при реализации такого рода проектов инвесторы часто требуют предоставления гарантий или иной поддержки со стороны государства. В этих условиях особую значимость приобретает задача определения приоритетных направлений государственной поддержки развития промышленности, заключающаяся в отыскании оптимального соотношения связанных с этим процессом издержек и выгод, получаемых экономикой страны.

Реализация государством политики, направленной на развитие отечественной производственной базы, транслируется в сохранение существующих и создание новых рабочих мест, поступление налогов в бюджеты различных уровней, стимулирование инновационного развития, а также в

заказы для смежных отраслей и, как следствие, в социально-экономическое развитие территорий и страны в целом, то есть приводит к возникновению мультипликативного социально-экономического эффекта [6, 7]. В свою очередь, развитие отечественного машиностроения, в том числе, электротехнической промышленности, ее способность самостоятельно снабжать энергетические компании необходимыми для их нормального функционирования основными фондами, положительно сказывается на энергетической безопасности государства в части обеспечения устойчивости энергетического сектора к внешним экономическим и политическим угрозам [8].

Непосредственным эффектом развития импортозамещающих производств является увеличение объема создаваемой на территории РФ добавленной стоимости и, как следствие, рост ВВП страны. Кроме того, данные проекты сопровождаются мультипликативными социально-экономическими эффектами, возникающими в результате формирования спроса на продукцию смежных отраслей промышленности, услуги и трудовые ресурсы. Вследствие этого в экономике страны происходит формирование сетевых структур, представляющих собой совокупность связанных между собой отношениями купли-продажи субъектов, в рамках которой создается и перераспределяется стоимость конечного продукта.

Чем большая часть этой сетевой структуры оказывается на территории страны, тем более высоким будет результирующий уровень локализации производимой продукции и тем большая часть генерируемой добавленной стоимости будет оставаться у отечественных производителей.

В то же время снижается зависимость себестоимости производства продукции от колебаний курсов валют, конъюнктуры мировых рынков, а также от политически мотивированных ограничений международной торговли.

С точки зрения обеспечения независимости и устойчивости национальной экономики к неблагоприятным внешним факторам наибольшие мультипликативные эффекты создаются при развитии импортозамещающих производств в секторах, характеризующихся высокой степенью монополизации и формирующих, в свою очередь, спрос на высокотехнологичные комплектующие, сырье и материалы.

Создание на территории России производств таких групп товаров будет способствовать «расшировке» узких мест отечественной промышлен-

ности, потенциально уязвимых для неблагоприятных внешнеэкономических и политических факторов (колебания курсов валют, таможенные барьеры, санкции).

В то же время использование односторонней стратегии развития импортозамещения, ориентированной исключительно на удовлетворение потребностей внутренних рынков, чревато, прежде всего, утратой национальной промышленностью конкурентоспособности в связи с предоставлением ей национальными властями тепличных условий для развития по сравнению с глобальной конкуренцией на мировых рынках. Кроме того, защита от внешней конкуренции позволяет крупным предприятиям занять доминирующее положение на внутренних рынках, что может привести к их монополизации, необоснованному повышению цен и, как следствие, к ухудшению положения потребителей.

Примером негативных эффектов протекционистских мер государства стала неудачная реализация политики «импортозамещающей индустриализации», проводившейся правительствами ряда стран Латинской Америки в 1950 – 1960 гг. Если на первом этапе были достигнуты определенные успехи в развитии легкой и пищевой промышленности, то модернизация тяжелой промышленности завершилась провалом, так как в условиях протекционизма ее продукция оказалась неконкурентоспособной по сравнению с импортными аналогами. В итоге это привело к отказу латиноамериканских стран от протекционистской политики. В конце 1960-х годов был снижен уровень импортных пошлин, сокращены неэффективные производства, предприняты шаги к более тесной межгосударственной экономической интеграции [9].

С аналогичными проблемами столкнулась китайская экономика в 1960-х гг., когда директивное создание малых металлургических предприятий в стране привело к переизбытку производства низкосортной стали и, соответственно, низкокачественной промышленной продукции, неконкурентоспособной на мировом рынке [4].

Неконкурентоспособность национальной продукции на внешних рынках приводит к существенному ограничению спроса на нее и, соответственно, к снижению возможностей финансирования, что еще в большей степени тормозит развитие отечественной промышленности.

Более эффективная стратегия импортозамещения 60-х гг. XX в. «новых азиатских индустри-

альных экономик», заключалась в сочетании внешнеторговых и налоговых механизмов ограничения импорта с активным наращиванием экспортного потенциала национальной экономики, в том числе, путем встраивания в технологические цепочки транснациональных компаний в качестве поставщиков комплектующих [10].

Использование такой стратегии позволило «новым индустриальным экономикам» достичь существенного экономического роста в течение последующих 30 лет. Так, темпы прироста валового внутреннего продукта в этот период ежегодно составляли 7-10%, что позволило в 3-4 раза сократить отставание от промышленно развитых стран Запада по основным макроэкономическим параметрам [10]. Параллельно с активизацией экономической жизни решались социальные проблемы, в частности, был существенно снижен уровень бедности населения.

Успешная реализация экспортно-ориентированной стратегии предполагает не только активную государственную поддержку развития национальной промышленности, но и обеспечение большей открытости экономики для иностранных инвестиций и интеграции в мировую экономику [11].

Важным при этом является обеспечение привлекательности отечественной экономики для инвестиций, а также тесное сопряжение инновационного и инвестиционного секторов. Основное противоречие между ними заключается в том, что инвесторы в массе своей заинтересованы в высоких прибылях и быстром возврате вложенных средств.

Значительную роль в повышении привлекательности инновационной деятельности могут и должны сыграть крупнейшие потребители электротехнического оборудования, заинтересованные в развитии производств надежной и удовлетворяющей самым высоким современным требованиям продукции.

В настоящее время вопросы разработки нормативной базы в области развития электротехнической промышленности, импортозамещения и локализации производства электротехнического оборудования решаются параллельно различными министерствами и ведомствами, зачастую фрагментарно и не согласованно друг с другом. Консолидированная позиция органов власти в данной области зачастую не доводится до компаний ТЭК, что вынуждает их разрабатывать собственные нормативные документы и методологический аппарат. В результате этого отсутствует целостное единое видение перспектив развития отрасли.

В частности, вопросы развития электротехнической промышленности курируются единственным отделом в составе Департамента станкостроения и инвестиционного машиностроения Минпромторга России. При этом существующими нормативными документами повышение энергетической безопасности страны не отнесено к числу приоритетных задач развития электротехнической промышленности. Единственное упоминание о необходимости повышения энергетической безопасности страны содержится в основном мероприятии 9.2 «Формирование научно-технического задела по ключевым инновационным направлениям развития отечественного электросилового и энергетического оборудования» подпрограммы 9 «Силовая электротехника и энергетическое машиностроение» Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Для сравнения вспомним, что в Советском Союзе развитие электротехнической промышленности курировалось отдельным органом федерального уровня – Министерством электротехнической промышленности. В соответствии с Положением о Министерстве электротехнической промышленности, утвержденным Постановлением Совета министров СССР от 26 июня 1968 года № 483, на него возлагалась ответственность «за состояние и дальнейшее развитие электротехнической промышленности..., а также за технический уровень и качество выпускаемой продукции и за наиболее полное удовлетворение потребностей страны во всех видах продукции отрасли».

При этом одной из основных задач министерства являлось «обеспечение всемерного развития электротехнической промышленности... в целях наиболее полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и обороны страны во всех видах продукции отрасли».

С целью формирования единого центра компетенций в области развития отечественной электротехнической промышленности в текущих условиях представляется целесообразным объединить усилия компаний ТЭК и других крупных потребителей электротехнического оборудования с целью выработки консолидированной позиции по вопросам развития электротехнической промышленности, синхронизации технических политик, программ инновационного развития и импортозамещения.

Эта деятельность позволит создать в стране новый институт развития, способный обеспечить

заинтересованность инвесторов во вложении средств в реализацию инновационных проектов, а также предоставить поддержку в обеспечении доступа продукции отечественных предприятий на мировые рынки. С точки зрения потребителей электротехнической продукции наличие этого института даст возможность снижения влияния внешнеэкономических и внешнеполитических рисков на реализацию инвестиционных программ и, в конечном счете, на энергетическую безопасность государства.

Таким образом, опираясь на международный опыт реализации стратегий импортозамещения, можно сделать следующие выводы:

В интересах обеспечения энергетической безопасности России отечественная промышленность должна обладать достаточным уровнем компетенций и технологического развития для выпуска всех видов оборудования, обеспечивающих бесперебойное функционирование энергетики, а в случае необходимости – оперативное наращивание объемов выпуска и качественное восстановление работы Единой энергетической системы.

Приоритетным для обеспечения энергетической безопасности страны является создание производств в секторах, характеризующихся критической зависимостью от импортных узлов и комплектующих.

Развитие современных электротехнических производств невозможно в условиях политики изоляционизма, без обеспечения международного разделения труда, трансфера технологий и освоения зарубежных рынков сбыта. Промыш-

ленность, развитие которой замкнуто в пределах внутреннего рынка, в отсутствие международной конкуренции обречена на деградацию и утрату конкурентоспособности.

Перспективной стратегией развития импортозамещающих производств является стимулирование внутреннего спроса параллельно с созданием высокотехнологичных, наукоемких отраслей, продукция которых стала бы конкурентоспособной на мировом рынке.

Последнее требует формирования в стране институциональной структуры, обеспечивающей инвестиционную привлекательность развития инновационных производств. Одним из элементов этой структуры должна являться комплексная государственная политика в области развития энергетического машиностроения, тесно увязанная со стратегиями, технической политикой, инновационными программами и программами импортозамещения основных потребителей его продукции, в первую очередь – крупных компаний ТЭК с государственным участием.

Создание объединения основных потребителей электротехнической продукции, которое могло бы сформировать консолидированную позицию по вопросам развития электротехнической промышленности, синхронизации стратегических документов в отрасли, а также оказывать поддержку отечественным производителям при реализации инновационных проектов и выводе продукции на мировые рынки могло бы явиться существенным подспорьем в разработке и реализации такой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715.
2. Медведев Д.А. Выступление на заседании Совета Безопасности РФ «О состоянии и мерах по обеспечению энергетической безопасности России». 13 января 2010 г. [Электр. ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9809>.
3. Tacchella A.; Cristelli M.; Caldarelli G.; Gabrielli A.; Pietronero L. Economic complexity: Conceptual grounding of a new metrics for global competitiveness // *Journal of Economic Dynamics and Control*. – 2013. – Vol. 37. – No. 8.
4. Арутюнов С. Импортозамещение, как оно есть // *Практика управления*. – 2015. – № 4.
5. Funke M; Ruhwedel R. Product Variety and Economic Growth: Empirical Evidence for the OECD Countries // *IMF Staff Papers*. – 2001. – Vol. 48. – No. 2.
6. Бендиков М.А.; Ганичев Н.А. Электронная импортозависимость и пути ее преодоления (на примере космической промышленности) // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2015. – № 3.
7. Швец Н.Н.; Колесник Г.В. Локализация производства электротехнического оборудования как фактор обеспечения энергетической безопасности государства в условиях глобального рынка // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2014. – № 16.
8. Швец Н.Н. Современные проблемы обеспечения энергетической безопасности России в сфере электроэнергетики и пути их решения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2013. – № 31.
9. Baer W. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // *Latin American Research Review*. – 1972. – Vol. 7. – No. 1.
10. Демиденко С.В. Импортозамещение: опыт Азии // *Практика управления*. – 2015. – № 4.
11. Меры государственного регулирования по развитию энергетического машиностроения РФ // *Академия энергетики*. – 2009. – № 1 (27).

V.YU. KORCHAK,
R.V. REULOV,
S.V. STUKALIN,
S.A. GRIGORYEVA

В.Ю. КОРЧАК,
Р.В. РЕУЛОВ,
С.В. СТУКАЛИН,
С.А. ГРИГОРЬЕВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ НАУЧНЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹

SCIENTIFICALLY-METHODICAL BASES OF MILITARY-TECHNICAL EVALUATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL ACHIEVEMENTS OBTAINED BY THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, UNIVERSITIES AND INDUSTRY

В статье изложены научно-методические основы военно-технической оценки научных и технологических достижений, полученных организациями Российской академии наук, высшей школы и предприятиями оборонного промышленного комплекса.

The article presents the scientific and methodical bases of military-technical evaluation of scientific and technological achievements obtained by the organizations of the Russian Academy of Sciences, higher education and enterprises of the military industrial complex.

Ключевые слова: научные и технологические достижения, военно-техническая оценка, набор показателей оценки, вербально-числовые шкалы.

Keywords: scientific and technological achievements, the military-technical assessment, set of evaluation indicators, verbal and numeric scale

В современном мире роль науки и технологий в создании новых вооружений постоянно растет. В результате использования передовых научно-технических достижений появились принципиально новые виды оружия – лазерное, электромагнитное, информационное, качественно меняющие облик вооруженных сил. Характерно, что руководители ведущих стран рассматривают уровень развития оборонной науки и технологий не только как гарантию военного превосходства, но и как условие достойного позиционирования государства в мировом сообществе. И это подтверждается тысячелетиями истории цивилизации.

Человечество на протяжении практически всей своей истории стремилось к использованию самых передовых достижений для совершенствования средств вооруженной борьбы. Это было жизненно необходимо, поскольку войны составляли неотъемлемую часть существования обществ и государств, а совершенство вооружения играло ключевую роль в достижении победы [2, 3]. Технологически развитые госу-

дарства, опираясь на превосходство в силе (качестве и количестве вооружения) присваивали себе право решать международные вопросы по собственному усмотрению. К сожалению, это положение имеет все предпосылки для сохранения и в будущем, несмотря на декларирование права наций на самоопределение, демократических принципов управления, невмешательства одного государства во внутренние дела других государств и т.п.

Россия, обладая огромными природными ресурсами, всегда будет оставаться в зоне повышенного внимания со стороны развитых государств мира. Это обуславливает необходимость постоянного внимания к вопросам развития технической составляющей Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ), к их оснащению вооружением, военной и специальной техникой (ВВСТ) в таком количестве и такого качества, которые обеспечили бы возможность парирования любых существующих и вновь возникающих вызовов и угроз.

Наряду с совершенствованием традиционных вооружений и развитием оружия на новых физических принципах наши западные «оппоненты» разрабатывают новые военные стратегии,

¹Статья подготовлена в соответствии с грантом Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6464.2015.10

базирующиеся не только на достижениях естественных и технических наук, но и наук гуманитарных – психологии, политологии, социологии, философии, культурологии и др. Примером подобной стратегии является «гибридная война», главными формами ведения которой являются информационные действия, психологические акции и кибернетические атаки, нацеленные как на структурные технические компоненты государства, так и на его граждан.

В текущих условиях макроэкономической нестабильности, действия санкций, стагнационных явлений в отечественной экономике расходы федерального бюджета на оборону и обеспечение безопасности будут неизбежно сокращаться. Однако это не отменяет задачи поддержания ВС РФ в состоянии готовности к отражению возможной агрессии и борьбе за сохранение суверенитета и интересов России во всех областях, включая политическую, экономическую и социальную [4]. При этом по ряду направлений необходима координация деятельности ВС РФ с федеральными органами исполнительной власти, ответственными за отдельные аспекты национальной безопасности.

В этих условиях наиболее рациональным из возможных путей развития ВС РФ представляется инновационный, предусматривающий пересмотр существующих тенденций военно-технической политики в направлении уменьшения стоимости

единицы образца ВВСТ за счет достижения рациональной номенклатуры образцов техники и их унификации, перехода на технологии открытой архитектуры, магистрально-модульные принципы построения, а также реализацию полного инновационного цикла по созданию перспективных образцов ВВСТ, отражающего идеологию «от системного понимания развития ВВСТ – к уровню их тактико-технических характеристик (ТТХ) и направлениям создания научно-технического задела».

Одним из действенных механизмов реализации инновационного пути развития системы вооружения ВС РФ является постоянный мониторинг результатов научных исследований и технологических разработок, полученных организациями Российской академии наук (РАН), высшей школы и ведущими предприятиями оборонного промышленного комплекса (ОПК), проведение их апробации в образцах (составных частях, узлах, элементах) вооружения, а также внедрение наиболее перспективных решений в ВВСТ. Это позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты, требуемые на проведение НИОКР по созданию ВВСТ, а также улучшить ТТХ перспективных образцов вооружения.

Учитывая, что возможности Минобороны России по проверке практической реализуемости заявленных характеристик в образцах (составных частях, узлах, агрегатах) ВВСТ ограничены по финансовым и временным причинам, особую

ФОРМА СБОРА СВЕДЕНИЙ
1. Наименование достижения.
2. Цель исследований.
3. Область применения.
<i>Образцы ВВСТ и элементы конструкций, в которых может быть внедрено достижение.</i>
4. Актуальность предлагаемых исследований.
<i>В сравнении с существующими аналогами.</i>
5. Ожидаемые результаты.
6. Прогнозируемый уровень вклада в повышение боевых возможностей, тактико-технических и экономических характеристик ВВСТ.
<i>Краткое описание достижения с указанием качественных и количественных характеристик (функциональных, экономических, эксплуатационных, надежностных, массогабаритных и т.д.) достижения в сравнении с существующими.</i>
<i>Допускается использование фотоматериалов, схем и пр.</i>
7. Уровень готовности достижения к апробации.
<i>Готово, требует времени на доработку.</i>
8. Организации, привлекаемые к проведению апробации достижения.
9. Место проведения эксперимента.
10. Требуемые объемы финансирования на проведение апробации достижения (млн. руб.).
11. Краткий замысел проведения апробации достижения.

Рис. 1. Форма сбора сведений о научных и технологических достижениях в интересах внедрения в образцы ВВСТ

актуальность приобретает разработка научно-методических подходов к выявлению наиболее значимых (с точки зрения возможности использования в образцах вооружения) научных и технологических достижений. В настоящем исследовании представлен один из возможных подходов к военно-технической оценке научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК, предусматривающий комбинированное применение методики оценки компетентности экспертов [5], метода анализа иерархий Т. Саати [6, 7] и метода многокритериального потокового ранжирования [8].

В качестве исходных данных для определения наиболее значимых инновационных разработок, имеющих перспективу военного применения, использовались сведения, предоставленные организациями РАН, высшей школы и предприятиями промышленности. Для сбора сведений была разработана соответствующая унифицированная форма (рис. 1), обеспечивающая единство представления информации о достижениях и повышение эффективности информационного обеспечения ученых и специалистов научно-исследовательских организаций (НИО) Минобороны России, Российской академии ракетных и артиллерийских наук (РАРАН), Академии военных наук (АВН) и других организаций, осуществляющих их экспертизу и оценку целесообразности использования в образцах ВВСТ.

Набор показателей для проведения военно-технической оценки научных и технологических достижений (инновационных разработок) ор-

ганизаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК был сформирован на основе анализа научно-технической литературы, посвященной вопросам разработки и реализации технологий и инноваций, в том числе в военной сфере [2, 9, 10]. Сформированный набор показателей включает в свой состав такие частные показатели, как уровень новизны инновационных разработок, уровень их готовности, уровень реализуемости инновационных разработок, их военно-техническая эффективность, а также стоимость. Данная система показателей, на наш взгляд, является непротиворечивой и достаточной для решения поставленной задачи. Вербально-числовые шкалы для проведения оценки по данным показателям представлены в табл. 1-4.

При решении задачи военно-технической оценки научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК учитывается неравнозначность приведенных выше показателей оценки [7]. Информацию об относительной важности частных показателей оценки предоставляют эксперты. Коэффициенты относительной важности рассматриваемых показателей определяются с использованием метода собственных значений Т. Саати [5,6,7]. При этом выбор и определение компетентности экспертов для решения рассматриваемой задачи осуществляется с использованием методики, основывающейся на комбинации эвристического и статистического методов оценки компетентности с учетом информации о научном потенциале экспертов, полученной документальным способом [11].

Таблица 1

Вербально-числовая шкала оценки уровня новизны инновационных разработок

Описание уровня новизны	Числовое значение
Обобщена известная научная информация или описаны отдельные элементарные факты (объекты, свойства, отношения), данные опытов, результаты наблюдений или измерений (научная новизна отсутствует)	0
Проведен анализ связей и взаимозависимостей между фактами. Дана классификация фактов. Выдвинуты предложения частного характера, не дающие преимуществ по сравнению с существующими методами, способами, устройствами, веществами	2
Впервые раскрыта связь между известными фактами или известные положения распространены на новые объекты, в результате чего найдены более эффективные решения. Выдвинуты предложения по частичным прогрессивным изменениям существующих методов, способов, устройств, веществ	4
Проведен глубокий анализ многоаспектных связей и взаимозависимостей с их объяснением и научной систематизацией. Значительно расширена область научного знания, введены новые понятия, по-новому или впервые объяснены известные факты и, на этой основе, получены новые зависимости, раскрыта структура содержания. Произведено коренное усовершенствование существующих методов, способов, устройств, веществ	8
Сделано открытие, получена принципиально новая научная информация, открыты принципиально новые факты, законы и (или) закономерности, разработана новая теория. Созданы принципиально новые методы, способы, устройства, вещества	16

Таблица 2

Вербально-числовая шкала оценки уровня готовности инновационных разработок

Описание уровня готовности	Числовое значение
Выявлены и изложены основные принципы разработки технологии	1
Сформулированы концепция технологии и область ее применения	2
Определены аналитические и экспериментальные критические функции (свойства) или/и характеристики технологии	3
Проверена работоспособность технологии подсистемы на математической модели или в лабораторных условиях	4
Проверена работоспособность технологии в прототипе подсистемы в лабораторных условиях	5
Проведены испытания технологии в экспериментальном образце подсистемы в лабораторных условиях	6
Проведены испытания технологии в экспериментальном образце подсистемы на испытательной базе ОПК	7
Определен окончательный облик подсистемы, в которой применяется новая технология, проведены полигонные испытания	8
Подтверждена эффективность действующей подсистемы, в которой применяется новая технология, во время решения боевых задач	9

Таблица 3

Вербально-числовая шкала оценки уровня реализуемости инновационных разработок

Описание уровня реализуемости	Числовое значение
Определены теоретические принципы производства технологии	1
Разработана концепция производства технологии	2
Проведены расчеты работоспособности концепции производства технологии	3
Технология производства апробирована в лабораторных условиях	4
Подтверждена возможность создавать отдельные компоненты технологии на экспериментальном производстве	5
Подтверждена возможность создавать технологию на экспериментальном производстве	6
Подтверждена возможность серийного производства технологии на предприятиях промышленности	7
Испытания экспериментальной производственной линии, начато опытно-крупносерийное производство с низкой скоростью	8
На экспериментальной линии с низкой скоростью установлена возможность перехода к полноценному серийному производству технологии	9
Освоен полный цикл серийного производства технологии	10

Таблица 4

Вербально-числовая шкала оценки военно-технической эффективности инновационных разработок

Описание уровня военно-технической эффективности	Числовое значение
ТТХ образцов ВВСТ повышаются незначительно	1
ТТХ образцов ВВСТ повышаются существенно	2
ТТХ образцов ВВСТ повышаются весьма существенно	3
ТТХ образцов ВВСТ повышаются в несколько раз	4
ТТХ образцов ВВСТ повышаются на порядок	5

В основу военно-технической оценки научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК положен метод многокритериального потокового ранжирования, алгоритм которого в обобщенном виде может быть представлен следующими шагами:

- Шаг 1. Выбор типа функций предпочтения и задание их параметров по каждому из критериев.
- Шаг 2. Определение матриц парных сравнений разработок по каждому из критериев.
- Шаг 3. Расчет матрицы индексов многокритериального предпочтения на множестве разра-

боток и построение взвешенного графа предпочтений.

Каждый элемент матрицы индексов многокритериального предпочтения определяется по формуле:

$$P(a_i, a_j) = \sum_{k=1}^m w_k P_k(a_i, a_j), i, j = \overline{1, n}, \quad (1)$$

где $P_k(a_i, a_j)$ – элемент матрицы парных сравнений разработок по k -му показателю;

w_k – коэффициент относительной важности k -го показателя.

Индекс многокритериального предпочтения характеризует интенсивность предпочтения разработки a_i по отношению к разработке a_j одновременно по всем критериям. Этот индекс представляет собой положительное число в интервале от 0 до 1, причем чем ближе величина индекса предпочтения к 1, тем разработка a_i считается более предпочтительной, чем разработка a_j .

Используя матрицу индексов многокритериального предпочтения можно построить граф предпочтений, вершинам которого соответствуют рассматриваемые разработки.

Шаг 4. Расчет исходящих потоков.

Для каждой из вершин графа предпочтений рассчитывается величина

$$\Phi^+(a_i) = \sum_{j=1, j \neq i}^n P(a_i, a_j), i = \overline{1, n}, \quad (2)$$

называемая исходящим потоком. Эта величина является мерой превосходства разработки a_i над всеми остальными. Величина исходящего потока является суммой всех весов, стоящих на исходящих из вершины a_i дугах (рис. 2).

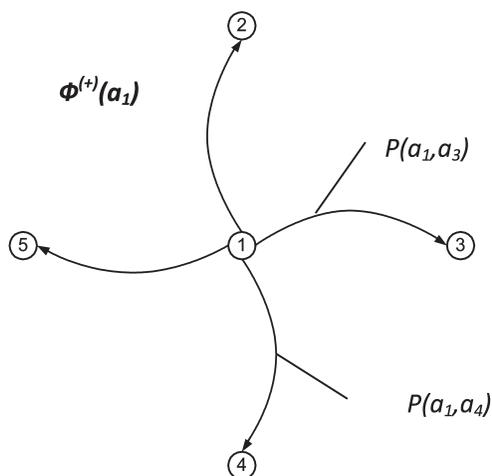

Рис. 2. Исходящие потоки для a_1

Шаг 5. Расчет входящих потоков.

Величины входящих потоков определяются также для каждой вершины графа предпочтений (рис. 3)

$$\Phi^-(a_i) = \sum_{j=1, j \neq i}^n P(a_j, a_i), i = \overline{1, n}. \quad (3)$$

Эта величина является мерой того, насколько разработка a_i уступает всем остальным оцениваемым разработкам по всей совокупности показателей.

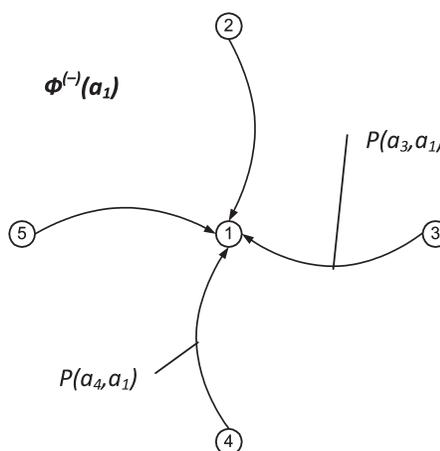

Рис. 3. Входящие потоки для a_1

Шаг 6. Расчет суммарных потоков.

Для каждой вершины графа предпочтений, а, следовательно, и для каждой оцениваемой разработки рассчитывается величина

$$\Phi(a_i) = \Phi^+(a_i) - \Phi^-(a_i), i = \overline{1, n}. \quad (4)$$

Шаг 7. Формирование результирующего упорядочения разработок.

В методе многокритериального потокового ранжирования для установления результирующего упорядочения альтернатив по совокупности показателей используется следующее правило:

$a_i P a_j$ (разработка a_i предпочтительнее разработки a_j), если $\Phi(a_i) > \Phi(a_j)$;

$a_i I a_j$ (разработка a_i неразличима с разработкой a_j), если $\Phi(a_i) = \Phi(a_j)$.

Это правило является основным для решения задачи выявления наиболее значимых научных и технологических достижений в интересах их использования при создании перспективных, в том числе нетрадиционных, образцов ВВСТ.

Однако в ряде случаев для более детального обоснования и интерпретации полученных результатов, а также дополнительных аналитических исследований предлагается разновидность метода многокритериального потокового ранжирования. В этой разновидности метода (обо-

значим его МПР-И) в исследовательских целях может быть получено частичное упорядочение наиболее значимых научных и технологических достижений с использованием положительных и отрицательных потоков по следующему правилу:

$$\left\{ \begin{array}{l} a_j P a_i, \text{ если } \left\{ \begin{array}{l} \Phi^+(a_j) \geq \Phi^+(a_i) \text{ и } \Phi^-(a_j) < \Phi^-(a_i), \\ \Phi^+(a_j) > \Phi^+(a_i) \text{ и } \Phi^-(a_j) = \Phi^-(a_i), \end{array} \right. \\ a_j I a_i, \text{ если } \Phi^+(a_j) = \Phi^+(a_i) \text{ и } \Phi^-(a_j) = \Phi^-(a_i), \\ a_j R a_i, \quad \text{в ином случае,} \end{array} \right. \quad (5)$$

где P , I и R – отношения предпочтения, неразличимости и несравнимости соответственно.

Апробация предлагаемого подхода и подтверждение его работоспособности проводилась на основе исходных данных, полученных по результатам мониторинга организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК. В ходе проведения анкетирования были собраны сведения о более чем 100 разработках, имеющих, по мнению заявителей, потенциальные перспективы для использования в военной сфере. К проведению экспертизы были привлечены ученые и специалисты НИО Минобороны России, РАРАН, АВН, представители организаций и предприятий ОПК, РАН и высшей школы в соответствии со сферами их деятельности. Квалификация привлекаемых специалистов определялась с помощью методики оценки компетентности экспертов [11]. В соответствии с изложенной выше процедурой, основанной на применении метода анализа иерархий Т. Саати, были определены весовые коэффициенты показателей военно-технической оценки научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК (табл. 5).

Таблица 5

Весовые коэффициенты показателей военно-технической оценки научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК

Наименование показателя	Весовой коэффициент
Уровень новизны инновационных разработок	0,2
Уровень готовности инновационных разработок	0,3
Уровень реализуемости инновационных разработок	0,1
Военно-техническая эффективность инновационных разработок	0,3
Стоимость инновационных разработок	0,1

С использованием полученных значений весовых коэффициентов показателей на основе приведенного выше алгоритма многокритериального потокового ранжирования была проведена военно-техническая оценка научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК. Фрагмент таблицы, содержащей значения входящих, исходящих и суммарных потоков, а также итоговую оценку разработок, представлен на рис. 4.

Отбор наиболее значимых технологических разработок производился в соответствии со следующим правилом

$$\left. \begin{array}{l} i\text{-ая разработка относится к категории перспективных,} \\ \text{если } \Phi^{\text{норм}}(a_i) \geq 0,7; \\ \text{для отнесения } i\text{-ой разработки к определенной категории} \\ \text{требуется дополнительные исследования,} \\ \text{если } 0,3 < \Phi^{\text{норм}}(a_i) < 0,7; \\ i\text{-ая разработка не относится к категории} \\ \text{перспективных, если } \Phi^{\text{норм}}(a_i) \leq 0,3. \end{array} \right\}$$

где $\Phi^{\text{норм}}(a_i)$ – итоговые оценки инновационных разработок, полученных организациями промышленности, РАН и высшей школы и имеющих перспективу военного использования, $\Phi^{\text{норм}}(a_i) \in [1]$.

Согласно указанному правилу, к числу наиболее значимых были отнесены 22 достижения. В их число вошли такие достижения РАН, высшей школы и предприятий ОПК, как электростатический взрыватель для поражения малозаметных беспилотных летательных аппаратов, малогабаритный роботизированный комплекс инженерной разведки, комплекс подавления приемной аппаратуры всех существующих навигационных систем, высокоэффективный боевой элемент многофакторного поражающего действия, технология радиолокационного обнаружения малозаметных воздушных, наземных и заглубленных в грунт целей в одном цикле зондирования, а также ряд других разработок прорывного характера.

Таким образом, в статье предложены научно-методические основы военно-технической оценки научных и технологических достижений организаций РАН, высшей школы и предприятий ОПК. Данный подход позволяет из множества результатов научных исследований и технологических разработок выбрать с использованием предложенного набора показателей те достижения, которые обладают наибольшим потенциалом для использования при создании перспективных, в том числе нетрадиционных, образцов ВВСТ, а также для парирования информацион-

№ п/п	Наименование достижения	Исходящие потоки	Входящие потоки	Суммарные потоки	Итоговая оценка
1.	Унифицированный комплекс программно-технических средств	6,0	14,8	-8,79	0,23
2.	Технология распределенного имитационного моделирования боевых действий...	6,3	12,2	-5,95	0,28
3.	Специальное программно-алгоритмическое и аппаратное обеспечения для выделения в оптическом цифровом изображении космических объектов...	10,7	8,8	1,88	0,41
4.	Бистатическая пассивная радиолокационная станция	5,1	15,6	-10,57	0,20
5.	Комплекс технических средств для статической и динамической балансировки антенных постов....	3,9	16,2	-12,27	0,17
6.	Быстродействующий гидравлический привод	2,7	17,3	-14,64	0,13
7.	Система синхронизации выдвигания штоков силовых гидроцилиндров в составе позиционного гидропривода....	4,6	15,7	-11,09	0,19
8.	Мобильная передвижная вышка для антенных систем...	7,8	24,2	-16,39	0,10
9.	Электромеханический привод открывания крышки для корабельной подпалубной вертикальной пусковой установки.....	2,5	18,9	-16,36	0,10
10.	Электростатический взрыватель для поражения малозаметных беспилотных летательных аппаратов....	29,1	1,2	27,90	0,86

102.	Система аккумулирования и хранения тепловой энергии двигателей внутреннего сгорания ...	22,3	2,4	19,87	0,72
103.	Специализированные алгоритмы и прикладное математическое обеспечение для автоматизированной системы управления	4,2	16,0	-11,84	0,18

Рис. 4. Фрагмент таблицы, содержащей результаты военно-технической оценки

ных, психологических, кибернетических и других угроз. Проведена апробация предложенного подхода, подтвердившая его работоспособность и адекватность используемых для оценки показателей.

Применение разработанного подхода обеспечит, по мнению авторов, возможность значительной экономии финансовых и временных ресурсов на проведение практической апробации (демонстрационных испытаний) достиже-

ний, предлагаемых академическим и вузовским сектором науки, а также промышленностью, в перспективных, в том числе нетрадиционных образцах ВВСТ.

К основным направлениям совершенствования предложенного в настоящем материале подхода, может быть отнесена разработка методики формирования «портфеля» научных и технологических достижений с учетом перспектив их использования в военной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья подготовлена в соответствии с грантом Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6464.2015.10.
2. Буренок В.М. Технологические и технические основы развития вооружения и военной техники. – М.: Граница, 2010.
3. Anton S.; Silbergliit R.;Schneider J. The Global Technology Revolution: bio/nano/materials trends and their synergies with information technology by 2015. RAND, 2001.
4. Гордиенко Д.В. Военно-экономическая безопасность государства. – М: ВАГШ ВС РФ. – 2008.
5. Дэвид Г. Метод парных сравнений. – М.: Статистика, 1978.
6. Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. – М.: Экономика, 1984.
7. Литвак Б.Г. Экспертные оценки и принятие решений. – М.: Патент, 1996.
8. Емельянов С.В.; Ларичев О.И. Многокритериальные методы принятия решений. – М.: Знание, 1985.
9. Буренок В.М.;Ивлев А.А.;Корчак В.Ю. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация. – Тверь: Издательство ООО «КУПОЛ», 2009.
10. Зуев Ю.Ю. Основы создания конкурентоспособной техники и выработки эффективных решений. – М.: Издательский дом МЭИ, 2006.
11. Лясковский В.Л.;Смирнов С.С.;Пронин А.Ю. Методика оценки компетентности экспертов в процессе формирования предложений в проекты программных документов // Электронный научный журнал «Вооружение и экономика».- 2013.- № 3(24).

Ф.А. URAZBAKHTIN,
О.Р. KARAVAEVA

Ф.А. УРАЗБАХТИН,
О.П. КАРАВАЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ

HISTORICAL ASPECTS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF STRATEGIC BOMBERS IN THE RUSSIAN ARMED FORCES

Рассмотрено в историческом аспекте развитие стратегических бомбардировщиков в Вооруженных Силах России. Выявлены особенности компоновок бомбардировщиков и сделаны предложения дальнейшего развития военной стратегической авиации.

Historically, the development of strategic bombers in the Russian Armed Forces. Peculiarities of the configurations of bombers and made suggestions for further development of military aviation.

Ключевые слова: бомбардировщик, ракеты, дальность, дозаправка, двигатель, конструкция, невидимость.

Keywords: bomber, missile, range, refueling, engine, design, invisibility.

Интенсивное развитие стратегической авиации в Советском Союзе началось во время Великой Отечественной войны. Первым бомбардировщиком дальней авиации был Пе-8. С его помощью наносились бомбовые удары по Германии и по территориям его союзников.

На рис.1 представлены этапы создания стратегических бомбардировщиков (в период до 1997 г.) [1].

В 1943 г. работы по созданию бомбардировщика были начаты в КБ А.Н. Туполева. Они начались с принятия решения о создании копии американского бомбардировщика – В-29. В 1947 г. в КБ Туполева такой бомбардировщик был создан и получил название Ту-4. В отличие от американского варианта бомбардировщик Ту-4 был оснащен отечественным двигателем и более мощным стрелково-пушечным вооружением. До 1952 г.

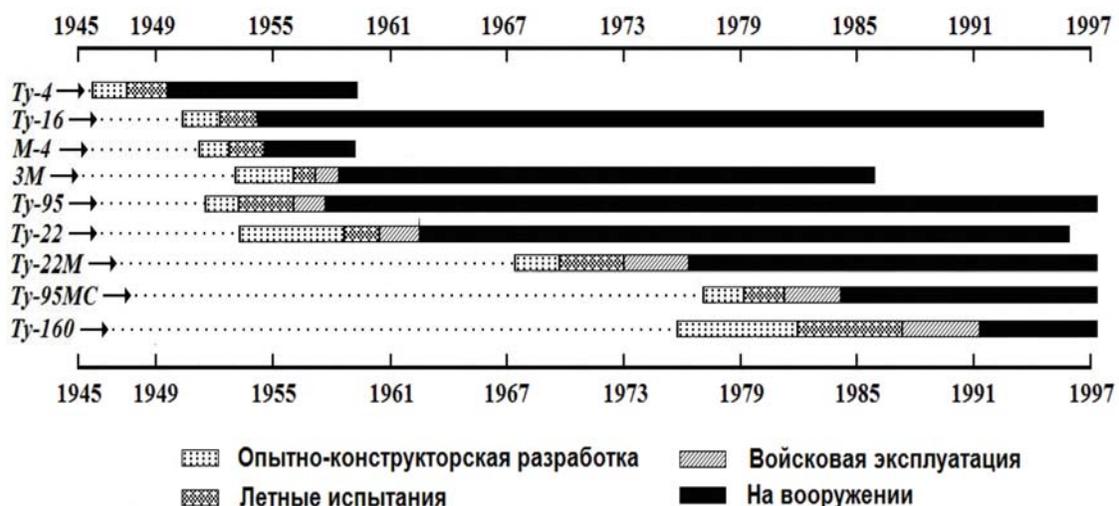

Рис. 1. Основные этапы создания стратегических бомбардировщиков

в стране было выпущено 847 таких бомбардировщиков. Именно эти машины в дальнейшем были переоборудованы в носители бомб с ядерными зарядами.

В стремлении найти противоядие действиям вероятного противника процесс развития вооружения в стране привел к необходимости создания транспортных средств доставки ядерных зарядов с межконтинентальной дальностью полета. Одним из таких средств являются бомбардировщики. Для достижения ими межконтинентальной дальности полета было предложено:

а) создать или модернизировать существующие средства дозаправки бомбардировщиков топливом в воздухе;

б) создавать принципиально новые или кардинально усовершенствовать авиационные транспортные средства доставки ядерных зарядов.

Работы, связанные с дозаправкой самолетов в воздухе, были начаты в 1948 г. в КБ Бахмистрова. Первоначально была рассмотрена возможность дозаправки после промежуточной посадки самолета на поверхность воды или на дрейфующую льдину. Этот вариант заправки не нашел продолжения развития. Тем не менее был накоплен опыт проведения дозаправок и создан более совершенный вариант самолета-заправщика, в качестве которого выступал модернизированный бомбардировщик Ту-4.

В 1951 г. в КБ Туполева был создан самолет под номером «85», который с бомбовой нагрузкой 5 тонн достигал дальности полета около 12 000 км. Этот самолет был оснащен поршневыми двигателями, которые к моменту создания транспортного средства оказались неэффективными.

В ходе научных изысканий было предложено использовать турбореактивные двигатели. На основе испытаний, проведенных КБ Туполева по предложению Мяснищева, бомбардировщики стали оснащаться турбореактивными двигателями, на которых дальность полета удастся увеличить до 12 000 км.

В 1953 г. было образовано ОКБ-23 во главе с В.М. Мяснищевым, создавшее самолет М-4, который в 1954 г. стал выпускаться серийно.

12 ноября 1952 г. самолет КБ Туполева – 95/1 совершил свой первый полет. На его основе был создан самолет-бомбардировщик – 95/2, оснащенный двигателями НК-12. Самолет был поставлен на вооружение бомбардировочной авиации в 1956 г.

В этом же году в КБ Мяснищева был создан более экономичный самолет – 3М, который имел мощные двигатели.

В 1956 г. СССР обладал межконтинентальными бомбардировщиками Ту-95 и 3М, которые являлись средствами доставки ядерных зарядов и бомб, способными преодолевать межконтинентальные расстояния – 12 000 км. Для достижения такой дальности полета для этих машин бомбардировщики М-4 были переоборудованы в заправщики.

Дозаправка проводилась по схеме «шланг-конус». Эти самолеты-заправщики были способны осуществлять посадку и взлет со снежных аэродромов в Арктике. Для этого в 1958 г. была отработана посадка самолетов Ту-95 на аэродром, оборудованный на дрейфующей льдине.

Одновременно проводились работы по оснащению бомбардировщиков крылатыми ракетами.

Первые работы в области создания крылатых ракет начаты в стране в первой половине 50-х годов. Это были противокорабельные ракеты с активной радиолокационной системой наведения. Ракетой воздушного базирования стала – КС-1, созданная в КБ Микояна.

Противокорабельными ракетами оснащались бомбардировщики Ту-4 и Ту-16КС, находившиеся в составе авиации Военно-морского флота. В КБ Микояна под руководством А.Я. Березняка были созданы противокорабельные ракеты К-10С (АС-2), которые с 1960 г. размещались на самолетах Ту-16К-10, КСР-2 и К-11 (АС-5А и АС-5В).

Необходимость вооружения крылатыми ракетами бомбардировщиков стратегической авиации была вызвана всеобщим развитием зенитно-ракетных средств противовоздушной обороны и появлением реактивных истребителей, эффективность которых была такова, что делала практически невозможным поражение объектов неуправляемыми бомбами свободного падения.

В то же время наличие ракет у бомбардировщиков делает возможным успешное нанесение ударов с рубежей, находящихся за пределами действия средств объектовой ПВО.

К середине 50-х годов была разработана сверхзвуковая крылатая ракета Х-20 (АС-3) с дальностью полета 350-400 км. Ракета входит в состав авиационного ракетного комплекса, находящегося на борту самолета Ту-95К-20. Первые пуски этих ракет состоялись в 1957 г., а в 1959 г. самолет Ту-95К с таким ракетным комплексом уже был принят на вооружение. Промышленность про-

извела 15 самолетов Ту-95К-20, поставленных на вооружение.

Однако с размещением ракет на борту бомбардировщиков возникла проблема значительного уменьшения дальности полета.

Первоначально прорабатывался вариант размещения ракет Х-20 на бомбардировщиках ЗМ. Однако работы в этом направлении были прекращены из-за низкой посадки самолета. «Велосипедная» конструкция шасси не позволяла размещать ракету под фюзеляжем бомбардировщика. Тем не менее это были первые шаги в оснащении боевых самолетов крылатыми ракетами.

Одновременно с созданием бомбардировщиков с межконтинентальной дальностью полета осуществлялась разработка бомбардировщика, который должен был заменить Ту-4 для проведения военных действий на меньших дальностях.

В 1948 г. работы над созданием такого бомбардировщика проводились в нескольких конструкторских бюро.

В КБ Туполева это был самолет «88», проект самолета Ил-46 – в КБ Ильюшина.

В 1950 г. было принято решение о начале разработки самолета «88», опытный образец которого совершил первый полет 27 апреля 1952 г. Вскоре было принято решение о серийном производстве самолета, получившего обозначение Ту-16. Уже в начале 1954 г. этот бомбардировщик начал поступать в воинские части.

После завершения работы по созданию Ту-16 в КБ Туполева были начаты работы по созданию сверхзвукового бомбардировщика. Еще до первого полета опытного образца нового самолета (21 июня 1958 г., самолет – 105) в апреле 1958 г. было принято решение о доработке конструкции и создании следующего варианта самолета – 105А, оснащенного более мощными двигателями.

7 сентября 1959 г. этот самолет совершил первый полет, а вскоре было принято решение о начале его серийного производства. Самолет получил обозначение Ту-22. Бомбардировщик Ту-22 был принят на вооружение в 1962 г. В составе дальней авиации (как рода войск) к этому времени находилось 10 самолетов Ту-22Б – варианта, оборудованного для доставки неуправляемых бомб. Дальнейшее развитие бомбардировщиков предполагало использование более мощного двигателя.

В начале 60-х годов была пересмотрена военная доктрина, непосредственно повлиявшее на дальнейшее развитие дальней авиации, авиа-

ционной научно-исследовательской и производственной базы. В этой доктрине основная роль в решении стратегических задач на ближних и дальних театрах военных действий отводилась баллистическим ракетам наземного базирования.

Для решения этих задач в декабре 1959 г. был специально создан новый вид Вооруженных сил – Ракетные войска стратегического назначения.

Уже в 1960 г. была проведена реорганизация дальней авиации, в ходе которой были расформированы воздушные армии, подчинявшиеся непосредственно Верховному Главнокомандующему. Стратегические бомбардировщики были сведены в авиационные корпуса и подчинены командованию Военно-воздушных сил. Работа большинства конструкторских бюро была переориентирована на ракетную тематику, а авиационных заводов – на производство баллистических ракет.

Была проведена ликвидация ОКБ-23 В.М. Мясищева, а его производственная база передана конструкторскому бюро ОКБ-52 В.Н.Челомея.

Все эти преобразования в начале 60-х годов привели к остановке работ в области создания межконтинентальных бомбардировщиков. Действия конструкторских бюро ограничивались, в основном, совершенствованием существующих авиационных ракетных комплексов. Создание новых ракетных комплексов было ориентировано на бомбардировщики, находящиеся на вооружении.

В 60-х годах XX века были продолжены исследования по созданию системы дозаправки стратегических бомбардировщиков в полете типа «шланг-конус» для самолета Ту-95К. Необходимость проведения дозаправки была вызвана также тем, что дальность полета самолета, оснащенного ракетой, существенно уменьшалась.

Серийное производство оснащенных системой дозаправки бомбардировщиков Ту-95КД было налажено в 1962 г., а в 1963 г. они начали поступать на вооружение. В качестве заправщиков использовались самолеты М-4-2.

Параллельно с этими работами были оснащены системой дозаправки бомбардировщики Ту-22. Здесь в качестве заправщиков использовали переоборудованные самолеты Ту-163.

Расширение возможностей средств противовоздушной обороны привело к необходимости в начале 60-х годов вести поиск способов ее преодоления.

Одним из таких способов являлся полет на малых высотах. Для этого на малых высотах проводились испытательные полеты бомбардировщиков Ту-95 и ЗМ.

Кроме этого, была проведена разработка крылатых ракет воздушного базирования. В 60-х годах крылатые ракеты КСР-5 (AS-6) и X-22 (AS-4) первоначально размещались на бомбардировщиках Ту-22.

Ракета КСР-5 имела дальность пуска 300 км. Она была создана как в противокорабельном варианте, а также в оснащении с ядерной боевой частью. Эти ракеты вошли в состав авиационно-ракетных комплексов Ту-16К-10-26 и Ту-16К-26.

Основной разработкой, осуществленной в 60-х годах, стал сверхзвуковой бомбардировщик. Однако его характеристики не вполне устраивали Военно-воздушные силы страны.

Тактико-технические требования на него были разработаны в 1961 г. Предполагалось, что бомбардировщик будет обладать радиусом действия 2000 км и оснащен 2-3 сверхзвуковыми ракетами большой дальности.

В 1962 г. был проведен конкурс на создание нового бомбардировщика, в котором приняли участие конструкторские бюро А.Н. Туполева, П.О. Сухого и А.С. Яковлева. В этом конкурсе победил проект создания самолета Т-4 КБ Сухого, который должен быть оснащен ракетой X-45 КБ «Радуга».

Но КБ Сухого столкнулось с проблемой высокой стоимости реализации этого проекта. В 1964 г. А.Н. Туполев подготовил проект самолета «145», являющийся недорогой модернизацией существующего самолета Ту-22. После опытно-конструкторской разработки этот проект самолета получил обозначение Ту-22М.

В 1967 г. было принято решение о налаживании серийного производства Ту-22М на авиационном заводе в Казани.

При этом заявка на производство Т-4 на этом предприятии была сокращена с 250 машин до 50. Эти 200 машин предполагалось выпускать на Тушинском заводе в Москве. Опытный образец самолета Т-4 совершил первый полет уже в августе 1972 г. Однако работы по его созданию были приостановлены сразу после начала серийного производства самолетов Ту-22М2.

Создание первого экземпляра самолета Ту-22М, было закончено в августе 1969 г. В 1969-1971 гг. была построена серия из девяти самолетов Ту-22М, а в 1971-1972 гг. – самолеты Ту-22М1. Се-

рийным вариантом стал самолет Ту-22М2, производство которого было начато в 1972 г.

Бомбардировщики на основе этих самолетов способны нести до трех ракет X-22. Они были приняты на вооружение в 1976 г.

Появление бомбардировщика Ту-22М2 стало причиной разногласий в 70-х годах на переговорах об ограничении стратегических вооружений между СССР и США.

США считали, что бомбардировщик Ту-22М способен наносить удары по территории США и должен учитываться при подсчете общего количества стратегических носителей. В то же время Советский Союз считал, что этот бомбардировщик не обладает стратегическими возможностями. В результате достигнутого компромисса Советский Союз при подписании Договора ОСВ-2 в 1979 г. обязался не оснащать эти бомбардировщики системой дозаправки в воздухе и не производить более 30 бомбардировщиков в год [1].

Основными организациями, занимающимися созданием таких бомбардировщиков, являются ОКБ А.Н. Туполева и ОКБ-23 В.М. Мясищева, которые оснащаются крылатыми ракетами X-55 (по классификации НАТО – AS-15 «Kent»).

Они разработаны в МКБ «Радуга» (г. Дубна, Московская область). Производство этой ракеты с 1983 г. осуществлял Дубнинский машиностроительный завод.

Ракета X-55 совершает полет на дозвуковых скоростях на предельно малых высотах с огибанием рельефа местности. Она применяется для уничтожения с помощью ядерной боеголовки мощностью 200 кт стратегически важных стационарных наземных целей с заранее известными координатами. Система наведения у ракеты – инерциальная с коррекцией на конечном участке траектории полета.

Ракета имеет следующие тактико-технические характеристики: длина – 8,09 м; диаметр корпуса – 0,77 м; размах крыльев – 3,10 м; стартовая масса – 1700 кг; скорость полета – 600-970 км/ч; дальность полета – 3000 км; круговое вероятное отклонение – 150 м; двигатель – турбореактивный, Р-95-300.

Продолжением развития этой ракеты является X-55СМ, обладающая большей дальностью за счет дополнительных топливных баков. Этот вариант – РКВ-500Б в 1999 г. был испытан и известен как X-555.

В настоящее время в России ведется работа над новой крылатой ракетой. Она в обычном

оснащении известна как Х-101(вариант ракеты в ядерном оснащении известен как Х-102).

Гиперзвуковая аэробаллистическая ракета Х-15 (РКВ-15 по классификации НАТО – AS-16 «Kickback») имеет компоновку ракеты Х-15. Она совершает полет по баллистической траектории до высоты около 40 000 метров, а затем снижается к цели, развивая скорость до 6000 км/час. В качестве цели могут выступать стратегически важные стационарные наземные объекты целей с заранее известными координатами.

Ракета имеет следующие тактико-технические характеристики: система наведения – инерциальная без коррекции; двигатель – твердотопливный, двухкамерный, РДТТ-160; длина – 4,78 м; диаметр корпуса – 0,455 м; размах крыльев – 0,92 м; стартовая масса – 1200 кг; максимальная скорость полета – 6000 км/час; максимальная дальность пуска – 300 км; максимальная высота полета – 40 км; масса боевой части – 150 кг; мощность ядерной БЧ – до 350 кт, круговое вероятное отклонение – 5-8 м.

Ракета Х-15 имеет бескрылую схему с консольным цельноповоротным оперением. При большой скорости полета корпус ракеты испытывает значительные аэродинамические нагрузки и нагрев.

Для обеспечения требуемого запаса прочности корпус выполнен из титана, имеет наружную теплозащиту и внутреннюю теплоизоляцию. Поверхность планера ракеты покрыта специальным металлизированным покрытием для улучшения отражательных характеристик при радиолокационном облучении. Пуск ракет Х-15 производится с помощью многопозиционной роторной (револьверного типа) установки МКУ6-1 [2].

Таблица 1

Сравнительная характеристика бомбардировщиков

Характеристики	Бомбардировщик	
	ТУ-95 МС	ТУ-160
Максимальная скорость, км/ч.	925	1030
Дальность полета, км	15000	14600
Практический потолок, м	12000	15000
Длина, м	47,1	54,1
Размах крыльев, м	50,1	55,7/50,7/35,6
Высота, м	13,2	13,1
Боевая нагрузка, кг	12000	40000
Экипаж, чел.	7	4

Бомбардировщик Ту-95МС оснащен турбовинтовыми двигателями. 30 июля 2010 г. был установлен мировой рекорд беспосадочного полета для самолетов такого класса. Бомбардировщик Ту-95МС пролетел около 30 000 километров, над тремя океанами, совершив четыре дозаправки в воздухе. Тактико-технические характеристики этого самолета представлены в табл.1.

Ударное вооружение бомбардировщика состоит из шести крылатых ракет большой дальности Х-55, размещенных в бомбовом отсеке. Вариант бомбардировщика Ту-95МС16 может дополнительно нести до 10 крылатых ракет, размещаемых на пилонах под крыльями, но дальность бомбардировщика при этом значительно уменьшается.

Сверхзвуковой стратегический бомбардировщик-ракетоносец Ту-160 с изменяющейся стреловидностью крыла (по классификации НАТО – Blackjack) был разработан в КБ А.Н. Туполева. Серийное производство самолета происходило в 1984-1992 гг., а с 1999 г. – на авиационном заводе в г.Казани. Этот ракетоносец обладает крупнейшей среди бомбардировщиков максимальной взлетной массой и боевой нагрузкой. Самолет получил прозвище «Белый лебедь».

Эти бомбардировщики (Ту-160), ныне состоящие на вооружении, оснащены стратегическими крылатыми ракетами Х-55 (12 единиц на двух многопозиционных ПУ револьверного типа), способные поражать стационарные цели. Координаты таких целей вводятся в память ракеты перед вылетом бомбардировщика. Противокорабельные варианты ракет имеют радиолокационную систему самонаведения [3].

Для поражения целей, находящихся на меньшей дальности, используются аэробаллистические гиперзвуковые ракеты Х-15 (24 единицы на четырех пусковых установках), входящие в состав вооружения самолета [3].

Бомбовое вооружение Ту-160 считается оружием «второй очереди», предназначенным для поражения целей после первого, ракетного удара бомбардировщика. Оно размещается в отсеках вооружения и включает управляемые бомбы различных типов, в частности, – бомбы серии КАБ-1500 массой 1500 кг.

Самолет может оснащаться также свободнопадающими бомбами различного калибра, содержащими ядерные боезаряды в разовых кассетах, и морскими минами. Общий вес бомбовой нагрузки составляет около 40 000 кг.

В 2009 г. Министерство обороны России и конструкторское бюро имени Туполева подписали контракт на проведение научно-исследовательских работ по созданию перспективного авиационного комплекса дальней авиации.

Основным его элементом являются самолеты, к которым предъявляются следующие технические требования: полное применение технологии малозаметности; наличие нового прицельно-навигационного комплекса средства связи, способность проводить разведку и радиоэлектронную борьбу. При этом тактико-технические характеристики должны быть значительно лучше существующих.

Современные стратегические бомбардировщики по сравнению с ракетными стационарными комплексами стратегического назначения обладают следующими преимуществами: оперативной возможностью отмены или изменения выполняемого боевого задания (например, связанного с изменением траектории полета); допускают многократное применение; большей способностью маневрирования; эффективным использованием в качестве ступени при выводе на полярные орбиты искусственных спутников Земли (то есть бомбардировщик может использоваться в качестве авиационно-космического комплекса).

Дальнейшее развитие стратегических бомбардировщиков предполагается проводить в следующих направлениях.

1. По конструкции.

Бомбардировщики должны обладать достаточно большой скоростью и иметь хорошие взлетно-посадочные характеристики. Для этого конструкция межконтинентального бомбардировщика должна иметь нормальную аэродинамическую схему с крылом изменяемой стреловидности, плавные сопряжения между фюзеляжем и крыльями самолета. В свою очередь, крыло состоит из поворотных консолей, средней части крыла, центроплана и механизма поворота.

2. По двигательной установке.

Целесообразно в стратегических бомбардировщиках использовать двигатели с большой степенью двухконтурности, малошумные и с низким потреблением топлива при высокой тяговой эффективности по сравнению с обычным турбореактивным вариантом двигателя.

Рекомендуется использовать 4 двигателя, размещаемые в двух гондолах под крылом. Для увеличения дальности полета и скорости реко-

мендуется совершенствовать турбореактивные двигатели в направлении экономичного потребления топлива.

Турбореактивный двигатель должен позволять ракете лететь с крейсерской скоростью на уровне 700-750 км/ч. Дальность полета может составлять до 5 000 км.

3. По вооружению.

Вооружение должно включать корректируемые и свободнопадающие бомбы, которые позволяют уничтожать любые типы наземных и морских целей.

Наибольшая боевая эффективность достигается при использовании крылатых ракет типа Х-101/Х-102 с осколочно-фугасной или ядерной боевой частью. Стартовая масса такой ракеты – 2400 кг, из которых 400 кг приходятся на боевую часть. Геометрические характеристики: длина – около 7,5 м, размах раскладываемого крыла не должен превышать 4,5-5 м, диаметр корпуса – около 0,75-0,80 м.

4. По используемым материалам.

В качестве основных конструкционных материалов хорошо себя зарекомендовали алюминиевые, а для сильно нагруженных узлов – титановые сплавы.

Целесообразно в обтекателях стыка крыла с фюзеляжем и в оперении использовать сотовые конструкции и стеклотекстолитовые выклейки. Значительный интерес представляет использование в конструкции самолета таких неметаллических материалов, как стеклотекстолит для изготовления силовых элементов, пластмасс, полиамидных смол.

Главным достоинством при использовании неметаллических материалов является снижение массы конструкции бомбардировщика.

5. По обеспечению защиты от средств ПВО.

Для обеспечения эффекта «невидимости» стоит совершенствовать технологию получения радиопоглощающих материалов на основе пленок гидрогенизированного углерода с наночастицами металлов и методы их напыления. Здесь возможно использование, например, граненного корпуса для снижения эффективной площади рассеивания.

6. По средствам обеспечения старта.

Опыт применения самолетов, взлетающих с палубы авианосца, заслуживает серьезного исследования применительно к тяжелым бомбардировщикам.

7. По надежности работы оборудования.

Поскольку отказ любого элемента этих си-

стем может привести к непредсказуемым последствиям, то следует усовершенствовать бортовой комплекс машины обнаружения РЛС ПВО противника и подавления помехами (или дезориентирования ложными целями), особенно в вопросах защиты всей системы управления от помех. Для этого следует постоянно совершенствовать цифровой помехозащищенный комплекс связи. Системы и датчики самолета должны функционировать в любое время суток и при любых метеоусловиях.

8. По работе системы дозаправки.

Необходимо усовершенствовать агрегаты дозаправки топливом в воздухе по схеме «шланг-конус» в направлении развития унифицированных подвесных агрегатов заправки. Безусловно, самолеты должны быть максимально адаптированы под такие системы.

Достоинство унифицированного подвесного агрегата заправки состоит в возможности крепления их под фюзеляж или на пилон. Энергию агрегат получает от набегающего потока воздуха. Для контроля процесса заправки на всех этапах необходимо создать электронную систему информирования, начиная с датчиков сигналов.

Максимальная дальность без дозаправки должна составлять около 15 000 км. Практический потолок должен составлять порядка 25 000 м, а нормальная взлетная масса около 300 т.

Таким образом, возможностей, имеющихся в отечественных стратегических бомбардировщиках, достаточно для выполнения поставленных боевых задач, и дальнейшее их развитие в России имеет большие перспективы как транспортного средства доставки боевых зарядов на большие расстояния.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Подвиг П.Л. Стратегическое ядерное вооружение России. -М.: ИздАТ, 1998.
2. Официальный сайт «Армейский вестник». Электронный ресурс: <http://army-news.ru/2010/09/strategicheskaya-aviaciya/>. (Последнее обращение 16.01.2016).
3. Официальный сайт «Военные новости». Электронный ресурс: http://dokwar.ru/publ/voenny_vestnik/novosti_armii/vvs_rossii_vybrali_dozvukov_oj_bombardirovshik_nevidimku/ 18-1-0-690. (Последнее обращение 16.01.2016).
4. Военно-информационный портал о стрелковом оружии, военной технике, вооружении и армиях мира. Электронный ресурс: <http://www.dogswar.ru/voennaia-aviaciia/samolety/4434-dalnii-bombardirovsh.html>. (Последнее обращение 14.09.2015).

СКОРОСТНЫЕ ВЕРТОЛЕТЫ: СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ HIGH-SPEED HELICOPTERS: THE SYSTEM ASPECT IN APPLICATION

В статье рассматривается проблема прикладного использования скоростных вертолетов в военных и гражданских целях с позиции системного рассмотрения их востребованности за более чем 60-летнюю мировую историю работ по освоению скоростных полетов на вертолетах. Оцениваются возможные области задач и условий их выполнения, где могут быть востребованы скоростные качества вертолетной техники.

The article deals with the problem on applied exploitation of high-speed helicopters for military and civil goals in the 60 years period of the world history of their active usage. The estimated possible areas of missions and conditions are claimed to be demanded for the high-speed quality performance of helicopters.

Ключевые слова: вертолетостроение, скоростной вертолет, системный аспект применения, военные задачи, гражданская сфера применения.

Keywords: helicopter engineering, high-speed helicopter, system aspect in application, military tasks, civil scope.

Вертолетостроение начала XXI века вступает в новую эпоху — эру практического освоения более высоких, чем это было прежде, скоростей полета для серийных вертолетов.

С момента зарождения авиации скорость постоянно была и остается на сегодня одним из главных показателей летного совершенства и летной конкурентоспособности любого вновь создаваемого летательного аппарата, как военного, так и гражданского применения.

На самолетах к настоящему времени пройдено несколько скоростных рубежей. Если в начале 1930-х годов самолет, достигший скорости 300 км/час, оценивался как обладающий очень хорошими скоростными качествами, то к концу 1930-х годов самолет с такой скоростью считался устаревшим. В 1950-х скорость 800–900 км/ч уже была нормой для гражданских самолетов, а для истребителей нормой стали сверхзвуковые скорости полета вплоть до двух Махов и более. В 1970-х годах рубеж в два Маха уже был преодолен и гражданскими лайнерами — советским Ту-144 и англо-французским «Конкордом». На сегодняшний день «самолетная» авиация временно зависла на рубеже от двух до трех с небольшим Махов, готовясь завоевать следующие, уже гиперзвуковые рубежи более четырех Махов.

Не стояла на месте и борьба за скорость вертолета, хотя достигнутые на сегодня результаты за более чем 60-летнюю мировую историю работ по освоению скоростных полетов на вертолетах не являются такими же бурными, как в самолетостроении. Тем не менее если первые серийные вертолеты, созданные в конце 1940-х — начале

50-х годов, обладали максимальной скоростью полета 180–220 км/час, то уже в 1970-х годах скорость в 230–240 км/ч стала нормой для крейсерских режимов полета. А на сегодняшний день современный классический вертолет (с несущим винтом без дополнительных устройств создания тяги вдоль продольной оси вертолета) может уже развить максимальную скорость горизонтального полета до 330 км/ч, а теоретически, за счет совершенствования аэродинамики и несущей системы вертолета — до 370 км/ч.

Очевидно, для классических схем вертолетов эта скорость на какое-то время останется тем пределом, на котором может зависнуть вертолетостроение в части дальнейшего развития скоростных свойств.

Возникает естественный вопрос: а нужна ли вертолету скорость выше привычного на сегодня рубежа в 300–350 км/ч, надо ли вертолету дальше повышать скорость? Ведь вертолет как воздушное судно в его сегодняшнем виде, с сегодняшними крейсерскими скоростями в 240–290 км/ч не только устойчиво занял нишу массового использования в гражданской и военной областях применения, но и имеет устойчивые перспективы на дальнейшее широкое использование во всех областях востребованности аэромобильных услуг. Иначе говоря, не является ли вопрос о дальнейшем повышении скорости вертолета одним из проявлений технической моды в современном вертолетостроении, не имеющим под собой почвы практической востребованности?

Прежде, чем более детально рассмотреть указанный вопрос и попытаться на него ответить, це-

лесообразно несколько оглянуться на полученные за предшествующую сегодняшнему дню историю достижения в области строительства скоростных вертолетов в системном аспекте их практического применения. При этом будем понимать под термином «скоростной вертолет» винтокрылый летательный аппарат с несущим (несущими) винтами и с возможными дополнительными устройствами для создания продольной тяги, способным достигать скоростей полета в горизонтальном полете, теоретически недостижимых для классических вертолетов, то есть имеющий максимальную скорость полета свыше 350–370 км/ч. В ряде источников такие вертолеты называют скоростными винтокрылыми летательными аппаратами (СВКЛА). Тем не менее в настоящей статье будет употребляться термин «скоростной вертолет». И еще одно замечание. Вообще говоря, термин «скоростной вертолет» является условным и может применяться только лишь с позиции проблем современного вертолетостроения, ибо уже лет через двадцать – тридцать СВКЛА в сегодняшнем его понимании станет летательным аппаратом с обыденными для того времени скоростями и уж никак скоростным называться не будет.

В истории вертолетостроения неоднократно предпринимались попытки создать скоростные вертолеты как в экспериментальных целях, так и для использования по тому или иному целевому назначению. В рамках ряда проектов были построены и испытаны летные (экспериментальные либо опытные) образцы вертолетов. К числу наиболее заметных из них можно отнести:

вертолеты ХН-51Compound (1962 г.) и АН-56А Cheyenne (1967 г.) разработки компании Lockheed (США) (рис. 1,2);

вертолеты S-69 (1973 г.), X2 (2008 г.) и S-97 Raider (2014 г.) разработки фирмы Sikorsky (США) (рис. 3-5);

вертолет Х-3 (2010 г.) разработки компании AirbusHelicopters (рис. 6).

Вертолет АН-51 Compound создавался как легкий разведывательный по заказу армии США. Вертолет выполнен по одновинтовой схеме с четырехлопастным несущим винтом. С целью достижения высоких скоростей полета на вертолет по его левому борту был установлен турбореактивный двигатель Pratt&Whitney J60-P-2 тягой 1300 кг, для разгрузки несущего винта на вертолете было установлено крыло размахом 5,18 м, после чего 27 июня 1967 г. на нем была достигнута максимальная скорость полета 486,9 км/ч. Из-за

Рис. 1. Вертолет АН-51А Compound

Рис. 2. Вертолет АН-56 Cheyenne

Рис. 3. Вертолет S-69

Рис. 4. Вертолет X-2

Рис. 5. Вертолет S-97

Рис. 6. Вертолет X-3

чрезмерно высоких расходов топлива после постройки 10 опытных вертолетов армия США отказалась от его дальнейшей разработки.

Вертолет AH-56A Cheyenne создавался как боевой и также являлся классическим вертолетом одновинтовой схемы с рулевым винтом. Кроме последнего, на хвостовой балке был также установлен трехлопастный толкающий винт. Вертолет имел развитое крыло размахом 8 м. Максимально достигнутая на вертолете скорость — 398 км/ч. В августе 1972 г. финансирование программы было прекращено из-за значительного превышения стоимости проекта и невыполнения требований армии США по достижению высоких скоростей полета с размещенным на подкрыльевых подвесках вооружением (с размещенным на подкрыльевых подвесках вооружением максимальная скорость составляла 315 км/ч).

Вертолет S-69, впоследствии переименованный в AH-69A, изначально создавался как экспериментальный для исследования концепции ABC (Advancing Blade Concept) в качестве перспектив-

ной для скоростного вертолета. Основу концепции составляла соосная схема винтов с жестко закрепленными лопастями. Вертолет имел обтекаемый фюзеляж, полностью убирающееся шасси и двухкилевое вертикальное оперение. Два пилота размещались рядом.

Для исследования скоростных режимов на втором экземпляре вертолета по бокам фюзеляжа были установлены два турбореактивных двигателя J60-P-3A мощностью по 1350 кгс каждый, с помощью которых в 1978 г. была достигнута максимальная скорость 518 км/ч. Программа была закрыта из-за сложности возникших технических проблем, связанных с реализацией схемы ABC, и из-за высокой стоимости проекта.

Вертолет X-2 создан как экспериментальный для дальнейшего исследования концепции ABC. Вертолет выполнен по соосной схеме с жестко закрепленными лопастями (концепция ABC) и толкающим винтом, размещенным на конце хвостовой балки. Максимальный взлетный вес вертолета составил 3600 кг, двигатель турбовальный мощностью 1800 л.с. Первый полет был выполнен 27 августа 2008 г. В сентябре 2010 г. на вертолете была достигнута максимальная скорость 463 км/ч. Программа была закрыта в июле 2011 г. после завершения запланированной серии испытательных полетов. Всего было совершено 23 полета общей продолжительностью 22 часа.

Вертолет S-97 Raider был разработан как продолжение работ по вертолету X-2, но уже применительно к его практическому использованию в составе Сухопутных войск США в качестве скоростного разведывательно-ударного вертолета. Поэтому взлетная масса вертолета составила уже около 5200 кг, расчетная максимальная скорость полета — около 450 км/ч. Первый полет на вертолете был выполнен 22 мая 2015 г. К настоящему времени построены 2 экземпляра вертолета, которые разработчиками позиционируются как прототипы. Следует отметить, что армия США пока не проявила интереса к этому вертолету, поэтому работы финансируются из собственных средств компании Sikorsky и заинтересованных компаний-соисполнителей.

Вертолет X-3 создан как экспериментальный вертолет на базе планера серийного вертолета SA-365 Dauphin с максимальной взлетной массой 5200 кг. Вертолет был оснащен крылом, на котором установлены турбовальные двигатели мощностью по 2270 л.с. каждый с тянущими воздушными винтами, двухкилевым хвостовым оперением без

рулевого винта, новым пятилопастным несущим винтом от вертолета ЕС-155. В июне 2013 г. на вертолете была достигнута скорость горизонтального полета 472 км/ч. Так как заинтересованных заказчиков на вертолет не нашлось, после выполнения 199 полетов программа в середине 2013 г. была объявлена выполненной и закрыта.

В плане развития дальнейших работ по тематике скоростных вертолетов имеется информация о наличии планов армии США по созданию к 2030 г. семейства скоростных вертолетов, рассчитанных на максимальные скорости полета 450–500 км/ч для решения широкого круга задач – ударных, транспортно-десантных, многоцелевых, специальных. Работы выполняются по специальным программам создания семейства перспективных скоростных тяжелых, средних и легких вертолетов.

В России работы по созданию скоростного вертолета ведутся АО «Вертолеты России» в рамках государственной программы «Развитие авиационной промышленности» на 2013–2025 годы. В 2013–2015 гг. были проведены соответствующие поисковые исследования и создана летающая лаборатория на базе вертолета Ми-24К для исследования конструктивных решений в обеспечение скоростного полета. Дальнейшие работы планируется продолжать в рамках создания необходимого научно-технического задела с выходом на этап полномасштабных опытно-конструкторских работ (ОКР) в интересах создания «делового» скоростного вертолета для решения военных задач и коммерческого использования.

Характерной особенностью всех перечисленных и ряда других выполненных проектов явилось то, что ни один из проектов пока что не был доведен до серийного образца. Такое положение, когда за более чем 60-летний период практических работ по скоростным вертолетам ни один из них не получил путевку в жизнь, может объясняться тремя причинами (по отдельности или в сочетании): либо высокий технический риск, сложность и ненадежность конструкции, либо высокая стоимость проекта, либо слабая практическая заинтересованность заказчика.

Безусловно, в любом из упомянутых проектов присутствовали первые две причины. Но, скорее всего, не они явились определяющими отказать от доведения вертолетов до стадии серийных машин. Можно привести пример конвертоплана V-22 Osprey разработки фирмы Boeing, который, несмотря на большую сложность конструкции,

немалый технический риск создания, в целом, невысокую надежность (исправность парка в среднем 43%), безумно по «вертолетным меркам» высокую стоимость серийного производства (71 млн. долл. за один аппарат), был принят на вооружение корпуса морской пехоты США.

Скорее всего, причиной неуспешности серийной реализации созданных скоростных вертолетов, наряду с первыми двумя причинами, явилась в том числе и слабая заинтересованность заказчиков (и военных, и гражданских) в отношении преимуществ, которые мог бы дать скоростной вертолет в сравнении с обычным классическим вертолетом по критерию «эффективность-стоимость», при выполнении характерных для вертолетной техники задач в условиях того временного периода, когда создавался тот или иной скоростной вертолет.

Например, вертолеты АН-51А, АН-56А, АН-69А создавались в 1960-х – начале 1970-х годов прошлого столетия. Основной задачей боевых (ударных) вертолетов того периода являлась эффективная борьба с танками вероятного противника (в то время армии стран Варшавского договора) и огневая поддержка войск на переднем крае. Тактика армейской авиации сухопутных войск США, наличие в войсках большого количества вертолетов (до бригады вертолетов армейской авиации на механизированную (бронетанковую) дивизию армии США численностью до 67–73 вертолетов, в том числе 24 ударных) предопределяли их базирование в непосредственной близости от поддерживаемых подразделений. Ввиду массовости вертолетов вопрос об оперативном скачке на другие направления практически и не ставился. Для действий ударных и разведывательно-ударных вертолетов характерными были скрытные полеты на предельно-малых высотах, длительные висения на так называемых «площадках засад» в 5–7 км от переднего края для последующего удара по выдвигающейся (наступающей) бронетанковой технике противника или действия по вызову из положения дежурства на площадках «подскока», удаленных от передовых подразделений сухопутных войск не более, чем на 15–20 км. Районы основного базирования вертолетов располагались не далее 70 км от линии боевого соприкосновения. Вполне естественно, что на таких радиусах говорить о востребованности высоких скоростных качеств вертолетов не приходилось. Скоростей в 230–270 км/ч для этого вполне хватало. Конечно, для подразделе-

ний ударных, разведывательных, многоцелевых и транспортно-десантных вертолетов ставились и другие боевые задачи, где желательны были бы повышенные скорости полета, например, в ходе сопровождения тактических воздушных десантов для быстрого скачка через зоны ПВО противника, для быстрого прибытия в районы высадки десантов противника с целью их уничтожения в момент высадки, для поддержки морских десантов на удаленных плацдармах и некоторые другие. Но и в этом случае потребные скорости не были столь критичными, чтобы однозначно ставить вопрос о необходимости наличия высоких скоростных качеств вертолетов. Рассматривались и новые для того периода задачи, такие, как борьба с вертолетами в воздухе, аэромобильная противовоздушная оборона с помощью комплексов ПВО на базе вертолетов. Но и в этих задачах однозначного понимания необходимости создания скоростного вертолета не наступило.

Если рассматривать состояние и проблемы создания скоростных вертолетов на срезе сегодняшнего дня, то, скорее всего, выводы не изменятся, то есть по-прежнему остается неопределенность с точки зрения однозначности преимуществ скоростного вертолета над вертолетом классической схемы.

А что в дальнейшей перспективе? Очевидно, что сегодняшняя продолжающаяся неоднозначность в отношении роли и места скоростных вертолетов в военной и гражданской сферах подвигают к необходимости рассматривать ведущиеся и возможные вновь открываемые работы по созданию скоростных вертолетов с позиции системного аспекта их применения на перспективу в 15–20 и более лет, то есть на основе всестороннего анализа востребованности скоростных вертолетов. В свою очередь, область и характер востребованности станут основой для определения предназначения скоростного вертолета, требований к его функциональным свойствам и места в модельном ряду перспективных военных и коммерческих вертолетов на прогнозируемый период.

ВОЕННЫЕ ВОСТРЕБОВАННОСТИ

В течение всей истории вертолетостроения военная область применения вертолетов, как правило, являлась одной из существенных для определения дальнейшей судьбы большинства из созданных до сегодняшнего дня моделей вертолетов. Очевидно, не явится исключением и скоростной вертолет.

В настоящее время происходит ряд достаточно заметных изменений как в облике вооруженных сил целого ряда сильных в военном отношении государств, так и в принципах, условиях и способах ведения военных действий.

Например, в США одними из приоритетов на ближайшие 15–20 лет ставится создание экспедиционных сил, обладающих высокой маневренностью и огневой мощностью для самостоятельного решения оперативно-стратегических задач на операционных направлениях. В составе таких сил планируется иметь в том числе вертолетные формирования, способные оперативно перебрасывать силы морской пехоты с кораблей на берег для создания и удержания плацдармов, срочного снабжения высадившихся войск всеми необходимыми боеприпасами и иными материальными средствами, их непрерывной огневой поддержки с воздуха и решения целого ряда специальных задач. Примечательной особенностью таких действий является то, что десантные корабли, корабли-арсеналы, суда обеспечения будут находиться на расстоянии, как правило, не менее 800–1000 миль от береговой черты (для исключения активного противодействия им формированиями оперативно-тактической авиации противника и береговыми оперативно-тактическими противокорабельными комплексами). С учетом указанной особенности в настоящее время задачу высадки и всестороннего обеспечения (за исключением огневого) морских десантов и сил специальных операций планируется возложить на конвертопланы V-22 Osprey. Имеются также планы по закупке V-22 Osprey и для Военно-воздушных сил. В долгосрочной перспективе командование США планирует закупить в общей сложности 50 единиц V-22 для ВВС (вариант CV-22), 48 единиц для ВМС (вариант MV-22) и 360 единиц V-22 для морской пехоты США (вариант MV-22). Более 200 единиц V-22 в настоящее время уже находятся в эксплуатации.

Нельзя не заметить и еще один новый элемент в действиях авиации США, проявившийся при решении задач по уничтожению противника, ведущего террористические (партизанские) действия. Такие задачи решались, например, в ходе войны с Ираком в 2003 г. на этапе уничтожения разрозненных остатков иракской армии, в ходе локализации и уничтожения вооруженных групп талибов в Афганистане. Речь идет о применении специально оборудованных для противопартизанских действий (а по сути, для уничтожения ло-

кализованных войсковых формирований в условиях неорганизованной или подавленной ПВО) вооруженных модификаций военно-транспортных самолетов С-130, оборудованных несколькими стрелково-пушечными установками калибра от 20 до 105 мм (безоткатные орудия). При выполнении задачи такой самолет должен очень быстро (с высокой скоростью) прибыть в обозначенный район, произвести при необходимости допоиск цели, «встать» над ней в круг и выполнять ее огневое поражение вплоть до полного уничтожения. Поэтому все оружие на вооруженном С-130 размещается по его левому борту, каждой артиллерийской установкой управляет свой огневой расчет.

Нюанс выполнения такой очень востребованной для контртеррористических действий задачи заключается в том, что для этой цели приспособлен военно-транспортный самолет, который изначально как техническая конструкция не был предназначен для выполнения полетов на предельно малых высотах, поиска целей и, самое главное, «кружения» над целью и ее уничтожения. История войн показала, что такие задачи наиболее эффективно выполняются боевыми вертолетами. Но для именно такой задачи у последних отсутствует одно из главных необходимых качеств – это высокая скорость прибытия в район цели. Второе необходимое главное качество – размещение на борту нескольких крупнокалиберных артиллерийских систем с достаточным боезапасом, может быть вполне успешно решено даже на модифицированных вариантах современных боевых или транспортно-боевых вертолетов путем размещения на подкрыльевых пилонах, в фюзеляже или под ним подвижных безоткатных орудий, минометов, гранатометов и тому подобных вооружений. Поэтому, с появлением у боевого или (и) транспортно-боевого (транспортно-десантного) вертолета высокой скорости полета (хотя бы до уровня 450–500 км/ч), вертолет может стать основным авиационным средством для контртеррористических действий и уничтожения войсковых подразделений противника легкого типа (воздушные и морские тактические десанты, бандформирования, войска в очагах сопротивления и на марше и др.).

Переход к новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации так же, как и в армии США, влечет за собой существенные изменения в боевом составе и способах применения войск. Уменьшилось общее количество воинских фор-

мирований, что предъявляет повышенные требования к оперативности маневра войск как внутри стратегических направлений (стратегических районов), так и между ними. На ряде стратегических направлений, например, на Восточном, Арктическом, Юго-Западном, имеющих не только большую протяженность, но и сложный физико-географический ландшафт и зачастую очень непростые природно-климатические условия, даже внутрирегиональные маневры потребуют необходимость перебросок (маневра) войск на расстояния более 600–800 км при одновременном повышении требований по скорости совершения таких маневров. Зачастую такие переброски войск в районы предназначения будут вынужденно проводиться в условиях отсутствия даже минимально достаточной аэродромной сети для самолетной посадки. Поэтому в таких регионах большая нагрузка по перевозкам войск может быть возложена на транспортно-десантные вертолеты, которые для этого должны будут иметь увеличенные крейсерские скорости полета и дальность полета, превышающую 800 и более километров.

Особую актуальность приобретает вопрос быстрой доставки войск и их всестороннего обеспечения для организации быстрого усиления защиты ряда направлений вдоль российско-китайской границы, в Приморье, острова Сахалин, островов Курильской гряды, Камчатского района, особенно при возникновении угрозы проведения воздушно-десантно-морских операций по их захвату.

Кроме указанной выше потребности в оперативном (скоростном) маневре войск между полосами ответственности фронтов (округов), не менее важен и такой же маневр огневыми средствами, в данном случае, боевыми вертолетами. В этом плане весьма примечательным является фрагмент из выступления президента Академии военных наук (АВН) генерала армии М.А. Гареева на общем собрании АВН 27 февраля 2016 г., где говорится о необходимости преемственности и применения опыта действий советских войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов при организации боевой подготовки современной российской армии (цитируется по статье М. Гареева «Вызов принят» в газете «ВПК» от 24 февраля–1 марта 2016 г., № 7): «Противоборствующие стороны перенимали опыт друг у друга. Например, в нашей армии была выработана более совершенная система огневого поражения, осуществляемая в виде артиллерийского

и авиационного наступления. В немецких дивизиях было примерно в полтора раза больше артиллерии, чем в наших. Но наличие у нас мощного резерва артиллерии ВГК и маневр его на решающие участки фронта привели к тому, что у нас постоянно участвовало в активных боевых действиях до 55–60% орудий, в то время как в германских войсках – лишь около 40%. Очень яркий и наглядный пример!

Существенно меняются требования по способам ведения боевых действий. Военный конфликт с Грузией в августе 2008 г. показал, что войска из прилегающего к зоне конфликта военного округа должны не только быстро приводиться в состояние полной боевой готовности, но и быстро прибывать (высаживаться) непосредственно в зону боевых действий из мест базирования, как правило, удаленных от районов выполнения боевых задач на сотни километров, с ходу вступать в бой, непрерывно поддерживаться с воздуха и снабжаться всем необходимым для боя. При этом плечи переброски войск могут быть весьма большими. Здесь также могут сказаться особенности физико-географических условий региона, которые накладывают определенные ограничения на движение (выдвижение) войск по сухопутным маршрутам, а также делают существенно затруднительной самолетную переброску войск. В этом и подобных случаях опять-таки возрастает значимость аэромобильных перебросок, по крайней мере, тактических десантов и сил специальных операций транспортно-десантными вертолетами с одновременной авиационной поддержкой боевыми вертолетами и с обеспечением разведывательными вертолетами. Все перечисленные типы вертолетной техники должны, таким образом, также иметь и повышенные крейсерские скорости, и увеличенные до 800 и более километров дальности полета.

Наличие скоростных вертолетов явилось бы весьма кстати и для решения задач по быстрому захвату и блокированию важных объектов на территории противника. Именно такие быстрые действия провели десантно-штурмовые бригады США при захвате Багдада в 2003 г. в войне с Ираком, а также российские силы специальных операций при выполнении задач по недопущению оккупации Крыма украинскими ультранационалистами. И именно такие действия станут наиболее характерными в военных конфликтах будущего. Для таких действий можно вывести следующую тактическую формулу: подготовка войск в

районах, находящихся на безопасном удалении от воздействия оперативно-тактических огневых средств противника (до 150–200 и более километров), быстрый перелет-бросок непосредственно в район боевого применения, непрерывное и всестороннее огневое и материально-техническое обеспечение войск на протяжении всего периода боевых действий с баз, находящихся на безопасных удалениях. Для решения подобных задач высокие скоростные качества и повышенные дальности полета необходимы практически всем типам вертолетов – тяжелым и средним транспортно-десантным, боевым (разведывательно-боевым), легким многоцелевым и разведывательным.

Особые требования к скоростным качествам вертолетов в арктическом регионе. Протяженные участки безлюдья, расположение военных баз на островных территориях, удаленных от материка на сотни километров, внезапная смена погоды, наличие огромных тундровых территорий, не пригодных для базирования авиации, обильные снеговые заряды, существенно затрудняющие регулярное снабжение и перевозки войск, техники и материальных средств с помощью «самолетной» авиации, все это подвигает к необходимости преимущественного авиационного сообщения с помощью «вертолетной» авиации, которая для этого должна приобрести скорости и дальности, свойственные турбовинтовой «самолетной» авиации местных авиалиний.

Очевидно, на сегодня являются актуальными скоростные требования и для вертолетной техники морской авиации ВМФ России, ФСБ и МВД России, вертолетов специального и военного назначения других министерств и ведомств России.

Анализируя вышеперечисленные примеры и ситуации, можно сделать следующий вывод: эффективное ведение современных и будущих боевых действий, повседневное обеспечение войск напрямую связано с необходимостью наличия в войсках достаточного количества скоростных вертолетов практически всех типов, но, в первую очередь, средних и тяжелых транспортно-десантных и боевых (разведывательно-боевых). Наряду с высокими скоростными качествами крейсерского полета на уровне не менее 450–500 км/ч (в последующей перспективе 550–600 км/ч), такие вертолеты должны иметь дальность полета на малых высотах не менее 800 км с нормальной расчетной нагрузкой. Вертолетами с указанными качествами, в первую очередь, целесообразно

вооружать десантно-штурмовые бригады сухопутных и воздушно-десантных войск, силы специальных операций, подразделения транспортно-десантных и боевых вертолетов армейской авиации ВКС, береговые и корабельные вертолетные подразделения, обеспечивающие действия морской пехоты, а также выполняющие поисково-спасательные операции, разведку и дозор на море, противолодочные задачи.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОСТРЕБОВАННОСТИ

Меняется и гражданская сфера применения вертолетов. Экономика России подошла к рубежу, когда необходимо начинать активно осваивать новые районы добычи полезных ископаемых уже в более отдаленных и труднодоступных районах, в том числе на морских шельфах, в Арктике. Доставка в такие районы специалистов обычными вертолетами становится затруднительной из-за их недостаточных радиусов полетов и некомфортной из-за большого затрачиваемого времени полета.

Обострилась проблема местных и внутрирегиональных транспортных и пассажирских авиасообщений. Если в СССР эта проблема закрывалась непосредственным государственным участием путем строительства и поддержания большого количества аэродромов местных авиалиний, транспортных и пассажирских самолетов типа Ан-24, Ан-26, Л-410, Ан-2, Як-12, Ан-14, Ил-14, то сегодня эта сфера перенесена в область бизнес-деятельности, в которой государство выступает в роли функционера и регулятора отношений в форме частно-государственного партнерства, в том числе обеспечивая этот вид бизнес-деятельности необходимым нормативно-правовым регулированием, субсидиями и преференциями. А бизнесу содержать сложную структуру аэродромов местных авиалиний уже не выгодно, учитывая, еще к тому же, относительно невысокие объемы пассажирских и грузовых перевозок на таких линиях, высокие накладные расходы и низкую платежеспособность большинства потенциальных авиапассажиров и компаний малого и среднего бизнеса на местных авиалиниях.

Скоростной вертолет в сложившихся условиях мог бы стать эффективной заменой самолетам, не требуя сложного аэродромного хозяйства, и зна-

чительно приблизившись к местам проживания людей (вплоть до внутригородской черты) за счет компактного (малой численностью вертолетов) базирования на нескольких вертолетных площадках в черте города. По крайней мере, просматривается достаточно интересная перспектива для развития «вертолетной» коммерческой авиации в сторону занятия места в нише местных, а в перспективе — и региональных авиалиний. Первая ступень к этому рубежу — крейсерские скорости вертолетов на уровне 500–600 км/ч, пассажироместимость порядка 40–60 человек, дальности полета на уровне 800–1000 км.

Прямым следствием такого способа развития местных авиалиний явилось бы развитие вертолетных авиабизнесуслуг и вертолетных маршрутных такси (вертолайнов). Сев в такое такси в черте, например, города Москвы, можно уже за 1,5 часа долететь до Санкт-Петербурга, приземлившись на одну из вертолетных площадок в черте города, решить текущие проблемы в течение дня и в тот же день вернуться в Москву. А региональных центров в России, находящихся друг от друга на расстоянии 300–800 км, в которые надо быстро добраться и также быстро вернуться в течение одного дня, очень и очень не мало. Такое решение вопроса можно также с уверенностью отнести к системной проблеме, которая решается с помощью скоростных вертолетов.

Под все вышесказанное уже сегодня можно подвести следующий вывод: в вертолетостроении открывается новая страница — начало интенсивного завоевания новых скоростных рубежей полетов вертолетов как военного, так и коммерческого назначения, и на этой основе — формирование качественно новых авиационных сфер деятельности «вертолетной» авиации. Практически этот процесс начнет воплощаться, скорее всего, уже в ближайшие 10–15 лет. К сожалению, передовиками в этом процессе, по всей видимости, будут американские и европейские (без России) разработчики и производители вертолетной техники. У российских вертолетчиков в этой дисциплине также еще остается возможность достойно выступить на «своей беговой дорожке» и успеть занять достойное место в этой скоростной вертолетной нише. Насколько эффективным окажется российский путь, покажет время.

P.G. BRYUSOV,
I.B. MAKSIMOV,
A.YU. VLASOV

П.Г. БРЮСОВ,
И.Б. МАКСИМОВ,
А.Ю. ВЛАСОВ

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ХИРУРГИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭРУ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

RUSSIAN MILITARY FIELD SURGERY IN THE NOWADAYS ERA OF LOCAL WARS

Рассмотрены современные проблемы военно-полевой хирургии и опыт оказания хирургической помощи раненым в локальных военных конфликтах. Подчеркнута роль медицинской авиации в сокращении этапов эвакуации. Обоснованы совершенствования системы этапного лечения раненых и стратегии оказания хирургической помощи при тяжелых ранениях.

The current problems of field surgery and experience in providing surgical care to the wounded in local military conflicts are considered. We marked the role of medical aviation in reducing medical evacuation stages. We justified improvement of the system of staged treatment of the wounded and the strategy of surgical care for severe wounds.

Ключевые слова: военная медицина, доктрина военно-полевой хирургии, авиамедицинская эвакуация, ранения.

Keywords: military medicine, the doctrine of military surgery, aeromedical evacuation, injury.

Сегодняшняя международная обстановка свидетельствует о все более явственных угрозах безопасности нашей стране. Поэтому актуальной задачей становится совершенствование организации всех видов войск на основе военной доктрины Российской Федерации [1]. В этой связи идет интенсивное совершенствование форм и методов организации медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, среди которых приоритетное место отводится военно-полевой хирургии, развитие которой осуществляется с учетом накопленного исторического опыта оказания помощи раненым в вооруженных конфликтах последних десятилетий.

Войска НАТО готовятся к участию в так называемых «гибридных войнах», включающих в себя комплекс различных угроз: традиционных, нестандартных, масштабный терроризм и подрывные действия [2]. Поэтому руководители и специалисты военно-медицинской службы РФ учитывают возможность отхода от стандартной модели введения войны. Однако основная задача состоит в приведении структуры и состава военно-медицинской службы в соответствие с организационными изменениями Вооруженных Сил страны, направленными на повышение мобильности медицинских подразделений войскового уровня и совершенствование военно-полевой

хирургии в госпиталях с целью гарантированного выполнения поставленных задач [3].

Оценка работы военных хирургов в локальных войнах и конфликтах конца XX столетия и начала XXI приводят нас к осознанию необходимости постоянного совершенствования доктрины военно-полевой хирургии, что на протяжении всей истории отечественной военной медицины было первостепенной задачей ведущих хирургов страны. Военно-полевая хирургия XXI века остается наукой об организации лечения раненых при «травматической эпидемии» на этапах оказания хирургической помощи при четком эшелонировании этих этапов – от передового района до тылового. Базируется на принципах хирургии повреждений, лечении множественной и сочетанной травмы. Основная задача военно-полевой хирургии в современных условиях – постоянное совершенствование науки и практики хирургии с использованием высоких технологий и готовность к действиям в экстремальных ситуациях мирного времени, а также в угрожаемый период и в условиях войны.

Как научная дисциплина, военно-полевая хирургия не может всецело опираться только на опыт прошлого, т.к. в каждую новую войну государство вступает с принципами предыдущей, которые к этому времени оказываются уже устаревшими. В XXI веке идет совершенствование войн

высоких технологий, когда боевые операции проводятся с использованием высокоточного оружия по уничтожению важнейших объектов противника. В то же время это век большого количества локальных военных конфликтов, способных перерасти в полномасштабную войну.

В 1938 г. Н.Н. Бурденко писал: «В организации обороноспособности страны хирургии принадлежит исключительная роль – хирургические методы возвышаются до степени стратегического значения, поскольку они решают в условиях войны вопрос о восстановлении боеспособности и обороноспособности сотен тысяч людей». И сегодня вновь на военно-полевую хирургию смотрят как на спасительницу большого числа раненых бойцов и командиров.

Современное развитие военно-полевой хирургии в мире характеризуется определенными тенденциями:

возрастанием удельного веса тяжелой шокогенной боевой травмы – с 10-12% до 20-25%;

широким использованием достижений современной клинической хирургии и анестезиологии-реаниматологии при лечении в полевых госпиталях раненых с тяжелыми формами боевой патологии;

признанием положения, что сегодня нет единой универсальной модели войны, в связи с чем необходимо расширять познание общих положений военно-полевой хирургии специалистами гражданских больниц;

констатацией современного положения, что в условиях локального военного конфликта дробление медицинской помощи наносит ущерб тяжелораненому, которому в кратчайшие сроки нужен основной вид помощи – специализированный.

Обстоятельства войны делают идеальное хирургическое лечение ран невозможным. Но в зоне боевых действий создается единая система медицинского обеспечения войск. В странах НАТО она создается медико-санитарными войсками, выделенными в отдельный род войск, по целевому назначению относящимися к войскам тылового обеспечения [4]. Созданная в РФ современная система лечебно-эвакуационного обеспечения войск сложилась в годы Великой Отечественной войны и состоит в проведении последовательных и преемственных лечебных мероприятий на этапах медицинской эвакуации в сочетании с транспортировкой раненых в специализированные лечебные учреждения по назначению. На схеме (рис. 1) представлены виды медицинской помощи раненым и этапы эвакуации во время вооруженных конфликтов на Северном Кавказе, которые остаются неизменными до настоящего времени. В войсковом районе оказывается первая помощь, доврачебная и первая врачебная, в армейском – квалифицированная, в тыловом – специализированная медицинская помощь и реабилитация. Последовательность лечебно-эвакуационных мероприятий в войсках НАТО практически аналогична российским и обозначается уровнями оказания медицинской помощи (от 1 до 4).

Эшелонирование медицинской помощи – неперенный вариант в спасении жизни и лечении тяжелораненых. В последние годы в связи с развитием средств вооружения, накопившимся опытом оказания медицинской помощи раненым в современных локальных войнах все более отчетливо проявляется необходимость совершенствования системы этапного лечения раненых с

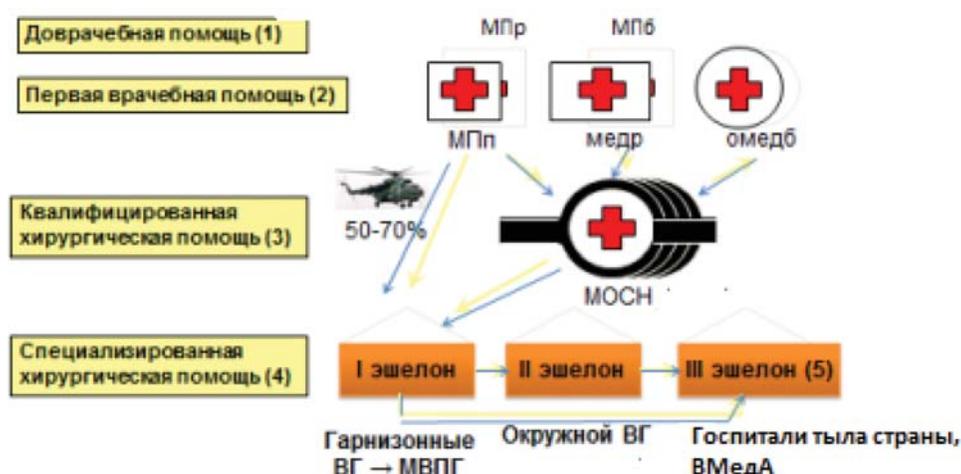

Рис. 1. Схема организации хирургической помощи раненым военнослужащим федеральных войск во время вооруженных конфликтов на Северном Кавказе

эвакуацией по назначению, что реализовывалось в локальных военных конфликтах на Северном Кавказе.

В первую очередь это касалось широкого использования авиамедицинской эвакуации: вертолетов в войсковом районе (в 90 % случаев), самолетов АН-72 и Ил-76 «Скальпель» — для эвакуации в тыл (в 100%). Именно в этом состояла главная особенность медицинского обеспечения раненых в военном конфликте 1994-1996 гг., заключавшаяся в максимальном сокращении сроков поступления раненых к хирургу, что стало базисной программой и при последующих военных действиях 1999-2002 и 2008 гг. Эвакуация раненых подразделялась на передовую (от места ранения до этапа оказания медицинской помощи), тактическую (между этапами медицинской помощи в войсковом районе) и стратегическую (за пределы театра военных действий, в тыл страны).

Большое значение имело создание системы оперативного руководства медицинской сортировкой и эвакуацией раненых, что возлагалось на медицинский диспетчерский пункт, функционировавший круглосуточно. Для этого в состав пункта управления армейской авиацией был включен представитель военно-медицинской службы округа, который имел связь с офицерами медицинской службы — эвакуаторами на базовых аэродромах, с полевыми медицинскими частями, многопрофильным военным госпиталем 1-го эшелона. Это обеспечивало оперативность при эвакуации раненых воздушным транспортом. При отсутствии такой возможности раненые перевозились автотранспортом в МОСН с предварительной информацией о тяжести ранения.

Широкое использование авиационного транспорта способствовало совершенствованию лечебно-эвакуационной системы в боевых действиях и спасению многих тяжелораненых. Этот же «авиационный» фактор позволил сократить многоэтапность в эвакуации. В результате на определенных этапах боевых действий была реализована на практике и получила конкретное содержание тактика оказания специализированной хирургической помощи в ранние сроки (в первые 2 ч после ранения) по неотложным и срочным показаниям. То есть реализовывалась так называемая «двухэтапная система эвакуации», когда из медицинского пункта полка или из медицинской роты раненые сразу доставлялись вертолетами в многопрофильный военно-полевой госпиталь (МПП-МВПГ).

Система авиасанитарной эвакуации получила организационное оформление в структуре военно-медицинской службы страны только в последнее время. Это жизненно необходимо, ибо общая тенденция к увеличению эвакуации раненых в тактической и оперативной зоне боевых действий воздушным транспортом свойственна всем локальным войнам и вооруженным конфликтам, приобретая решающее значение в реализации принципа приближения медицинской помощи к раненому в современной войне.

В то же время чрезмерное упование на авиационную эвакуацию представляется недостаточно обоснованным, так как даже при полном господстве в воздухе на Северном Кавказе она не всегда была осуществима. А в Афганистане из-за активного противодействия противника наши войска вынуждены были даже сократить использование вертолетов для эвакуации раненых с поля боя в отдельный медицинской батальон с 97,1% в 1986 г. до 6,5% в последние годы войны [5]. То есть эвакуация воздушным транспортом — это чрезвычайно благоприятный, но не всегда возможный вариант транспортировки раненых.

Таким образом, негативные последствия дробления медицинской помощи, что является характерной и неизбежной особенностью военно-полевой хирургии, во многих армиях с помощью авиасанитарной эвакуации сегодня стараются свести к минимуму, признавая, что раненому, по сути, в итоге нужна одна помощь — специализированная. И она должна оказываться в максимально ранние и фиксированные в приказах сроки при обеспечении возможности для аэромедицинской эвакуации. При этом все эшелонирование медицинских сил сохраняется.

В локальных войнах последних двух-трех десятилетий сроки оказания неотложной помощи на всех этапах эвакуации становятся все более сжатыми, а результаты от этого — все более успешными. В 1999 г. на 38-м Всемирном конгрессе хирургов в Вене в докладе «Современная доктрина военно-полевой хирургии» докладчик из России [6] представил в виде временных показателей выработанные в Российской армии средние сроки оказания трех видов помощи: первой помощи — квалифицированной — специализированной (1ч → 2 ч → 6 ч). И тогда эти критерии были оптимальными для военных хирургов всех стран. Но опыт последующих локальных войн в Ираке, Афганистане позволил зарубежным хирургам изменить эти временные рамки в сторону максимального

укорочения. И сегодня время оказания помощи раненым в войсках НАТО на этих же этапах (уровень 1-2-3) представлены в следующих границах: 10 мин → <1 ч → < 2 ч. [7].

Действительно, время критично, в первые 30 мин на поле боя умирают 80% тяжелораненых, из них половина – в первые 15 мин. Считается, что до 30% убитых, оставшихся на поле боя, могли быть спасены при оказании помощи в первые минуты после ранения. Это, в первую очередь, касается раненых с временной асфиксией из-за закупорки землей дыхательных путей, напряженного пневмоторакса, массивного наружного кровотечения при потере раненым сознания, отрыве конечности при минно-взрывном ранении и др. Поэтому становится общепризнанным положение, что правильное и своевременное оказание первой помощи (на поле боя, на пункте сбора раненых, на медицинском посту роты и в медицинском пункте батальона) во многом определяет дальнейшую судьбу раненого. В этой связи большое внимание уделяется разработке индивидуального мониторинга военнослужащих в условиях ведения боевых действий с возможностью позиционирования и идентификации каждого из них на поле боя, что служит задаче раннего обнаружения раненых на поле боя, проведения их медицинской сортировки с регистрацией динамики состояния. А в войсках НАТО вводится показатель «потенциально предотвратимые смерти», по величине которого определяется качество оказания помощи раненым, начиная с поля боя.

Второй важной особенностью современной стратегии в военных конфликтах явилось развертывание медицинских отрядов специального назначения (МОСН) на всех направлениях боевых действий. Так, Главное военно-медицинское управление получило возможность маневра силами и средствами медицинской службы, а отсюда и маневра объемом хирургической помощи, так как МОСН развертывался в войсковом районе в 3-5 км от линии соприкосновения с противником. Самый важный результат заключался в успешном выполнении задачи по оказанию хирургической помощи при сроках поступления к хирургу через 2-6 ч после ранения. А приоритетными задачами было оказание неотложных реанимационных мероприятий для спасения жизни тяжелораненых, остановка угрожающего жизни кровотечения, борьба с шоком. Единственным неудобством было развертывание отрядов в палатках УСТ-56. В настоящее время на вооружение взят опыт

развертывания аэромобильного госпиталя МЧС России в пневмокаркасных сооружениях [8].

В целом развернутые МОСН успешно выполнили поставленные перед ними задачи, показали себя мобильными работоспособными формированиями. В период перехода от старой структуры организации медицинской службы (омедб – госпиталь) МОСН смогли заполнить вакуум между недостаточно еще подготовленными медицинскими ротами мотострелковых бригад и госпиталями, успешно выполнили свою задачу по оказанию квалифицированной хирургической помощи при поступлении на данный этап в ранние сроки. Вместе с тем выявилась нецелесообразность придания этому этапу групп медицинского усиления для выполнения хирургических вмешательств специализированного уровня. В настоящее время рассматривается необходимость сокращения в МОСН объема хирургической работы, а приоритетной задачей становится оказание неотложных реанимационных мероприятий для сохранения жизни раненого. Тогда и неотложная операция становится реанимационным действием. Снижение летальности у тяжелораненых можно существенно снизить при создании подвижных «хирургически-реанимационных команд» с целью реанимации тяжелораненых с большой кровопотерей, при тяжелом геморрагическом или травматическом шоке, нуждающихся в срочных массивных переливаниях крови. Контингент таких раненых составляет 20-25%, требует много сил и средств медицинской службы в борьбе за их жизни.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

В свое время изучение опыта войны в Афганистане позволило утвердиться важному положению: медицинская помощь раненым с современной боевой травмой может оказаться эффективной только в случае привлечения специалистов, обладающих знанием патогенеза и принципов лечения тяжелых сочетанных повреждений, прежде всего – высококвалифицированных хирургов и анестезиологов-реаниматологов [9]. Кроме того, при выполнении хирургического пособия у таких раненых была установлена целесообразность участия узкопрофильных специалистов уже на первом, неотложном этапе хирургической помощи.

Так, в 90-е годы прошлого столетия была сформулирована новая для военно-полевой хирургической доктрины категория – неотложная специализированная хирургическая помощь, разработке

которой было посвящено целое десятилетие работы руководителей и специалистов ГВКГ им. Н.Н. Бурденко.

Ранее группа неотложных вмешательств выделялась, как правило, применительно к этапу квалифицированной медицинской помощи — так называемые хирургические вмешательства первой очереди. Неотложные специализированные хирургические операции выполняются по тем же показаниям, но отличаются от квалифицированных возможностью выполнить окончательное, исчерпывающее пособие у раненых нейрохирургического, ангиохирургического, офтальмологического, урологического или другого специального профиля. Выполненные специалистом эти мероприятия могут оказываться исчерпывающими, что практически исключает, при отсутствии осложнений, необходимость в последующих оперативных вмешательствах.

Опыт работы в 1996 г. в военном гарнизонном госпитале во Владикавказе (преобразованном в МВПГ) нашей специализированной торакальной группы, впервые внедрившей в практику военно-полевой хирургии метод оперативной видеоторакоскопии при лечении огнестрельных проникающих ранений груди, показал, что тяжелораненые, своевременно оперированные по новой малоинвазивной высокотехнологичной методике, при наличии специалистов, современного оснащения и четкой организации работы, получали исчерпывающую помощь на самом раннем этапе — уже в многопрофильном военно-полевом госпитале 1-го уровня, расположенном в войсковом районе [10]. И все операции оказались исчерпывающими и окончательными. Таким раненым в последующем не потребовалось ни одного вмешательства, и перевод их в госпитали тыла страны был обусловлен только необходимостью проведения краткого восстановительного лечения и принятия экспертных решений.

Это был пример успешного использования высокотехнологичной хирургической помощи на этапах эвакуации и лечения раненых, который не был единственным. В мирное время в военных госпиталях применяются до 100 видов высоких медицинских технологий при лечении раненых и больных. Возможное применение этих технологий в военных госпиталях в боевых условиях, несомненно послужит повышению результатов лечения. Речь идет, в первую очередь, о стержневых аппаратах для временной иммобилизации костных отломков, что является безальтернативным способом временной (первичной) фикса-

ции, а аппарат Илизарова — безальтернативным способом окончательной фиксации. Также возможно применение методов видеоторакоскопии и видеолапароскопии, временных стентов трахеи и гортани, временных шунтов магистральных сосудов, средств остановки тяжелого наружного и внутреннего кровотечения, трансфузионных программ при массивной кровопотере и др.

Готовность медицинского персонала к проведению неотложных жизнеспасующих мероприятий на всех этапах реализуется сегодня в программе МХЛ — многоэтапного хирургического лечения (по натовской терминологии — *damage control surgery*). Эта программа в мирное время реализуется у пострадавших, доставляемых в стационар в критическом состоянии, применение у которых традиционных подходов (одномоментное хирургическое устранение всех повреждений) неизменно приводит к неблагоприятным исходам.

Появление этой принципиально новой тактики было обусловлено возрастающей тяжестью боевой травмы, более быстрой доставкой раненых в МОСН и госпиталь, а также интенсивным развитием хирургии, анестезиологии, реаниматологии, новых медицинских технологий. Тактика применима при множественных проникающих ранениях, взрывной травме, тяжелых повреждениях с массивной кровопотерей, обширной контаминацией и длительной гипотонией. Новый подход показан самому тяжелому контингенту пострадавших с политравмой, составляющему не более 15%. Одна из главных проблем заключается в принятии решения, когда прибегнуть к выбору многоэтапной хирургической тактики. Проблемы возникают, когда все повреждения хирург может радикально устранить, но для этого понадобится слишком много времени. И наличие гемодинамической неустойчивости, проявляющейся тахикардией, гипотензией, тахипноэ и угнетением сознания, подводит хирурга и анестезиолога к необходимости отказа от традиционной тактики одномоментного устранения всех последствий повреждения. При этом могут быть расширены показания к МХЛ и для групп пострадавших с пограничным (средней тяжести) и нестабильным (тяжелым) состояниями.

Положение о МХЛ организационно оформлено и с 2013 г. официально введено в хирургические положения военно-медицинской доктрины [11]. Право выполнения первого этапа МХЛ следует предоставить хирургам при оказании квалифицированной хирургической помощи с последующей эвакуацией раненого в МВПГ 1-го уровня.

Именно по таким медико-тактическим показателям следует использовать этот подход, делая упор на сокращенном объеме первого хирургического вмешательства на передовом этапе, что позволяет расширять показания к его применению. Причем показания к такой тактике устанавливаются, не только исходя из тяжести общего состояния раненых, но и при изменении медико-тактических условий оказания хирургической помощи (при массовом поступлении раненых, дефиците медицинского персонала, операционных столов, препаратов крови и т.д.). И применяется не только как последняя спасительная мера в хирургическом лечении тяжелых раненых, но и как стратегия оказания хирургической помощи при тяжелых ранениях и травмах на войне и в мирное время.

Реализация современных положений военно-полевой хирургии неразрывно связана с уровнем подготовки хирургов, находящихся в различных лечебных учреждениях. Характерно, что, начиная с первого уровня МВПГ, количество врачебных просчетов при оказании помощи раненым было минимальным, что свидетельствовало о работе хирургов высокой квалификации, которые прибывали с группами усиления из центральных госпиталей и военно-медицинской академии. Как удержать такой же высокий уровень сегодня, когда практически все хирурги с редким многосторонним боевым опытом были уволены в процессе реформ прошлого десятилетия? Пришло новое поколение молодых военных хирургов, которым надо быстро учиться и совершенствоваться в своей специальности. Когда-то Н.Н. Бурденко настаивал: «Врачебная помощь на войне должна быть высококвалифицированной; это требование включает правильную диагностику и высокую по качеству технику».

Сегодня это требование столь же актуально, как и 75 лет тому назад. Сложность современной боевой травмы возрастает, что многократно повышает задачи по подготовке военного хирурга к будущим войнам. А военный врач, его профессиональная компетенция, соответствие личной подготовленности квалификационным требованиям занимаемой должности всегда были и остаются главной составляющей боеспособности медицинской службы Вооруженных Сил, что предусматривает непрерывное совершенствование профессионального мастерства военных хирургов в мирное время.

Таким образом, военно-полевая хирургия локальных войн и вооруженных конфликтов характеризуется сегодня максимально возможным сокращением сроков эвакуации раненых. Негативные последствия дробления медицинской помощи, что является характерной и неизбежной особенностью военно-полевой хирургии, с помощью авиасанитарной эвакуации можно свести к минимуму. Повышение качества оказания хирургической помощи в войсковом и армейском районах неразрывно связано приближением полевых лечебных учреждений к раненым к зоне боевых действий. Самой тяжелой группе раненых нужна, главным образом, специализированная хирургическая помощь, которая должна оказываться в полевом многопрофильном госпитале в максимально ранние сроки (2-4 ч). Развитие военной медицины и появление новых технологий хирургии повреждений дают возможность осуществлять необходимые преобразования при своевременном универсальном оснащении военных госпиталей и подготовке хирургических кадров. Возрастание сложности и тяжести современной боевой травмы многократно повышают задачи по подготовке военного хирурга к будущим войнам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Военная доктрина. Указ Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 г.
2. Бартош А.А. Стратегия НАТО в турбулентном мире: ставка на силу. // Вестник Академии военных наук. - 2014. - № 3.
3. Фисун А.Я. Медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации: итоги деятельности и основные задачи на 2016 год. // Военно-мед. журнал. - 2016. - № 1.
4. Пантюхов А.П. Организация оказания медицинской помощи военнослужащим НАТО при проведении наземной операции в современных вооруженных конфликтах. // Военная медицина. - 2013. - № 1.
5. Нечаев Э.А.; Тутюшев А.К.; Гришанов А.И.; Косачев И.Д. Медицинское обеспечение 40 армии. Цифры и факты // Военно-мед. журнал. 1991. - № 8.
6. Brusov P.G. Modern doctrine of field surgery. // In: 38th World Congress of Surgery. Vienna, Austria. - 1999.
7. Bruce Doll. Interoperability to Enhance Medical Capability. Международная конф. «Охрана здоровья военнослужащих в региональных военных, климатических и эпидемиологических условиях» 26-30 марта 2012 г., Москва.
8. Фисун А.Я.; Кувшинов К.Э.; Сушильников С.И. и др. Оснащение полевых формирований медицинской службы Вооруженных Сил современными медицинскими комплексами на базе пневмокаркасных сооружений и порядок их применения. // Военно-мед. журнал. - 20015. - № 12.
9. Нечаев Э.А.; Брюсов П.Г.; Ерюхин И.А. Квалифицированная и специализированная хирургическая помощь в современной системе лечебно-эвакуационного обеспечения раненых // Военно-мед. журнал. - 1993. №1.
10. Брюсов П.Г. Дневник главного хирурга. Военно-полевая хирургия в локальном конфликте на Северном Кавказе // М.: Дом. библиотека, 2013.
11. Указания по военно-полевой хирургии // Под ред. Бельских А.Н., Самохвалова И.М., 2013.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ («ОДИУМ» БЕЗ МОБИЛИЗАЦИИ)

Часть 2

ON THE EVE THE GREAT PATRIOTIC WAR («ODIUM» LACK OF MOBILIZATION)

Patch 2

В статье проведен анализ действий высшего советского военного и политического руководства непосредственно перед Великой Отечественной войной в условиях нарастания непосредственной военной угрозы и отсутствия решения о мобилизации.

Дана оценка принятых решений и действий должностных лиц, показано их влияние на готовность СССР к отражению агрессии Германии.

In the article the analysis of the senior Soviet military and political leadership directly before the Great Patriotic war in the context of increasing direct military threat and lack of a decision to mobilize.

The estimation of decision and actions by officials, showing their impact on the willingness of the USSR to repel aggression by Germany.

Ключевые слова: военная стратегия, Оперативный план, миссия Красной Армии, первая операция, разведка, скрытая мобилизация, общая мобилизация, Приказ №1.

Keywords: military strategy, Operative plan, mission Red Army, first operation, intelligence, covert mobilization, general mobilization, Order №1.

13 июня 1941г. вышло известное сообщение ТАСС, опубликованное в советской печати 14.06.1941.

В нем, в частности, говорилось: «В английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией»...

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»... [1].

Отражает реальное состояние дел только пункт №1, пункт №2 является для Германии дипломатическим зондажем, а для всех граждан СССР полной дезинформацией.

Оценка данного сообщения имеет диаметрально противоположный характер.

Непосредственные участники событий 1941 г. выносят этому сообщению однозначный приговор: оно в решающий момент дезинформировало граждан СССР и все категории военнослужащих Красной Армии в оценке текущей военно-политической ситуации.

Некоторые новейшие исторические писатели пытаются доказать, что это был хитроумный дипломатический зондаж позиции Германии. В связи с этим необходимо отметить, что дипломатические зондажи проводятся по дипломатическим каналам. ТАСС, сообщения которого читала вся советская страна, понимая, что это позиция Советского правительства, которое возглавлял И. Сталин, формально к дипломатии не имело никакого отношения. Поэтому сообщение ТАСС, не подкрепленное соответствующими разъяснениями по партийной и государственной линии, действительно исключительно отрицательно от-

разилось на проведении срочных мероприятий по повышению готовности КА и страны в целом к отражению агрессии.

В то же время с 14 по 19 июня командования приграничных округов получило указания сформировать и к 22-23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты.

Для того, чтобы скрыть от разведки противника состав и предназначение соединений, сосредотачиваемых на территории западных военных округов, многие из них располагались на значительном удалении от границы. Тем не менее в дислокации войск приграничных военных округов уже в мирное время были заложены основы для стратегического развертывания с началом боевых действий. По плану группировка войск создавалась с учетом выполнения задач оборонительного характера в начале войны и задач наступательных в ближайшей перспективе...

Одновременно с выдвижением войск из внутренних районов страны начиналась скрытая перегруппировка соединений внутри приграничных округов. Под видом изменения дислокации летних лагерей соединения подтягивались ближе к границе. Некоторые из них перебрасывались по железной дороге, причем без нарушения графика движения мирного времени. Большинство соединений перемещалось походным порядком в ночное время. 15 июня из всех дивизий, составлявших резерв западных военных округов, более половины были приведены в движение. Большая часть перемещаемых соединений выдвигалась в районы, удаленные от государственной границы на 20-80 км.

В это время соединения первого эшелона армий прикрытия, располагавшиеся от границы в 10-20 км, перемещению не подлежали. Народный комиссар обороны предупредил командующих военными округами, что выдвижение войск к границе может быть осуществлено только по особому приказу [2].

Принятые решения и их реальное выполнение в оценке самых известных и выдающихся участников этих событий были весьма различны.

Вот, например, что думал по этому поводу маршал А.М.Василевский: «Как известно, для осуществления плана нападения на Советский Союз германское командование выделило 152 дивизии, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных, что составляло 77% общей численности действующих немецких войск; страны-сателлиты Германии выставили против СССР 29 дивизий, а

всего на границах СССР были сосредоточены 181 дивизия и 18 бригад, 48 000 орудий и минометов, 2800 танков и штурмовых орудий и 4950 самолетов. Общая численность составляла 5 500 000 человек, из них 4 600 000 немцев.

Какой силы, спрашивается, нужны были на границе с нашей стороны войсковые эшелоны, которые в состоянии были бы отразить удары указанной выше силы и прикрыть сосредоточение и развертывание основных вооруженных сил страны в приграничных районах? По-видимому, эта задача могла быть посильной лишь только главным силам наших Вооруженных Сил, при обязательном условии своевременного их приведения в боевую готовность и с законченным развертыванием их вдоль наших границ до начала вероломного нападения на нас фашистской Германии».

С этим мнением 6 декабря 1965 г. был ознакомлен Г.К. Жуков, который на первом листе документа написал: «Объяснение А.М. Василевского не полностью соответствует действительности. Думаю, что Советский Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе, а немецкие войска имели в виду именно по своим планам в начале войны уничтожить их в районе границы.

Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе гос.границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 г. Г. Жуков. 6.XII.65 г.» [3].

В этом заочном споре двух великих маршалов Победы, как ни странно, каждый из них прав.

А.М. Василевский подчеркивает, что главные силы наших Вооруженных Сил должны быть своевременно приведены в боевую готовность и полностью развернуты вдоль госграницы до начала нападения Германии. В 1941 г. единственный сценарий такого развития событий мог быть связан только с Балканской кампанией вермахта. Вероломное нападение Германии на Югославию давало реальную возможность привести КА в боевую готовность путем проведения общей мобилизации и сосредоточения в соответствии с Планом войны. Все варианты этого Плана, в том числе, и мартовские (1941 г.) Соображения имели наступательный характер, о чем знал А.М. Василевский, т.к. лично их разработывал.

Заключение договора о военном союзе и взаимной помощи с Югославией позволяло оказать

эту помощь путем нанесения удара по союзникам Германии — Румынии и Венгрии, которые участвовали в агрессии против Югославии, с последующим отражением неизбежного вмешательства Германии, но только по нашему Плану войны (мартовские Соображения), а не по немецкому (план «Барбаросса»).

Однако отказ советского руководства от заключения военного союза с Югославией такую возможность реализовать не позволил. После этого условия, сформулированные А.М. Василевским в реальной ситуации мая-июня 1941 г., выполнены быть не могли. Нужен был новый План, основанный на идее стратегической обороны на первом этапе войны с Германией. Однако он не был принят вследствие действующей военной доктрины КА, носившей ярко выраженный наступательный характер (закреплено в ПУ-39).

Внесение Жуковым элементов стратегической обороны в майские Соображения было правильным, но не достаточным условием принятия оптимального решения на действия КА в начальный период войны.

Г.К. Жуков подчеркивает, что попытка развертывания всех сил КА на границе (развертывание в полном объеме было невозможно по объективным причинам) в группировке по «майским» Соображениям в конкретных условиях вероломного нападения Германии 22 июня могло привести к еще большей катастрофе в начальном периоде войны.

Общим знаменателем суждений двух великих Маршалов Победы является вывод: каждой стратегии политического руководства должна соответствовать и конкретная военная стратегия, на что указывал еще М.В. Фрунзе в работе «О военной доктрине Красной Армии».

Кардинальное расхождение, разрыв между глубоко выжидательной стратегией высшего политического руководства СССР («Все теперь будет как будет. Что успели, то успели, что не успели, уже не сделаешь... А там посмотрим»). Запись в дневнике Л.П. Берия от 20.06.1941) и наступательной военной стратегией, основанной на идее «подготовленного ответного удара» (заложена в План войны), являлся одной из главных причин столь неудачного для нас начала Великой Отечественной войны.

Следующий поворотный пункт связан с событиями, которые произошли 18 июня 1941 г.

«18 июня германское командование уведомило о предстоящем вторжении командный состав, до роты включительно» [4].

Эта важнейшая информация в силу многих причин оказалась известной не только указанному командному составу вермахта, но и отдельным рядовым. Причем далеко не все они желали сложить свою голову за реализацию нацистских идей на советской земле.

Появились первые перебежчики.

Командир 15-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО И.И. Федюнинский вспоминает:

«14 июня в газетах было опубликовано сообщение ТАСС...

Это выглядело очень убедительно, хотя и шло вразрез с тем, что мы наблюдали, находясь в приграничном районе. Но через несколько дней мы получили сведения, которые в корне противоречили сообщению ТАСС.

Вечером 18 июня мне позвонил начальник пограничного отряда.

— Товарищ полковник, — взволнованно доложил он, — только что на нашу сторону перешел немецкий солдат. Он сообщает очень важные данные...

— Ждите меня — ответил я и немедленно выехал к пограничникам.

Пройдя в кабинет начальника отряда, я попросил, чтобы привели немца. Тот вошел и, привычно вытянувшись, застыл у двери...

— Спросите у него, почему он перешел к нам? — обратился я к переводчику.

Немец ждал этого вопроса и ответил не задумываясь, с готовностью. В пьяном виде он ударил офицера. Ему грозил расстрел. Вот он и решил перебежать границу. Он всегда сочувствовал русским, а его отец был коммунистом. Это последнее обстоятельство немец особенно подчеркивал.

— Мне будет сохранена жизнь? — спросил он.

— Разумеется. Но почему вы сомневаетесь в этом?

— Скоро начнется война, и немецкая армия будет противником русской.

Фельдфебель повторил мне то, что уже сообщил начальнику погранотряда: в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы...

Сообщение было чрезвычайным, но меня обуревали сомнения. «Можно ли ему верить?» — думал я так же, как час назад думал начальник погранотряда. Очень уж невероятным казалось сообщение гитлеровского солдата, да и личность его не внушала особого доверия...

Заметив, что я отнесся к его сообщению с недоверием, немец поднялся и убежденно, с некоторой торжественностью заявил:

— Господин полковник, в пять часов утра двадцать второго июня вы меня можете расстрелять, если окажется, что я обманул вас.

Вернувшись в штаб корпуса, я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М.И. Потапову и сообщил о полученных сведениях.

— Не нужно верить провокациям! — загудел в трубке спокойный, уверенный басок генерала. — Мало ли что может наболтать немец со страху за свою шкуру». [5]

Анализ данного текста позволяет сделать следующие выводы:

— сообщение ТАСС от 14.06.1941, не подкрепленное соответствующими разъяснениями по линии политической и служебной информации в условиях нарастания непосредственной военной угрозы, сыграло не мобилизующую, а демобилизующую роль в решающие предвоенные дни;

— в психологическом плане переход немецкого фельдфебеля, как и всех прочих немецких военнослужащих, в оставшиеся дни до нападения вполне понятен.

Для многих из них восточная граница рейха воспринималась как глубокий тыл, а тут вдруг объявили, что через трое суток надо будет напасть на того, кому отдавали честь на границе, и кто кормил Германию. Война на два фронта совсем по разному представлялась А. Гитлеру, его ближайшему окружению и солдатам вермахта. Отсюда, естественно, пьянка, драка с офицером и неизбежный военный трибунал;

— для данного фельдфебеля желание сохранить жизнь — главный мотив его поступка. Исходя из этого, он покинул вермахт и перешел границу, но чтобы уцелеть в советском плену, ему нужно доказать, что он не провокатор. Поэтому он так категорически настаивает на своих показаниях о точной дате и часе нападения, ручаясь за это своей собственной жизнью, — это ключевой момент данной ситуации, что придает ей принципиально новое значение.

— командир корпуса И.И. Федюнинский медленно докладывает командарму М.И. Потапову. Оба они выдвиженцы и боевые соратники по Халхин-Голу Г.К. Жукова, начальника Генерального штаба КА, который совсем недавно командовал КОВО. Можно не сомневаться, что М.И. Потапов доложил о перебежчике по коман-

де, и эта информация стала известна начальнику Генштаба КА и наркому обороны в масштабе времени, близком к реальному.

Поток сообщений о нападении Германии в ближайшие дни нарастал и требовал активизации всех видов разведки со стороны советского руководства.

«Где-то в середине последней предвоенной недели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западной государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашин, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть ее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного единственного: близится война. Все, что я видел во время перелета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно было сформулировать в четырех словах — «со дня на день»...

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30-50 километров, снова садились. И снова я писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных.

В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал

И.В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, представленном мне Черных, перелетел в Минск.

Командующий ВВС округа генерал И.И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом. Слушая, генерал армии Д.Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово «преувеличивать» на «паниковать» — он явно не принял до конца всего того, что я говорил. Тогда Копец, опередив меня, заявил, что нет никаких оснований брать мой доклад под сомнение, и командующий округом, чтобы сгладить возникшую неловкую паузу, произнес несколько примирительных по тону фраз и поблагодарил за четко выполненное задание. С этим мы и ушли. Спокойствия в моей душе, однако, не было» [6].

Книга Г.Н. Захарова вышла в 1985 г., но даже через сорок лет после победы он не мог сказать всей правды о разведывательной операции, в которой принимал участие.

Необходимо отметить, что эта операция была тщательно спланирована, хорошо подготовлена и всесторонне обеспечена.

Протяженность маршрута «километров четыреста» означает, что самолет У-2, пилотируемый генералом Г.Н. Захаровым, пролетел практически вдоль всей государственной границы в пределах Западного Особого военного округа (протяженность 470 км) и после этого совершил посадку в районе г. Белостока.

Выбор командира авиационной дивизии, имеющего боевой опыт в качестве пилота У-2, и штурмана авиадивизии в качестве второго члена экипажа говорил сам за себя. Площадки для взлета и посадки самолета через каждые 30-50 км не могли быть случайными. Появление пограничника сразу после посадки самолета говорило о высокой степени взаимодействия между Наркоматом обороны и Наркоматом внутренних дел, а выполнение воинского приветствия по прибытию и при убытии с места выполнения задания в полевых условиях — о высокой дисциплине и выучке личного состава в ведомстве Л.П. Берии.

Есть все основания полагать, что сам Л.П. Берия лично руководил подготовкой и проведением этой операции со стороны НКВД, находясь в это время на территории Белоруссии.

Так, 10.06.1941 в дневнике Л.П. Берии записано: «Был крепкий разговор. Без дураков. Коба выслушал, Георгий меня поддержал. Пригласил от Всеволода Богдана. Тот все по своей линии подтвердил. Коба сказал, ну раз так, сам езжай и посмотри. Еду» [7].

Следующая запись в дневнике появляется только 20 июня, когда операция была завершена и результаты ее были доложены И.Сталину по линии НКВД лично Л.П. Берией (20.20 – 00.45).

Информация по линии Наркомата обороны прошла И. Сталину ранее, 18.06.1941 (Доклад С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова в кремлевском кабинете И. Сталина с 20.25 по 00.30).

Примечательно, что оба доклада о проведенной операции, как по линии Наркомата обороны, так и по линии НКВД, заняли по времени более четырех часов, что говорит об особом внимании И. Сталина к обсуждаемому вопросу.

Необходимо отметить, что 18 июня являлся критическим днем по многим причинам. Именно в этот день И. Сталин пытался направить В. Молотова в Берлин для срочных консультаций с А. Гитлером, но получил решительный отказ.

Запись в дневнике Л.П. Берии от 20.06.1941 после разговора со И. Сталиным говорит о том, что Председатель СНК признал войну с Германией неизбежной.

«Все, теперь будет, как будет. Что успели, то успели, что не успели, уже не сделаешь. В своих пограничниках я уверен. Так Кобе и сказал. Если начнется, боюсь, достанется нам крепко.

А там посмотрим. Коба сказал, вроде провалиться не должны. Еще сказал: «А если провалимся, деваться некуда. Все равно эту войну надо будет выиграть».

Куда ж мы денемся. Придется» [8].

Эти последние критические дни, начиная с 18 июня и до конца дня 21, новейшие исторические писатели толкуют по-разному.

Так, С. Кремлев убежден: «Как это стало ясно уже через два дня, руководство НКО СССР и Генштаба РККА, высшее командование РККА и, прежде всего, командующий Западным Особым военным округом генерал Павлов директивы Сталина от 18 июня 1941 года не выполнили» [9].

При этом г-н С. Кремлев не уточняет, о каких таких директивах, якобы подписанных И. Ста-

линым, идет речь. Видимо, просто не считает нужным. Такая позиция присуща не только ему одному.

Так, в другом «новейшем историческом писании» читаем:

«17 июня из Берлина поступило срочное сообщение от военно-морского атташе СССР капитана 1-го ранга Воронцова о том, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня в 3.30 утра. Вечером 17 июня в Кремле у Сталина был командующий ВВС Жигарев – с 00.45 до 1.50.

И днем 18 июня был произведен облет самолетом-разведчиком У-2 границы в Белоруссии, в полосе ЗапОВО (возможно, облеты проводились и в соседних округах).

18-го же июня поздно вечером по итогам облета и авиаразведки, подтвердившей, что немецкие войска изготовились для нападения на СССР, в западные округа пошла телеграмма Генштаба о приведении в «повышенную боевую готовность» всех оставшихся частей этих округов и об отводе приграничных частей от границы! Также согласно этой последней телеграмме из ГШ командование западных округов обязано было вернуть в расположения все находящиеся вне своих расположений части, и в том числе вывести из Бреста расквартированные там дивизии на рубежи обороны вокруг города. Срок выполнения этого приказа телеграмма устанавливала вполне четкий – к 24.00 21 июня. Также 18 июня отдельными приказами ГШ, подписанными Ватутиным, округам ставилась задача ускорить движение войск и закончить его к 22-23 июня. О чем оперативные отделы докладывали ежедневно, вплоть до вечера 21 июня» [10].

Перед нами образчик смеси правды, полуправды и откровенной некомпетентной лжи от человека, который, пытаясь рассуждать о военных вопросах, судя по приведенной цитате, военным никогда не являлся.

«Телеграмма Генштаба» о приведении всех войск приграничных округов в повышенную боевую готовность путем «отвода приграничных частей от границы» является полным бредом. Для этого необходимо вспомнить, что практически все укрепленные районы на «линии Молотова» создавались вплотную к государственной границе, и «отвод приграничных частей от границы» означал оставление противнику этой самой «линии Молотова», что могло придти в голову только Козинкину в 2011 г.

Логический оборот «вернуть в расположения все находящиеся вне своих расположений части,

и в том числе вывести из Бреста расквартированные там дивизии» достоин внесения в энциклопедию глупости.

Относительно фразы «отдельными приказами ГШ, подписанными Ватутиным» необходимо отметить, что Генеральный штаб не издает приказов, тем более их не может издавать Н.Ф. Ватутин, являющийся первым заместителем начальника ГШ.

Начальник Генерального штаба, как и любой начальник штаба, может издавать только распоряжения и указания в объеме своей компетенции (управление, связь, боевое обеспечение, предварительные боевые распоряжения), а отдавать приказы имеет право только командир, командующий, нарком обороны. Вторая подпись под приказом принадлежит начальнику штаба, т.к. он отвечает за доведение приказа до исполнителей и организует контроль его исполнения.

Это Козинкину неведомо было никогда. Поэтому, подавая набор солянки, который представляют написанные им «исторические произведения», он не в состоянии сформулировать выводы из той мешанины, что выдумал сам.

Объективные исторические факты в последние предвоенные дни показывают очень сложную военно-политическую ситуацию.

Получив отказ немецкой стороны о встрече с В. Молотовым, информацию авиационной разведки о завершении сосредоточения германских войск в полосе ЗапОВО и нарастающий поток сообщений от немецких перебежчиков о конкретной дате и времени нападения Германии на СССР, И. Сталин оказался в ситуации, когда нужно было принимать решение на отражение агрессии.

Это был исторический рубеж.

Здесь необходимо опять обратиться к положениям советской военной доктрины, изложенной в таком основополагающем документе, как Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии, которое было введено в действие приказом народного комиссара обороны СССР маршала С.К. Тимошенко №0130 от 20.06.1940 (далее – Наставление по мобилизационной работе).

В пункте 2 этого приказа указано, что «Наставление по мобилизационной работе считать одним из основных боевых уставов Красной Армии».

Первые два пункта Наставления являются основополагающими.

«1. Война против СССР, находящегося в капиталистическом окружении, «может вспыхнуть

неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются» (Сталин).

Поэтому в основу подготовки Красной Армии к защите социалистического государства положены указания т. Сталина о том, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...» (Сталин).

2. Войсковая мобилизация является важнейшей, решающей частью общей мобилизации всей страны...».

Казалось бы, что сама логика действий в этот критический момент политика такого уровня, как И. Сталин, может быть только следующей: высшее должностное лицо СССР, Председатель СНК (он же красноармеец №1) открывает второй по значимости (после ПУ-39) официальный документ советской военной доктрины и уясняет для себя всего два первых пункта, которые сформулировал в свое время сам и которые имеют решающее значение в данный момент.

Совокупность фактов говорила о том, что начиная с 18 июня, нападение Германии могло начаться в любой момент.

В конкретной ситуации июня 1941 г. было всего два основных варианта развития событий:

- первый – развитие отношений с Германией пойдет по классическому сценарию развития межгосударственного конфликта (выдвижение претензий со стороны Германии к СССР, предложение вступить в переговоры, выдвижение ультиматума, разрыв дипломатических отношений, начало военных действий);

- второй – внезапное нападение на СССР, минуя все промежуточные стадии (фазы).

Первый вариант предоставлял некоторое время для подготовки Вооруженных Сил к отражению агрессии, второй это время не оставлял, поэтому являлся наиболее опасным.

После проведения анализа всей имеющейся информации о подготовке нападения Германии на СССР И. Сталину остается принять трудное, но единственно верное в конкретных обстоятельствах решение – объявить мобилизацию, т. е. «одиум» войны, ввести в действие планы прикрытия государственной границы, перевести железные дороги на график движения военного времени и ускорить сосредоточение войск в соответствии с Оперативным планом войны.

Однако последующие действия высшего политического руководства СССР подтвердили хорошо известную истину: от правильного рассуждения должностного лица до правильного его решения может быть дистанция огромного масштаба.

Правильная оценка политического руководства Германии («От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать»), ссылка на весьма актуальное предостережение В.И. Ленина («Нам не следует забывать слова великого Ленина, что мы всегда от всякого нападения на волосок») и свои собственные слова, записанные в первом пункте Наставления по мобилизации, однако не привели И. Сталина к принятию своевременного и правильного решения.

Понимая свою громадную ответственность, он колебался и всеми силами старался его оттянуть, пытаясь направить развитие событий по первому варианту, в то же время будучи не готовым ко второму.

Военные руководители Наркомата обороны СССР действовали более конкретно и решительно.

Получив информацию от первых перебежчиков и результаты воздушной разведки на границе ЗапОВО (об отказе визита В. Молотова в Берлин руководству Красной Армии известно не было), начальник ГШ КА Г.К. Жуков направляет в западные приграничные военные округа ряд указаний, имеющих принципиальное значение.

Начальником Генерального штаба Красной Армии генералом армии Г.К. Жуковым 19.06.1941 отдается распоряжение о формировании управления Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов на базе управлений соответствующих военных округов.

Так, в шифровке № 7690, 7691 от 19.06.1941 командующему войсками ЗапОВО Д.Г. Павлову было доведено:

«НАРКОМ ОБОРОНЫ ПРИКАЗАЛ:

1. Выделить управление фронта и к 23 июня с/г перевести его на КП ОБУЗ-ЛЕСНА, тщательно организовав управление войсками. В Минске оставить подчиненное Вам управление округа во главе с Курдюмовым.

Выделение и переброску управления фронта сохранить в полной тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа.

2. Управление 13 армии к 25 июня с/г перевести в НОВОГРУДОК. Исполнение телеграфируйте.

Жуков».

(«1941 год. Страна в огне». Книга 2. Документы и материалы. М., ОЛМА Медиа Групп. 2011. С.77).

В телеграмме начальника ГШ КА Г.К. Жукова от 19 июня командующему войсками КОВО указывалось: «Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа» («1941 год – уроки и выводы». С.86).

Поэтому в соответствии с распоряжениями начальника Генерального штаба Красной Армии к 21.06.1941 были сформированы (т.е. было закончено формирование) управления фронтов: Северо-Западного (на базе управления ПриОВО), Западного (на базе управления ЗапОВО), Юго-Западного (на базе управления КОВО), 24.06.1941 сформировано управление Северо-Западного фронта на базе управления Ленинградского ВО [11].

Именно после выполнения этих указаний начальника ГШ КА Г.К. Жукова разведывательные сводки управлений созданных фронтов начинают нумероваться по военному времени: например, разведсводка № 01 от 20.06.1941 управления Северо-Западного фронта; разведсводка № 03 от 20.06.1941 управления Юго-Западного фронта и т.д.

В соответствии с теми же указаниями начальника ГШ КА командование западных приграничных военных округов должно было к 22-23 июня вывести сформированные фронтовые (армейские) управления на полевые командные пункты.

Принципиальным моментом оценки военно-политической обстановки и выводам из нее наркомом обороны и начальником ГШ КА является указание по переводу системы связи западных приграничных военных округов на работу в условиях военного времени.

Решение сформировать на базе управлений западных военных округов управления фронтов и вывести их на полевые командные пункты означало в то же время перевод системы связи КА с режима мирного времени на режим военного времени.

Только профессиональные военные понимают, что это значит.

Так, начальник отдела войск связи штаба ПриОВО (Северо-Западного фронта) П.М. Курочкин вспоминает.

«В отношении радиосвязи планом военного округа предусматривалось организация радиосетей фронта, армий и всех соединений, частей и соединений округа, в которых должна осуществляться связь с началом войны. Для каждой радиосети были намечены рабочие и запасные частоты (волны), а для каждой радиостанции – позывные и парольные сигналы, позволяющие определять принадлежность радиостанции. Кстати, нужно заметить, что планирование радиосвязи меня беспокоило тем, что документы плана хранились только в штабе округа и с началом войны их нужно было рассылать в войска. А это значило, что с началом войны следовало для каждой радиостанции, а их в округе было несколько тысяч, сообщить позывные и частоту. По опыту повседневной работы я знал, что для этого нужно было дней семь – десять, следовательно, требовалась, по крайней мере, неделя, чтобы перестроить радиосвязь для действия по варианту военного времени. Заблаговременно провести это мероприятие не разрешалось по соображениям секретности» [12].

Находясь на рекогносцировке, во второй половине 19 июня 1941 г. П.М. Курочкин получил от начальника штаба ПриОВО генерала Кленова указание срочно прибыть в район Паневежиса и быть готовым к развертыванию управления Северо-Западного фронта на полевом командном пункте. Далее он пишет:

«Перед началом войны нам не удалось установить прямую телеграфную связь со штабом Ленинградского округа.

Трудности вызывала организация радиосвязи в тот короткий срок, который диктовался обстановкой. Дело в том, что отдел войск связи округа несколько часов назад выслал все документы, относящиеся к радиосвязи, только в штабы армий и штабы соединений окружного подчинения. Но все эти документы, соответствующим образом переработанные, должны были пройти через корпусные, дивизионные, полковые и батальонные командные инстанции и дойти до экипажа каждой радиостанции. Эта сложная работа требовала продолжительного времени.

Надо было искать выход из создавшегося положения. Если поступить по строго установленным правилам, то мы могли бы иметь нормальную радиосвязь, по меньшей мере, через неделю. Обсудив с моим заместителем военным инженером 1-го ранга Н.П. Захаровым создавшееся положение, мы пришли к выводу, что радиосвязь

во всех войсках округа нужно поддерживать по той организации, которая существовала в мирное время, на тех же частотах, с теми же позывными, которые назначались для повседневной работы в радиосетях. Новые же радиоданные (частоты, позывные, парольные сигналы), предназначенные для радиосвязи в военное время, ввести только на радиостанциях, обеспечивающих связь с Генеральным штабом и штабами соседних военных округов.

Для всех же войск округа новые радиоданные ввести только после того, как будет уверенность в том, что они получены всюду и доведены до экипажа каждой радиостанции. Так и поступили» [13].

Т.е. 19 июня 1941 года, за двое суток до вероломного нападения Германии, на основании распоряжения начальника ГШ КА система связи ПриОВО начала приводиться на работу в режиме военного времени, что означало практически одновременное вскрытие тысяч совершенно секретных пакетов с радиоданными военного времени (для всех приграничных военных округов – десятков тысяч) и приведение в рабочее состояние аккумуляторных батарей для войсковых радиостанций, которые в мирное время находились в сухозаряженном состоянии.

Неправильное решение данного вопроса означало ошибку двойного рода.

1. В случае опоздания войска Красной Армии оказывались в начальный период войны без радиосвязи.

2. В случае же ошибочной оценки обстановки и последующего урегулирования конфликтной ситуации с Германией дипломатическими методами тот, кто отдал указанное выше распоряжение, должен был ответить за компрометацию совершенно секретных радиоданных во всех приграничных военных округах и вредительский вывод аккумуляторных батарей для войсковых радиостанций из строя, что, несомненно, являлось подрывом боевой готовности КА.

Таким образом, цена правильного решения на организацию связи в последние предвоенные дни была очень высока.

Получив такие совершенно конкретные указания, командующие и командиры западных приграничных военных округов выполняли их по-разному, что, в значительной степени, и определило их дальнейшую судьбу.

Таким образом, требовать чего-то большего от наркома обороны и начальника Генерального

штаба КА в условиях, когда политическое решение по мобилизации не состоялось, невозможно.

Запоздалые решения по проведению скрытой мобилизации, слишком растянутое по времени сосредоточение и развертывание войск КА дополнялись управленческой чехардой в высших военных инстанциях, что отражало понимание и оценку военно-политической обстановки в высшем политическом руководстве СССР.

21 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об организации фронтов и назначении командного состава»:

I.

1. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием Военного совета в Виннице.

2. Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО.

3. Членом Военного совета Южфронта назначить т. Запорожца.

II.

Ввиду откомандирования т. Запорожца членом Военного совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III.

1. Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

2. Членом Военного совета армий второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.

3. Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному организовать штаб, с местопребыванием в Брянске.

IV.

Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южными фронтами, с выездом на место.

V.

Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом, с выездом на место.

VI.

Назначить членом Военного совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) т. Кузнецова [14].

Половинчатость, непродуманность и поверхностный характер принятых решений уже тогда были очевидны.

Остается загадкой, каким образом т. Туленев может одновременно исполнять обязанности командующего Южным фронтом и Московским военным округом, т. Мехлис – руководить Главным управлением политической пропаганды Красной Армии и оставаться наркомом госконтроля. Т. Мерецкову поручается «общее руководство Северным фронтом, с выездом на место». Это при том, что должность командующего Северным фронтом исполняет генерал М. Попов, который по своим качествам военачальника стоит гораздо выше т. Мерецкова и в дублировании не нуждается.

Наконец, самое главное, генерал армии Г.К. Жуков как начальник Генерального штаба Красной Армии отвечает за общее руководство не только Юго-Западным и Южным фронтами, но и всеми другими фронтами и военными округами. Поэтому, когда к исходу следующего дня, не разобравшись в обстановке, И. Сталин посылает Г.К. Жукова на Юго-Западный фронт, «оказывать помощь Военному совету и командующему», это было заранее подготовленное решение Политбюро, которое в значительной степени дезорганизовало управление Красной Армией в первые дни войны.

Появление Директивы №3 как чисто рефлексивная попытка И. Сталина и его окружения при-

менить положения Полевого устава КА (ПУ-39) без учета Наставления по мобилизационной работе и желание перехватить инициативу у противника без учета реальной обстановки в этих условиях выглядит вполне логично, точно так же, как и полученный несколько позже результат в виде разгрома практически всех механизированных корпусов КА на советско-германском фронте.

К 21.06.1941 обстановка на западных границах СССР накалялась с каждым часом.

Нарушения советского воздушного пространства приняли массовый характер и носили все признаки проведения противником систематической войсковой разведки непосредственно перед нанесением первого удара.

А. Мартиросян в своей работе приводит 14 эпизодов перехода в этот период на нашу сторону немецких военнослужащих, жителей оккупированных немцами территорий, захвата на нашей границе вражеской агентуры, в каждом из которых фигуранты утверждали одно и то же: нападение Германии на СССР состоится на рассвете 22 июня 1941 года [15]. По мнению А. Мартиросяна, это убедительно говорит о том, что никакой внезапности при нападении Германии на СССР не было. Эту позицию полностью разделяет О. Козинкин, как и подобные им «новейшие» военно-исторические писатели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Известия», 14.06. 1941 г.
2. «Начальный период войны» Воениздат. МО СССР. М., 1974. С.210-211.
3. Горьков Ю.А. «Кремль. Ставка. Генштаб». Тверь. 1995.
4. Мельтюхов М «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939-1941 гг.» М., Вече, 2008.
5. Федюнинский И.И. «Поднятые по тревоге» – М.: Воениздат, 1961.
6. Захаров Г.Н. «Я – истребитель» – М.; Воениздат, 1985.
7. Берия Лаврентий.. Личный дневник. 1937-1941. «Сталин слезам не верит». М.; «Яуза-Пресс». 2011.
8. Берия Лаврентий. Личный дневник. 1937-1941. «Сталин слезам не верит». М.; «Яуза-Пресс». 2011.
9. Берия Лаврентий. Личный дневник. 1937-1941. «Сталин слезам не верит». М.; «Яуза-Пресс». 2011.
10. Козинкин О. «Кто проспал начало войны?» М.; АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011.
11. Калашников К.А.; Феськов В.И.; Чмыхало А.Ю.; Голиков В.И. «Красная Армия в июне 1941 года (статистический сборник)». Новосибирск, «Сибирский хронограф», 2003.
12. Курочкин П.М. «Связь Северо-Западного фронта». В сборнике «На Северо-Западном фронте. 1941-1943». «Наука», М., 1969.
13. Курочкин П.М. «Связь Северо-Западного фронта». В сборнике «На Северо-Западном фронте. 1941-1943». «Наука», М., 1969.
14. «1941 ГОД» Кн.2.М.: Международный фонд «Демократия», 1998. «Россия. XX век. Документы». Под ред. А.Н.Яковлева. С.413-414.
15. Мартиросян А.Б. «22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна». М., Вече. 2012.

**СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК» № 2 (55)-2016**

- Рогозин Дмитрий Олегович**, вице-премьер Российской Федерации.
- Гареев Махмут Ахметович**, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, президент Академии военных наук, генерал армии.
- Герасимов Валерий Васильевич**, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал армии.
- Буренок Василий Михайлович**, доктор технических наук, профессор, президент РАРАН.
- Шеремет Игорь Анатольевич**, вице-президент Академии военных наук, генерал-майор.
- Кобяков Андрей Борисович**, кандидат экономических наук, доцент МГУ им. Ломоносова.
- Смыслов Михаил Вячеславович**, начальник Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-майор.
- Бурдинский Евгений Владимирович**, первый заместитель начальника Главного организационно - мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-лейтенант.
- Ягольников Сергей Васильевич**, руководитель отделения воздушно-космической обороны Академии военных наук, генерал-майор, начальник ЦНИИ ВВКО Минобороны России.
- Галкин Александр Викторович**, командующий войсками Южного военного округа, генерал-полковник.
- Хмельнов Игорь Николаевич**, руководитель морского отделения Академии военных наук, адмирал.
- Куликов Анатолий Сергеевич**, Председатель клуба военачальников, доктор экономических наук, генерал армии.
- Бузин Николай Евгеньевич**, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь, генерал-майор.
- Дейнекин Петр Степанович**, доктор военных наук, профессор, главнокомандующий Военно-воздушными силами – заместитель министра Обороны СССР (1991 г.), главнокомандующий ВВС России (1992–1998), заслуженный военный лётчик СССР (1984), Герой России (1997).
- Андреев Александр Федорович**, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.
- Бартош Александр Александрович**, директор Информационного Центра по вопросам международной безопасности при Московском государственном лингвистическом университете, эксперт Лиги военных дипломатов, член-корреспондент Академии военных наук.
- Новиков Владимир Кузьмич**, кандидат военных наук, доцент, профессор Военной академии РВСН имени Петра Великого, полковник в отставке.
- Голубчиков Сергей Викторович**, кандидат технических наук, научный сотрудник Военной академии РВСН имени Петра Великого, подполковник запаса.
- Васильев Владимир Алексеевич**, кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент, профессор Академии военных наук, почетный радист СССР, сотрудник Военной академии РВСН имени Петра Великого.
- Козин Владимир Петрович**, старший научный сотрудник, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, профессор Академии военных наук, главный советник Российского института стратегических исследований.
- Лазарев Михаил Васильевич**, доктор политических наук, полковник в отставке.
- Першуткин Сергей Николаевич**, доктор социальных наук, директор автономной некоммерческой организации «Московский институт социологических исследований».
- Устинкин Сергей Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления ФМОЭУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.
- Савруцкая Елизавета Петровна**, доктор философских наук, действительный член Академии военных наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова».

- Никитин Александр Всеволодович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова».
- Куконков Павел Иванович**, кандидат социал. наук, старший научный сотрудник Приволжского филиала ИС РАН.
- Лубяной Максим Сергеевич**, кандидат философских наук, директор Приволжского филиала ИС РАН.
- Устинкин Сергей Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления ФМОЭУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.
- Вишневская Валентина Петровна**, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск.
- Орехов Дмитрий Владимирович**, начальник научно-исследовательского Центра проблем интеллектуальной деятельности ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России.
- Павлова Яна Николаевна**, научный сотрудник научно-исследовательского Центра проблем интеллектуальной деятельности ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России.
- Швец Николай Николаевич**, доктор экономических наук, действительный член Академии военных наук, руководитель научного отделения проблем инфраструктурного развития АВН, заместитель Председателя Правления ПАО «ФСК ЕЭС», заведующий кафедрой «Экономика и управление в электроэнергетике» МИЭП МГИМО (У) МИД России.
- Корчак Владимир Юрьевич**, доктор экономических наук, действительный член АВН и РАН, председатель секции по оборонным проблемам Министерства обороны (при президиуме Российской академии наук), полковник, г. Москва.
- Реулов Роман Владимирович**, кандидат технических наук, доцент, советник РАН, заместитель начальника отдела ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России, подполковник, г. Москва.
- Стукалин Сергей Владимирович**, кандидат технических наук, начальник лаборатории ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России, майор, г. Москва.
- Григорьева Светлана Алексеевна**, младший научный сотрудник ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России, г. Москва.
- Уразбахтин Федор Асхатович**, доктор технических наук, профессор, действительный член АВН, заведующий кафедрой «Ракетостроение» Воткинского филиала ФГБОУ «ИжГТУ им. М.Т.Калашникова».
- Каравеева Оксана Петровна**, студентка 5-го курса специальности «Проектирование, производство и эксплуатация ракет и ракетно-космических комплексов» Воткинского филиала ФГБОУ «ИжГТУ им. М.Т.Калашникова».
- Фомин Михаил Владимирович**, доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор Академии военных наук, главный научный сотрудник в ЦНИИ ВВС, полковник в запасе.
- Брюсов Павел Георгиевич**, профессор кафедры хирургии неотложных состояний и онкологии филиала Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова (Москва), доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственных премий СССР и РФ, генерал-майор медицинской службы в отставке.
- Максимов Игорь Борисович**, заведующий кафедрой хирургии неотложных состояний и онкологии филиала Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова (Москва), доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный врач РФ, генерал-майор медицинской службы в запасе, действительный член Академии военных наук.
- Власов Александр Юрьевич**, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ, первый заместитель начальника Главного военно-медицинского управления МО РФ, генерал-майор медицинской службы, г. Москва.
- Горбатов Михаил Юрьевич**, полковник.